Файл взят с сайта - http://www.natahaus.ru/

где есть ещё множество интересных и редких книг,
программ и прочих вещей.
Данный файл представлен исключительно в
ознакомительных целях.
Уважаемый читатель!
Если вы скопируете его,
Вы должны незамедлительно удалить его
 сразу после ознакомления с содержанием.
Копируя и сохраняя его Вы принимаете на себя всю
ответственность, согласно действующему
международному законодательству .
Все авторские права на данный файл
сохраняются за правообладателем.
Любое коммерческое и иное использование
кроме предварительного ознакомления запрещено.
Публикация данного документа не преследует за
собой никакой коммерческой выгоды. Но такие документы
способствуют быстрейшему профессиональному и
духовному росту читателей и являются рекламой
бумажных изданий таких документов.

Все авторские права сохраняются за правообладателем.
Если Вы являетесь автором данного документа и хотите
дополнить его или изменить, уточнить реквизиты автора
или опубликовать другие документы, пожалуйста,
свяжитесь с нами по e-mail - мы будем рады услышать ваши
пожелания.

Extraordinary Popular Delusions the Madness of Crowds

By Charles MacKay, LL.D.

With reproductions of original
illustrations from the editions of 1841

LONDON
OFFICE OF THE NATIONAL ILLUSTRATED LIBRARY,
227 STRAND.
1852.

Чарльз Маккей

НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ **ЗАБЛУЖДЕНИЯ И БЕЗУМСТВА ТОЛПЫ**

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

МОСКВА
Издательский Дом «АЛЬПИНА»
1998

УДК 316.6
ББК 88.5
М15

Перевод с английского
Д.Г. Кириченко

Перевод с французского
Т.М. Ильина

Редакторы перевода
А.А. Лиманский, А.М. Ильин

Маккей Ч.
М15 Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы:
Пер. с англ. - М.: Издательский Дом «АЛЬПИНА»,
1998.-333 с.
ISBN 5-89684-003-9 (рус.)

Книга Чарльза Маккея является подборкой наиболее выдающихся заблуждений и безумств человечества: от финансовых пирамид до религиозных психозов. Она стала классическим трудом о массовых маниях, поведении толпы и человеческой глупости.

«Заблуждения» и «безумства», изложенные в книге, относятся к хроническим «болезням» человечества. Финансовые пирамиды, коррумпированность власти, фальсификации и самообман мнимых врачевателей и пророков - все это было, есть и будет.

Эта книга переиздавалась десятки раз во многих странах мира и стала настольной для нескольких поколений финансистов, бизнесменов, политиков и всех тех, кто стремится понять массовую психологию.

ISBN 5-89684-003-9 (рус.)

УДК *316.6*
ББК 88.5

© Перевод на русский язык, оформление.
«Издательский Дом «АЛЬПИНА»

Содержание

ЧАСТЬ 1

ИСТОРИЯ ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД И ДЕНЕЖНЫХ МАНИЙ

МИССИСИПСКИЙ ПЛАН

Джон По: рождение и юношеские годы - Дуэль между Ло и Уилсоном - Побег Ло из тюрьмы при Суде королевской скамьи - Земельный банк - Пристрастие Ло к азартным играм на континенте и знакомство с герцогом Орлеанским - Состояние Франции после правления Людовика XIV - Бумажные деньги, введенные Ло в этой стране - Энтузиазм французского народа в отношении Миссисипского плана— Маршал Виллар — Использование уловок и дача взяток для встречи с Ло — Значительные колебания курса Миссисипских акций -Ужасные убийства - Ло назначается генеральным ревизором финансов - Грандиозная распродажа всевозможных украшений в Париже — Первые финансовые трудности — «Отправка» бродяг на разработку золотых месторождений на Миссисипи - Приостановка банковских платежей - Ло увольняют из министерства - Платежи в металлических деньгах - Ло и регента высмеивают в песне - Ужасный кризис Миссисипского плана-Почти разорившийся Ло бежит в Венецию - Смерть регента - Ло вынужден вновь прибегнуть к азартным играм - Его смерть в Венеции.

20-69

«МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ» ЮЖНЫХ МОРЕЙ

Основание компании Харли графом Оксфордским - Лихорадочное возбуждение на Иксчейндж-эли - Г-н Уолпол — Сэр Джон Блант - Огромный спрос на акции — Бес-

численные «мыльные пузыри» — Список бесчестных проектов и дутых предприятий - Взлет курса ценных бумаг Компании Южных морей - Внезапное падение — Общее собрание директоров компании - Кульминация аферы - Ее воздействие на общество - Беспорядки в Палате общин - Побег Найта - Арест сэра Джона Бланта - Поимка Найта в Тирльмонте - Его второй побег — Допрос лиц, причастных к афере - Их соответствующее наказание - Заключительные замечания.

70-119

ТЮЛЬПАНОМАНИЯ

Конрад Геснер - Тюльпаны, завезенные из Вены в Англию - Повальное увлечение голландцев тюльпанами - Их высокая стоимость—Курьезная история о моряке и тюльпане — Постоянно действующие тюльпанные рынки — Тюльпаны как средство спекуляции - Их стремительное обесценивание — Конец мании.

120-131

ЧАСТЬ 2

АЛХИМИКИ И ПРЕДСКАЗАТЕЛИ

АЛХИМИКИ

Вводные замечания- Претензии на древность искусства — Гебер — Аль-Фараби — Авиценна — Альберт Великий — Фома Аквинский - Артефий - Ален де Лиль - Арнальдо де Вилланова - Пьетро д'Апоне - Раймунд Луллий - Роджер Бэкон - Папа Иоанн XXII - Жан де Мен - Николай Фламель - Джордж Рипли - Василий Валентин - Бернард Трирский - Тритемий - Маршал де Ре - Жак Кёр - Менее известные адепты - Развитие алхимической концепции в шестнадцатом и семнадцатом веках - Аугурелло - Корнелий Агриппа- Парацельс - Георг Агрикола - Денис Захарий - Доктор Ди и Эдвард Келли - Космополит - Сендивогий - Розенкрейцеры - Михаэль Майер - Роберт Фладд-Якоб Бёмен - Джон Хейдон - Мормий - Джузеппе

Франческо Борри — Писатели-алхимики семнадцатого века - Делиль - Альбер Алюи - Граф де Сен-Жермен - Калиостро - Современное состояние алхимии.

132-301

ПРЕДСКАЗАНИЯ «КОНЦА СВЕТА»
И ГЛОБАЛЬНЫХ КАТАСТРОФ

Страх перед скорым Судным днем - Кометы как предвестия этого дня - Пророчество Уистона - Паника жителей Лидса, ждавших второго пришествия — Чума в Милане - Астрологи и прочие предсказатели будущего - Пророчество о разливе Темзы - Матушка Шиптон - Мерлин - Хейвуд - Питер Понтефрактский - Роберт Никсон - Составители астрологических календарей.

302-333

Предисловие

Я делал курсовую работу по письмам, пересылаемым по цепочке (самого разного рода) в Гарвардской школе бизнеса. Мой консультант с факультета, правая рука декана, посоветовал мне поискать книгу под названием *«Наиболее распространенные заблуждения и безумства краутов»*,* изданную, по его словам, в 1841 г. Меня заинтриговало название, и было сюрпризом, что немцев называли краутами даже в 1841 г. и что кто-то назвал их так на обложке книги. Впоследствии я узнал, что эта книга вертелась на языке у *всякого* заслуживающего внимания преподавателя бизнеса и что речь в ней шла на самом деле о безумствах *толпы* **. Тогда я открыл эту книгу для себя. Может быть, она и для вас.

Если это так, то в ней вы прочтете об алхимиках и крестоносцах, о ведьмах и домах с привидениями, о спекуляциях ценными бумагами и предсказателях, и о том, что лично меня удивило больше всего, - о тюльпанах. В Голландии сороковых годов семнадцатого столетия тюльпаны стали объектом столь безумной и необъяснимой популярности, что одна-единственная луковица тюльпана - примерно того же размера и формы, что и луковица лука - могла принести небольшое состояние одной из нескольких появившихся для торговли ими бирж (популярности, не так уж непохожей на распространенную в наши дни страсть к почтовым маркам, являющимся по сути малюсенькими перфорированными квадратиками печатной бумаги с наклейкой на обороте.) Нельзя пройти мимо рассказа Маккея о незадачливом голландском моряке - любителе лука, который просто съел по ошибке бесценную луковицу, принадлежавшую богатому купцу.

* Краут - пренебрежительное прозвище немцев в англоязычных странах, соответствующее русским словам «немчура», «фриц», «ганс» и т.п. *Прим.перев.*
** В английском языке слова «крауты» *(«krauts»)* и «толпы» *(«crowds»)* произносятся почти одинаково. *Прим. перев.*

Как и всякое однажды прочитанное подлинно классическое произведение, эту книгу трудно представить пребывающей в безвестности, поэтому я просто обязан рекомендовать ее всем остальным, как это сделал финансист Бернард Барух, в своем блистательном предисловии, датированном октябрем 1932 г., утверждавший, что прочтение этой книги сэкономило ему миллионы.

«Вы когда-нибудь видели, - цитировал Барух одного не названного им современника, - в лесу в безветренный солнечный день стайку летающей мошкары - тысячи, казалось бы, неподвижно парящих в лучах солнечного света насекомых? ... Да? ... Хорошо, а видели ли вы когда-либо всю картину их полета целиком, включая тех мошек, которые явно держатся на расстоянии от остальных? Их внезапное движение, скажем, натри фута в ту или в другую сторону? Что заставило их это сделать? Ветерок? Я же сказал, день безветренный. А попробуйте вспомнить, видели ли вы когда-нибудь, как они тотчас же опять движутся в унисон? Хорошо, а что на этот раз заставило их сделать это? Движения широких людских масс более медленны, но гораздо более эффектны».

Сейчас, когда я это пишу, весь Нью-Йорк и весь штат Калифорния, а, может, вслед за ними и вся страна, вдруг встали на роликовые коньки. Я, только что сам купивший две пары, определенно не назвал бы это ни формой сумасшествия, ни, тем более, «движением широких людских масс». Но посмотрите: раз - и все на роликовых коньках.

Барух цитирует Шиллера: «Каждый взятый в отдельности человек вполне разумен и рассудителен, став же членом толпы, он сразу превращается в болвана». Мир знал толпы линчевателей и крестовые походы, наплывы в банки с требованиями о возвращении вкладов и пожары, которые, если люди хотя бы не паниковали, обошлись бы без человеческих жертв. Не так давно возникла «страсть к толчее», когда большие группы молодежи учились танцевать в унисон, подражая леммингам. (Должен признаться, я никогда не видел лемминга, но подозреваю, что, когда это произойдет, он будет не один.) И, конечно, мы помним групповое самоубийство в Джонстауне.

Возможно, не случайно в тот месяц, когда Барух писал свое предисловие, произошел абсолютный крах финансового рын-

ка, начало которому было положено тремя годами ранее, в 1929 г. Безудержная спекуляция привела к росту в октябре 1929 г. промышленного индекса Доу-Джонса* до отметки в 381 пункт, что вызвало всплеск алчности. Три года спустя индекс упал не до 300, не до 250, не до 200, не до 150 и даже не до 75, а до отметки в 41 пункт. Бессмысленная жадность показала свою оборотную сторону. Она вылилась в беспричинный страх.

«Я всегда считал, - отзывался Барух об этой плачевной ситуации, - что, если бы ... даже в самом разгаре головокружительного падения курса (ценных бумаг) мы неустанно повторяли, что «дважды два все еще равняется четырем», многих зол удалось бы избежать. Точно так же и сегодня, даже в момент наивысшего уныния, когда пишется это предисловие, когда многие начинают интересоваться, есть ли предел падению, подходящим заклинанием может быть следующее: «Дважды два всегда четыре».

В конце 1960-х гг. курс ценных бумаг вновь начал стремительно расти. Началась маниакальная биржевая игра. Появилось новое волшебное слово - синергия, суть которого, как снова и снова разъясняли разные президенты корпораций и учредители акционерных обществ, заключалась в том, что дважды два в результате изощренного менеджмента может равняться пяти. Это было сродни алхимии (см. главу «Алхимики») и позволило за два года увеличить стоимость одной известной мне акции с 6 до 140 долларов. Об этом говорили на всех углах. Через некоторое время эти акции продавались по 1 доллару за штуку.

К концу 1974 г. курсы акций в целом упали, рухнули, или, иначе говоря, эродировали до депрессивных величин. Толпа, образно говоря, непросто покинула вечеринку, а забросала хозяина камнями. Имей же вы смелость в декабре 1974 г. «раскрутить» толпу, о чем в известном смысле и повествует вся эта книга, прибыль в 500-1000 процентов годовых в последующие три-четыре года была бы в вашем портфеле рядовой.

*** Промышленный индекс Доу-Джонса (Dow Jones Industrial Average) — среднее значение курсов акций 30 крупнейших промышленных корпораций США, на базе которого в настоящее время в совокупности с И. Д.-Д. для железнодорожных компаний (20 крупнейших фирм) и И. Д.-Д. для коммунальных компаний (15 крупнейших фирм) определяется общий И. Д.-Д., являющийся оценкой текущей экономической ситуации в США.** ***Прим. перев.***

Вам не нужно быть биржевым маклером, чтобы извлечь из этой книги пользу на будущее. В самой первой главе вы прочтете историю о печатании денег и биржевой игре во Франции начала восемнадцатого века, которая приведет в смятение любого транжиру и любителя легкой наживы. (Вы также узнаете о горбуне, который извлекал выгоду из своего горба, сдавая его в аренду в качестве письменного стола, - столь безумных масштабов достигла спекуляция.) Маккей описывает французов как «разоряющих самих себя с неистовым рвением». А далее, во второй главе, он рассказывает о психозе, охватившем обычно здравомыслящую Англию, где, по его словам, «каждый дурак стремился стать мошенником». Даже если вы прочтете только первые сто страниц этой книги - о денежных маниях, это многократно оправдает потраченное вами время.

Но вернемся к письмам, пересылаемым по цепочке. Вероятно, из-за того, что во времена Маккея не было копировальных машин или хотя бы копировальной бумаги, они получили широкое распространение только в этом веке. Их нет на страницах его книги. Но как бы они пришлись здесь ко двору!

В 1935 г. в Денвере, почти через сто лет после написания Маккеем «Массовых психозов», кто-то составил письмо из разряда «пришлите десять центов», которое нужно было пересылать по цепочке; участвующих в этой процедуре письмо обещало сделать богатыми. (Кстати, вскоре после этого, не боясь ничего, кроме самих себя, люди по всей стране запаниковали и толпами ринулись в банки, приведя многие из них к краху). Только вот откуда должны были взяться эти большие деньги, в письме не объяснялось (и не объясняется в подобных письмах никогда). Тем не менее только в одном Денвере объем почтовой корреспонденции возрос примерно до 160 000 писем в день. Эта мания охватила всю страну (и перекинулась через Атлантику); цена за участие в ней в разных местах была различной, изменяясь от десяти центов до пяти долларов и выше. Информационное агентство «Ассошиэйтед Пресс» сообщало, что город Спрингфилд в штате Миссури превратился в «безумный денежный водоворот». Чтобы привести его в движение, «женщины из высшего общества, официантки, студенты колледжей, таксисты и сотни других людей запрудили улицы

в деловой части города. Женщины грубо расталкивали друг друга, устремляясь за легким счастьем в многочисленные «цепочечные» центры (учрежденные официально), находившиеся везде, где было свободное пространство». Дабы избежать почтовой волокиты и сэкономить время, люди передавали письма из рук в руки. Ближе к вечеру следующего дня «Ассошиэйтед Пресс» сообщало: «Вокруг ходили растерянные мужчины и женщины с унылыми лицами... в тщетных поисках того, кто купил бы их переданные по цепочке письма». Никто из этих людей до настоящего времени так и не продал своих писем, покупателей на них не нашлось.

Письма, пересылаемые по цепочке, время от времени появляются вновь. Как раз в прошлом году одно из них получило известность на всю страну - только на сей раз цена глупости равнялась 100 долларам. В письме утверждалось, что если вы продадите свое письмо двум людям, которые продадут его четырем, а те в свою очередь продадут его восьми, и так далее, то через двенадцать дней вы непременно получите более 100 000 долларов. Если все примут участие в этой процедуре, богатым станет каждый. Откуда должны были взяться все эти большие деньги? И даже вопреки всякой логике (не говоря уже об отдельных законах), эта затея, названная «Цикл золотого меморандума», как лихорадка прошлась по журналистским и богемным кругам Лос-Анджелеса, Нью-Йорка, Торонто и других городов. В результате все ее участники лишились своих денег. Это должно было случиться, так всегда и будет. И причиной тому будет если не одно, так другое безумие.

Мир уже знал одного голого короля. Его наготу очень долго никто не замечал. Прочитав эту удивительную книгу, вы узнаете, что с тех пор голых королей было много. И их, несомненно, будет намного больше.

Нью-Йорк, ноябрь 1979 г.
Эндрю Тобиас

Предисловие к изданию 1852 года

Изучая историю различных народов, мы приходим к выводу, что, как и у отдельных людей, у них есть свои прихоти и странности, периоды возбуждения и безрассудства, когда они не заботятся о последствиях своих поступков. Мы обнаруживаем, что целые социальные группы внезапно останавливают свои взоры на какой-то одной цели, преследуя которую, сходят с ума; что миллионы людей одновременно попадаются на удочку одной и той же иллюзии и гонятся за ней, пока их внимание не привлечет какая-нибудь новая глупость, более заманчивая, чем первая. Мы видим, как одну нацию, от высшего до низшего сословия, внезапно охватывает неистовое желание военной славы, а другая, столь же внезапно, сходит с ума на религиозной почве, и ни та, ни другая не могут прийти в себя, пока не прольются реки крови и не будут посеяны семена из стонов и слез, плоды которых придется пожинать их потомкам. Население Европы эпохи раннего средневековья потеряло голову из-за «гробаГосподня» и безумными толпами устремилось в «святую землю», последующие поколения довели себя до помешательства на почве страха перед дьяволом и принесли сотни тысяч людей в жертву ведьмомании. В другой раз многие лишились рассудка на почве «философского камня»* и в погоне за ним совершали доселе неслыханные глупости.

Было время, когда во многих европейских странах считалось простительным убийство врага с помощью медленно действующего яда. Те, кто питал отвращение к физическому устранению неугодных, без угрызений совести подмешивали им в суп отраву. Некоторые женщины знатного происхождения, кото-

* «Философский камень» - вещество, которое, по представлениям алхимиков, могло обращать неблагородные металлы в золото и серебро, а также, было важнейшим составляющим эликсира бессмертия. *Прим. перев.*

рые поддались соблазну отравления, стали довольно знаменитыми. Некоторые мании, несмотря на их дурную славу во всем мире, существовали веками, обильно процветая как среди цивилизованных и развитых народов, так и древних варваров, от которых они произошли (такие мании, как, например, дуэли и вера в предзнаменования и предсказание будущего, которые, казалось, игнорировали накопленный человечеством опыт, призванный полностью искоренить их в умах людей). И опять же, зачастую причиной массовых психозов были деньги. Рассудительные нации однажды становились отчаянными игроками и рисковали чуть ли не своим существованием ради прибыли от клочка бумаги. Цель этой книги - проследить историю наиболее известных из этих психозов. Люди, как некто удачно выразился, мыслят стадом; вы узнаете, что стадом же они сходят с ума, а в сознание приходят медленно и поодиночке.

Некоторые из описанных случаев могут быть хорошо знакомы читателю, но автор надеется, что существенная новизна деталей будет отмечена последним даже в этих эпизодах. К тому же данными деталями нельзя полностью пренебречь по отношению к предмету повествования, с которым они связаны. Истории безумия «Южных морей» и «Миссисипской мании» изложены в этой книге полнее и подробнее, чем где бы то ни было. То же самое можно сказать об истории охоты на ведьм, в главе о которой приводятся данные о том, сколь ужасающие масштабы она приняла в Германии. Этот эпизод сравнительно мало затронут сэром Вальтером Скоттом в его «Записках о демонологии и колдовстве» - наиболее серьезной из всех когда-либо изданных книг на эту страшную, но в высшей степени интересную тему.

Массовые психозы начались столь давно, распространились столь широко и длились столь долго, что для того, чтобы рассказать о них, потребовалось бы написать не две или три книги, а все пятьдесят, а то и больше. Данную книгу можно считать скорее сборником рассказов о маниях, нежели историческим трудом- одной единственной главой огромной и ужасной книги о человеческой глупости, которую еще предстоит написать и которую Порсон, как он однажды пошутил, написал бы в пятистах томах! Читатель узнает и более невинные истории, занятные примеры скорее подражательства и упорства в заблуждениях, нежели глупости и обмана.

Предисловие к российскому изданию

«История - не поваренная книга с проверенными рецептами. Она учит через аналогии, а не через аксиомы. Она может объяснить последствия предпринятых шагов в сходных ситуациях, однако каждое поколение должно само открыть для себя, какие ситуации являются на самом деле сходными», -писал Генри Киссинджер. «Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы» также не является «поваренной книгой», которая бы объяснила, как действовать в той или иной ситуации, но она стала уникальным источником для размышлений о движущих силах общества. Книга Чарльза Маккея является подборкой историй о наиболее выдающихся заблуждениях и безумствах человечества: от финансовых пирамид до религиозных психозов. Может показаться удивительным, но со времени написания книги в 1841 году болезни общества по сути остались прежними, и поэтому книга стала настольной для многих поколений финансистов, бизнесменов и политиков.

Издание русского перевода книги именно сейчас является неслучайным. В ней Вы найдете поразительные аналогии с реалиями сегодняшнего дня. Особенно удивительным кажется сходство финансовых кризисов, изложенных в первой части книги, с финансовым кризисом в России. Истории, вошедшие во вторую часть книги, не менее интересны и актуальны. Они развенчивают заблуждения и иллюзии, многие из которых владеют умами до сих пор.

Книга, которую Вы держите в руках, включает в себя только первую половину произведения Маккея. Остальные главы, посвященные другим выдающимся глупостям человечества, Вы сможете найти во втором томе, который выйдет в ближайшее время. В нем Вы сможете прочитать об «охоте на ведьм», крестовых походах, влиянии политики на моду и многое другое.

Москва, 1998 г.

ЧАСТЬ 1
ИСТОРИЯ
ФИНАНСОВЫХ
ПИРАМИД
И
ДЕНЕЖНЫХ МАНИЙ

Миссисипский план

Some in clandestine companies combine;
Erect new stocks to trade beyond the line;
With air and empty names beguile the town,
And raise new credits first, then cry'em down;
Divide the empty nothing into shares,
*And set the crowd together by the ears. – Defoe.**

Жил на свете один человек, личность и карьера которого столь тесно связаны с великим планом 1719 и 1720 годов, что история «Миссисипского безумия» не заслуживает более подходящего предисловия, чем беглое жизнеописание нашего героя - Джона Л о. Одни историки считают его плутом, другие -безумцем. Обоими эпитетами его щедро награждали при жизни и тогда, когда дурные последствия его проектов все еще давали о себе знать. Тем не менее последующие поколения нашли повод усомниться в справедливости этих обвинений и признать, что Джон Ло не был ни плутом, ни безумцем, а скорее заблуждающимся и

* Некоторые люди объединяются в нелегальные предприятия, создают новые компании, чтобы торговать воздухом, обманывают людей пустыми обещаниями и вывесками, за которыми ничего нет, создавая кредитные схемы, которые впоследствии рушатся, выпускают ничем не обеспеченные акции и завлекают толпу манной небесной. - Дефо. *Прим. перев.*

больше жертвой грешников, чем одним из них. Он в совершенстве знал философию и законы кредитования. Он разбирался в денежных вопросах лучше, чем кто-либо из его современников, и если его система и потерпела столь ужасающий крах, то виной тому был не столько он сам, сколько люди, среди которых он ее возвел. Он не рассчитывал на алчное безумие целой нации; он не понимал, что доверие, как и недоверие, могут быть чуть ли не *бесконечными* и что надежда - вещь столь же безрассудная, сколь и опасная. Мог ли он предвидеть, что французы, как в известной сказке, с неистовым рвением убьют его прекрасную гусыню, несущую золотые яйца?

Его судьба сродни той, что постигла первого безрассудного лодочника, собравшегося переплыть из озера Эри в озеро Онтарио. Широкой и спокойной была река, по которой он поплыл; успех его был скорым и приятным, и что могло встать у него на пути? Но, увы, водопад был близок! Когда уже было слишком поздно, он понял, что влекшее его стремительное течение оказалось гибельным; а когда он попытался повернуть назад, то понял, что слишком слаб, чтобы плыть против течения, и что скоро он рухнет в водопад. Упав вниз на острые камни, он и его лодка разбились на куски, а воды, взбаламученные и вспененные бурным водопадом, какое-то время бурлили и пузырились, а затем вновь потекли плавно, как и прежде. Именно это и произошло с Ло и французами. Он был лодочником, а они - водами.

Джон Ло родился в Эдинбурге в 1671 году. Его отец был младшим сыном в семье с древними корнями из Файфа и занимался ювелирным и банковском делом. Он нажил своим ремеслом солидный капитал, достаточный для выполнения весьма распространенного среди его соотечественников желания добавить к своему имени земельный титул. С этой целью он купил поместья в Лористоне и Рэндлстоне, у залива Ферт-оф-Форт, на границе Уэст-Лотиана и Мидлотиана, и с этого времени стал известен как Ло из Лористона. Герой нашего повествования, старший сын в семье, в четырнадцать лет был зачислен в бухгалтерию своего отца и три года усердно постигал основы банковского дела, которым впоследствии и занялся в Шотландии. Он всегда проявлял большую любовь к арифметике, а его мате-

матические способности признавали выдающимися для столь юного возраста. В семнадцать лет это был высокий, сильный и хорошо сложенный юноша, с приятным и умным лицом, несмотря на глубокие оспины. В этом возрасте он начал манкировать своими обязанностями, стал тщеславным и позволял себе экстравагантность в одежде. Он пользовался большим успехом у женщин, которые называли его Щеголь Ло, в то время, как мужчины, презирая его за фатовство, дали ему прозвище Жасминный Джон. После смерти отца, в 1688 году, Ло больше не садился за опостылевший ему письменный стол и, обладая солидным доходом от отцовского поместья в Лористоне, отправился в Лондон повидать мир.

Он был очень молод, приятной наружности, тщеславен, довольно богат и абсолютно неуправляем. И неудивительно, что по прибытии в столицу он начал сорить деньгами. Вскоре Ло стал завсегдатаем игорных домов и, следуя определенной схеме, основанной на некоей загадочной калькуляции шансов на выигрыш, ухитрился выиграть значительные суммы. Его удачливости завидовали все игроки, а многие из них пользовались ею, наблюдая за его игрой и делая те же ставки, что и он. Ему одинаково везло и в делах сердечных: самые красивые женщины любезно улыбались симпатичному шотландцу- молодому, богатому, остроумному и обходительному. Но все эти успехи подготавливали почву только для худшего. За девять лет беспутной жизни он превратился в законченного игрока. Когда его любовь к игре дошла до неистовства, благоразумие покинуло его. Чтобы выплатить огромные долги, приходилось делать еще более высокие ставки, и в один прискорбный день, когда он проиграл больше, чем мог заплатить, пришлось заложить семейное поместье. В то же самое время его любвеобильность вышла ему боком. Была ли это любовная связь или просто легкий флирт с леди Вильерс*, но это вызвало негодование некоего господина Уилсона, который вызвал нашего героя на дуэль. Ло принял вызов и имел несчастье застрелить своего противника с первого выстрела. В тот же день он был арестован и привлечен к суду по обвинению в убийстве, выдвинуто-

* Мисс Элизабет Вильерс, впоследствии графиня Оркнейская. *Прим. автора.*

му родственниками господина Уилсона. Позже он был признан виновным и приговорен к смертной казни. Приговор был заменен штрафом на том основании, что убийство было непредумышленным. Один из братьев покойного подал апелляцию, и Ло поместили под стражу в Суд королевской скамьи *, откуда он каким-то образом (о чем он никогда не распространялся) сумел бежать. Против нерадивых тюремщиков возбудили дело, а о беглеце дали объявление в правительственном бюллетене и назначили вознаграждение за его поимку. Он описывался как «земельный магнат Джон Ло, шотландец, двадцати шести лет, очень высокий (ростом более шести футов), смуглый, худощавый мужчина, хорошо сложен, на лице крупные оспины, длинноносый, речь громкая, с шотландским акцентом». Поскольку это было скорее карикатурой, нежели описанием его внешности, предполагали, что так было написано, чтобы упростить ему побег. Он благополучно добрался до континента, по которому путешествовал три года, уделяя пристальное внимание денежным и банковским операциям стран, через которые проезжал, несколько месяцев прожил в Амстердаме, мало-помалу спекулируя государственными ценными бумагами. Утренние часы он посвящал изучению финансового дела и принципов торговли, вечерние - игорному дому. Принято считать, что он вернулся в Эдинбург в 1700 году. Точно известно, что в этом городе он опубликовал свои *«Предложения и аргументы в пользу учреждения Совета Торговли».* Эта брошюра не привлекла сколько-нибудь значительного внимания.

Некоторое время спустя он издал проект учреждения так называемого Земельного банка**. В нем предлагалось выпускать в обращение банкноты, номинальная стоимость которых никогда не превышала бы стоимости всех государственных земельных владений или равнялась бы стоимости земли при праве вступления во владение в определенное время. Этот проект вызвал оживленные дискуссии в шотландском парламенте, и

* Суд королевской скамьи (Court of the King's Bench) - одно из старейших судебных учреждений в Великобритании. *Прим. перев.*

** Остряки того времени называли его *песчаным банком,* который приведет государство к краху. *Прим. автора.*

одна из нейтральных партий под названием «Эскадрон», сторонником которой являлся Ло, выдвинула предложение учредить такой банк. Парламент в конце концов вынес резолюцию, согласно которой учреждение любых вексельных кредитов для стимулирования деловой активности являлось неприемлемой тактикой для страны.

После провала данного законопроекта и неудачных попыток добиться помилования в деле об убийстве господина Уилсона, Ло перебрался на континент и вернулся к привычному занятию - игре. За четырнадцать лет он побывал во Фландрии, Голландии, Германии, Венгрии, Италии и Франции. Получив детальное представление о торговле и ресурсах каждой из этих стран, Ло с каждым днем все больше утверждался во мнении, что ни одной стране не добиться процветания без бумажных денег. Все это время он успешно играл. Его знали во всех крупных игорных домах европейских столиц и считали одним из наиболее поднаторевших в хитросплетениях шансов на выигрыш людей своего времени. В книге *«Biographie Universelle»* указывается, что он был изгнан в судебном порядке сначала из Венеции, затем из Генуи, где считался слишком опасным для молодежи этих городов визитером. Во время пребывания в Париже он впал в немилость у д'Аржансона, генерал-лейтенанта полиции, приказавшего ему покинуть столицу. Однако это случилось уже после того, как он завел салонное знакомство с герцогом де Вандом, принцем де Конти и герцогом Орлеанским. Последнему впоследствии было суждено в значительной мере повлиять на его судьбу. Герцогу Орлеанскому пришлись по душе живость и ум шотландского искателя приключений, который в свою очередь остался не менее доволен смекалкой и добродушием принца, пообещавшего стать его покровителем. Они часто проводили время в обществе друг друга, и Ло при любой возможности исподволь внушал свои финансовые доктрины герцогу, чья приближенность к престолу сулила ему в не столь отдаленном будущем важный пост в правительстве.

Незадолго до смерти Людовика XIV (как утверждали некоторые, в 1713 г.) Ло предложил финансовый план Демаре, королевскому ревизору, который в свою очередь показал его королю. Говорят, что Людовик спросил, является ли автор про-

екта католиком, и, получив отрицательный ответ, отказался иметь с ним дело*.

После этого отказа Ло приехал в Италию. По-прежнему вынашивая финансовые планы, он предложил Виктору Амадею, герцогу Савойскому, учредить земельный банк в этой стране. Герцог ответил, что его владения слишком ограничены для реализации столь грандиозного проекта и что власть его слишком слаба и уязвима. Тем не менее он посоветовал Ло еще раз попытать счастья во Франции, так как был уверен, что если он хоть немного разбирается во французах, то им этот план, не столь новый, сколь внушающий доверие, придется по душе.

В 1715 г. Людовик XIV умер, престол унаследовал семилетний ребенок, и герцог Орлеанский по праву регента взял бразды правления в свои руки до достижения наследником совершеннолетия. О лучшем Ло не мог и мечтать. Это было самое удачное время для удовлетворения его амбиций, которое, словно поток воды, должно было вынести его к богатству. Регент был его другом, уже знавшим его теорию и притязания и, более того, склонным помочь ему в любых начинаниях, способных восстановить престиж Франции, сведенный на нет долгим и сумасбродным правлением Людовика XIV.

Едва похоронили короля, как ненависть к нему народа, сдерживаемая годами, выплеснулась наружу. Людовика, чьи достоинства при жизни приукрашивали до степени, вряд ли имеющей прецедент в мировой истории, теперь проклинали как тирана, деспота и грабителя. Его статуи забрасывали грязью и уродовали, портреты срывались со стен под проклятия простолюдинов, а его имя стало синонимом эгоизма и угнетения. Славные деяния короля были забыты, и все помнили только его провалы, сумасбродство и жестокость.

Финансы страны находились в состоянии предельного хаоса. Расточительный и продажный монарх, пороки которого передались почти всем чиновникам разных рангов, поставил

* Этот эпизод, изложенный в одном из писем мадам де Бавье, герцогини Орлеанской и матери регента, опровергает лорд Джон Рассел в его *«Истории ведущих государств Европы после Утрехтского мирного договора»,* но бездоказательно. Не подлежит сомнению, что Ло предложил свой план Демаре и что Людовик отказался даже слышать об этом. Причина отказа вполне согласуется с характером этого нетерпимого и деспотичного монарха. *Прим. автора.*

Францию на грань катастрофы. Национальный долг составлял 3 миллиарда ливров, годовой доход- 145 миллионов, а затраты на содержание правительства -142 миллиона в год. Оставалось всего три миллиона на выплату процентов по национальному долгу. Первой заботой регента стал поиск средств борьбы с этим злом, был срочно созван совет для обсуждения данной проблемы. Герцог де Сен-Симон считал, что спасти страну от революции могут только решительные и вместе с тем рискованные меры. Он посоветовал регенту созвать Генеральные штаты * и объявить страну банкротом. Герцог де Ноайе, приспособленец по натуре и придворный до мозга костей, питающий отвращение к любым лишениям и дискомфорту, для преодоления которых потребовалась бы определенная изобретательность, выступил против проекта Сен-Симона, использовав все свое влияние. Он охарактеризовал проект как бесчестный и разорительный. Регент придерживался того же мнения, и этот отчаянный план был похоронен.

В конце концов меры были приняты, хотя они, очевидно, лишь углубили кризис. Первая и самая бесчестная мера не принесла выгоды государству. Было приказано чеканить новую монету, обесценившую национальную валюту на одну пятую. Те, кто принес тысячи золотых и серебряных монет на монетный двор, получили взамен некоторое количество монет той же номинальной стоимости, но в них было только четыре пятых золота или серебра от их массы. В результате казну пополнили на семьдесят два миллиона ливров, а все коммерческие операции в стране пришли в хаос. Незначительное снижение налогов заглушило ропот недовольных, и за эту малую уступку большое зло было забыто.

Затем была учреждена палата правосудия, призванная расследовать случаи казнокрадства среди налоговых агентов и генеральных откупщиков **. Сборщики налогов никогда не были

* Генеральные штаты - здесь: высшее сословно-представительское учреждение во Франции в 1302-1789 гг., состоявшее из депутатов от духовенства, дворянства и третьего сословия. *Прим. перев.*

** Во Франции того периода действовала т.н. «откупная система», которая заключалась в том, что государство передавало право сбора местных налогов частным лицам (как правило, банкирам или крупным местным торговцам). Люди, уполномоченные собирать налоги, назывались *генеральными откупщиками и налоговыми агентами. Прим. ред.*

особенно популярны ни в одной стране, но во Франции того периода они заслужили всю ту ненависть, что на них выплескивали. Когда.их и сонмы подчиненных им агентов, так называемых *maltotiers* *, призвали к ответу за преступления, страну охватила безудержная радость.

Палата правосудия, созданная главным образом для борьбы с казнокрадством, была наделена самыми широкими полномочиями. Она состояла из членов парламента, судей налогового и апелляционного судов, а также чиновников счетной палаты. Общее руководство осуществлял министр финансов. Доносчикам обещали одну пятую часть штрафов и конфискуемого имущества, тем самым побуждая их давать свидетельские показания против преступников. Десятая часть всего укрываемого имущества, принадлежащего виновным, была обещана тем, кто укажет его местонахождение.

Обнародование указа, узаконившего эти меры, вызвало оцепенение среди тех, кто подпадал под его юрисдикцию и мог понести наказание лишь по подозрению в растрате. Но им никто не сочувствовал. Судебные процессы против них оправдывали их страх. Вскоре Бастилия уже была не в состоянии вместить всех заключенных, и тюрьмы по всей стране были битком набиты осужденными и подозреваемыми. Был издан указ, гласивший, что всем хозяевам постоялых дворов и почтмейстерам запрещается давать лошадей пытающимся спастись бегством; всем без исключения под угрозой крупных штрафов запрещалось укрывать их или помогать им бежать. Одних пригвоздили к позорному столбу, других сослали на каторгу, а наименее виновных оштрафовали и посадили в тюрьму. Только один человек, Самуэль Бернар, богатый банкир и генеральный откупщик одной удаленной от столицы провинции, был приговорен к смерти. Нелегальные доходы этого человека, которого считали тираном и угнетателем своего округа, были столь огромны, что за организацию своего побега он предложил шесть миллионов ливров (250 000 фунтов стерлингов).

Его взятку не приняли, и он был казнен. Другим же, вероятно, даже более виновным, повезло больше. Конфискация укры-

* От слова *mattote,* незаконно взимаемый налог. *Прим. автора.*

ваемых преступниками богатств часто приносила меньше денег, чем обычный штраф. Жесткость правительства пошла на убыль, штрафы взимались со всех осужденных без разбора, но все административные департаменты были настолько коррумпированными, что страна извлекла лишь малую выгоду из сумм, таким образом пополнивших казну. Значительная доля этих денег попала в руки придворных, их жен и любовниц. На одного налогового агента нал ожили пропорционально его состоянию и степени вины штраф в двенадцать миллионов ливров. Некий граф, не последний человек в правительстве, навестил его и пообещал освобождение от уплаты в обмен на сто тысяч ливров. «Вы опоздали, друг мой, - ответил финансист, - мы с вашей женой уже сошлись на пятидесяти тысячах»*.

Таким путем было изъято около ста восьми десяти миллионов ливров, из них восемьдесят миллионов пошли на уплату долгов правительства, а остальные попали в карманы придворных. Маркиза де Ментенон описывает это следующим образом: «Мы ежедневно узнаем о новых тратах любящего роскошь регента. Люди очень недовольны тем, что деньгам, изъятым у казнокрадов, найдено такое применение». Народ, который после того, как улеглась первоначальная волна возмущения, в целом сочувствовал пострадавшим и негодовал по поводу того, что столь суровые меры привели к столь незначительным результатам. Люди находили несправедливым, что за счет поборов с одних мошенников жиреют другие. Несколько месяцев спустя, когда все наиболее виновные понесли наказание, палата правосудия стала выискивать жертвы среди представителей более скромных сословий. Как результат щедрых посулов доносчикам против торговцев с незапятнанной репутацией выдвигались обвинения в мошенничестве и назначении грабительских цен. Их заставляли отчитываться об их деятельности перед трибуналом, дабы доказать свою невиновность. Отовсюду раздавались голоса недоволь-

* Этот эпизод описал месье де ла Од в труде *«Жизнь Филиппа Орлеанского».* Он заслуживал бы большего доверия, если бы автор назвал имена бесчестного налогового агента и еще более бесчестного министра. Но книге месье де ла Од присущ тот же недостаток, что и большинству французских мемуаров того и последующих периодов. В большинстве из них автору достаточно, чтобы какой-либо эпизод был *красочным, достоверность* же для него вторична. *Прим. автора.*

ных, и в конце года правительство сочло за лучшее прекратить
дальнейшие судебные разбирательства. Палату правосудия упразднили и объявили всеобщую амнистию тем, против кого еще не выдвинули обвинений в суде.

Посреди этой финансовой неразберихи на сцене появился Ло. Никто лучше регента не осознавал всей плачевности положения, в котором оказалась страна, ной никто более него не страшился мужественно и энергично взяться за дело. Он не любил работать, подписывал официальные документы без надлежащего их изучения и доверял другим то, что должен был делать сам. Заботы, неотделимые от его высокого статуса, тяготили его. Регент видел, что необходимо что-то предпринять, но ему недоставало энергии и добродетели, чтобы пожертвовать ради дела праздностью и удовольствиями. И неудивительно, что он, имея такой характер, благосклонно внимал грандиозным и, казалось бы, легко выполнимым планам смышленого авантюриста, которого он давно знал и чьи таланты ценил.

Когда Ло появился при дворе, его встретили самым радушным образом. Он представил на рассмотрение регента две петиции с описанием бед, обрушившихся на Францию из-за нехватки денег, неоднократно обесценивавшихся. Он утверждал, что монеты без поддержки бумажных денег никоим образом не удовлетворяют потребностей активной в коммерческом отношении страны, ссылаясь при этом на Великобританию и Голландию, где бумажные деньги доказали свою состоятельность. Он привел массу обоснованных доводов в пользу кредита и в качестве средства его возрождения во Франции предложил переживавшей упадок стране разрешить ему учредить банк, который регулировал бы поступления в королевскую казну и выпускал бы банкноты, обеспеченные как казной, так и земельными угодьями. По замыслу Ло банк должен был управляться от имени короля, но при этом контролироваться комиссией, назначаемой Генеральными штатами.

Пока эти петиции рассматривались, Ло перевел на французский язык свое сочинение о деньгах и торговле и использовал любые средства, чтобы прославиться на всю страну как финансист. Вскоре о нем заговорили. Наперсники регента вое-

хвалили его повсюду, и все ожидали великих свершений от месье Лас (Lass).*

5 мая 1716 г. был издан королевский указ. В нем Ло вместе с братом разрешалось учредить банк под вывеской «Ло и Компания», банкноты которого должны были приниматься при уплате налогов. Уставной капитал устанавливался в размере шести миллионов ливров и был разделен на двенадцать тысяч акций по пятьсот ливров каждая, одна четверть которых могла быть куплена за металлические деньги, а остальные - за так называемые *billets d'etat* **. Было решено не предоставлять ему все те привилегии, о которых он просил в петициях, до тех пор, пока предприятие не докажет свою безопасность и выгоду на практике.

Ло находился на прямом пути к богатству. Его тридцатилетняя карьера увенчалась тем, что он стал руководителем собственного банка. Его банкноты при предъявлении подлежали оплате той монетой, которая имела хождение на момент их запуска в обращение. Последнее было умным политическим ходом и сразу же сделало его банкноты более ценными, чем монеты из драгоценных металлов. Последние постоянно обесценивались из-за неразумных действий правительства. Тысяча серебряных ливров могла в один день иметь одну номинальную стоимость, а на следующий день обесцениться на одну шестую, но банкноты банка Ло сохраняли при этом свою первоначальную стоимость. В то же время он публично объявил, что банкир, печатающий недостаточно обеспеченные банкноты, заслуживает смерти. В результате его банкноты моментально выросли в цене и стали приниматься на один процент дороже металлических денег. Это случилось незадолго до начала в стране торгового бума. Хиреющая коммерция начала поднимать голову, налоги платили более регулярно и с меньшим ропотом,

* Французы произносили его фамилию на свой манер, дабы избежать чуждого галлам звука «aw» (долгий звук «о» в английском языке). После провала его плана шутники говорили, что страна была lasse de lui, и предлагали впредь называть его месье Helas! *Прим. автора.*
Helas (фр.) - увы!, ах!, к сожалению! *Прим. перев.*
** Государственные билеты (фр.) - французские государственные облигации. *Прим. перев.*

и установилась та степень доверия к власть предержащим, которая при условии неизменности выбранного курса неизбежно сделала бы коммерческие операции более прибыльными. В течение года стоимость банкнот Л о выросла на пятнадцать процентов, в то время как *billet? d'etat ,* облигации, запущенные в обращение правительством как средство платежа по долгам расточительного Людовика XIV, обесценились до семидесяти восьми с половиной процентов от номинала. Сравнение было настолько в пользу Ло, что его репутация росла день за днем. Филиалы банка были почти одновременно учреждены в Лионе, Ла-Рошели, Туре, Амьене и Орлеане.

Регент, видимо, был чрезвычайно удивлен успехом Ло и постепенно пришел к мысли, что бумажные деньги, способные до такой степени поддержать металлические, могут полностью их заменить. Эту фундаментальную ошибку он впоследствии и совершил. Между тем Ло затеял свой знаменитый проект, оставивший о нем память спустя многие поколения. Он предложил регенту (который не отказывал ему ни в чем) основать компанию, которая имела бы исключительную привилегию на торговлю в провинции Луизиана, расположенной на западном берегу великой реки Миссисипи. Считалось, что эти земли богаты залежами руд драгоценных металлов, а компания, поддерживаемая исключительными льготами в торговле, должна была стать единственным сборщиком налогов и чеканщиком монеты. Регистрационный патент был выдан компании в августе 1717 г. Капитал поделили на двести тысяч акций по пятьсот ливров каждая, и все они могли быть оплачены в *billet* d'etat* по номинальной стоимости, несмотря на то, что на фондовом рынке они стоили не более ста шестидесяти ливров за штуку.

Нацию охватила безумная спекуляция. Дела у банка Ло шли настолько хорошо, что любым посулам на будущее верили безоговорочно. Регент ежедневно давал удачливому прожектеру новые привилегии. Его банк получил монополию на продажу табака, исключительное право на аффинаж золота и серебра и в конце концов был преобразован в Королевский банк Франции. Среди этого опьянения от успехов и Ло, и регент забыли тот самый принцип, который ранее столь громко провозглашался первым из них: банкир, печатающий банкноты, не обес-

печенные необходимыми фондами, достоин смерти. Как только банк из частного учреждения превратился в государственное, регент довел выпуск банкнот до объема в один миллиард ливров. Это было первым случаем отхода от основополагающих принципов, в котором несправедливо обвиняют До. Когда он управлял делами банка, выпуск банкнот никогда не превышал шестидесяти миллионов ливров. Неизвестно, выступал ли Ло против этого чрезмерного прироста, но в силу того, что последний имел место после преобразования банка в королевское учреждение, справедливее возложить вину за измену принципам на регента.

Ло понимал, что живет при деспотичном правительстве, но все еще не осознавал всей пагубности влияния, которое правительство может оказать на такой тонкий процесс, как кредитование. Позднее он узнал это на собственном опыте, но тогда страдал от того, что регент втягивает его в дела, которые его собственный рассудок не одобрял. Со слабостью, достойной наивысшего порицания, он способствовал наводнению страны бумажными деньгами, которые, не имея под собой прочного основания, рано или поздно ждало обесценивание. Исключительное везение тогда ослепило его настолько, что он вовремя не почувствовал опасность. В первую очередь, влияние иностранца раздражало членов парламента, которые помимо этого серьезно сомневались в безопасности его проектов. По мере того, как росло его влияние, усиливалась их враждебность. Канцлер * д'Агессо был бесцеремонно уволен регентом за свое противодействие чрезмерному приросту бумажных денег и постоянному обесцениванию золотых и серебряных монет королевства. Это лишь усилило враждебность членов парламента, а когда на вакантное место канцлера был назначен д'Аржансон, человек, преданный интересам регента, получивший, кроме того, пост министра финансов, это привело их в ярость. Первая же принятая новым министром мера вызвала дальнейшее обесценивание монеты. Для погашения *billetx d'etat* было объявлено, что те, кто принесет на монетный двор четыре тысячи серебряных ливров в монетах и одну тысячу ливров

* Канцлер — во Франции того времени государственный канцлер выполнял функции министра юстиции и хранителя печати. *Прим. перев.*

в *billets d'etat,* получат обратно монеты с меньшим содержанием серебра на общую сумму в пять тысяч ливров. Д'Аржансон был страшно доволен собой, превратив четыре тысячи старых ливров большего достоинства в пять тысяч новых, меньшего достоинства. Но, будучи слишком невежественным в области торговли и кредитования, он не отдавал себе полный отчет в том, какой огромный ущерб наносит и тому, и другому.

Парламент сразу же заметил неразумность и опасность такой политики и неоднократно выдвигал протесты регенту. Последний отказывался принимать их петиции к рассмотрению, и парламент, смело и очень необычно для себя превысив власть, постановил не принимать к оплате никакие деньги кроме старых. Регент созвал *lit de justice* * и аннулировал декрет. Парламент сопротивлялся и издал еще один. Регент вновь воспользовался своей привилегией и аннулировал его, а парламент, став еще более оппозиционным, утвердил новый декрет, датированный 12 августа 1718 г., который запрещал банку Ло каким-либо образом, напрямую или косвенно, участвовать в управлении государственными доходами, а всем иностранцам, под угрозой суровых наказаний, - вмешиваться от своего имени или от имени других в руководство государственными финансами. Парламент считал Ло виновником всех зол, и некоторые парламентарии в порыве злобы предлагали привлечь его к суду и в случае признания вины повесить у ворот Дворца правосудия.

Не на шутку встревоженный Ло поспешил в Пале Рояль ** и бросился искать защиты у регента, умоляя того призвать парламент к повиновению. Регент тоже хотел этого всей душой, как в свете вышеописанных событий, так и из-за диспутов вокруг легитимации герцога Менского и графа Тулузского, сыновей последнего короля. В конце концов парламент усмирили, арестовав его председателя и двух депутатов, которых отправили в отдаленные тюрьмы.

Так была развеяна первая туча, нависшая над планами Ло, и он, свободный от мрачных предчувствий, сосредоточился на сво-

* Заседание парламента с участием короля (фр.). *Прим. перев.*

** Palais Royal - дворец короля Франции. *Прим. перев.*

ем знаменитом Миссисипском проекте, акции которого стремительно поднимались в цене, несмотря на деятельность парламента. В начале 1719г. был издан указ, дарующий Мисси сноской компании исключительную привилегию торговли с Ост-Индией, Китаем и странами южных морей, а также со всеми владениями Французской ост-индской компании, основанной Кольбером. Компания после этого бизнес-прорыва присвоила себе более соответствующее ее статусу название—Компания двух Индий и выпустила пятьдесят тысяч новых акций. Планы, вынашиваемые Ло в то время, были самыми грандиозными. Он обещал годовой дивиденд в двести ливров за каждую акцию стоимостью пятьсот ливров, который, так как акции оплачивались в *hilleti d'etat* по номинальной стоимости, но стоили менее 100 ливров, составлял около 120 процентов.

Так долго накапливавшийся общественный энтузиазм не смог противостоять столь блестящей перспективе. На покупку пятидесяти тысяч новых акций было подано по меньшей мере триста тысяч заявлений, и дом Ло на улице Куинкампуа с утра до ночи осаждали страждущие просители. Так как было невозможно угодить всем, прошло несколько недель, прежде чем был составлен список новых удачливых держателей капитала; за это время царящее в обществе возбуждение превратилось в безумие. Герцоги, маркизы, графы и их герцогини, маркизы и графини каждый день часами ждали результатов на улицах у дома господина Ло. Наконец, дабы избежать толкотни среди толпы простолюдинов, тысячами заполонивших все близлежащие улицы, они сняли меблированные комнаты в прилегающих домах и теперь могли постоянно находиться рядом с заветным домом, откуда новый Плутос * разбрасывал сокровища. Ежедневно стоимость акций первого выпуска росла, а новые заявки на покупку акций — результат золотых грез целой нации - стали столь многочисленными, что сочли целесообразным выпустить не менее трехсот тысяч новых акций по пять тысяч ливров каждая, чтобы регент на волне общественного энтузиазма смог выплатить национальный долг. Для этой цели требовалась сумма в пятнадцать миллиардов ливров. Рвение нации было на-

* Плутос — бог богатства в греческой мифологии. *Прим. перев.*

столько велико, что эта сумма могла бы быть собрана в трехкратном размере, если бы правительство санкционировало это.

Ло находился в зените процветания, а люди приближались к зениту их слепого увлечения. Высшие и низшие классы были в равной степени преисполнены желания несметного богатства. Среди тогдашней аристократии не было ни одной мало-мальски заметной персоны, за исключением герцога Сен-Симона и маршала Виллара, не вовлеченной в куплю-продажу акций. Люди всех возрастов и сословий играли на повышение и понижение миссисипских ценных бумаг. Рю де Куинкампуа была излюбленным местом огромного числа брокеров. Это была узкая, неудобная улочка, на которой постоянно происходили несчастные случаи из-за огромного скопления народа. Аренда домов на этой улице в обычные времена стоила одну тысячу ливров в год, теперь же - от двенадцати до шестнадцати тысяч. Сапожник, имевший на этой улице прилавок, зарабатывал около двухсот ливров в день, сдавая его напрокат и снабжая брокеров и их клиентов письменными принадлежностями. Предание гласит, что один стоявший на этой улице горбун зарабатывал значительные суммы, сдавая в аренду энергичным спекулянтам свой горб в качестве письменного стола! Большое скопление людей, собиравшихся для занятия бизнесом, привлекало еще большую толпу зевак. Сюда стягивались все воры и аморальные элементы Парижа, здесь постоянно нарушали общественный порядок. С наступлением сумерек часто приходилось высылать отряд солдат для очистки улицы.

Ло, тяготившийся таким соседством, переехал на площадь Вандом, сопровождаемый толпой *agioteurs**. Эта просторная площадь вскоре стала столь же многолюдной, что и улица Куинкампуа: с утра до ночи на ней шли торги. Там сооружали палатки и тенты для заключения сделок и продажи напитков и закусок; в самом центре площади устанавливали столы для игры в рулетку, где с толпы собирали золотой или, скорее, бумажный урожай. Бульвары и скверы были забыты, влюбленные парочки прогуливались преимущественно по площади Вандом, ставшей модным местом отдыха праздного люда и встреч де-

* Биржевых игроков (фр.). *Прим. перев.*

ловых людей. Здесь целыми днями стоял такой несусветный гам, что канцлер, чей суд находился на этой площади, пожаловался регенту и муниципалитету на то, что он не слышит адвокатов. Ло, когда к нему обратились по этому поводу, выразил готовность помочь устранить это неудобство, для чего заключил договор с принцем де Кариньян, касающийся гостиницы Отель-де-Суассон, имевшей с задней стороны парк площадью в несколько акров. Сделка состоялась, и Ло приобрел отель за огромную цену, а принц сохранил за собой великолепный парк как новый источник дохода. В нем были прекрасные статуи и несколько фонтанов, и в целом он был спланирован с большим вкусом. Как только Ло обустроился в своей новой резиденции, был издан указ, запрещавший всем без исключения лицам покупать или продавать акции где бы то ни было кроме парка Отель-де-Суассон. В центре парка, среди деревьев, соорудили около пятисот небольших тентов и павильонов для удобства брокеров. Их разноцветье, развевающиеся на них веселые ленты и флаги, оживленные толпы, непрерывно снующие туда-сюда, несмолкаемый гул голосов, шум, музыка, странная смесь деловитости и удовольствия на лицах людей - все вместе это создавало некую волшебную атмосферу, приводившую парижан в полный восторг. Пока продолжалась эта мания, принц де Кариньян получал колоссальные прибыли. Каждый тент сдавался в аренду за пятьсот ливров в месяц, и так как их там было как минимум пятьсот, его месячный доход только из этого источника должен был составлять 250 000 ливров (свыше 10 000 фунтов стерлингов).

Маршал Виллар, честный старый солдат, был так раздражен этим безумием, охватившим его соотечественников, что никогда не высказывался по данному вопросу спокойно. Проезжая однажды через площадь Вандом в своей карете, сей холерический господин был настолько раздражен людской суматохой, что внезапно приказал кучеру остановиться и, высунув голову из окна кареты, добрых полчаса разглагольствовал об их «отвратительной алчности». Это было не очень умно с его стороны. Отовсюду раздавались свист и громкий хохот, в его адрес летели бесчисленные остроты. Наконец когда появились серьезные признаки того, что вот-вот в направлении его головы полетит

нечто более весомое, маршал счел за благо поехать дальше. Он больше никогда не повторял этот эксперимент.

Двое рассудительных, спокойных и философски настроенных литераторов, месье де ла Мотт и аббат Терразон, поздравили друг друга с тем, что хотя бы они остались в стороне от этого странного слепого увлечения. Несколькими днями позже, когда достопочтенный аббат выходил из Отель-де-Суассон, куда он приходил купить акции Миссисипской компании, он увидел ни кого иного, как своего друга ла Мотта, входившего внутрь с той же целью. «Ба! - сказал аббат, улыбаясь, - это вы?» «Да, - сказал ла Мотт, протискиваясь мимо того так быстро, как он только мог, - а неужели это вы?» В следующий раз, когда двое ученых мужей встретились, они разговаривали о философии, о науке и о религии, но ни тот, ни другой долго не осмеливались произнести хоть слово о Миссисипской компании. Наконец, когда это произошло, они сошлись на том, что никто и никогда не должен от чего бы то ни было зарекаться и что нет такого безрассудства, от которого был бы застрахован даже умный человек.

Тем временем Ло, новый Плутос, стал самой важной особой в государстве. Придворные забыли о вестибюлях регента. Пэры, судьи и епископы толпой устремились в Отель-де-Суассон; офицеров армии и военно-морского флота, титулованных светских женщин и всех, кто в силу унаследованного высокого социального статуса или высокого служебного положения мог претендовать на первенство, можно было встретить в его вестибюлях, где они ждали своей очереди, чтобы подать прошение о получении доли акционерного капитала Индийской компании. Претендентов было столько, что Ло не мог принять даже десятую их часть, и для получения доступа к нему использовались любые уловки, какие могла подсказать человеческая изобретательность. Пэры, чей сан был бы оскорблен, заставь их регент ждать приема полчаса, были готовы шесть часов ожидать встречи с месье Ло. Претенденты платили его слугам гигантские суммы, чтобы те просто объявляли их имена. С той же целью титулованные женщины пользовались обольстительностью своих улыбок, но многие из них приходили в течение двух недель, прежде чем добивались аудиенции. Когда Ло принимал какое-либо приглашение, его зачастую окружало такое большое количество женщин, каждая из которых просила вне-

сти ее имя в списки держателей акций нового выпуска, что, несмотря на его известную и привычную галантность, Ло приходилось отражать их натиск *par force**. Люди прибегали к самым нелепым ухищрениям, дабы получить возможность поговорить с ним. Одна женщина, тщетно прилагавшая к этому усилия в течение нескольких дней, в отчаянии отказалась от любых попыток встретиться с ним в его доме, но строго-настрого приказала своему кучеру смотреть в оба всякий раз, когда она едет в карете по улице, и, если он увидит идущего г-на Ло, налететь на столб и опрокинуть карету. Кучер обещал повиноваться, и женщина непрестанно колесила по городу три дня, в душе умоляя бога дать ей счастливую возможность опрокинуться. Наконец она заметила издалека г-на Ло и, оттянув занавеску, закричала кучеру: «Опрокидывай сейчас же! Бога ради, опрокидывай сейчас же!» Кучер налетел на столб, женщина завизжала, карета опрокинулась, и Ло, ставший свидетелем этого *несчастного случая,* поспешил к месту происшествия оказать помощь. Хитрая дама была препровождена в Отель-де-Суассон, где она вскоре сочла благоразумным оправиться от испуга и, извинившись перед г-ном Ло, призналась в своей уловке. Ло улыбнулся и вписал ее в свой реестр как покупательницу некоторого количества акций Индийской компании.

Другая история гласит о мадам де Буша, которая, узнав, что г-н Л о обедает в гостях, отправилась туда в своей карете и объявила пожарную тревогу. Вся компания, включая Ло, бросилась из-за стола, но последний, увидев женщину, со всех ног вбежавшую в дом и устремившуюся прямо к нему, в то время как все остальные поспешно выбегали наружу, заподозрил обман и удалился в другом направлении.

Рассказывают много других анекдотичных эпизодов, от которых, даже если они и слегка приукрашены, тем не менее не стоит открещиваться, так как они передают атмосферу того необычайного времени**. Однажды в присутствии д'Аржансона,

*Насильно (фр.)- *Прим. перев.*

** Любопытный читатель может отыскать один такой эпизод о страстном желании французских женщин удержать Ло в их компании, которые заставляли его то краснеть, то улыбаться в зависимости от того, насколько откровенными были их намеки. Он изложен в «Записках мадам Шарлотты Элизабет де Бавье, герцогини Орлеанской», том II, стр. 274. *Прим. автора*

аббата Дюбуа и других персон регент сказал, что очень хочет поручить какой-нибудь даме, саном не ниже герцогини, прислуживать его дочери в Модене. «Но, - добавил он, - я не знаю наверняка, где найти такую.» «Да нет же! — ответил ему кто-то с притворным удивлением. - Я могу сказать вам, где искать всех герцогинь Франции: вам просто нужно пойти к г-ну Ло, и вы увидите их всех в его вестибюле.»

Месье де Ширак, знаменитый врач, купил акции в неудачное время и очень хотел их продать. Курс акций между тем продолжал падать два или три дня, что его не на шутку встревожило. Месье де Ширак напряженно думал над этой неурядицей, когда его внезапно вызвали к женщине, которая почувствовала недомогание.

Врач приехал, его проводили наверх, и он пощупал у женщины пульс. «Он падает! Он падает! Господи милосердный, он непрерывно падает!» - сказал он вдохновенно, а женщина, услышав это, тревожно взглянула ему в глаза. «О, месье де Ширак, - сказала она, вставая на ноги и вызывая колокольчиком прислугу. -Я умираю! Я умираю! Он падает! Он падает! Он падает!» «Что падает?» - спросил изумленный доктор. «Мой пульс! Мой пульс! - сказала женщина. - Должно быть, я умираю.» «Не бойтесь, дорогая мадам, - сказал месье де Ширак. - Я говорил о курсе акций. Дело в том, что мне ужасно не повезло, и я так расстроен, что едва ли понимаю, что говорю.»

Однажды цена акций поднялась на десять-двадцать процентов в течение нескольких часов, и многие представители скромного сословия, вставшие утром с постели бедняками, улеглись спать богатыми людьми. Один держатель большого пакета акций, заболев, послал своего слугу продать двести пятьдесят акций за восемь тысяч ливров каждую — по котировке на тот момент. Слуга ушел, а по прибытии в Жарден де Суассон обнаружил, что за это время цена возросла до десяти тысяч ливров. Разницу в две тысячи ливров, помноженную на двести пятьдесят акций, то есть 500 000 ливров (20 000 фунтов стерлингов), он весьма хладнокровно прикарманил и, вернув остаток своему хозяину, в тот же вечер уехал в другую страну. Кучер Ло за очень короткое время нажил сумму, достаточную для изготовления своей собственной кареты, и попросил разрешения ос-

тавить службу. Ло, ценивший этого человека, попросил его в качестве одолжения перед уходом подыскать себе замену, столь же хорошую, сколь и он сам. Кучер дал согласие, вечером привел двух своих бывших друзей и попросил г-на Л о выбрать одного из них, другого же он собирался оставить для себя. Кухаркам-горничным и ливрейным лакеям время от времени улыбалась удача, и они, будучи вне себя от гордости за свое легко нажитое благосостояние, делали нелепейшие ошибки. Смешав язык и манеры своего прежнего сословия с пышным убранством нынешнего, они стали постоянными объектами жалости здравомыслящих, презрения хладнокровных и насмешек всех без исключения. Но глупость и низость высоких сословий общества была еще более отвратительна. Один-единственный пример, приведенный герцогом де Сен-Симоном, демонстрирует презренную алчность, заразившую целое общество. Один человек по имени Андре, бесхарактерный и необразованный, путем серии своевременных спекуляций с Миссисипскими ценными бумагами нажил громадное богатство за невероятно малый промежуток времени. По словам Сен-Симона, он скопил золотые горы. Став богатым, он устыдился низости своего происхождения и возжелал всех атрибутов дворянства. У него была дочь, ребенок трех лет от роду, и он предложил аристократическому, но обедневшему семейству д'Уаз заключить соглашение, согласно которому это дитя при определенных условиях выйдет замуж за одного из членов этой семьи. Маркиз д'Уаз, к своему стыду, дал на это согласие и, более того, пообещал жениться на ней сам по достижении ею двенадцати летнего возраста, если ее отец выплатит ему сто тысяч ливров и будет выплачивать двадцать тысяч ливров ежегодно вплоть до бракосочетания. Самому маркизу шел тридцать третий год. Эта позорная сделка была должным образом подписана и скреплена печатью, и спекулянт дополнительно согласился оставить в день свадьбы за дочерью приданое в несколько миллионов. Герцог Бранкасский, глава семейства, был не только в курсе этого соглашения, но и его полноправным участником. Сен-Симон трактовал этот случай легкомысленно и считал его невинным курьезом, добавляя, что люди не обошлись без порицаний этого прелестного брака, и далее сообщает нам, что этот проект

потерпел крах несколько месяцев спустя из-за низвержения Л о и разорения амбициозного месье Андре. Тем не менее может статься, что благородному семейству так и не хватило честности вернуть сто тысяч ливров.

На фоне подобных событий, которые хоть и унизительны, но большей частью смехотворны, имели место и более серьезные. Ежедневно происходили уличные грабежи как следствие того, что люди носили с собой огромные суммы наличных денег. Убийства из-за угла также стали обычным делом. Один такой случай привлек особое внимание всей Франции не только из-за чудовищности преступления, но и в силу титулованности и высоких родственных связей преступника.

Граф д'Орн, младший брат принца д'Орна и родственник благородных семей д'Арамбер, Делинье и Демонморанси, был распущенным молодым человеком, в какой-то степени сумасбродным и столь же беспринципным. Сговорившись с двумя другими, такими же безрассудными, как и он, молодыми людьми - Миллем, землевладельцем из Пьемонта, и неким Детампом, или Летаном, фламандцем, - он разработал план ограбления одного очень богатого брокера, о котором, к несчастью для него, было известно, что он носит с собой очень крупные суммы денег. Граф сделал вид, что хочет купить у него некоторое количество акций Компании двух Индий, для чего назначил ему встречу в *кабаре,* иначе говоря, в низкопробном трактире, по соседству с Вандомской площадью. Ничего не подозревающий брокер вовремя появился в условленном месте, где его ждали граф д'Орн и двое его сообщников, которых он представил, как своих близких друзей. После крайне непродолжительного разговора граф д'Орн внезапно набросился на свою жертву и трижды ударил беднягу кинжалом в грудь. Мужчина тяжело упал на землю, и, пока граф обшаривал его портфель, в котором находились ценные бумаги Миссисипской компании на сумму в сто тысяч ливров, Милль из Пьемонта снова и снова вонзал кинжал в несчастного брокера, чтобы убить его наверняка. Но брокер не сдался без борьбы, и на его крики о помощи сбежались посетители *кабаре.* Другой наемный убийца, Летан, которого перед этим оставили наблюдать за лестницей, выпрыгнул в окно и убежал, а Милль и граф д'Орн были схвачены на месте.

Это преступление, совершенное средь бела дня и в таком людном месте как *кабаре,* ужаснуло весь Париж. Суд над убийцами начался на следующий день, и улики были настолько явными, что обоих признали виновными и приговорили к колесованию. Знатные родственники графа д'Орна заполонили вестибюли регента, умоляя пощадить заблудшего юношу, ссылаясь на то, что он душевнобольной. Регент игнорировал их, пока мог, будучи убежденным, что в случае столь зверского убийства правосудие должно идти своим чередом. Но назойливость этих влиятельных просителей нельзя было преодолеть, просто отмалчиваясь, и они наконец предстали перед регентом и принялись умолять его спасти их род от позора публичной казни. Родственники намекали на то, что принцы д'Орны тесно связаны с семейством герцога Орлеанского, и добавляли, что самого регента ждет бесчестье, если его кровный родственник умрет от руки рядового палача. Регент, к своей чести, не внял их настойчивым просьбам и ответил на их последний аргумент словами Корнеля:

«Le crime fait la honte, et non pas 1'echafaud,»*

добавив, что когда бы ни случилась казнь, пятнающая его позором, он с готовностью разделит последний с другими родственниками. День за днем они возобновляли свои мольбы, но всегда с тем же результатом. Наконец им пришло в голову, что если бы удалось привлечь на свою сторону герцога Сен-Симона - человека, к которому регент питал искреннее уважение, то им, возможно, и удалось бы добиться своего. Герцог, аристократ до мозга костей, был так же, как и они, шокирован тем, что убийцу знатного рода ждет та же смерть, что и уголовника-плебея, и объяснил регенту, что было бы неразумным наживать врагов в лице столь многочисленного, богатого и влиятельного семейства. Он также убеждал регента в том, что в Германии, где семья д'Арамберов имеет большие владения, существует закон, согласно которому ни один родственник казненного на колесе не может наследовать никакое общественное учреждение или нанимать работников, пока не

* Преступление влечет за собой позор, а не эшафот (фр.). *Прим. перев.*

сменится целое поколение. Поэтому Сен-Симон считал, что колесование осужденного можно заменить обезглавливанием, которое во всей Европе считалось гораздо менее позорным. Этот аргумент задел регента за живое, и он уже почти дал свое согласие, когда Ло, по-своему заинтересованный в судьбе убитого, подтвердил в подоспевшей резолюции свое желание оставить приговор в силе.

После этого родственники д'Орна дошли до крайности. Принц де Робек Монморанси, отчаявшись добиться своего другими методами, нашел способ проникнуть в темницу, где содержался преступник, и, предлагая ему чашу с ядом, заклинал спасти их от бесчестья. Граф д'Орн отвернулся и отказался принять ее. Монморанси повторил свою просьбу, и, потеряв все свое терпение из-за повторного отказа, развернулся и воскликнул: «Тогда умри, как хочешь, подлый негодяй! Ты годишься только на то, чтобы умереть от руки палача!», оставив того наедине с судьбой.

Д'Орн сам подавал регенту прошение об обезглавливании, но Ло, имевший большее влияние на последнего, чем кто бы то ни было, за исключением аббата Дюбуа, его учителя, настаивал на том, чтобы он (регент) не уступал своекорыстной точке зрения д'Орнов. Регент изначально был того же мнения, и не позднее чем через шесть дней с момента совершения преступления д'Орн и Милль были колесованы на Гревской площади. Третьего убийцу, Летана, так и не поймали.

Это скорое и беспощадное правосудие очень обрадовало население Парижа. Даже месье де Куинкампуа, как здесь называли Ло, снискал расположение парижан как человек, заставивший регента не делать никаких поблажек аристократии. Но число грабежей и убийств не уменьшилось, а к ограбленным брокерам не испытывали никакой симпатии. Обычная расплывчатость общественной морали, достаточно бросавшаяся в глаза в прежние времена, теперь еще более усилилась благодаря ее молниеносному распространению среди представителей среднего класса, который до сих пор оставался сравнительно незапятнанным между неприкрытой порочностью высших слоев и скрываемыми преступлениями плебса. Пагубная любовь к азартной игре пропитала общество и нейт-

рализовала все общественные и почти все частные добродетели, вставшие у нее на пути.

Какое-то время, пока существовало доверие, стимулировалась торговля, что ни могло не пойти на пользу стране. В Париже результаты этого были особенно ощутимы. В столицу отовсюду съезжались чужеземцы, стремившиеся не только делать деньги, но и тратить их. Герцогиня Орлеанская, мать регента, пишет, что за это время население Парижа увеличилось на 305 000 душ из-за колоссального притока иностранцев со всего мира. Для размещения жильцов домоправительницам приходилось ставить кровати на чердаках, на кухнях и даже в конюшнях; город был настолько забит каретами и прочими всевозможными транспортными средствами, что на главных улицах им приходилось двигаться со скоростью пешехода во избежание несчастных случаев. Ткацкие фабрики страны работали с небывалой активностью, поставляя роскошные кружева, шелка, тонкое черное сукно с шелковистой отделкой двойной ширины и бархат, за которые расплачивались напечатанными в огромном количестве бумажными банкнотами, по ценам, выросшим в четыре раза. Эта общая тенденция затронула и продовольствие. Хлеб, мясо и овощи продавались по ценам, большим чем когда-либо прежде; точно в такой же пропорции выросли заработки. Ремесленник, прежде зарабатывавший пятнадцать су в день, теперь зарабатывал шестьдесят. Повсюду строились новые дома, страна светилась иллюзорным благоденствием, настолько ослепившим целую нацию, что никто не увидел темную тучу на горизонте, предвещавшую бурю, надвигавшуюся слишком быстро.

Сам же Ло, волшебник, чья рука принесла столь удивительные перемены, естественно, разделял всеобщее процветание. Расположения его жены и дочери добивалось высшее дворянство, с ними хотели породниться наследники герцогских и царственных домов. Он купил два роскошных поместья в разных частях Франции и начал переговоры с семьей герцога де Сюлли о покупке титула маркиза Роснийского. Его вероисповедание было препятствием для восхождения по социальной лестнице, но регент пообещал сделать его генеральным ревизором финансов, если он публично примет католичество. Ло,

не исповедовавший никакой иной религии, кроме заповедей профессионального игрока, охотно согласился и был конфирмован аббатом де Тенсеном в Меленском кафедральном соборе в присутствии огромной толпы наблюдателей *.

На следующий день Ло избрали почетным церковным старостой прихода Сен-Рош, по случаю чего он пожертвовал церкви пятьсот тысяч ливров. Его благотворительные деяния, всегда величественные, не всегда были столь показными. Он жертвовал огромные суммы частным образом, и ни одна история о реальной нужде не достигала его ушей напрасно.

В ту пору он был влиятельнее любого человека в государстве. Герцог Орлеанский настолько верил в его прозорливость и успех его планов, что консультировался с ним по любому текущему делу. Ло не проявлял никакой излишней помпезности в связи со своим тогдашним процветанием, а оставался таким же простодушным, приветливым и здравомыслящим человеком, каким он проявлял себя в не лучшие для него времена. Его галантность, всегда очаровывшая ее прелестных объектов, была по своей природе столь любезной, столь приличествующей джентльмену и столь почтительной, что даже влюбленные в объекты его галантности мужчины на нее не обижались. Если в каком-либо случае он и проявлял признаки надменности, то она относилась к раболепным дворянам, расточавшим ему льстивые похвалы, в которых чувствовалась фальшь. Он часто получал удовольствие, видя, как долго он может заставлять их ходить перед ним на задних лапках ради од-

* В связи с этим событием имела хождение следующая эпиграмма:

Foin de ton zele seraphique,
Malheureux Abbe de Tencin,
Depuis que Law est Catolique,
Tout le royaume est Capucin!

Она в какой-то степени вольно и парафрастично воспроизводится Жюстансоном в его переводе *«Мемуаров Людовика XV»:*

Tencin, a curse on thy seraphic zeal,
Which by persuasion hath contrived the means
To make the Scotchman at our altars kneel,
Since which we all are poor as Capucines!

(«Тенсен, будь проклято твое ангельское рвение, которое, поддавшись уговорам, ухитрилось найти способ заставить шотландца преклонить колени у нашего алтаря, и с той поры мы все бедны, как капуцины!») *Прим. автора*

ной-единственной услуги. К своим же соотечественникам, случайно посетившим Париж и искавшим встречи с ним, Ло, напротив, был сама вежливость и внимание. Когда Арчибальд Кэмпбелл, граф Айлейский, впоследствии герцог Аргайллский, приехал к нему на площадь Вандом, ему пришлось пройти через вестибюль, заполненный особами высочайшего ранга, жаждущими встретиться с великим финансистом, дабы тот вписал их первыми в какой-нибудь новый подписной лист. А Ло между тем преспокойно сидел в своей библиотеке и писал письмо о высаживании кочанной капусты садовнику отцовского поместья в Лористоне! Граф пробыл у него довольно долго, сыграл с соотечественником партию в пикет* и уехал, очарованный его непринужденностью, здравым смыслом и хорошими манерами.

Из дворян, за счет тогдашнего людского доверия наживших суммы, достаточные для поправки их пошатнувшихся финансовых дел, можно упомянуть имена герцогов: де Бурбона, де Гуиша, де ла Форса (de la Force)**, де Шолнэ и д'Антена; маршала д'Эстрея; принцев: де Рогана, де Пуа и де Лиона.

Герцог де Бурбон, сын Людовика XIV от маркизы де Монтеспан, был особенно удачлив в результате спекуляций с Миссисипскими ценными бумагами. Он заново отстроил с небывалым великолепием королевскую резиденцию в Шантильи и, будучи страстным любителем лошадей, построил несколько конюшен, которые долго славились на всю Европу. Герцог импортировал сто пятьдесят самых лучших скакунов из Англии для улучшения породы во Франции. Он купил большой участок земли в Пикардии и стал владельцем почти всех полезных земель между Уазой и Соммой.

Если уж сколачивались такие состояния, то неудивительно, что деятельная часть населения чуть ли не молилась на Ло. Ни

* Карточная игра. *Прим. перев.*

** Герцог де ля Форс нажил значительные суммы не только биржевой игрой, но и сделками с фарфором, специями и т.д. Долгое время в парижском парламенте обсуждался вопрос, не потерял ли он, как торговец пряностями, право на звание пэра. Вопрос был решен отрицательно. Была нарисована карикатура, на которой он, одетый как уличный носильщик, тащит большой тюк с пряностями, на котором написано «Admirez La Force».*) *Прим. автора.*
*) Admirez la Force — полюбуйтесь на силу (фр.) (в карикатуре обыгрывается имя герцога де ля Форса, которое переводится как «сила»). *Прим. перев.*

одному монарху не льстили так, как ему. Все незначительные поэты и литераторы того времени пели ему льстивые дифирамбы. Согласно им, он был спасителем страны, ангелом-хранителем Франции; ум был в каждом его слове, великодушие — в каждом его взгляде, мудрость - в каждом его деянии. Толпа, следовавшая за его каретой, куда бы он ни ехал, была так велика, что регент выделил ему кавалерийский отряд в качестве постоянного эскорта для очистки улиц перед его появлением.

В то время отмечали, что в Париже никогда еще не было так много предметов искусства и роскоши. Статуи, картины и гобелены в огромных количествах импортировались из других стран и очень быстро реализовывались. Все те симпатичные безделушки - предметы мебели и украшения, - в изготовлении которых французы были лидерами, больше не были игрушками одной лишь аристократии: их в изобилии можно было обнаружить в домах торговцев и у большинства представителей среднего класса. В Париж, как на самый выгодный рынок, свозились самые дорогие ювелирные украшения; среди них был и знаменитый алмаз, купленный регентом и названный его именем, который еще долго украшал корону французских королей. Он был куплен за два миллиона ливров при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что регент был не таким безудержным стяжателем, как иные его подданные, по инерции скупавшие все подряд. Когда ему впервые предложили этот алмаз, он отказался купить его (хотя желал иметь его больше всего на свете), ссылаясь на то, что его долг перед страной, которой он правит, не позволит ему истратить такую большую сумму народных денег на какой-то камень. Это веское и благородное оправдание вызвало панику у всех придворных дам, которые несколько дней кряду судачили о том, что будет жаль, если такому редкому драгоценному камню позволят покинуть пределы Франции только потому, что не нашлось человека достаточно богатого, чтобы его купить. Регента непрерывно умоляли сделать это, но все было напрасно, пока герцог Сен-Симон, который при всех его способностях был краснобаем, не взвалил тяжкое бремя уговоров на себя. Его умоляющую просьбу поддержал Л о, добродушный регент дал свое согласие, позволив изобретательному Ло найти способ опла-

тить камень. Его владелец получил гарантию на выплату двух миллионов ливров в течение оговоренного срока плюс пять процентов от этой суммы и, кроме того, разрешение забрать все ценные осколки после огранки камня. Сен-Симон в своих *«Мемуарах» с* немалым удовольствием описывает свое участие в этой сделке. Он пишет, что камень был таким же большим, как ренклод*, почти круглой формы, идеально прозрачным, не имел дефектов и весил более пятисот гран**. Довольный собой, Сен-Симон подытоживает свой рассказ, сообщая миру, что с его стороны «было весьма похвально убедить регента сделать столь знаменитую покупку». Другими словами, он гордился тем, что убедил регента пожертвовать своим долгом и купить себе безумно дорогую безделушку за народные деньги.

Это безмятежное процветание продолжалось до начала 1720 года. Предупреждения парламента о том, что запуск в обращение слишком большого количества бумажных денег рано или поздно приведет страну к банкротству, игнорировались. Регент, не имевший ни малейшего понятия о философии финансовых отношений, считал, что система, однажды принесшая хорошие результаты, не может развалиться. Если пятьсот бумажных миллионов обеспечили такую выгоду, то еще пятьсот миллионов обеспечат вдвое большую выгоду. Это было величайшее заблуждение регента, которое Ло не пытался развеять. Небывалая жадность людей подпитывала эту иллюзию, и чем выше был курс Миссисипских акций, тем больше печатали *банкнот* ему вдогонку. Эту возведенную таким образом пирамиду можно без натяжки сравнить с помпезным дворцом, построенным Потемкиным, этим царственным русским варваром, чтобы удивить императрицу и угодить ей. Огромные ледяные блоки громоздили один на другой; выполненные во всех деталях ледяные ионические колонны образовывали величественный портик, купол из того же материала сиял на солнце, которое могло лишь позолотить, но не растопить его своими лучами. Дворец блестел издалека, словно из хрусталя и алмазов, но однажды подул теплый ветерок с юга, и величавое строение растаяло. В конце концов никто не смог даже подобрать его фрагменты. То же

* Сорт слив. *Прим. перев.*

″ 32,4 г. *Прим. перев.*

самое произошло с Ло и его системой бумажных денег. Как только ее коснулось дуновение народного недоверия, она обратилась в руины, и никто не мог воздвигнуть ее вновь.

Первый легкий сигнал тревоги прозвучал в начале 1720 г. Принц де Конти, оскорбленный тем, что Ло отказался продать ему новые акции Индийской компании по их номинальной стоимости, послал людей в банк с требованием обменять на металлические деньги такое огромное количество банкнот, что для транспортировки потребовалось три телеги. Ло пожаловался регенту, обратив особое внимание последнего на зло, которое может произойти, если такой пример найдет подражателей. Регент, также отдавая себе в этом отчет, послал за принцем де Конти и приказал ему под угрозой сильной немилости вернуть банку две трети монет, которые он оттуда вывез. Принц был вынужден подчиниться деспотичному приказу. К счастью для Ло, де Конти был непопулярной персоной: все осуждали его подлость и алчность и соглашались, что он обошелся с Ло несправедливо. Тем не менее странно, что это, если можно так выразиться, бегство от банкнот не заставило ни Ло, ни регента прекратить их выпуск. Скоро нашлись те, кто на почве недоверия повторили поступок де Конти, совершенный им на почве мстительности. Все больше сообразительных маклеров справедливо полагали, что рост курса акций и количество банкнот в обращении не может быть бесконечным. Бурдон и ла Ришардье, известные спекулянты, спокойно и постепенно конвертировали свои банкноты в металлические деньги и перевели их в банки других стран. Кроме того, они постоянно и в большом количестве скупали столовое серебро и ювелирные изделия и тайно пересылали их в Англию и Голландию. Брокер Вермале, почуявший надвигавшуюся бурю, скопил золотые и серебряные монеты на сумму почти в миллион ливров, которые он сложил в крестьянскую телегу и накрыл сеном и коровьим навозом. Затем он переоделся в грязный крестьянский холщовый халат, или рабочую блузу, и в безопасности вывез свой драгоценный груз в Бельгию, где вскоре нашел способ переправить его в Амстердам.

До той поры каждый мог без труда достать металлические деньги. Но эта система не могла культивироваться дол-

го, не провоцируя их дефицит. Отовсюду слышались голоса недовольных и требования разобраться в сложившейся ситуации. Генеральные штаты долго решали, что же предпринять, и Ло, к которому обратились за советом, предложил издать указ о девальвации металлических денег на пять процентов по сравнению с бумажными. Этот указ был опубликован, но вскоре заменен новым, согласно которому монеты обесценивались на десять процентов. Вместе с тем были ограничены единовременные банковские выплаты монетами: до ста ливров золотом и до тысячи серебром. Все эти меры были не в состоянии вернуть доверие к бумажным деньгам, несмотря на то, что ограничение наличных платежей до столь узких рамок поддерживало кредитоспособность банка.

Вопреки всем усилиям, благородные металлы продолжали переправляться в Англию и Голландию. Все оставшиеся в стране монеты берегли как зеницу ока или прятали, и в конце концов их дефицит стал настолько ощутимым, что больше не могли осуществляться торговые операции. Тогда Ло отважился на дерзкий эксперимент - он решил вообще запретить хождение металлических денег. В феврале 1720 г. был издан указ, который вместо того, чтобы в соответствии с его предназначением восстановить кредитоспособность банкнот, нанес им смертельный удар и поставил страну на грань революции. Этим пресловутым указом любому человеку запрещалось иметь в своем распоряжении более пятисот ливров (20 фунтов стерлингов) в монетах под угрозой крупного штрафа и конфискации найденных сумм. Было также запрещено скупать ювелирные изделия, серебряную и золотую посуду, а также драгоценные камни; доносчиков поощряли искать нарушителей, обещая половину обнаруженной ими суммы. Вся страна взвыла в отчаянии от этой неслыханной тирании. Ежедневно имели место самые одиозные гонения. Семейное уединение нарушалось вторжением доносчиков и провокаторов. Самых добродетельных и честных обвиняли в преступлении из-за имевшегося у них одного луидора. Слуги предавали своих хозяев, сосед шпионил за соседом, а аресты и конфискации стали столь частыми, что суды трещали по швам от непомерного количества заводимых дел. Стоило доносчику сообщить, что он подозревает

кого-либо в укрывательстве денег в собственном доме, как тут же выписывался ордер на обыск. Лорд Стэйр, английский посол, говорил, что теперь невозможно было усомниться в искренности принятия Ло католичества, так как он основал самую настоящую *инквизицию,* сперва в высшей степени наглядно подтвердив свою веру в *преобразование одного вещества в другое* путем превращения золота в бумагу.

На головы регента и несчастного Ло сыпались все проклятия, какие только могла придумать народная ненависть. Монеты на сумму более пятисот ливров были незаконным платежным средством, а банкноты не хотел принимать никто, если мог этого избежать. Никто не знал сегодня, сколько его банкноты будут стоить завтра. «Никогда прежде, - пишет Дюкло в *«Секретныхмемуарах о регентстве»,* — правительство не было таким капризным, и никогда прежде не было более неистовой тирании, осуществляемой руками менее твердыми. Те, кто были свидетелями ужасов того времени, и сегодня вспоминают его как страшный сон, не могут понять, почему не разразилась внезапная революция и почему Ло и регент не умерли страшной смертью. Они оба испытывали ужас, но люди не зашли дальше жалоб; всеми овладели угрюмая и робкая безысходность и тупое оцепенение, а помыслы людей были слишком низменными, чтобы отважиться на дерзкое преступление во имя общества». Однажды была сделана попытка организовать народное движение. Мятежные прокламации расклеивались по стенам и, вложенные в рекламные листки, рассылались по домам наиболее известных людей. Одна из них, приведенная в *«Memoires dc la Hegence» ,* была следующего содержания: «Господин и госпожа, сим уведомляем вас, что день святого Варфоломея повторится в субботу и воскресенье, если дела пойдут так и дальше. Советуем не выходить из дома ни вам, ни вашей прислуге. Храни вас Господь от огня! Предупредите ваших соседей. Написано в субботу, 25 мая 1720 года». Огромное число шпионов, наводнивших город, вызвало у людей взаимное недоверие, а после нескольких незначительных беспорядков, устроенных вечером группой неопознанных лиц, которых быстро разогнали, покою жителей столицы больше ничто не угрожало.

Курс Миссисипских, или, как их еще называли, Луизианских, акций очень резко упал, и на самом деле уже мало кто верил рассказам о несметных богатствах этого региона. Поэтому была предпринята последняя попытка вернуть доверие людей к Миссисипскому проекту. С этой целью в Париже указом правительства была объявлена всеобщая мобилизация бродяг. Как во время войны, было насильно завербовано свыше шести тысяч самых отвратительных отбросов общества, которым выдали одежду и инструменты, чтобы затем отправить их на кораблях в Новый Орлеан для разработки якобы имеющихся там в большом количестве месторождений золота. День за днем их с кирками и лопатами проводили строем по улицам города, а затем небольшими партиями отправляли во внешние порты для отплытия в Америку. Две трети из них так никогда и не прибыли в место назначения, а рассеялись по стране, продали свои инструменты за сколько смогли и вернулись к прежнему образу жизни. Менее чем через три недели половина из них вновь оказалась в Париже. Тем не менее этот маневр вызвал незначительное повышение курса Миссисипских акций. Многие чересчур доверчивые люди поверили, что их действительно ожидает новая Голконда* и что во Францию вновь потекут золотые и серебряные самородки.

В условиях конституционной монархии можно было найти более надежные средства возвращения народного доверия. В Англии, примерно в это же время, когда похожая мания привела к аналогичному бедствию, для искоренения зла применялись совсем другие меры, но во Франции, к несчастью, они принимались теми, кто это зло породил. Своеволие регента, пытавшегося вывести страну из кризиса, только еще больше затянуло ее в трясину. Было приказано осуществлять все платежи бумажными деньгами, и с 1 февраля до конца мая были напечатаны банкноты на сумму свыше 1 500 000 000 ливров (60 000 000 фунтов стерлингов). Но сигнал тревоги уже прозвучал, и никакие ухищрения не могли заставить людей хоть в малой степени доверять бумажным деньгам, не подлежащим обмену на металлические. Месье Аламбер, председатель парижского парламента,

* Государство в Индии в XVI-XVII вв., славившееся добычей алмазов. *Прим. перев.*

сказал регенту прямо в лицо, что он скорее хотел бы иметь сто тысяч ливров в золоте или серебре, чем пять миллионов в его банкнотах. Поскольку подобные настроения царили повсеместно, запуск в обращение огромной бумажной денежной массы только увеличил существующее зло, сделав большей и без того гигантскую несоразмерность между металлическими и бумажными деньгами. Монеты, которые регент стремился обесценить, росли в цене при каждой новой попытке это сделать. В феврале сочли целесообразным включить Королевский банк в состав Компании двух Индий. Парламент издал и ратифицировал соответствующий указ. Государство по-прежнему выступало гарантом банкнот банка, которые больше нельзя было печатать без указа на то Генеральных штатов. Все доходы банка с того момента, как он перестал быть собственностью Ло, став государственным учреждением, были переданы регентом Компании двух Индий. Эта мера возымела эффект кратковременного повышения курса Луизианских и других акций комцании, но она не смогла восстановить доверие народа.

В начале мая состоялось заседание Генеральных штатов, на котором присутствовали Ло, д'Аржансон (его коллега по управлению финансами) и все министры. Было подсчитано, что всего в обращении находится банкнот на сумму в 2,6 миллиарда ливров, в то время как суммарное достоинство всех монет в стране не составляло и половины этой цифры. Для большинства депутатов было очевидно, что для выравнивания денежного обращения нужно принять какой-нибудь план. Одни предлагали девальвировать банкноты до номинальной стоимости металлических денег, другие - поднимать номинальную стоимость монет до тех пор, пока она не сравняется с номинальной стоимостью бумажных денег. Говорят, что Ло выступил против обоих проектов, но, поскольку других предложений не последовало, было решено обесценить банкноты наполовину. 21 мая вышел соответствующий указ, согласно которому акции Компании двух Индий и банкноты банка подлежали постепенной девальвации, пока к концу года их номинальная стоимость не снизится наполовину. Парламент отказался ратифицировать данный указ, шумно опротестовав его, и состояние страны стало настолько тревожным, что в качестве

единственного способа сохранить спокойствие регентскому совету пришлось аннулировать собственное решение: в течение семи дней был издан другой указ, возвращающий банкнотам их первоначальную номинальную стоимость.

В тот же самый день (27 мая) банк приостановил платежи в металлических деньгах. Ло и д'Аржансон были уволены из министерства. Слабовольный, нерешительный и трусливый регент возложил всю вину за сложившуюся плачевную ситуацию на Л о, которому по прибытии в Пале Рояль было отказано в приеме. Однако с наступлением сумерек за ним послали и провели во дворец через потайную дверь*; регент попытался его утешить и всячески извинялся за ту суровость, с которой был вынужден обращаться с ним на людях. Его поведение было столь непостоянным, что два дня спустя он взял его с собой в оперу, где тот сидел в королевской ложе рядом с регентом, который на глазах у всех обращался с ним подчеркнуто предупредительно. Но ненависть к Ло была настолько сильна, что этот эксперимент оказался для него почти фатальным. Вооруженная камнями толпа напала на его карету, когда он въезжал на территорию своей резиденции, и если бы кучер сразу же не проехал во внутренний двор, а прислуга немедленно не закрыла ворота, его, по всей вероятности, вытащили бы из кареты и разорвали на куски.

На следующий день его жена и дочь были также атакованы толпой, когда возвращались в своей карете со скачек. Когда регенту сообщили об этих происшествиях, он послал Ло мощный отряд швейцарских гвардейцев, которые денно и нощно несли караульную службу во дворе его резиденции. Но в конце концов общественное негодование усилилось настолько, что Л о, посчитав свой дом, даже столь хорошо охраняемый, небезопасным, нашел убежище в Пале Рояль - резиденции регента.

Канцлера д'Агессо, отправленного в отставку в 1718 г. за его противодействие проектам Ло, теперь призвали обратно, дабы он помог восстановить утраченную репутацию последних. Регент слишком поздно осознал, что он непростительно грубо и недоверчиво обошелся с одним из способнейших и, вероятно, единственным честным государственным деятелем того продажного

* Дюкло, "*Memomires Secrets de la Regence*" *Прим. автора*

времени. Сразу после своего позора тот уединился в своем помещичьем доме во Френе, где среди строгих, но милых его сердцу философских изысканий он позабыл об интригах презренного двора. Сам Ло и шевалье де Конфлан, дворянин из окружения регента, были отправлены на дилижансе с приказом доставить бывшего канцлера в Париж. д'Агессо согласился оказать посильное содействие вопреки совету своих друзей, полагавших, что ему не следует принимать никакие призывы вернуться в учреждение, посланником которого является Ло. По его прибытии в Париж пятерым членам парламента было решено присвоить звание интенданта финансов, а 1 июня вышло распоряжение об отмене закона, запрещающего накапливать монеты на сумму более пятисот ливров. Всем разрешили иметь столько металлических денег, сколько хочется. Чтобы изъять из обращения старые банкноты, было напечатано двадцать пять миллионов новыми, обеспеченными доходными статьями города Парижа. Старые банкноты принимали в среднем за двадцать пять процентов от номинала*. Изъятые банкноты были публично сожжены перед зданием мэрии. Большинство новых банкнот были десятиливровыми, и 10 июня банк открылся вновь, имея в своем резерве серебряные монеты в количестве, достаточном для их обмена.

Эти меры существенно разрядили ситуацию. Все население Парижа устремилось в банк, чтобы обратить свои поскудневшие сбережения в монету, и, поскольку серебра не стало хватать, им платили медью. Очень немногие жаловались на то, что такая ноша слишком тяжела, несмотря на то, что можно было постоянно наблюдать, как эти бедняги с трудом тащатся, потея, по улицам, нагруженные сверх меры монетами, обменянными на пятьдесят ливров. Толпы, окружавшие банк, были столь огромными, что чуть ли не каждый день кто-нибудь оказывался задавленным насмерть. 9 июля толпа была такой густой и шумной, что гвардейцы, охранявшие вход в парк Мазарен, закрыли ворота и отказались впустить кого-либо. Толпа пришла в ярость и сквозь ограду забросала солдат камнями. Последние, разъярив-

* Обмен производился в соответствии со строгой шкалой. Коэффициент обмена зависел от источника получения банкнот. Например, те, кто получил банкноты в качестве ежегодной ренты, обменивал их 1:1, а те, кто не мог указать источник получения банкнот, терял 95% стоимости. *Прим. перев.*

шись в свою очередь, пригрозили открыть огонь. В этот момент в одного из них попал камень, и он, вскинув ружье, выстрелил в толпу. Один человек был убит на месте, другой - тяжело ранен. В любую секунду мог начаться штурм банка, но ворота в парк Мазарен были открыты, и толпа увидела целый отряд солдат со штыками, примкнутыми к ружьям, и довольствовалась тем, что выразила свое негодование стенаниями и свистом.

Восемь дней спустя народу собралось столько, что пятнадцать человек задавили насмерть у дверей банка. Люди были настолько возмущены, что положили три трупа на носилки и в количестве семи или восьми тысяч отправились в парк Пале Рояль, дабы показать регенту те несчастья, которые он и Ло навлекли на страну. Кучер Ло, сидевший на козлах кареты хозяина во внутреннем дворе дворца, проявил скорее рвение, нежели благоразумие, и, недовольный оскорблениями в адрес хозяина, сказал достаточно громко для того, чтобы его нечаянно услышали несколько человек, что все они мерзавцы и заслуживают виселицы. Толпа немедленно напала на него и, думая, что Ло находится в карете, разломала ее на куски. Опрометчивый кучер еле унес ноги. Больше никаких бесчинств не было. Появились войска, и толпа потихоньку рассосалась после заверений регента в том, что три тела, представленные на его обозрение, будут должным образом похоронены за его счет. Во время этой смуты проходило заседание парламента, и его председатель вызвался пойти и посмотреть, в чем дело. Вернувшись, он сообщил заседающим, что карета Ло разломана толпой. Все одновременно повскакивали со своих мест и громко закричали от радости, а один парламентарий, более усердный в своей ненависти, чем остальные, воскликнул: *«А самого Ло разорвали на части?»**

* Герцогиня Орлеанская рассказывает эту историю по-другому, но кто бы ни был прав, проявление подобных чувств в законодательном собрании нельзя считать особенно похвальным. Она пишет, что председатель настолько не помнил себя от радости, что его посетил поэтический дар и он крикнул сидящим в зале парламентариям:
(Messieurs! Messieurs! bonne nouvelle!
Le carosse de Lass est reduit en cannelle!»
(«Господа! Господа! Хорошая новость! Карету Ласса разбили вдребезги»). *Прим. автора.*

Многое, несомненно, зависело от репутации Компании двух Индий, задолжавшей нации огромную сумму. В связи с этим на министерском совете была вы сказана мысль, что любые привилегии, даруемые компании, чтобы та смогла рассчитаться по своим обязательствам, должны быть максимально эффективными. В свете этого было предложено закрепить за ней исключительную привилегию на всю морскую торговлю, и был издан соответствующий указ. Но при этом, к сожалению, забыли, что такая мера разорит всех купцов в стране. Нация в целом отвергала идею столь огромной привилегии, и в парламент подавалась петиция за петицией с требованием не ратифицировать этот указ. Парламент так и сделал, и регент, заметив, что тем самым парламентарии лишь раздули пламя антиправительственной агитации, выслал их в Блуа. По ходатайству д'Агессо место ссылки было заменено на Понтуаз, куда парламентарии и направились, полные решимости бросить регенту вызов. Они приложили все усилия к тому, чтобы их временная ссылка была как можно более приятной. Председатель парламента давал самые изысканные ужины, на которые приглашал всех самых веселых и остроумных людей Парижа. Каждый вечер давался концерт и бал для дам. Обычно степенные и чопорные эксперты и советники предавались карточной игре и прочим развлечениям и несколько недель кутили напропалую с одной лишь целью — показать регенту, насколько несущественным они считают собственное изгнание и что, если бы они захотели, они предпочли бы Понтуаз Парижу.

Из всех народов мира французы наиболее известны как выразители недовольства в песнях. Об этой стране с определенной долей истины говорят, что всю ее историю можно проследить по песням ее народа. Когда Ло, с треском провалив свои лучезарные планы, впал у людей в немилость, он, естественно, стал объектом сатиры, и пока во всех заведениях появлялись карикатуры на него, улицы оглашались песнями, не щадившими ни его, ни регента. Многие из этих песен были далеки от приличия, а одна из них в частности советовала использовать все его банкноты по тому самому неприглядному назначению, по которому можно использовать бумагу. Но нижеприведенная песня, сохраненная в записках герцогини Ор-

леанской, была самой лучшей и самой популярной - ее месяцами распевали на каждом углу в Париже. Достаточно удачно используется припев:

Aussitot que Lass arriva
Dans notre bonne ville,
Monsieur de Regent publia
Que Lass serait utile
Pour retablir la nation.
La faridondaine! la faridondon!
Mais il nous a tous enrichi,
Biribi!...
A la facon de Barbari,
Mon ami!
Ce parpaillot, pour attirer
Tout 1'argent de la France,
Songea d'abord a s'assurer
De notre confiance.
II fit son abjuration,
La faridondaine! la faridondon!
Mais le fourbe s'est convert!,
Biribi!
A la facon de Barbari,
Mon ami!
Lass, le fils aine de Satan
Nous met tous a 1'aumone,
II nous a pris tout notre argent
Et n'en rend a personne.
Mais le Regent, humain et bon,
La faridondaine! la faridondon!
Nous rendra ce qu'on nous a pris,
Biribi!
A la facon de Barbari,
Mon ami! *

* см. сноску на следующей странице.

Тогда же бытовала следующая эпиграмма:

Lundi, j'achetai des actions;
Mardi, je gagnai des millions;
Mercredi, j'arrangeai mon menage;
jeucfr, je pris un equipage;
Vendredi, je m'en fus au bal,
Et Samedi, a 1'hopital.**

В свободном переводе это звучит так:

* Тотчас, как приехал Ласе
В городок наш добрый,
Регент уверял всех нас,
Что будет он полезен скоро
И лучше станет жить народ.
Вот так! Вот-вот!
Станем мы все богаты,

Азартный игрок!
Мой друг, он к нам, как варвар, жесток!

Этот безбожник, чтоб выманить
Все Франции деньги,
Думал сначала получить всеобщее доверье.
Отречься от всего сумел он быстро,
Вот так! Вот-вот!
Но деньги мошенник пустить в оборот все же смог

Азартный игрок!
Мой друг, он к нам, как варвар, жесток!

Ласе, старший сын сатаны,
Нас всех пустил по миру ты,
Забрал все деньги,
Ничего не отдал.
Но есть добрый и честный Регент,
Вот так! Вот-вот!
Возврати нам в срок все, что он взял!

Азартный игрок!
Мой Друг, он к нам, как варвар, жесток! *Прим.* перев.

** В понедельник я акции купил,
Во вторник миллион по ним получил,
В среду дома в порядок привел антураж,
В четверг заказал себе экипаж,
В пятницу решил поехать на бал,
Ну а в субботу в больницу попал. *Прим. перев.*

Среди множества опубликованных карикатур, явно свидетельствующих о том, что нация осознала всю серьезность положения, в котором она оказалась по собственному недомыслию, была одна, факсимиле которой сохранилось в *«Мемуарах о регентстве»*. Автор карикатуры описывает ее следующим образом: «Богиня Акций в своей триумфальной колеснице, которой правит богиня Глупости. В колесницу впряжены воплощения Миссисипской компании (с деревянной ногой), Компании южных морей, Английского банка, Компании Западного Сенегала и различных страховых компаний. Чтобы колесница катилась достаточно быстро, агенты этих компаний, которых можно узнать по их длинным лисьим хвостам и коварным взглядам, вращают спицы колес, на которых написаны названия ценных бумаг и их стоимость, меняющаяся в зависимости от поворотов колес. По земле разбросаны товары, бухгалтерские журналы и торговые гроссбухи, раздавленные колесницей Глупости. На заднем плане - огромная толпа людей всех возрастов, полов и общественных положений, шумно требующих Фортуну и дерущихся друг с другом за акции, которые она щедро им раздает. В облаках сидит демон, выдувающий мыльные пузыри, также являющиеся объектами восхищения и жадности людей, запрыгивающих друг другу на спины, чтобы дотянуться до них, пока они не лопнули. Справа на пути колесницы, загораживая проезд, стоит большое здание с тремя дверями, через одну из которых она должна проехать, если проследует дальше, а вместе с ней и вся толпа. Над первой дверью написаны три слова - *"Hopital des Foux"*,* над второй - *"Hopital des Malades"**,* а над третьей - *"Hopital des Gueux"***».* На другой карикатуре По сидит в большом котле, который варится на огне народного безумия, окруженный бурлящей толпой людей, бросающих в него все свое золото и серебро и радостно получающих взамен бумажки, которые Ло раздает им пригоршнями.

* Психбольница. *Прим. перев.*
** Больница. *Прим. перев.*
*** Приют для бездомных. *Прим. перев.*

Пока длилось это волнение, Ло тщательно позаботился о том, чтобы не появляться в городе без охраны. Сидя взаперти в апартаментах регента, он был защищен от любого нападения; когда же он отваживался их покинуть, он либо делал это *инкогнито, либо* выезжал в одной из королевских карет под усиленной охраной. Современники зафиксировали забавный эпизод, характеризующий то омерзение, которое к нему питали люди, и то дурное обращение, с которым он бы столкнулся, попадись он им в руки. Дворянин по фамилии Бурсель проезжал в своей карете по улице Сент-Антуан, как вдруг ему пришлось остановиться из-за загородившего дорогу наемного экипажа. Слуга месье Бурселя нетерпеливо окликнул кучера наемного экипажа, требуя освободить дорогу, и, получив отказ, нанес ему удар в лицо. Скоро вокруг места происшествия собралась толпа, и месье Бурсель вышел из кареты, чтобы восстановить порядок. Кучер наемного экипажа, вообразив, что у него появился еще один противник, придумал, как избавиться от обоих, и закричал, что есть мочи: «Помогите! Помогите! Убивают! Убивают! Ло и его слуга собираются убить меня! Помогите! Помогите!» На этот крик из лавок повыбегали люди, вооруженные палками и другими предметами, а толпа принялась собирать камни, дабы коллективно отомстить мнимому финансисту. К счастью для месье Бурселя и его слуги, дверь церкви иезуитов была широко открыта, и они, испуганные не на шутку, помчались туда со всех ног. Преследуемые толпой, они добежали до алтаря, и им пришлось бы несладко, если бы они, увидев открытую дверь, ведущую в ризницу, не вбежали туда и не закрыли её за собой. После этого встревоженные и негодующие священники уговорили толпу покинуть церковь, и люди, обнаружив все еще стоявшую на улице карету месье Бурселя, выместили свою враждебность на ней, нанеся ей серьезные повреждения.

Двадцать пять миллионов ливров, обеспеченные муниципальными доходными статьями города Парижа со столь невыгодным коэффициентом обмена, были не слишком популярны среди держателей крупных пакетов Миссисипских акций. Поэтому конвертация в новые банкноты была задачей большой сложности и многие предпочитали держать

обесценивающиеся акции компании Ло в надежде на благоприятный поворот. 15 августа для ускорения конверсии был издан указ, гласящий, что все банкноты на сумму от одной до десяти тысяч ливров не должны находиться в обращении, за исключением случаев покупки ежегодной ренты, взносов на банковские счета или выплаты за пакеты акций, приобретенные в рассрочку.

В октябре вышел еще один указ, лишавший эти банкноты всякой цены после ноября месяца. Управление монетным двором, сбор налогов и все прочие преимущества и привилегии Миссисипской компании были у нее отобраны, и она стала обычной частной компанией. Это был смертельный удар для целой системы, которая отныне находилась в руках ее врагов. Ло потерял все свое влияние в Совете Франции, а компания, лишенная льгот, не могла больше даже надеяться на то, что она сумеет рассчитаться по своим обязательствам. Всех, кто подозревался в получении нелегальных доходов во время расцвета массового психоза, разыскали и наказали крупными штрафами. Перед этим было приказано составить список первоначальных собственников, которые как лица, еще располагающие акциями, должны были вернуть их компании, а те, кто не успел оплатить акции, на которые они подписывались, должны были теперь выкупить их у компании по 13 500 ливров за каждую акцию стоимостью 500 ливров. Не дожидаясь, пока их заставят выплатить эту огромную сумму за фактически обесценившиеся акции, их держатели собрали свои пожитки и попытались найти убежище в других странах. Официальным лицам в портах и на границах немедленно приказали схватить всех путешественников, пытающихся покинуть королевство, и держать их под стражей, пока не будет удостоверено отсутствие у них золотой и серебряной посуды или ювелирных изделий или доказана их непричастность к биржевой игре. Немногие сбежавшие были приговорены к смертной казни, в то время как большинство жестоких судебных преследований было начато против тех, кто остался.

Сам Ло в момент отчаяния решил покинуть страну, где его жизни отныне угрожала опасность. Сперва он просто попросил разрешения уехать из Парижа в одно из своих поместий,

на что регент легко согласился. Последний был немало взволнован тем несчастливым оборотом, который приняли дела, но его вера в правильность и эффективность финансовой системы Ло осталась непоколебимой. Он видел только свои собственные ошибки и на протяжении немногих оставшихся ему лет жизни постоянно искал возможность вновь учредить эту систему на более безопасной основе. По воспоминаниям современников, Ло во время своей последней беседы с принцем сказал: «Я признаю, что совершил много ошибок, я совершил их, потому что я человек, а людям свойственно ошибаться; но я заявляю вам со всей серьезностью, что ни одна из них не была продиктована безнравственными или бесчестными мотивами и что ничего подобного нельзя обнаружить ни в одном моем деянии».

Через два или три дня после его отъезда регент *послал* ему весьма любезное письмо, в котором разрешал покинуть королевство в любое удобное для него время и сообщал, что велел подготовить ему паспорта. Кроме того, он предлагал любую сумму денег, какую бы тот ни пожелал. Ло почтительно отказался от денег и отбыл в Брюссель на дилижансе, принадлежавшем мадам де При, любовнице герцога Бурбонского, под охраной шести конных гвардейцев. Оттуда он проследовал в Венецию, где прожил несколько месяцев, являясь объектом величайшего любопытства горожан, считавших его владельцем несметного богатства. Однако ни одно мнение не могло быть более ошибочным. С благородством большим, чем можно было ожидать от человека, который большую часть своей жизни был явным авантюристом, он отказался от собственного обогащения за счет разоренной нации. В разгаре массовой неистовой охоты за Миссисипскими акциями он ни на секунду не сомневался в конечном успехе своих проектов, призванных превратить Францию в богатейшую и влиятельнейшую страну Европы. Все свои доходы он вложил в покупку земельной собственности во Франции, что является надежным доказательством его веры в незыблемость собственных предприятий. Он не запасся столовым серебром или ювелирными изделиями и не перевел, в отличие от бесчестных маклеров, никаких денег за границу. Все его состояние, кроме

одного алмаза, стоимостью порядка пяти-шести тысяч фунтов стерлингов, было вложено во французские земельные угодья; и когда он покинул эту страну, то сделал это почти нищим. Один этот факт должен был спасти память о нем от обвинений в мошенничестве, столь часто и столь несправедливо выдвигаемых против него.

Как только стало известно об его отъезде, все его поместья и ценная библиотека были конфискованы. Среди прочего он потерял право на ежегодную ренту на имя жены и детей в размере 200 000 ливров (8000 фунтов стерлингов), купленную им за пять миллионов ливров, несмотря на то, что соответствующий специальный указ, изданный в дни его процветания, ясно гласил, что она не подлежит конфискации ни по какой причине. Люди были очень недовольны тем, что Ло позволили сбежать. Народ и парламент предпочли бы видеть его повешенным. Те немногие, кто не пострадал от коммерческой революции, радовались тому, что *шарлатан* покинул страну; но все те (а таких было большинство), чьи богатства были в эту революцию вовлечены, сожалели, что его личная причастность к постигшей страну беде и к причинам, по которым это случилось, не получила более приличествующего ей воздаяния.

На заседании Совета по финансам и Генерального совета регентства на стол легли документы, из которых явствовало, что всего в обращении находится банкнот на сумму в два миллиарда семьсот миллионов ливров. От регента потребовали объяснений, как могло появиться расхождение между суммой, на которую они были напечатаны, и суммой, отраженной в указе, санкционировавшем их выпуск. Он мог бы, ничем не рискуя, взять всю вину на себя, но он предпочел разделить ее с отсутствующим лицом, для чего заявил, что Ло, уполномоченный им лично, в разное время организовал выпуск банкнот на сумму в один миллиард двести миллионов ливров, и что он (регент), понимая необратимость сделанного, прикрыл Ло, подписав задним числом указы совета, санкционирующие этот прирост. Он выглядел бы более достойно, если бы сказал в своей речи всю правду и признал, что главным образом его собственные несдержанность и нетерпение заставили Ло

переступить границы безопасной спекуляции. Было также установлено, что национальный долг на 1 января 1721 г. составил свыше 3 100 000 000 ливров (более 124 000 000 фунтов стерлингов), а проценты по нему - 3 196 000 фунтов стерлингов. Немедленно была назначена комиссия, так называемая *виза,* для проверки всех ценных бумаг государственных кредиторов, которых пришлось разделить на пять категорий; первые четыре охватывали тех, кто купил свои ценные бумаги на законном основании, а пятая включала тех, кто не мог доказать, что сделки, которые они заключили, являются законными и *добросовестными*. Ценные бумаги последних было приказано уничтожить, а ценные бумаги первых четырех категорий подлежали самой строгой и ревностной инспекции.

Результатом деятельности *визы* явился доклад, в котором рекомендовалось снизить проценты по этим ценным бумагам до пятидесяти шести миллионов ливров. Данная рекомендация аргументировалась описанием выявленных актов казнокрадства и вымогательства, и с целью ее выполнения парламент королевства издал и должным образом ратифицировал соответствующий указ.

Позднее был учрежден еще один трибунал под названием *Chambre de I'Arsenal,* рассматривавший все случаи присвоения общественных или государственных сумм в финансовых департаментах правительства в недавний злополучный период. Один из судей, который занимался взиманием долгов, по имени Фалоне вместе с аббатом Клеманом и двумя другими чиновниками были уличены в растратах в общей сложности более миллиона ливров. Первых двоих приговорили к отсечению головы, а остальных - к повешению, но впоследствии заменили им казнь пожизненным заключением в Бастилии. Было вскрыто много других случаев мошенничества, виновных приговорили к штрафам и к тюремному заключению.

Д'Аржансон разделил с Ло и регентом непопулярность, постигшую всех вдохновителей Миссисипского безумия. Он был смещен с поста канцлера (его место занял д'Агесso), но сохранил за собой титул хранителя печатей, и ему было дозволено присутствовать на заседаниях Генеральных штатов, когда бы он того ни пожелал. Тем не менее он счел за лучшее уехать из

Парижа и какое-то время пожить в одиночестве в своем имении. Но д'Аржансон не был создан для уединенной жизни, и у него, все больше впадающего в уныние и пессимизм, обострилась болезнь, от которой уже долгое время страдал, и менее чем через год он умер. Парижане ненавидели его настолько, что свою ненависть донесли даже до его могилы. Когда похоронная процессия подошла к церкви Сен-Николя-дю-Шардонере, на территории которой были похоронены члены его семьи, ей преградила путь негодующая толпа; двое его сыновей, бывшие распорядителями на похоронах, были вынуждены со всех ног спасаться бегством через один из ближайших переулков, дабы избежать расправы.

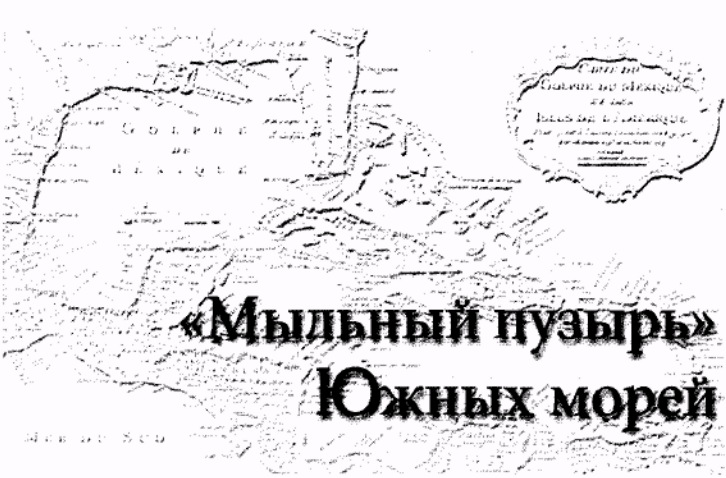
Что же касается Ло, то он какое-то время тешил себя надеждой, что Франция позовет его обратно, чтобы он помог ей подвести под кредитование более прочную базу. Смерть регента в 1723 г., который скоропостижно скончался, сидя у камина и беседуя со своей любовницей, герцогиней де Фалари, лишила его этой надежды, и ему пришлось вернуться к прежней жизни игрока. Ему не раз приходилось закладывать свой алмаз- единственный отголосок некогда огромного богатства, но успешная игра обычно позволяла ему выкупать камень. Спасаясь от преследования своих кредиторов в Риме, он переехал в Копенгаген, где получил разрешение английского министерства юстиции на проживание на родине; прощение за убийство г-на Уилсона было ему даровано в 1719 г. Ло привезли домой на адмиральском корабле (обстоятельство, давшее повод для непродолжительных дебатов в Палате лордов). Граф Конингсби был недоволен тем, что с человеком, отрекшимся и от своей страны, и от своей религии, обращаются столь почтительно, и выразил убежденность, что присутствие последнего в Англии в то время, когда люди настолько сбиты с толку бесчестными происками директоров Компании южных морей, связано с немалым риском. Он предложил выдворить Ло из страны, но событиям было предоставлено идти своим чередом: больше никто из членов палаты ни в малейшей степени не разделял страхи его светлости. Ло прожил в Англии четыре года, а затем перебрался в Венецию, где и умер в 1729 г. в крайней нужде. На это была сочинена следующая эпитафия:

«Ci git cet Ecossais celebre,
Ce calculateur sans egal,
Qui, par les regies de 1'algebre,
A mis la France a 1'hopital.»*

Его брат, Уильям Ло, деливший с ним бразды правления как банком, так и Луизианской компанией, был заключен в Бастилию по обвинению в присвоении общественных сумм, но ничего доказать так и не удалось. Через год и три месяца он был освобожден и положил начало роду, все еще известному во Франции под титулом маркизов де Лористон.

В следующей главе рассказывается о безумии, охватившем население Англии в то же самое время и при весьма схожих обстоятельствах, но, благодаря усилиям и здравому смыслу конституционной монархии, имевшем последствия гораздо менее катастрофические, чем французский кризис.

* Здесь погребен шотландец известный,
По мастерству расчета беспрецедентный,
При помощи алгебры он правил
И Францию в больницу всю отправил. *Прим. перев.*



«Мыльный пузырь» Южных морей

At length corruption, like a general flood,
Did deluge all; and avarice creeping on,
Spread, like a low-born mist, and hid the sun.
Statesmen and patriots plied alike the stocks,
Peeress and butler shared alike the box;
And judges jobbed, and bishops bit the town.
And mighty dukes packed cards for half-a-crown;
Britain was sunk in lucre's sordid charms. – Pope.*

Компания южных морей была основана знаменитым Харли, графом Оксфордским, в 1711 году с целью возрождения национальной кредитной системы, пошатнувшейся в результате отставки кабинета министров партии вигов. Государству было необходимо срочно обеспечить погашение долговых обязательств армии и флоту и некоторых других статей текущей за-

* В конце концов продажность, как наводнение, затопила все; и алчность расползлась повсюду, растеклась, как отвратительный туман, и закрыла солнце. Государственные деятели и патриоты спекулировали на бирже, леди и дворецкий делили доходы; судьи барышничали, епископы воровали. Могущественные герцоги собирали карты в колоду за полкроны: Британию захлестнула презренная жажда наживы. - Поп. *Прим. перев.*

долженности, составлявших в сумме около десяти миллионов фунтов стерлингов. Компания, учрежденная несколькими известными торговцами, тогда еще не имевшая названия, взяла этот долг на себя, а правительство, в свою очередь, согласилось в течение определенного периода гарантировать ей вознаграждение в размере шести процентов в год. Для обеспечения выплаты этого вознаграждения, составлявшего 600 000 фунтов в год, было решено направлять поступления от пошлин на вина, уксус, товары из Индии, обработанные шелка, табак, китовый ус и некоторые другие товары. Компании была дарована монополия по торговле на территории южных морей, и она, будучи зарегистрированной парламентским постановлением, присвоила себе соответствующее название, под которым была известна в дальнейшем. Вышеупомянутый Харли своим участием в этой сделке завоевал себе солидную репутацию, и льстецы назвали это предприятие «шедевром графа Оксфордского».

В этот период истории все общество было одержимо самыми фантастическими идеями разработки огромных месторождений драгоценных металлов на западном побережье Южной Америки. Все узнали о золотых и серебряных месторождениях Перу и Мексики, поверили в их неисчерпаемость и в то, что стоит лишь отправить туда английских старателей, как это стократно окупится слитками чистого золота и серебра. Настойчиво муссируемое сообщение о том, что Испания хочет открыть для торговцев четыре порта на побережьях Чили и Перу, вызвало всеобщую эйфорию, и акции Компании южных морей высоко котировались много лет подряд.

Между тем Филипп V, король Испании, никогда не имел ни малейшего намерения разрешить англичанам свободно торговать в портах Латинской Америки. Переговоры об этом велись, но их единственным результатом стал договор *assiento* - привилегия на поставку в колонии негров-рабов в течение тридцати лет и на отправку один раз в год корабля, ограниченного и по тоннажу и по стоимости груза, для торговли с Мексикой, Перу или Чили. Да и то, последнее разрешение давалось при жестком условии, согласно которому король Испании получал четверть всех доходов и пять процентов стоимости непроданного товара. Это явилось большим разо-

чарованием для графа Оксфордского и его окружения, которым гораздо чаще, чем им того хотелось, напоминали, что

«Parturiunt monies, nascitur ridiculus mus»*.

Но доверие народа к «Компании южных морей» осталось непоколебленным. Кроме того, граф Оксфордский заявил, что Испания позволит двум кораблям сверх одного ежегодного осуществлять торговлю в течение первого года, и был опубликован документ, в котором все порты и гавани берегов испанской части Америки напыщенно объявлялись открытыми для торговли с Великобританией. Первое плавание ежегодного корабля состоялось только в 1717 году, а в следующем году торговля была прекращена из-за разрыва дипломатических отношений с Испанией.

Речь короля на открытии парламентской сессии 1717 г. содержала недвусмысленную оценку состояния национальной кредитной системы и рекомендацию принятия должных мер для уменьшения национального долга. И 20 мая следующего года две крупнейшие финансовые корпорации, Компания южных морей и Английский банк, внесли свои предложения в парламент. Компания южных морей предлагала, чтобы ее акционерный капитал в десять миллионов был увеличен до двенадцати за счет подписки или иным образом, и соглашалась снизить свое вознаграждение за обслуживание государственных долгов с шести до пяти процентов в год. Банк внес столь же выгодные предложения. Парламент какое-то время их обсуждал, и наконец было издано три постановления - так называемое Постановление о Компании южных морей, Постановление об Английском банке и Постановление о Генеральном фонде. Первым из них принимались предложения Компании южных морей и декларировалась готовность компании ссудить государству сумму в два миллиона фунтов для погашения основной суммы и процентов по долгам четырех лотерейных фондов девятого и десятого годов правления королевы Анны. Согласно второму постановлению Английский банк соглашался снизить процентную ставку на сумму в 1 775 027 фунтов 15

* Рожают горы, а рождается смешная мышь (лат.). *Прим. перев.*

шиллингов государственного долга банку и погасить государственные казначейские векселя в количестве, соответствующем двум миллионам фунтов в обмен на ежегодную ренту в сто тысяч фунтов. От обеих финансовых корпораций также требовалась готовность при необходимости ссудить сумму, не превышающую 2 500 000 фунтов, под ставку в пять процентов, подлежащую оплате парламентом. В Постановлении о Генеральном фонде перечислялись различные дефициты, которые должны были быть ликвидированы путем использования средств, полученных из вышеупомянутых источников.

После этого название «Компания южных морей» было постоянно у всех на слуху. Хотя ее торговля со странами Южной Америки почти или вовсе не принесла ей прибыли, она продолжала процветать как финансовая корпорация. Ее акции пользовались хорошим спросом, а ее директора, подбодренные успехом, начали искать новые средства для расширения ее влияния. Миссисипский план Джона Ло, столь ослепивший и увлекший французский народ, внушил им мысль, что они могут продолжить ту же самую игру в Англии. Ожидаемый провал его планов не заставил их отказаться от этого намерения. Тщеславные в своем самодовольстве, они воображали, что им удастся избежать его ошибок, осуществлять свои замыслы вечно и натянуть веревку кредитной системы до максимально допустимого напряжения, не разорвав ее на части.

В то время, когда план Ло находился на пике своей популярности, когда люди тысячами устремлялись на улицу Куинкампуаи разоряли сами себя с неистовым рвением, руководство Компании южных морей предложило парламенту свой знаменитый план выплаты национального долга. Перед зачарованными глазами народов двух самых знаменитых стран Европы проплывали видения несметного богатства. Англичане начали свое сумасбродство несколько позже французов, но как только исступление охватило их, они оказались в нем непревзойденными. Предложение Компании южных морей по выплате и погашению государственных долгов представлялось таким судьбоносным, что 22 января 1720 г. Палата общин объявила себя парламентским комитетом, чтобы принять участие в обсуждении той части выступления короля на открытии сессии,

которая касалась этого проекта. В этом предложении со всеми подробностями и *в* нескольких разделах перечислялись долги государства, составлявшие 30 981 712 фунтов, которые компания стремилась взять на себя за вознаграждение в размере пяти процентов в год, гарантируемое ей до середины лета 1727 г.; после чего все они подлежали погашению по желанию законодательной власти при снижении суммы ежегодного вознаграждения до четырех процентов. На сумму долга предполагалось выпустить акции. Предложение было принято с большим одобрением, но у Английского банка было много сторонников в Палате общин, желавших, чтобы он получил свою долю доходов, которые, вероятно, должны были быть значительными. От имени банка было заявлено, что он оказал государству значительные услуги в самые трудные времена и заслуживает как минимум какой-то выгоды от подобной сделки на государственном уровне и что предпочтение должно быть отдано ей, а не компании, пока не сделавшей для страны ровным счетом ничего. В результате дальнейшее рассмотрение этого вопроса отложили на пять дней. Тем временем правление банка составило свое собственное предложение. Компания южных морей, опасаясь, что банк предложит правительству более выгодные условия, нежели она, пересмотрела свое предыдущее предложение и внесла в него поправки, которые, как она надеялась, сделают его более привлекательным. Принципиальным новшеством было условие, что правительство сможет погасить свои долги по истечении четырех лет, а не семи, как предлагалось вначале. Банк решил остаться непревзойденным в этом своеобразном аукционе, и его правление также пересмотрело свое первоначальное предложение и подало новое.

Таким образом, от каждой корпорации было получено по два предложения, которые парламент начал обсуждать. Г-н Роберт Уолпол был главным оратором в пользу банка, а г-н Айлэби, канцлер казначейства*, - главным защитником интересов Компании южных морей. Второго февраля было решено, что предложения последней являются наиболее выгодными для страны. Они, соответственно, были приняты, и было дано разрешение внести законопроект их реализации.

* Министр финансов Англии. *Прим. перев.*

Иксчейндж-эли* находилась в лихорадочном возбуждении. Акции компании, еще вчера стоившие сто тридцать фунтов, постепенно подорожали до трехсот, и этот процесс продолжался с удивительной быстротой все то время, пока шло поэтапное обсуждение законопроекта. Г-н Уолпол был едва ли не единственным государственным деятелем в парламенте, твердо выступавшим против его принятия. Он выразительно и пафосно предвосхищал пагубные последствия такого шага. Г-н Уолпол сказал, что этот план поощряет «опасную практику биржевых спекуляций и отвлечет нацию от торговли и промышленности. Он вызовет опасный соблазн завлечь и разорить легковерных, принеся их сбережения в жертву перспективе иллюзорного богатства. Основной принцип этого проекта: первостатейное зло; он призван искусственно повысить цену акций за счет возбуждения и поддержания массового слепого ажиотажа, а также за счет обещаний выплат дивидендов от фондов, недостаточных для этого в принципе». С воодушевлением пророка он добавил, что если этот план удастся реализовать, то директора компании станут в правительстве хозяевами, сформируют в королевстве новую и самовластную аристократию и возьмут под свой контроль решения законодательной власти. Если же он потерпит фиаско, в чем Уолпол был убежден, то страну ожидают массовые беспорядки и разорение. Люди будут настолько оболванены, что, когда настанут черные дни, а они обязательно настанут, они очнутся как ото сна и спросят себя, было ли все это на самом деле. Все его красноречие пропало даром. На него смотрели, как на лжепророка, или сравнивали с хриплым вороном, накаркивающим беду. Однако его друзья сравнивали его с Кассандрой, предсказывающей несчастья, в которые поверят лишь тогда, когда они войдут в дома людей и взглянут им в лицо за их собственными столами. Несмотря на то, что прежде парламент с величайшим вниманием прислушивался к каждому его слову, теперь скамьи пустели, когда выяснялось, что он собирается говорить о Компании южных морей.

* Exchange Alley (англ.) — название улицы, которое можно перевести как «аллея менял». *Прим. перев.*

Законопроект два месяца подготавливался Палатой общин. За
это время руководители компании и их сторонники, особенно ее управляющий, знаменитый сэр Джон Блант, приложили все усилия к тому, чтобы повысить цену акций. Ходили самые нелепые слухи. Говорили о соглашениях между Англией и Испанией, в соответствии с которыми последняя должна была дать согласие на свободную торговлю со всеми своими колониями, а ценное содержимое месторождения Потоси-ла-Пас* должно было поступать в Англию до тех пор, пока серебра не станет в ней почти так же много, как железа. За изделия из хлопка и шерсти, которые Англия могла в изобилии поставлять, жители Мексики должны были опорожнить свои месторождения золота. Компания купцов, торгующая со странами южных морей, стала бы богатейшей компанией за всю историю человечества, а каждые сто фунтов, вложенные в нее, приносили бы держателю ее акций несколько сотен ежегодно. Эти домыслы дали свои плоды: в конце концов акции поднялись в цене почти до четырехсот фунтов, но после значительного колебания курса остановились на отметке в триста тридцать фунтов и оставались на ней, когда законопроект был принят Палатой общин 172 голосами против 55.

Поэтапное рассмотрение законопроекта в Палате лордов прошло беспрецедентно быстро. Четвертого апреля он прошел первое чтение, 5 апреля -второе, 6 апреля он был передан в комиссию парламента, а 7 апреля - принят в третьем чтении и утвержден.

Некоторые пэры были решительно настроены против этого плана, но их предостережения пропустили мимо ушей. Азарт спекуляции обуял государственных мужей точно так же, как и простолюдинов. Лорд Норт энд Грей сказал, что данный законопроект несправедлив по своей природе и может иметь фатальные последствия, так как направлен на обогащение немногих и обнищание остальных. Герцог Уортонский разделял его позицию, но, так как он просто повторил аргументы, столь красноречиво высказанные Уолполом в нижней палате, его выслушали с куда меньшим вниманием, чем лорда Норт энд Грей. Граф Коупер был на их стороне и сравнил законопроект с пресловутым троянским конем, который был внесен

* Оловорудное (с серебром) месторождение в Боливии. *Прим. перев.*

и встречен с большой помпой и приветственными возгласами, но нес в себе вероломство и гибель. Граф Сандерлендский попытался ответить на все возражения; и после того, как вопрос был поставлен на голосование, только семнадцать пэров были против, а восемьдесят три - за принятие законопроекта. В тот же самый день, когда он был принят Палатой лордов, он получил королевскую санкцию и стал законом страны.

В то время казалось, что целая нация превратилась в биржевых спекулянтов. Иксчейндж-эли ежедневно наводняли толпы людей, а Корнхилл был непроезжим из-за большого числа карет. Все приходили покупать акции. «Каждый дурак стремился стать мошенником». Как гласила написанная в то время и распеваемая на улицах баллада*:

«Then stars and garters did appear
Among the meaner rabble;
To buy and sell, to see and hear
The Jews and Gentiles squabble.
The greatest ladies thither came,
And plied in chariots daily,
Or pawned their jewels for a sum
To venture in the Alley.» **

Чрезмерную жажду наживы, охватившую все общественные слои, не могла утолить одна лишь Компания южных морей. Появились и другие, самого экстравагантного типа. Поспешно заполнялись курсовые бюллетени, и шла крупномасштабная торговля акциями, при этом, разумеется, в ход шли любые средства искусственной накрутки их цены на рынке.

Вопреки всем ожиданиям, после получения законопроектом королевской санкции курс акций Компании южных морей сни-

* «Баллада о Компании южных морей, или Веселые заметки о дутых предприятиях на Иксчейндж-эли». В сочетании с новой мелодией называется «Великий эликсир, или Философский камень найден». *Прим. автора.*
** Тогда знаменитости и орденоносцы смешались с презренной чернью; иудеи и христиане расталкивали друг друга, чтобы купить и продать, увидеть и услышать. Благороднейшие леди приходили туда и ежедневно приезжали в колесницах или закладывали свои драгоценности, чтобы попытать счастья на Аллее. *Прим. перев.*

зился. Седьмого апреля акции котировались на уровне трехсот десяти фунтов, а на следующий день - двухсот девяноста фунтов. Руководство компании уже ощутило выгодность своего предприятия, и было ясно, что оно просто так не даст цене акций упасть до естественного уровня, не попытавшись ее поднять. Эмиссары компании немедленно взялись за дело. Все, кто был заинтересован в успехе этого проекта, старались собрать вокруг себя кучку слушателей, которым они сообщали о сокровищах южноамериканских морей. Такие группки людей заполонили Иксчейндж-эли. Один слух, пересказываемый с величайшим доверием, оказал немедленное воздействие на котировку акций. Говорили, что граф Стэнхоуп получил во Франции от испанского правительства предложение обменять Гибралтар и Порт-Мэйхон на территории побережья Перу под гарантию обеспечения и расширения торговли под эгидой Компании южных морей. Вместо одного ежегодного корабля, торгующего в этих портах, и отчисления королю Испании двадцати пяти процентов доходов от этой торговли, компания получала право строить и фрахтовать столько судов, сколько пожелает, и не выплачивать какие бы то ни было проценты никакому иностранному монарху.

«Visions of ingots danced before their eyes,...»*

...и курс акций быстро повысился. 12 апреля, через пять дней после того, как законопроект получил силу закона, руководство компании объявило подписку на акции на сумму один миллион фунтов по номиналу при ставке дохода в 300 фунтов на каждые вложенные 100 фунтов. Число желающих всех рангов было столь велико, что первая подписка охватила акции на сумму свыше двух миллионов фунтов по номиналу. Доход подлежал пятикратной выплате частями, по 60 фунтов на каждую акцию номиналом 100 фунтов. Через несколько дней курс акций на вторичном рынке поднялся до трехсот сорока фунтов, и подписанная цена увеличилась вдвое по сравнению с первоначальной. Чтобы еще больше повысить курс акций, 21 апреля на общем совете директоров было объявле-

' Видения слитков *танцевали у них перед* глазами. *Прим. перев.*

но, что дивиденд середины лета возрос на десять процентов, и что это распространяется на все подписанные акции. Эти резолюции сделали свое дело, и руководство компании, дабы еще больше разжечь страсти среди состоятельных граждан, объявило вторую подписку на акции на сумму один миллион по номиналу при ставке дохода в четыреста фунтов. Неистовое желание представителей всех социальных слоев спекулировать этими акциями было настолько велико, что в течение нескольких часов было подписано акций не менее, чем на полтора миллиона под эту же ставку дохода.

В то время повсюду учреждались бесчисленные акционерные компании. Вскоре их прозвали «мыльными пузырями» - наиболее подходящим словосочетанием, какое смогло предложить воображение. Смекалка простого народа часто выражается в даваемых им прозвищах. В данном случае определение «мыльные пузыри» было максимально точным. Некоторые из них просуществовали неделю или две, и больше о них никто не слышал; другие не смогли продержаться даже столько. Каждый вечер приносил новые планы, а каждое утро - новые проекты. Высочайшая аристократия стремилась к наживе с усердием самого трудолюбивого корнхиллского маклера. Владельцем одной такой компании стал принц Уэльский, который, по свидетельствам современников, в результате своих спекуляций получил 40 000 фунтов чистой прибыли.* Герцог Бриджуотерский основал предприятие по благоустройству Лондона и Вестминстера, а герцог Чендосский - другое дутое предприятие. Существовало около сотни различных проектов, один нелепее и обманчивей другого. В соответствии с характеристикой, данной им в *«Политическом государстве»,* они «организовывались и рекламировались хитрыми плутами, затем осаждались полчищами алчных глупцов и наконец оказывались в действительности тем, на что указывало их простонародное название, - дутыми предприятиями с обычным надувательством». Было подсчитано, что в результате этих афер одни приобрели, а другие потеряли около полутора мил-

* Подробную информацию об этом можно найти в книге Кокса «Уолпол» в части, содержащей переписку между г-ном секретарем Крэггзом и графом Стэнхоупом. *Прим. автора.*

лионов фунтов, что привело к обнищанию многих простофиль и к обогащению многих жуликов.

Некоторые из этих предприятий были вполне благовидными и, будь они затеяны в период общественного спокойствия, могли бы пойти на пользу всем, имеющим к ним отношение. Но они были учреждены с одной-единственной целью - спекулировать акциями на фондовом рынке. Учредители использовали первую же благоприятную возможность выгодной продажи акций, и на следующее утро предприятие переставало существовать. Мэйтленд в своей *«Истории Лондона»* серьезно сообщает нам, что один из таких проектов, получивший большую поддержку, предусматривал основание компании «по изготовлению дильса* из опилок». Это, несомненно, шутка, но есть масса достоверных примеров того, как десятки предприятий, едва ли хоть на йоту более благоразумных, прожили свой недолгий век, разорив сотни людей прежде чем рухнуть. Целью одного из них было создание вечного двигателя, капитал- миллион; другого - «поощрение разведения лошадей в Англии, благоустройство церковных земель, ремонт и перестройка домов приходских священников и викариев». То, что духовенство, заинтересованное главным образом в двух последних пунктах, проявило такой большой интерес к первому, может объясняться лишь предположением, что это предприятие было задумано группой пасторов, любивших поохотиться на лис - обычное развлечение для Англии того времени. На акции этой компании шла активная подписка. Но самым абсурдным и нелепым является предприятие, полнее и нагляднее остальных продемонстрировавшее полное безумие людей, пошедших на поводу у неизвестного авантюриста, получившее название *«Компания по получению стабильно высокой прибыли из источника, не подлежащего разглашению».* Если бы этот факт не был подтвержден множеством заслуживающих доверия свидетелей, то было бы невозможно поверить, что кого-либо можно было одурачить таким проектом. Гениальный человек, взявший на себя это дерзкое и успешное посягательство на людскую доверчивость, просто написал в своем проспекте, что необходимый капитал составляет полмиллиона фунтов в пяти

*Дильс - еловые или сосновые доски определенного размера. *Прим. перев.*

тысячах акций по сто фунтов каждая, а задаток - 2 фунта за акцию. Каждый подписчик, внеся задаток, получал право на годовой дивиденд в 100 фунтов за акцию. Тогда этот человек не счел нужным сообщить потенциальным подписчикам, каким образом будет получен этот несметный доход, но пообещал, что через месяц будет должным образом опубликован подробный отчет, и будут затребованы остальные 98 фунтов за каждую подписанную акцию. На следующее утро, в девять часов, этот великий человек открыл контору в Корнхилле. Ее дверь была взята в осаду людской толпой, и когда он закрылся в три часа пополудни, он обнаружил, что подписано не менее тысячи акций, за которые внесены задатки. Таким образом, через шесть часов он стал счастливым обладателем 2000 фунтов. Он был в достаточной степени философом, чтобы удовлетвориться результатом своей авантюры, и в тот же вечер он отбыл на континент. Больше о нем никто ничего не слышал.

Свифт удачно сравнил Иксчейндж-эли с водоворотом в «южных морях»:

«Subscribers here by thousands float,
And jostle one another down,
Each paddling in his leaky boat,
And here they fish for gold and drown.
Now buried in the depths below,
Now mounted up to heaven again,
They reel and stagger to and fro,
At their wits' end, like drunken men...

...Meantime, secure on Garraway cliffs,
A savage race, by shipwrecks fed,
Lie waiting for the foundered skiffs,
And strip the bodies of the dead.» *

* Здесь тысячами плавают подписчики, расталкивая и топя друг друга; гребут в своих дырявых лодках, удят золотых рыбок и тонут. То уходя на дно, то поднимаясь к небесам на гребне волны, они качаются и шатаются туда-сюда, не понимая, что к чему, как пьяные, а тем временем, восседая на утесах Гарраузя, дикое племя, утолившее голод обломками кораблекрушения, ждет, пока утонут новые лодки, и, дождавшись, грабит утопленников. *Прим. перев.*

Еще одним чрезвычайно успешным мошенничеством были так называемые *«Пропуска* в "Глоуб"». Они представляли собой не что иное, как квадратные кусочки игральных карт, на которых стояла восковая печать, представлявшая собой символ закусочной «Глоуб», расположенной по соседству с Иксчейндж-эли, с надписью «Пропуск на парусинную мануфактуру». Преимущество их обладателей заключалось лишь в том, что они имели право в будущем подписаться на акции новой парусинной мануфактуры - детища того, кто в ту пору был известен как богач, но впоследствии оказался вовлеченным в казнокрадство руководства Компании южных морей и понес наказание. Эти пропуска продавались на Аллее за целых шестьдесят гиней.

В эти дутые предприятия была глубоко вовлечена знать обоих полов: мужчины ходили встречаться со своими брокерами в закусочные и кафе, а женщины с той же целью часто посещали ателье и галантерейные магазины. Но это не значит, что все эти люди верили в осуществимость предприятий, на акции которых они подписывались; им было достаточно, чтобы их акции, благодаря искусной биржевой спекуляции, вскоре поднялись в цене, чтобы их можно было незамедлительно перепродать действительно легковерным. В толпе на Аллее царила такая неразбериха, что акции одного и того же «мыльного пузыря» в одно и то же время на одном конце Аллеи стоили на десять процентов дороже, чем на другом. Те, кто мыслил здраво, смотрели на необычайное слепое увлечение людей с печалью и тревогой. И в парламенте и вне его были те, кто отчетливо предвидел надвигающийся крах. Г-н Уолпол непрестанно выдавал свои мрачные прогнозы. Его страхи разделяло все здравомыслящее меньшинство, они также показались в высшей степени убедительными правительству. Одиннадцатого июня, в день, когда закрылась сессия парламента, король издал декларацию, в которой объявил, что все эти противозаконные предприятия считаются нарушением общественного порядка и, соответственно, должны преследоваться по закону, и под угрозой штрафа в пятьсот фунтов запретил всем брокерам покупать и продавать их акции. Несмотря на это, жуликоватые спекулянты продолжали свою деятельность, а обманутые люди все еще им потворствовали. Двенадцатого июля был издан указ тайного совета лордов-судей,

отклоняющий все поданные прошения об исключительных правах и привилегиях и распускающий все дутые предприятия. Приведенная ниже копия указа их светлостей, содержащая перечень всех этих бесчестных проектов, небезынтересна и в наши дни, когда в общественном сознании периодически усиливается опасная тенденция потворствования подобного рода деятельности:

«Совещательная палата, Уайтхолл, 12 июля 1720 г.
Присутствуют: совет их превосходительств лордов-судей.

Совет их превосходительств лордов-судей принял во внимание многочисленные беспокойства общественного сознания, являющиеся результатом некоторых проектов, организованных для накопления акционерного капитала с различными целями. Большое число подданных его величества вовлечено в них, чтобы расстаться со своими деньгами под предлогом заверений организаторов проектов в том, что прошения об исключительных правах и привилегиях для осуществления их планов будут удовлетворены. Чтобы предотвратить этот обман, их превосходительства сегодня приказали представить на рассмотрение вышеупомянутые прошения вместе с отчетами по ним министерства торговли (а также генерального прокурора его величества и его заместителя), полученными позднее. После тщательного их обсуждения решили в соответствии с рекомендацией тайного совета его величества отклонить следующие вышеупомянутые прошения:

1. Прошение нескольких лиц об исключительном праве на рыбную ловлю под названием «Главная рыболовная компания Великобритании».
2. Прошение Королевской рыболовной компании Англии об исключительном праве на такие дополнительные полномочия, которые эффективно способствовали бы ее деятельности.
3. Прошение Джорджа Джеймса от его собственного имени и от имени некоторых знатных персон, имеющих отношение к национальному рыболовству, об исключительном праве на

объединение в компанию для ведения вышеупомянутого промысла.

4. Прошение нескольких купцов, торговцев и представителей других профессий, подписавшихся под ним, об объединении в компанию для возобновления и ведения китобойного промысла у побережья Гренландии и в других местах.
5. Прошение сэра Джона Ламберта и других лиц, подписавшихся под ним, от имени их самих и от имени большого числа купцов об объединении в компанию для ведения китобойного промысла у побережья Гренландии, особенно в проливе Дейвиса.
6. Еще одно прошение о ведении китобойного промысла у побережья Гренландии.
7. Прошение нескольких купцов, дворян и горожан об объединении в компанию для покупки и строительства кораблей для сдачи внаем или фрахтования.
8. Прошение Сэмюэля Антрима и других лиц об исключительном праве на сев конопли и льна.
9. Прошение нескольких купцов, капитанов торговых судов, кораблестроителей и изготовителей парусины о привилегии на объединение в компанию для создания и развития парусинной мануфактуры посредством акционерного капитала.
10. Прошение Томаса Бойда и нескольких сотен купцов, владельцев кораблей и капитанов торговых судов, кораблестроителей, ткачей и других торговцев о привилегии на объединение в компанию, позволяющее им занимать деньги для покупки земель, для изготовления парусины и высококачественного полотна.
11. Прошение от имени нескольких лиц, заинтересованных в реализации исключительного права, предоставленного покойным королем Вильгельмом и королевой Марией, на изготовление парусины, о том, чтобы привилегия на изготовление парусины не предоставлялась кому бы то ни было еще, а имеющаяся привилегия была подтверждена и дополнена полномочием на открытие хлопковой и хлопково-шелковой мануфактур.

12. Прошение нескольких горожан, купцов и торговцев из Лондона и ряда других лиц - подписчиков британских акций на всеобщее страхование от пожара в любой части Англии - об объединении в компанию для осуществления вышеупомянутой деятельности.
13. Прошение нескольких верноподданных его величества из города Лондона и других частей Великобритании об объединении в компанию для осуществления всеобщего страхования от лишений в результате пожара на территории английского королевства.
14. Прошение Томаса Бёрджеса и других подданных его величества, подписавшихся под ним, от имени их самих и других лиц, подписчиков на капитал в 1 200 000 фунтов для ведения торговли с доминионами его величества в Северном море, об объединении в компанию под названием Харбургская компания.
15. Прошение Эдварда Джонса, торговца лесоматериалами, от его собственного имени и от имени других лиц об объединении в компанию для импорта лесоматериалов из Германии.
16. Прошение нескольких купцов из Лондона об исключительном праве на объединение в компанию для открытия солеварни.
17. Прошение магната Макфедриса из Лондона, купца, от его собственного имени и от имени нескольких купцов, фабрикантов сукон, шляпных фабрикантов, красильщиков и других торговцев об исключительном праве на объединение в компанию, позволяющее им собрать сумму денег, достаточную для покупки земель для посадки и выращивания растения под названием «марена» с целью производства красителя.
18. Прошение от Джозефа Галендо из Лондона, производителя нюхательного табака, об исключительном праве на выращивание и заготовку виргинского нюхательного табака в Виргинии и во всех доминионах его величества.»

СПИСОК ДУТЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Тем же указом объявлялись незаконными и, соответственно, упразднялись следующие дутые предприятия:

1. По импорту шведского чугуна.
2. По снабжению Лондона углем. Капитал - три миллиона.
3. По строительству и перестройке домов на всей территории Англии. Капитал - три миллиона.
4. По производству муслина.
5. По открытию и усовершенствованию британских алюминиевых заводов.
6. По эффективному заселению острова Бланке энд Сол-Тар - тагус.
7. По снабжению города Дил свежей водой.
8. По импорту кружев из Фландрии.
9. По благоустройству земель в Великобритании. Капитал — четыре миллиона.
10. По поощрению разведения лошадей в Англии, благоустройству церковных земель, ремонту и перестройке домов приходских священников и викариев.
11. По выплавке железа и стали в Великобритании.
12. По благоустройству земель в графстве Флинт. Капитал - один миллион.
13. По покупке земель для постройки домов. Капитал - два миллиона.
14. По торговле шерстью.
15. По строительству солеварен на острове Холи-Айленд. Капитал - два миллиона.
16. По купле-продаже поместий и ипотечному кредитованию.
17. По получению стабильно высокой прибыли из источника, не подлежащего разглашению.
18. По мощению улиц Лондона. Капитал - два миллиона.
19. По обустройству похорон в любой части Великобритании.
20. По купле-продаже земель и предоставлению денежных ссуд под проценты. Капитал - пять миллионов.

21. По ведению королевского рыбного промысла. Капитал — десять миллионов.
22. По страхованию заработной платы моряков.
23. По строительству кредитных учреждений для содействия и поощрения производства. Капитал — два миллиона.
24. По покупке и благоустройству земель, пригодных для сдачи в аренду. Капитал - четыре миллиона.
25. По импорту смолы и дегтя, а также другой продукции для военно-морского флота из Северной Британии и Америки.
26. По торговле сукном, войлоком и желобчатой черепицей.
27. По покупке и благоустройству поместья и королевских владений в Эссексе.
28. По страхованию лошадей. Капитал - два миллиона.
29. По экспорту изделий из шерсти и импорту меди, латуни и чугуна. Капитал - четыре миллиона.
30. По открытию большой бесплатной аптеки для бедняков. Капитал - три миллиона.
31. По возведению мельниц и покупке месторождений свинца. Капитал - два миллиона.
32. По усовершенствованию мыловарения.
33. По заселению острова Сайта-Крус.
34. По проходке шахт и плавлению свинцовой руды в Дербишире.
35. По изготовлению стеклянных бутылок и другой стеклянной посуды.
36. По созданию вечного двигателя. Капитал - один миллион.
37. По благоустройству садов.
38. По страхованию и увеличению денежных средств детей.
39. По регистрации и погрузке товаров на таможне и по совершению торговых сделок купцов.
40. По производству шерстяных изделий на севере Англии.
41. По импорту ореховых деревьев из Виргинии. Капитал - два миллиона.
42. По изготовлению Манчестерской материи из нити и хлопка.
43. По изготовлению Джоппского и Кастильского мыла.

44. По усовершенствованию производства ковкой мягкой и обычной стали в королевстве. Капитал — четыре миллиона.
45. По торговле кружевами, холстами, батистом и т.п. Капитал - два миллиона.
46. По торговле и повышению качества товаров, производимых в королевстве, и т.п. Капитал - три миллиона.
47. По поставке крупного рогатого скота на лондонские рынки.
48. По изготовлению зеркал, оконных стекол для карет и т.п. Капитал - два миллиона.
49. По разработке месторождений олова и свинца в Корнуолле и Дербишире.
50. По производству рапсового масла.
51. По импорту бобрового меха. Капитал — два миллиона.
52. По производству картона и упаковочной бумаги.
53. По импорту масел и других материалов, используемых в производстве шерстяных изделий.
54. По усовершенствованию и расширению производства шелковых изделий.
55. По предоставлению займов на покупку акций, ежегодных рент, товаров в кредит и т.п.
56. По выплате пенсий вдовам и другим лицам с малой скидкой. Капитал - два миллиона.
57. По улучшению солодовых спиртных напитков. Капитал - четыре миллиона.
58. По крупномасштабной рыбной ловле в водах Америки.
59. По покупке и благоустройству болотистых земель в Линкольншире. Капитал - два миллиона.
60. По усовершенствованию производства бумаги в Великобритании.
61. По закладыванию судов или их грузов.
62. По сушке солода горячим воздухом.
63. По ведению торговли на реке Ориноко.
64. По более эффективному изготовлению байки в Колчестере и других частях Великобритании.
65. По закупке товаров для военно-морского флота, снабжению продовольствием и выплате заработной платы рабочим.

66. По трудоустройству бедных ремесленников и предоставлению купцам и другим лицам сторожей.
67. По усовершенствованию обработки почвы и разведения крупного рогатого скота.
68. Еще одно предприятие по поощрению разведения лошадей.
69. Еще одно предприятие по страхованию лошадей.
70. По ведению торговли зерном на территории Великобритании.
71. По страхованию всех господ и дам от убытков, которые они могут понести по вине прислуги. Капитал - три миллиона.
72. По строительству домов или больниц для приема и ухода за незаконнорожденными детьми. Капитал - два миллиона.
73. По отбеливанию крупнозернистого сахара без использования огня или потери продукта.
74. По строительству в Великобритании застав, где взимается подорожный сбор, и пристаней.
75. По страхованию от краж и ограблений.
76. По извлечению серебра из свинца.
77. По изготовлению фарфора и фаянсовой посуды. Капитал - один миллион.
78. По импорту табака и его реэкспорту в Швецию и другие страны Северной Европы. Капитал - четыре миллиона.
79. По производству чугуна с использованием добытого в шахтах угля.
80. По снабжению Лондона и Вестминстера сеном и соломой. Капитал - три миллиона.
81. По строительству в Ирландии мануфактуры по производству парусины и упаковочного холста.
82. По нагрузке балластом.
83. По закупке и экипировке кораблей для борьбы с пиратами.
84. По импорту лесоматериалов из Уэльса. Капитал - два миллиона.
85. По добыче каменной соли.
86. По превращению ртути в ковкий чистый металл.

Кроме этих дутых предприятий, ежедневно, несмотря на решение правительства и осмеяние здравомыслящей частью народа, возникало множество других. Типографии изобиловали карикатурами, а газеты - эпиграммами и насмешками над широко распространенным безрассудством. Один изобретательный фабрикант игральных карт напечатал колоду, посвященную Компании южных морей, которая сегодня является исключительной редкостью. Каждая ее карта, помимо обычных изображений очень маленького размера в одном углу, содержала карикатуру на какое-нибудь дутое предприятие с соответствующим стихотворением под ней. Одним из самых знаменитых «мыльных пузырей» была «Компания по изготовлению машины Пакла», которая должна была стрелять круглыми и прямоугольными пушечными ядрами и пулями и совершить тотальную революцию в военном искусстве. Ее претензии на благосклонность публики были следующим образом резюмированы на восьмерке пик:

«A rare invention to destroy the crowd
Of fools at home instead of fools abroad.
Fear not, my friends, this terrible machine,
They're only wounded who have shared therein.» *

Но самой популярной была карикатура на Английскую медную и латунную компанию со следующей эпиграммой:

«The headlong fool that wants to be a swopper
Of gold and silver coin for English cooper,
May, in Change Alley, prove himself an ass,
And give rich metal for adultrate brass.» **

Восьмерка бубен прославляла компанию по колонизации Акейдии*** следующими виршами:

* Замечательное изобретение для уничтожения толпы дураков доморощенных вместо дураков заграничных. Не бойтесь, друзья мои, этой ужасной машины ранены только те, кто на нее скинулся. *Прим.* перев.

** Безрассудный глупец, который хочет поменять золотые и серебряные монеты на английскую медь, может на Ченндж-эли доказать, что он осел, и отдать драгоценный металл за поддельную латунь. *Прим. перев.*

'''Акейдия-прежнее название канадской провинции Новая Шотландия. *Прим. перев.*

«He that is rich and wants to fool away
A good round sum in North America,
Let him subscribe himself a headlong sharer,
And asses' ears shall honour him or bearer.» *

В подобном же стиле каждая карта колоды разоблачала какое-нибудь одно мошенническое предприятие и высмеивала тех, кто оказался его жертвами. Было подсчитано, что всего в эти проекты предусматривалось вложить свыше трехсот миллионов фунтов.

Пора, однако, вернуться к великому водовороту «южных морей», поглотившему состояния многих тысяч алчных и легковерных. 29 апреля курс акций вырос аж до пятисот фунтов, и примерно две трети получающих государственную ренту обменяли государственные ценные бумаги на акции Компании южных морей. В течение всего мая курс акций продолжал расти, и 28 числа он достиг отметки в пятьсот пятьдесят фунтов. Четыре дня спустя курс сделал огромный скачок, и акции, стоившие пятьсот пятьдесят фунтов, сразу же подорожали до восьмисот девяноста. В это время воцарилось всеобщее мнение, что котировка акций не сможет подняться выше, и многие использовали эту счастливую возможность для их продажи с целью получения дохода. Множество дворян, людей из свиты короля и тех, кто собирался сопровождать его в Ганновер**, также очень хотели продать свои акции. 3 июня на Аллее появилось так много продавцов и так мало покупателей, что котировка акций сразу же упала с восьмисот девяноста фунтов до шестисот сорока. Директора компании были встревожены и приказали своим агентам скупать акции. Их усилия увенчались успехом. Ближе к вечеру доверие было восстановлено, и акции подорожали до семисот пятидесяти фунтов. С небольшими колебаниями они оставались на этой отметке до закрытия компанией подписки на них 22 июня.

* Он, богатый и стремящийся выбросить на ветер кругленькую сумму в Северной Америке, пусть подпишется, опрометчивый акционер, и ослиные уши найдут своего достойного обладателя. *Прим. перев.*

** Имеется в виду существовавшее на территории Германии в 1714-1837 гг. курфюршество, а позднее королевство в унии с Англией. *Прим. перев.*

Ненужно, да и неинтересно углубляться в подробности различных ухищрений, к которым прибегало руководство компании для поддержания цены акций. Достаточно сказать, что в конце концов они подорожали до тысячи фунтов. На этом уровне они котировались в начале августа. В это время «мыльный пузырь» был раздут до предела и начал дрожать и трястись, готовясь лопнуть.

Многие получающие государственную ренту выражали недовольство директорами компании, обвиняя их в пристрастном составлении списка акционеров каждого выпуска. Беспокойство усилилось, когда все узнали, что сэр Джон Блант, управляющий компании, и некоторые другие лица продали свои акции. На протяжении всего августа котировки акций падали, и 2 сентября они стоили всего семьсот фунтов.

Положение стало угрожающим. Чтобы предотвратить полную потерю народного доверия к их деятельности, директора созвали общее собрание всей корпорации, состоявшееся 8 сентября в Мерчент-Тэйлорз-Холле. К девяти часам утра в зале было не продохнуть; Чипсайд был запружен толпой, которая не могла попасть в здание, и царило величайшее возбуждение. Директора и их друзья собрались в большом количестве. Председательствовал сэр Джон Феллоуз, помощник управляющего компании. Он ознакомил присутствующих с причиной собрания, зачитал им несколько резолюций совета директоров и отчитался перед ними о деятельности руководства компании: о привлечении кредитов, о размере доходов и о вкладах по подписке. После этого г-н секретарь Крэггз выступил с краткой речью, в которой он одобрил действия директоров и убедил присутствующих в том, что ничто не сможет так эффективно способствовать успеху данного предприятия, как их общие усилия. Он закончил свою речь, поблагодарив совет директоров за благоразумное и умелое руководство, а также за их желание действовать сообразно интересам и выгоде корпорации. Г-н Хангерфорд, обративший на себя самое пристальное внимание в Палате общин усердной защитой интересов Компании южных морей и не без оснований подозреваемый в том, что он, воспользовавшись моментом, весьма выгодно про-

дал свои акции, был довольно высокопарен в своем выступлении. Он сказал, что видел взлеты и падения, распад и воскрешение множества подобных объединений, но, по его мнению, ни одно из них никогда не добивалось столь замечательных результатов за столь короткое время, как Компания южных морей. Он добавил, что она сделала больше, чем могли сделать государство, проповедники или судьи. Она примирила все враждующие стороны одним общим интересом: утихомирила, если не полностью погасила, все разногласия и ссоры внутри нации. Благодаря росту курса акций компании состоятельные люди значительно увеличили свои богатства, а поместное дворянство удвоило и утроило стоимость своих земельных владений. В то же самое время она угодила всей церкви, а не только нескольким преподобным, нажившим значительные суммы посредством данного проекта. Короче говоря, обогатила целую нацию. Г-н Хангерфорд выразил надежду, что себя компания тоже не забыла. Последнее замечание вызвало свист, да и вся речь, полная чрезмерных восхвалений, скорее напоминала сатиру, но директора и их сторонники, а также все оставшиеся в выигрыше от биржевых спекуляций, неистово аплодировали. Герцог Портлендский высказался примерно в том же духе и чрезвычайно удивился тому, что вообще нашлись недовольные деятельностью компании; он, разумеется, нажился в результате своих спекуляций и сильно смахивал на толстого олдермена* из *«Шуток» Джо Миллера,* который после всякого сытного обеда складывал руки на пузе и высказывал сомнение в том, что в мире есть хоть один голодный человек.

На этом собрании было принято несколько резолюций, но они не возымели действия на публику. В тот же вечер курс акций упал до шестисот сорока, а на следующий день - до пятисот сорока фунтов. День за днем он продолжал падать и наконец достиг отметки всего в четыреста фунтов. В письме г-на Бродрика, члена парламента, лорд-канцлеру** Мидлтону, датирован-

*Олдермен - член городского управления, член совета графства. *Прим. перев.*
**Глава судебного ведомства и верховный судья Англии, председатель Палаты лордов и одного из отделений верховного суда, хранитель печати. *Прим. перев.*

ном 13 сентября и опубликованном в *«Уолполе»* Кокса, есть такие строчки: «Существуют различные предположения относительно того, почему у директоров Компании южных морей так быстро возникли проблемы. Я никогда не сомневался, что так и будет, понимая, на что они делают ставку. Они увеличили объем эмиссии акций настолько больше допустимой величины, что металлических денег для поддержания их оборота оказалось недостаточно. Лидеры компании, страхуя себя за счет денег обманутых людей, затянули в свои сети огромное число беспечных, чей рассудок победили жадность и надежда сделать из мухи слона. Тысячи семей будут доведены до нищеты. Ужас людей невыразим, ярость их неописуема, и ситуация в целом настолько отчаянная, что я не знаю никакого плана или схемы хороших настолько, чтобы отвести от людей этот удар, и даже не могу предположить, что нужно делать дальше». Десять дней спустя, когда курс акций все еще падал, он писал: «Компания еще не пришла к какому бы то ни было решению, так как залезла в такие дебри, что не знает куда повернуть. Из разговоров нескольких недавно прибывших в город дворян я узнал, что к Компании южных морей относятся с растущим отвращением во всех провинциях. Очень многие ювелиры уже разорились, и еще больше разорятся в ближайшее время. Я задаюсь вопросом, сможет ли хотя бы треть, нет, четверть их, выдержать все это. С самого начала я, глядя на всю эту затею, полагал очевидным, что всей находящейся в обращении наличности не достаточно для того, чтобы обеспечить оборот акций, находящихся на рынке. Из этого я делаю вывод, сколь бы он ни был сомнителен, что данное обстоятельство явится причиной того, что величественное здание нашего государства неминуемо рухнет».

12 сентября по настойчивой просьбе г-на секретаря Крэггза было проведено несколько совещаний между директорами Компании южных морей и Английского банка. Распространились слухи о том, что последние согласились на выпуск облигаций Компанией южных морей на сумму в шесть миллионов фунтов, что вызвало повышение курса акций до шестисот семидесяти фунтов, но после полудня, как только эти слухи оказались безосновательными, он опять упал до пятисот

восьмидесяти, на следующий день - до пятисот семидесяти, а в последующие дни плавно опустился до четырехсот*.

Кабинет министров был не на шутку встревожен таким положением дел. Ни одно появление директоров компании на улицах города не обходилось без оскорблений, в любой момент могли начаться беспорядки. Находящемуся в Ганновере королю были отправлены послания с призывами немедленно вернуться на родину. За г-ном Уолполом, находящимся в своем поместье, послали, чтобы он использовал свое влияние на директоров Английского банка и убедил их принять предложение Компании южных морей о запуске в обращение некоторого числа ее облигаций.

Банк очень не хотел оказаться замешанным в дела компании; его директора боялись втягиваться в бедствия, которые они не могли предотвратить, и встречали все инициативы компании с явной неохотой. Но вся страна в один голос призывала банк прийти ей на помощь. Всех выдающихся коммерсантов попросили предложить путь выхода из кризиса. В конце концов за основу дальнейших переговоров был взят черновик договора, составленный г-ном Уолполом, и общественное смятение несколько улеглось.

На следующий день, 20 сентября, в Мерчент-Тэйлорз-Холле состоялось общее собрание Компании южных морей, на котором были приняты резолюции, дающие полномочия ее директорам заключить соглашение с Английским банком или любыми другими лицами о запуске в обращение облигаций компании или любое другое соглашение с Английским банком, какое они сочтут нужным. Один из ораторов, некий г-н Палтни, сказал, что он в высшей степени удивлен той странной паникой, в которую

* В этот бедственный год Гей (поэт) получил в подарок от младшего Крэггза некоторое число акций Компании южных морей и однажды предположил, что у него есть двадцать тысяч фунтов. Друзья убеждали его продать эти акции, но ему, грезившему о титуле и славе, была невыносима сама мысль о том, что что-то может помешать ему стать богатым. Тогда его стали настойчиво упрашивать продать акции на такую сумму, которой бы ему хватило на безбедную жизнь, «чтобы», как сказал Фентон, «у тебя каждый день была чистая рубашка и баранья лопатка». Этот совет был отклонен, выгода и капитал утрачены, а Гей очутился в столь бедственном положении, что его жизнь оказалась в опасности. — *Джонсон, «Биографии поэтов». Прим. автора.*

впал народ. Люди носились туда-сюда в смятении и ужасе, их воображение рисовало картину большой беды, о форме и размерах которой никто не имел представления:

«Black it stood as night -
Fierce as ten furies - terrible as hell.» *

На общем собрании Английского банка, состоявшемся два дня спустя, управляющий сообщил присутствующим о нескольких заседаниях, связанных с деятельностью Компании южных морей, и добавил, что директора еще не пришли к какому-либо решению по данному вопросу. Затем была предложена и единогласно принята резолюция, дающая полномочия директорам банка заключить соглашение с директорами Компании южных морей о запуске в обращение ее облигаций на ту сумму, на тех условиях и на тот срок, какие они считают нужными.

Таким образом, обе стороны теперь могли свободно предпринимать действия, максимально, с их точки зрения, выгодные обществу. Банк объявил подписку на облигации на сумму в три миллиона фунтов для поддержания национальной кредитной системы. Условия были обычными: задаток— 15 фунтов на сотню, надбавка-3 фунта на сотню, доход-5 фунтов. Ранним утром собралось так много людей, которым не терпелось вложить свои деньги, что подписка, казалось, должна была растянуться на весь день, но к полудню поток желающих иссяк. Несмотря на все принятые меры, курс ценных бумаг Компании южных морей быстро падал. Ее акции и облигации обесценились настолько, что среди виднейших ювелиров и банкиров началась паника; некоторые из них, ранее ссудив огромные суммы под залог ценных бумаг Компании южных морей, были вынуждены закрыть свои лавки и конторы и скрыться. Компания-изготовитель клинков, которая до сих пор была главным кассиром Компании южных морей, приостановила платежи. Это событие, расцененное как начало катастрофы, повлекло за собой массовое изъятие вкладов из Английского банка, который теперь был вынужден выплачивать деньги гораздо быстрее, чем они поступали по утренней подписке. Сле-

* Она была черна, как ночь, свирепа, как десять фурий, ужасна, как ад. *Прим. перев.*

дующий день (29 сентября) был выходным, и банк получил небольшую передышку. Он поплыл против ветра, но его прежний конкурент, Компания южных морей, при этом потерпела крушение. Котировка ее акций упала до ста пятидесяти фунтов и постепенно, после ряда колебаний, снизилась до ста тридцати пяти.

Директора банка, решив, что им не под силу вернуть доверие народа и предотвратить крах, не подвергая себя риску быть потянутыми за собой теми, кого они намеревались спасти, отказались выполнять соглашение, участниками которого являлись. Они сложили с себя всякую ответственность за его дальнейшее выполнение, заявив, что так называемый договор - не более чем черновик соглашения, в котором есть несколько серьезных пробелов и которое не предусматривает никакого наказания за выход из него Английского банка. «Таким образом, - гласит «История парламента», - за восемь месяцев мы были свидетелями взлета, прогресса и падения этого могущественного сооружения, которое, будучи вознесенным некими тайными мотивами до заоблачных высот, приковало к себе взгляды и ожидания всей Европы, но фундамент которого, будучи замешанным на обмане, иллюзии, легковерии и безрассудстве, рухнул, как только вскрылись ухищрения его директоров».

В самом разгаре активности компании, на пике этого опасного заблуждения, нравы народа заметно упали. Парламентское расследование, начатое для выявления виновных, вскрыло позорные эпизоды, в равной степени пятнающие как мораль самих правонарушителей, так и интеллект людей, среди которых они появились. Изучение всех тех зол, что явились результатом описываемой автором аферы, очень интересно. Нации, как и отдельные индивидуумы, не могут становиться безрассудными аферистами безнаказанно: рано или поздно их постигнет кара. Один знаменитый писатель* совершенно не прав, утверждая, что «эпоха, подобная этой, самая неприятная для историка; никакого читателя, обладающего чувствительностью и воображением, нельзя развлечь или заинтересовать детальным описанием подобных сделок, не

* Смоллетт. *Прим. автора.*

допускающим ни эмоций, ни колорита, ни приукрашивания - описанием, демонстрирующим лишь скучную картину безвкусного порока и низменного вырождения». Напротив (и Смоллетт мог бы это обнаружить, если бы захотел), эта тема способна вызвать настолько большой интерес, что за нее с радостью ухватился бы даже какой-нибудь писатель-романист. Разве нет эмоций в отчаянии ограбленных людей, нет жизни и живости в картине несчастий сотен доведенных до нищеты и разоренных семей; в том, как вчерашние богачи сегодня становятся нищими, как могущественные и влиятельные превращаются в отверженных и изгоев, как самопорицания и проклятия звучат в каждом уголке страны? Разве скучна или непоучительна картина того, как целый народ внезапно стряхивает с себя оковы здравого смысла и без оглядки гонится за золотым миражом, упрямо отказываясь поверить в его призрачность до тех пор, пока, словно введенный в заблуждение, крестьянин, бегущий за *блуждающим огоньком,* не оказывается в болоте? Но в таком ключе история писалась слишком часто. Летописи содержат пространные описания интриг недостойных придворных с целью добиться благосклонности еще более недостойных королей или нескончаемые рассказы о кровопролитных баталиях и осадах, красноречивые и захватывающие, в то время как обстоятельства, оказавшие решающее влияние на моральное состояние и благоденствие людей, описываются лишь мельком, как скучные и неинтересные, не заслуживающие ни эмоций, ни колорита.

Во время расцвета этого знаменитого «мыльного пузыря» Англия показала остальному миру необычный спектакль. Общественное сознание пребывало в состоянии нездорового возбуждения. Людей больше не удовлетворяли медленно растущие, но гарантированные доходы от вкладов. Упование на получение несметного богатства завтра делало их глупыми и сумасбродными сегодня. Тяга к доселе неслыханной роскоши влекла за собой неизбежную размытость моральных устоев. Повелительное высокомерие невежд, внезапно разбогатевших в результате удачных спекуляций, заставляло людей действительно утонченных и воспитанных краснеть от того, что обладание золотом позволяло недостойным подниматься по социальной лестнице. Надменность некоторых этих «счетоводов-белору-

чек», как их называл сэр Ричард Стал, вышла им боком в их черные дни. В результате парламентского расследования многие директора больше пострадали за свое оскорбительное высокомерие, чем за казнокрадство. Один из них, возгордившийся богатый невежда, однажды заявивший, что он будет кормить свою лошадь золотом, был посажен чуть ли не на хлеб и воду ему припомнили каждый высокомерный взгляд, каждую надменную речь и стократно отплатили бедностью и унижением.

Положение дел в стране было настолько тревожным, что Георг I сократил свое запланированное пребывание в Ганновере и со всей поспешностью вернулся в Англию. Он прибыл 11 ноября, и на 8 декабря было назначено заседание парламента. Тем временем во всех больших городах империи прошли общественные митинги, на которых были приняты петиции, призывавшие законодательную власть отомстить директорам Компании южных морей, которые своей мошеннической деятельностью поставили страну на грань разорения. Никто, казалось, не понимал, что сам народ виновен в случившемся в той же степени, что и Компания южных морей. Никто не обвинял людей в легковерии и алчности, в низменной жажде наживы, поглотившей все лучшие качества национального характера, или в безрассудстве, заставившем толпу бежать с неистовым рвением в сеть, расставленную для нее расчетливыми прожектерами. Об этом никогда не упоминалось. Те, кто попался в эту сеть, были простыми, честными, работящими людьми, разоренными шайкой грабителей, которых следовало повесить, выпотрошить и четвертовать без всякой жалости.

Это мнение разделяла почти вся страна. Обе палаты парламента не являлись исключением. Вина директоров Компании южных морей еще не была установлена, а парламентарии уже жаждали их крови. Король в своей тронной речи выразил надежду, что они вспомнят о благоразумии, успокоятся и вынесут необходимую резолюцию о поиске и принятии должных мер для нормализации обстановки. В ответных прениях некоторые ораторы не скупились на самые яростные выпады в адрес директоров компании. Особенно неистовствовал лорд Моулсуорт. Некоторые говорили, что нет такого закона, согласно которому можно было бы наказать директоров Ком-

пании южных морей, коих справедливо считают виновниками сегодняшних бед государства. По его мнению, это был тот случай, когда следовало бы взять пример с древних римлян, которые, не имея закона против отцеубийства из-за того, что их законодатели полагали, что ни один сын не может быть столь противоестественно злобен, чтобы обагрить руки кровью отца, ввели закон, предусматривающий наказание за это гнусное преступление сразу же по его совершении. Признанного виновным негодяя зашивали в мешок и живьем бросали в Тибр. Моулсуорт считал авторов и исполнителей злодейского плана «южных морей» отцеубийцами своей страны и сказал, что с удовольствием посмотрел бы на то, как их подобным же образом завяжут в мешок и бросят в Темзу. Другие парламентарии высказывались столь же запальчиво и неблагоразумно. Г-н Уолпол был более сдержанным. Он посоветовал парламентариям в первую очередь позаботиться о возрождении национальной кредитной системы: «Если бы город Лондон горел, все умные люди, прежде чем искать поджигателей, бросились бы помогать тушить пожар и предотвращать распространение огня. Национальная кредитная система получила серьезную рану и лежит, истекая кровью, и им следует оказать ей неотложную медицинскую помощь. С наказанием убийцы можно и подождать». Девятого декабря на основании одного из обращений в ответ на речь его величества было достигнуто соглашение о том, что Палата общин продолжает решительно настаивать на том, чтобы не только избавить страну от бед, но и покарать их инициаторов.

Расследование шло быстро. Директорам было приказано представить Палате общин полный отчет об их деятельности. Были приняты резолюции, содержание которых сводилось к тому, что основной причиной бедствия были низменные ухищрения биржевых спекулянтов, и что восстановлению национальной кредитной системы более всего способствовало бы принятие закона, не допускающего подобную позорную практику. Тогда г-н Уолпол встал и сказал, что, как заявлял ранее, он затратил некоторое время на разработку плана возрождения национальной кредитной системы, но, так как его выпол-

нение зависит от позиции, которая будет принята за основу, он, прежде чем изложить свой план, счел бы целесообразным узнать, может ли полагаться на эту основу. Он хотел бы знать, останется ли принятие на себя государственных долгов и обязательств с обеспечением имуществом, приобретение ценных бумаг по подписке и другие контракты, заключенные с Компанией южных морей, в своем нынешнем виде. Этот вопрос вызвал оживленные дебаты. В конце концов 259 голосами против 117 было решено, что все эти контракты останутся в силе до тех пор, пока не будут изменены с целью оказания помощи пайщикам общим собранием Компании южных морей или аннулированы в законном порядке. На следующий день г-н Уолпол представил на заседании парламентского комитета свой план возрождения национальной кредитной системы, суть которого заключалась в передаче на определенных условиях девяти миллионов акционерного капитала Компании южных морей Английскому банкуй такой же суммы Ост-Индской компании*. План был благосклонно принят Палатой общин. После немногочисленных возражений было предписано принять соответствующие постановления. Обе компании были нерасположены оказывать свои услуги, и план встретил активное, но бесплодное противодействие на их общих собраниях, созванных для его обсуждения. Их тем не менее полностью устроили условия, на которых им предлагалось согласиться ввести в обращение облигации Компании южных морей, и они представили комитету свой отчет, после чего под контролем г-на Уолпола был внесен законопроект, который был благополучно принят обеими палатами парламента.

Одновременно был внесен законопроект о запрещении директорам, управляющему, помощнику управляющего, казначею, кассиру и клеркам Компании южных морей покидать королевство в течение года, об описи их движимого и недвижимого имущества и предотвращении его перевозки или отчуждения. Все наиболее влиятельные члены Палаты общин поддержали законопроект.

* Существовавшая в 1600-1858 гг. компания английских купцов, созданная в основном для торговли с Ост-Индией. *Прим. перев.*

Г-н Шиппен, видя, что г-н секретарь Крэггз присутствует на заседании, и веря слухам о руководящей роли этого министра в деятельности Компании южных морей, решил задеть его за живое. Он сказал, что рад видеть, как британская Палата общин обретает былую силу и дух и столь единодушно действует на благо общества. «Необходимо, - продолжал он, - арестовать самих директоров компании, ее служащих и их имущество, но, - добавил он, пристально глядя на г-на Крэггза, - есть и другие высокопоставленные чиновники, которых я не побоялся бы назвать виновными не менее директоров компании». Разгневанный г-н Крэггз встал и сказал, что если эти инсинуации направлены против него, то он готов принять вызов любого или в стенах палаты, или за ее пределами. Немедленно отовсюду раздались громкие призывы к порядку. Посреди этой суматохи встал лорд Моулсуорт и выразил удивление дерзостью г-на Крэггза, бросившего вызов всей Палате общин. Хотя лорд Моулсуорт был довольно пожилым человеком (ему было за шестьдесят), он заявил, что ответил бы г-ну Крэггзу в стенах палаты независимо от того, что ему пришлось бы при этом сказать, и он верил, что найдется немало молодых людей, которые не побоятся встретиться с г-ном Крэггзом лицом к лицу снаружи. Призывы к порядку прозвучали вновь, парламентарии одновременно встали и, казалось, заголосили все разом. Спикер тщетно призывал их к порядку. Замешательство длилось несколько минут, в течение которых лорд Моулсуорт и г-н Крэггз были едва ли не единственными членами палаты, сидящими на своих местах. Наконец призывы, обращенные к г-ну Крэггзу, стали настолько требовательными, что он счел нужным подчиниться всеобщему настроению палаты и объяснить свое непарламентское выражение. Он сказал, что принимая вызов тех, кто ставит под сомнение его деятельность в этой палате, он имел в виду не дуэль, а лишь желание отчитаться о своих действиях. На этом инцидент был исчерпан, и палата продолжила обсуждение того, следует ли ей вести расследование деятельности Компании южных морей в виде большого или особого комитета. В конечном счете был назначен тайный комитет из тринадцати человек, уполномоченный посылать за людьми, документами и записями.

Палата лордов была столь же рьяной и резкой в своих суждениях, что и Палата общин. Герцог Уортонский заявил, что палате не следует выказывать никакого уважения к виновным и что он со своей стороны отвернулся бы от лучшего друга, окажись тот вовлеченным в эту аферу. Он добавил, что нация была ограблена самым позорным и вопиющим образом и что он, как и любой на его месте, не остановился бы перед самым суровым наказанием негодяев. Лорд Стэнхоуп сказал, что каждый фартинг, принадлежащий преступникам, будь они директорами или нет, следует конфисковать для возмещения понесенных народом убытков.

Все это время общественное возбуждение находилось на пределе. Из *«Уолпола»* Кокса мы узнаем, что само по себе имя кого-либо из директоров Компании южных морей считалось синонимом всякого рода обмана и злодейства. Из графств, больших и малых городов по всей территории королевства шли петиции, умоляющие о свершении правосудия по отношению к подлым расхитителям от имени оскорбленной нации. Тех сдержанных людей, которые не приветствовали крайность ни в чем, даже в наказании виновных, обвиняли в соучастии преступлению, всячески оскорбляли и сулили им как в анонимных письмах, так и публично скорую месть униженного народа. Обвинения против г-на Айлэби, канцлера казначейства, и г-на Крэггза, еще одного члена кабинета министров, звучали столь громко, что Палата лордов приняла решение провести в отношении них расследование. 21 января всем брокерам, участвовавшим в предприятии «южных морей», было приказано представить палате отчет по подписанным акциям, купленным или проданным ими для кого-либо из чиновников казначейства либо их доверенных лиц, начиная с Михайлова дня* 1719 г.

Когда данный отчет был представлен, выяснилось, что большое количество ценных бумаг было переведено на г-на Айлэби. Было приказано заключить в тюрьму пятерых директоров Компании южных морей, включая г-на Эдварда Гиббона, деда знаменитого историка. По предложению графа Стэнхоупа было единогласно решено, что предоставление кредита на покупку

* 29 сентября. *Прим. перев.*

ценных бумаг или их *покупка.,* совершенная любым директором или агентом Компании южных морей, для любого члена администрации или члена парламента до вынесения последним решения по законопроекту о Компании южных морей, является разновидностью взяточничества и коррупции. Несколько дней спустя была утверждена еще одна резолюция, согласно которой несколько директоров и других руководителей компании, тайно продавшие свои собственные ценные бумаги, признавались виновными в мошенничестве и злоупотреблении доверием, в силу чего считались главными виновниками того, что дела приняли дурной оборот, столь сильно пошатнув национальную кредитную систему. Г-н Айлэби отказался от должности канцлера казначейства и отсутствовал на заседаниях парламента, пока законодательная власть вела формальное расследование на предмет установления его личной вины.

Тем временем Найт, казначей компании, посвященный во все опасные секреты бесчестных директоров, упаковал бухгалтерские книги и документацию и сбежал из страны. Замаскировавшись, он уплыл по реке в маленькой лодке, и, поднявшись на корабль, нанятый для побега, был благополучно переправлен в Кале. Тайный комитет поставил Палату общин в известность о случившемся, и было единогласно решено представить на рассмотрение короля два обращения: в первом короля просили издать прокламацию, объявляющую награду за поимку Найта, а во втором -немедленно приказать закрыть порты и принять на побережьях эффективные меры по предотвращению побега из королевства вышеупомянутого Найта или любых других чиновников Компании южных морей. Едва на этих обращениях высохли чернила, как они были доставлены королю г-ном Мэтьюэном, делегированным для этого палатой, и была издана королевская прокламация, объявляющая награду в две тысячи фунтов за поимку Найта. В тот же вечер началось закрытое заседание парламента. Палата общин приказала закрыть свои двери и положить ключи на стол. Генерал Росс, один из членов тайного комитета, сообщил присутствующим, что комитет уже обнаружил ряд самых изощренных злодейств и обманов, какие только мог придумать мошенник для разорения нации, о которых палата узнает в должное время. Пока же, для проведения дальнейшего расследования, комитет считал в высшей

степени необходимым взять под стражу некоторых директоров и главных чиновников компании, а также наложить арест на их документацию. Поступившее на сей счет предложение было принято единогласно. Сэра Роберта Чаплина, сэра Теодора Янсена, г-на Собриджа и г-на Ф. Эйлза, членов Палаты общин и директоров Компании южных морей, призвали откликнуться со своих мест и ответить за свою продажность. Сэр Теодор Янсен и г-н Собридж отозвались на свои имена и постарались себя реабилитировать. Палата терпеливо их выслушала и затем приказала им удалиться. После этого было внесено и единогласно принято предложение признать их виновными в злоупотреблении доверием, повлекшим за собой значительные убытки большого числа подданных его величества и нанесшим большой ущерб национальной кредитной системе. Далее было предписано исключить их за преступления из состава палаты и передать парламентскому приставу. Сэр Роберт Чаплин и г-н Эйлз, присутствовавшие в палате четыре дня спустя, были также исключены из ее состава. Одновременно было решено обратиться к королю с тем, чтобы он отдал директивы своим посланникам в других странах объявить розыск Найта для передачи его английским властям на тот случай, если он нашел убежище в одной из них. Король незамедлительно согласился, и той же ночью во все части континента были отправлены гонцы.

Среди директоров, заключенных в тюрьму, был сэр Джон Блант, которого считали вдохновителем и отцом пресловутого предприятия. Этот человек, как сообщает нам Поп в своем «Послании Аллану, лорду Батерсту», был самым благочестивым раскольником, изображавшим из себя правоверного*. Он постоянно выступал против роскоши и коррупции того времени, пристрастности членов парламента и бедности партийного духа. Особенно красноречиво он клеймил алчность высокопоставленных и титулованных персон. Блант начинал как ростовщик и впоследствии стал не просто директором, а самым активным руководителем Компании южных морей. Начал ли он выступать против жадности сильных мира сего именно на данном этапе своей карьеры, нам неизвестно. Он определенно был свидете-

* см. следующую страницу

лем ее проявлений в количестве, оправдывающем его самую суровую анафему, но если бы сей проповедник был сам свободен от осуждаемого им порока, его декламации возымели бы больший эффект. Бланта под конвоем привели к барьеру Палаты

* «'God cannot love,' says Blunt, with tearless eyes,
'The wretch he starves,' and piously denies.....
Much-injur'd Blunt! Why bears he Britain's hate?
A wizard told him in these words our fate:
'At length corruption, like a general flood,
So long by watchful ministers withstood,
Shall deluge all; and avarice, creeping on,
Spread like low-born mist, and blot the sun
Statesman and patriot ply alike the stocks...,
Peeress and butler share alike the box,
And judges job, and bishops bite the town,
And mighty dukes pack cards for half-a-crown:
See Britain sunk in Lucre's sordid charms
And France revenged on Anne's and Edward's arms!'
Twas no court-badge, great Scrivener! fir'd thy brain,
Nor lordly luxury, not city gain:
No, 'twas thy righteous end, asham'd to see
Senates degen'rate, patriots disagree,
And nobly wishing party-rage to cease,
To buy both sides, and give thy country peace.»
Pope's Epistle to Allen Lord Bathurst.

(«Бог не способен любить несчастных, которых он морит голодом», - изрекает бесчувственный Блант и благочестиво отрекается... Блант оскорблен! Почему Британия его ненавидит? Колдун предсказал ему нашу судьбу так: «В конце концов продажность, как наводнение, так долго сдерживаемое бдительными министрами, затопит все, и алчность расползется повсюду, растечется, как отвратительный туман, и закроет солнце. Государственные деятели и патриоты будут спекулировать на бирже, леди и дворецкий - делить доходы, судьи - барышничать, епископы - воровать, могущественные герцоги — карты в колоду за полкроны собирать. Я вижу, как Британию захлестывает презренная жажда наживы, а Франция мстит за войны Анны и Эдуарда! Великий ростовщик, не будет никаких королевских регалий, которых ты так жаждешь, ни присущей лорду роскоши, ни доходов от горожан. Нет, тебя ждет справедливый финал, и ты со стыдом увидишь вырождающихся парламентариев и ссорящихся патриотов, и тех, кто в своем благородстве стремится погасить пламя раздора, чтобы искупить грехи антагонистов и принести мир твоей стране.»

Поп, «Послание Аллану, лорду Батерсту».) Прим. автора.

лордов* и подвергли длительному допросу. Он отказался отвечать на некоторые важные вопросы, сказав, что его уже допрашивал комитет Палаты общин, и, поскольку он не помнит своих ответов и может противоречить сам себе, он отказывается отвечать перед другим трибуналом. Это заявление, само по себе являющееся косвенным доказательством вины, вызвало в палате некоторое смятение. Бланта вновь безапелляционно спросили, продавал ли он когда-нибудь какое бы то ни было количество ценных бумаг кому-либо из членов администрации или кому-либо из членов любой из палат парламента для облегчения принятия законопроекта. Он опять отказался отвечать, заявив, что очень хочет относиться к палате со всем возможным уважением, но считает несправедливым, что его принуждают свидетельствовать против самого себя. После нескольких безуспешных попыток освежить память, ему было приказано удалиться. Последовала яростная дискуссия между сторонниками и оппонентами кабинета министров. Утверждали, что .администрации удобна неразговорчивость сэра Джона Бланта. Герцог Уортонский бросил тень на графа Стэнхоупа, что привело последнего в негодование. Он выступал, будучи в сильном возбуждении, и эта горячность вызвала у него внезапный прилив крови к голове. Он почувствовал себя так плохо, что был вынужден покинуть палату и удалиться в свои апартаменты. Ему немедленно поставили банки, а на следующее утро пустили кровь, но это не принесло особого облегчения. Никто не ожидал летального исхода. Ближе к вечеру он впал в забытье и изменившись в лице скончался. Внезапная смерть этого государственного деятеля вызвала в стране великую скорбь. Георг I был безмерно потрясен и на несколько часов заперся в кабинете, безутешный в своей утрате. Найт, казначей компании, был арестован в местечке Тирльмонт, неподалеку от Льежа, одним из секретарей г-на Ледеса, английского дипломатического представителя в Брюсселе, и помещен в Антверпенскую крепость. Австрийскому эрц-герцогскому двору неоднократно посылались прошения о его выдаче, но тщетно. Найт отдался на милость правосудия Брабанта и требовал, чтобы его судили в этой провинции. Существовала при-

* Барьер, отделяющий места членов палаты. *Прим. перев.*

вилегия, дарованная провинции Брабант одной из статей *Joyeuse Entree,* согласно которой все преступники, задержанные в Брабанте, подлежали суду в этой провинции. Провинция настаивала на своей привилегии и отказывалась выдать Найта английским властям. Последние не переставали слать ходатайства, но тем временем Найт сбежал из крепости.

16 февраля тайный комитет представил свой первый отчет Палате общин. В нем говорилось, что расследование сопровождалось многочисленными трудностями и помехами: все, кого допрашивали члены комитета, пытались по мере возможности пустить правосудие по ложному следу. В некоторых предъявленных комитету бухгалтерских книгах были сделаны фиктивные записи, в другие были вписаны суммы денег, а имена держателей акций отсутствовали. В книгах были многочисленные подчистки и изменения, из некоторых были вырваны листы. Также было обнаружено, что некоторые книги особой важности были вообще уничтожены, а некоторые изъяты или спрятаны. В самом начале расследования члены комитета заметили, что переданные на их рассмотрение материалы были самого разного содержания и объема. Многим лицам было поручено исполнение различных частей закона, и под видом этого они действовали непростительным образом, распоряжаясь имуществом тысяч людей стоимостью в миллионы фунтов. Члены комитета обнаружили, что еще до того, как было принято Постановление о Компании южных морей, в ее бухгалтерских книгах была сделана запись о сумме в 1 259 325 фунтов на счете по ценным бумагам, которые значились проданными за сумму в 574 500 фунтов. Эти акции были абсолютно фиктивными и были проданы с целью содействия принятию законопроекта. Они значились проданными в разные дни и по разным ценам, от 150 до 325 фунтов. Пораженный тем, что акции на такую большую сумму были проданы в то время, когда компания еще не имела права их продавать, комитет принял решение провести самое тщательное расследование всех ее деловых операций. Перед ним предстали и были строго допрошены управляющий, помощник управляющего и несколько директоров компании. Было выяснено, что в то время, когда были сделаны эти записи, компания не являлась владельцем ценных бумаг на такую большую

сумму, имея в пределах своих полномочий их количество на сумму не более тридцати тысяч фунтов. Продолжив расследование, комитет обнаружил, что эти акции принимались в расчет или удерживались компанией в пользу мнимых покупателей, хотя не было заключено никаких договоров на их передачу или оплату в какое-либо определенное время. Не было никаких выплат наличными, предполагаемые покупатели не вносили на счета компании абсолютно никаких задатков или залогов; таким образом, если бы курс акций упал, чего можно было ожидать, не будь постановление принято, покупатели не понесли бы никаких убытков. И наоборот, если бы котировка ценных бумаг поднялась (что фактически и произошло, так как план удался), разница за счет роста котировки принесла бы владельцу акций прибыль. Соответственно, после принятия постановления г-н Найт подправил учет по ценным бумагам, а компания выплатила мнимым покупателям курсовую разницу наличными. Эти фиктивные акции, находившиеся главным образом в распоряжении сэра Джона Бланта, г-на Гиббона и г-на Найта, были распределены среди нескольких членов правительства и близких им людей путем взяток для содействия принятию законопроекта. Графу Сандерлендскому были переданы акции на сумму в 50 000, герцогине Кендалской - 10 000, графине Плейтенской - 10 000, двум ее племянницам - 10 000, г-ну секретарю Крэггзу — 30 000, г-ну Чарльзу Стэнхоупу (одному из секретарей казначейства) - 10 000, Компании-изготовителю клинков - 50 000 фунтов. Выяснилось также, что г-н Стэнхоуп получил гигантскую сумму в 250 000 фунтов как разницу цены акций при посредничестве «Тернер, Кэсуолл энд Ко.»; при этом его фамилия была частично подчищена в бухгалтерских книгах фирмы и изменена на Стэнгейп. Айлэби, канцлер казначейства, извлек доходы еще более отвратительные. У него был счет на сумму в 794 415 фунтов в фирме, владельцами которой являлись директора Компании южных морей. Кроме того, он посоветовал компании увеличить совокупную цену акций второй подписки до полутора миллионов фунтов вместо одного без всякого на то предписания свыше, руководствуясь исключительно собственной инициативой. Третья подписка была проведена столь же бесчестным образом. Г-н Айлэби подпи-

сался на 70 000, г-н Крэггз, как старший по положению, — на 659 000, граф Сандерлендский - на 160 000 и г-н Стэнхоуп - на 47 000 фунтов. В отчете упоминалось еще шесть человек, менее высокопоставленных. В конце концов комитет объявил, что из-за отсутствия Найта, являвшегося своего рода ключевым звеном аферы, расследование было решено приостановить.

Первый отчет было приказано напечатать и принять к рассмотрению через день. После весьма гневных и оживленных дебатов было согласовано несколько резолюций, осуждающих действия директоров и связанных с ними членов парламента и администрации и объявляющих, что те должны, все без разбора, своим собственным имуществом возместить ущерб, нанесенный ими народу. Их деятельность была названа продажной, позорной и опасной, и было приказано внести законопроект, призванный помочь несчастным пострадавшим.

Г-н Чарльз Стэнхоуп был первым, кого призвали отчитаться о своем участии в данной афере. Защищая себя, он настаивал на том, что в течение нескольких лет он отдавал все свои деньги на хранение г-ну Нашу и что, какие бы ценные бумаги не приобретал для него г-н Найт, он расплатился за них сполна. Что же касается ценных бумаг, купленных для него фирмой «Тернер, Кэсуолл энд Ко.», то он сказал, что ничего об этом не знает. Все, что было сделано по данному вопросу, было сделано без его санкции, и он не может нести за это ответственность. «Тернер, Кэсуолл энд Ко.» взяли ответственность на себя, но для всякого беспристрастного и непредубежденного человека было очевидно, что г-н Стэнхоуп стал богаче на 250 000 фунтов, находившихся в руках этой фирмы и предназначенных ему. Тем не менее его оправдали с перевесом всего в три голоса. Для защиты были приложены большие усилия. Лорд Стэнхоуп, сын графа Честерфилдского, по очереди обходил колеблющихся парламентариев, используя все свое красноречие, чтобы убедить их либо проголосовать за оправдание, либо отлучиться из палаты. Многих недалеких депутатов его увещевания сбили с толку, что и привело к известному результату. Оправдание вызвало величайшее недовольство во всей стране. В разных районах Лондона собирались озлобленные толпы; повсюду опасались, что начнутся беспорядки, особенно потому, что многие ожидали подобного исхода от допросов

более виновных. Г-н Айлэби, высокая должность и большая ответственность которого подразумевали априорную честность, будь он даже недостаточно честен с рождения, в данной ситуации весьма справедливо считался наиболее вероятным преступником номер один. Его дело было принято к рассмотрению на следующий день после оправдания г-на Стэнхоупа. Царило сильное возбуждение, кулуары и коридоры палаты заполонили толпы людей, с нетерпением ожидающих результата. Дебаты продолжались весь день. Г-ну Айлэби мало кто сочувствовал: его вина была настолько бесспорной и ужасной, что никто не отважился выступить в его защиту. В конце концов было единогласно решено, что г-н Айлэби, поощрявший и содействовавший претворению в жизнь губительного плана «южных морей» с целью собственного непомерного обогащения, наравне с директорами компании участвовавший в их пагубной деятельности, приведшей к краху национальной торговли и кредитной системы королевства, в наказание за свои преступления подлежит изгнанию с позором из Палаты общин и тюремному заключению в лондонском Тауэре под особой охраной; кроме того, ему было запрещено покидать королевство в течение года или до окончания следующей парламентской сессии и приказано составить правдивый отчет о всем его имуществе, чтобы оно могло быть передано в пользу тех, кто пострадал от его противозаконных действий.

Этот вердикт вызвал величайшую радость. Несмотря на то, что он был вынесен в половине первого ночи, известие о нем скоро облетело весь город. Некоторые люди в знак радости устроили иллюминацию. На следующий день, когда г-на Айлэби везли в Тауэр, на Тауэрском холме собралась толпа людей, намеревавшихся освистать осужденного и забросать его камнями. Не преуспев в этом, они развели большой костер и танцевали вокруг него, переполняемые весельем. Несколько костров было разведено и в других местах; в Лондоне царила праздничная атмосфера, и люди поздравляли друг друга, словно они только что избежали великого бедствия. Ярость, вызванная оправданием г-на Стэнхоупа, разрослась до таких масштабов, что никто не знал, чем бы все кончилось, удостойся г-н Айлэби подобной же милости.

Радости людям прибавило то, что сэр Джордж Кэсуолл, один из совладельцев фирмы «Тернер, Кэсуолл энд Ко.», на следующий день был исключен из состава Палаты общин, приговорен к заключению в Тауэр и штрафу в 250 000 фунтов.

Следующей была рассмотрена та часть отчета тайного комитета, что касалась графа Сандерлендского. Предпринимались все усилия, чтобы снять обвинения с его светлости. В силу того, что заведенное против него дело основывалось главным образом на свидетельских показаниях, полученных от сэра Джона Бланта, были приложены все старания, чтобы поставить под сомнение слова сэра Джона, особенно в свете ущерба, наносимого ими чести пэра и члена тайного совета. Графа защищали все без исключения сторонники кабинета министров; высказывалось мнение, что обвинительный приговор приведет к власти кабинет министров партии тори. В конце концов граф был оправдан 233 голосами против 172, но страна была убеждена в его виновности. Повсеместно выражалось сильнейшее негодование, а в Лондоне собирались озлобленные толпы. К счастью, никаких беспорядков не произошло.

Вскоре после вышеуказанного события умер г-н Крэггз-старший. Следующий день был посвящен обсуждению этого события. Все считали, что он отравился. Однако на самом деле он просто не смог пережить потерю сына, одного из секретарей казначейства, который умер от оспы несколькими неделями ранее. Ради этого сына, которого он очень любил, он копил огромное богатство: копил деньги, но бесчестным путем; теперь же человека, ради которого он поступился своей честью и запятнал свою репутацию, больше не было в живых. Страх перед дальнейшими разоблачениями еще больше помутил его рассудок и в конце концов вызвал апоплексический удар, от которого он скончался. Он оставил после себя состояние в полтора миллиона фунтов, которое впоследствии было конфисковано в пользу пострадавших от плачевной аферы, в осуществлении которой он принял столь деятельное участие.

Дела, заведенные на всех директоров компании, одно за другим принимались к рассмотрению. Для возмещения причиненного ими ущерба было конфисковано имущество на сумму в два миллиона четырнадцать тысяч фунтов; каждому из них про-

порционально степени их участия в афере и в соответствии с обстоятельствами была оставлена определенная его часть, позволяющая начать новую жизнь. Сэру Джону Бланту досталось всего 5000 фунтов от его состояния более чем в 183 000 фунтов, сэру Джону Феллоузу - 10 000 от 243 000 фунтов, сэру Теодору Янсену - 50 000 от 243 000 фунтов, г-ну Эдварду Гиббону - 10 000 от 106 000 фунтов, сэру Джону Ламберту - 5000 от 72 000 фунтов. С другими, менее вовлеченными в аферу, обошлись гораздо либеральнее. Историк Гиббон, чьим дедом был столь сурово оштрафованный г-н Эдвард Гиббон, в своих *«Мемуарах и писаниях»* интересно рассказал о парламентских процессах того времени. Он признает, что не является беспристрастным свидетелем, но в силу того, что все писатели, из книг которых можно получить хоть какую-то информацию о судебных процессах тех бедственных лет, были пристрастны с другой стороны, версия изложения событий знаменитого историка приобретает дополнительную ценность, если, конечно, рассматривать ее, руководствуясь принципом *audi alteram partem**. «В 1716 году, - пишет он, - моего деда выбрали одним из директоров Компании южных морей. Из его конторских книг достоверно явствует, что еще до того, как принять это фатальное назначение, он нажил независимое состояние в 60 000 фунтов. Но его богатство было сметено катастрофой 1720 года, и труды тридцати лет пошли насмарку в один день. Оценить отсутствие или наличие злоупотреблений в деятельности компании, виновность или невиновность моего деда и его коллег-директоров, я не могу, так как не являюсь ни полноправным, ни беспристрастным судьей. Но непредвзятость дней сегодняшних должна осудить надуманные и деспотические судебные процессы, позорящие правосудие и делающие несправедливость еще более одиозной. Страна очнулась от золотых грез не раньше, чем возмущенное общество, а вслед за ним и парламент потребовал жертв, но все признавали, что директора, пусть даже виновные, не подпадали под действие ни одного из существовавших законов страны. Резким призывам лорда Моулсуорта не последовали буквально, но внесли на рассмотрение законопроект о наказаниях и взыс-

* Выслушайте другую сторону (лат.). *Прим. перев.*

каниях - законодательный акт, имеющий обратную силу и карающий за преступления, неподсудные во время их совершения. Законодательная власть подвергла директоров заключению, приставила к ним огромную по численности охрану и поспешила заклеймить их позором. Их заставили объявить под присягой точную стоимость их имущества и лишили возможности передавать или отчуждать какую бы то ни было его часть. Вопреки законопроекту о наказаниях и взысканиях, каждый человек, находящийся на скамье подсудимых, имеет право быть выслушанным. Они просили, чтобы их выслушали. Их просьбы были встречены отказом: их притеснители, которым не требовались никакие показания, не стали бы выслушивать никаких оправданий. Сперва было предложено оставить директорам на будущее одну восьмую часть их имущества, но при этом было специально оговорено, что в зависимости от состоятельности и степени вины такая пропорция была бы для многих чересчур милосердной, а для некоторых - чересчур суровой. Репутация и деятельность каждого подсудимого оценивалась отдельно, но вместо беспристрастного судебного следствия по всей форме богатство и честь тридцати трех англичан стали темой торопливого разговора, забавой для не подчиняющегося законам большинства, когда самый недостойный член комитета мог злобным высказыванием или тайным голосованием дать волю своему общему раздражению или личной враждебности. Расследование отягощалось оскорблениями, а оскорбления усугублялись насмешками. Директорам издевательски оставляли как 20 фунтов, так и 1 шиллинг. Неопределенное сообщение о том, что кто-либо из директоров был ранее вовлечен в другой проект, в результате которого некое число неизвестных лиц лишилось своих денег, признавалось доказательством его нынешней вины. Один человек был разорен из-за того, что обронил глупую фразу о том, что его лошади должны питаться золотом; другой — потому что был настолько гордым, что однажды, находясь в казначействе, невежливо ответил персонам, гораздо более высокопоставленным. Всех директоров заочно приговорили к огромным штрафам и конфискациям, унесшим львиную долю их имущества. Парламенту, при всем его могуществе, вряд ли простителен столь бесстыдный гнет. Мой дед не мог рассчиты-

вать, что с ним обойдутся более милосердно, нежели с его компаньонами. Его приверженность принципам партии тори и связи делали его неудобным для власть предержащих. К нему относились с необъяснимым подозрением. Его общеизвестные способности не могли служить оправданием неведения или ошибки. На первых процессах против директоров Компании южных морей г-н Гиббон был взят под стражу одним из первых, а объявленный в окончательном приговоре размер штрафа указывал на то, что его сочли одним из наиболее виновных директоров. Общая стоимость его имущества, объявленная им под присягой в Палате общин, составляла 106 543 фунта 5 шиллингов и 6 пенсов, не считая прошлых актов распоряжения имуществом. Г-ну Гиббону хотели оставить 15 000 фунтов, но после того, как вопрос был поставлен на голосование, было единогласно решено уменьшить сумму до 10 000 фунтов. Понеся столь значительные убытки, но сохранив свои навыки и доверие, которых парламент был не в состоянии его лишить, мой дед, будучи в зрелом возрасте, возвел здание нового богатства. Труды шестнадцати лет были щедро вознаграждены, и у меня есть повод считать, что состояние, накопленное во второй раз, ненамного меньше накопленного в первый».

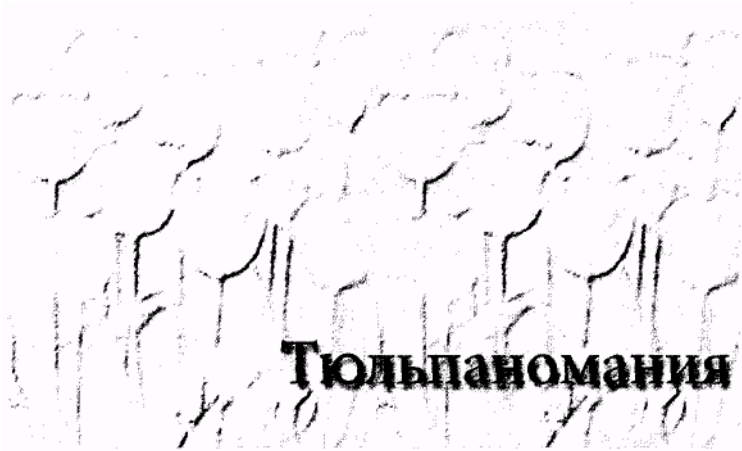
После того, как директора были наказаны, законодательная власть при ступила к восстановлению национальной кредитной системы. План Уолпола был признан неудовлетворительным и приобрел дурную славу. В конце 1720 года был произведен подсчет совокупного акционерного капитала Компании южных морей. Он равнялся тридцати семи миллионам восьмистам тысячам фунтов, из которых на долю сторонних акционеров приходилось только двадцать четыре миллиона пятьсот тысяч фунтов. Остаток в тринадцать миллионов триста тысяч фунтов принадлежал компании в целом и представлял собой доход, полученный ею в результате аферы национального масштаба. У компании были изъяты акции на сумму свыше восьми миллионов и распределены между всеми пайщиками и подписчиками, что принесло им дивиденд примерно в 33 фунта 6 шиллингов и 8 пенсов на сотню. Это было для них большим облегчением. Далее было решено, что те, кто занял у Компании южных морей деньги под залог ее ценных бумаг, ос-

вобождаются от всех обязательств после выплаты десяти процентов от сумм, занятых таким образом. Так компания ссудила под проценты около одиннадцати миллионов в то время, когда ценные бумаги стоили неестественно дорого; теперь же, когда цены опустились до обычного уровня, она получила обратно один миллион сто тысяч фунтов.

Но до полного возрождения национальной кредитной системы было еще далеко. Предприимчивость, подобно Икару, поднялась слишком высоко, и воск ее крыльев расплавился, после чего она, как и Икар, упала в море и, барахтаясь в его волнах, уяснила, что ее необходимым составляющим было прочное связующее. С тех пор она никогда не пыталась взлететь на такую большую высоту.

Позднее, во времена процветания торговли, тенденция к сверхспекуляции возникала еще несколько раз. Успех одного проекта обычно приводит к появлению других, похожих на него. В коммерчески активном обществе склонность людей к подражанию всегда будет инициировать появление подобных «успешных» предприятий и втягивать слишком охочих до денег в бездну, выбраться из которой довольно трудно. Дутые предприятия, подобные Компании южных морей, прожили свой недолгий век и рухнули во время знаменитой паники 1825 года. Тогда, как и в 1720 году, мошенники собрали богатый урожай с жадных, но и те, и другие пострадали, когда настал час расплаты. Предприятия 1836 года поначалу предвещали столь же катастрофические результаты, но их, к счастью, удалось предотвратить, прежде чем стало слишком поздно.*

* Компания южных морей до 1845 г. оставалась ярчайшим примером слепой тяги людей к коммерческим авантюрам в британской истории. Первое издание этих томов вышло незадолго до того, как разразилась Великая Железнодорожная мания этого и последующего годов.



Тюльпан, название которого, как считают, произошло от турецкого слова, означающего «тюрбан», появился в Западной Европе примерно в середине шестнадцатого века. Конрад Геснер**, претендующий на роль главного популяризатора этого цветка, даже не думал о том смятении, которое последний вскоре после этого вызвал в мире. Он утверждает, что впервые увидел его в одном из садов города Аугсбурга, принадлежавшем эрудированному советнику Херварту, весьма известному в свое время коллекционеру экзотических редкостей. Луковицы тюльпана этому дворянину прислал его друг из Константинополя, где этот цветок был одним из самых популярных уже долгое время. В течение десяти - одиннадцати лет после этого тюльпаны имели большой успех у состоятельных людей, особенно в Голландии и Германии. Амстердамские богачи посылали людей за луковицами прямо в Константинополь и платили за них самые баснословные деньги. Первые луковицы, высаженные в Англии, были завезены из Вены в 1600 г. До 1634 года репутация тюльпанов

* Какое неистовство, о граждане! (лат.). *Прим. перев.*

** Конрад Геснер (1516-1565) - швейцарский естествоиспытатель и библиограф. *Прим. перев.*

неуклонно росла, и в конце концов отсутствие у всякого богатого человека их коллекции стало считаться признаком дурного вкуса. Многие ученые мужи, включая Помпея де Ангелиса и Липсия Лейденского, автора трактата «De Constantia», были страстными поклонниками тюльпанов. Вскоре стремление обладать ими охватило представителей среднего класса: купцы и лавочники, даже с умеренными доходами, начали состязаться друг с другом, стремясь собрать как можно больше редких сортов этих цветов и покупая их по безумным ценам. Известно, что один торговец из Харлема заплатил за одну-единственную луковицу половину своего состояния, не собираясь перепродавать ее с выгодой для себя; он хотел посадить ее в своей оранжерее, чтобы восхищаться своей причастностью к всеобщему увлечению.

Можно предположить, что у этого цветка было какое-то очень хорошее качество, делавшее его столь ценным в глазах такого бережливого народа, как голландцы, ведь он не обладает ни красотой, ни ароматом розы, и едва ли он так же радует глаз, как «душистый, душистый горошек»; у него нет живучести ни того, ни другого растения. Каули же поет ему дифирамбы. Он пишет:

«The tulip next appeared, all over gay,
But wanton, full of pride, and full of play;
The world can't show a dye but here has place;
Nay, by new mixtures, she can change her face;
Purple and gold are both beneath her care,
The richest needlework she loves to wear;
Her only study is to please the eye,
And to outshine the rest in finery.» *

Это, хотя и не очень поэтичное, описание, данное поэтом. Бекманн в *«Истории изобретений»* описывает в прозе этот цветок точнее и увлекательнее, нежели Каули в своем стихотворе-

* Затем появился тюльпан, очень красивый, но своенравный, гордый и игривый; в мире нет таких цветов и оттенков, какие есть в нем; более того, смешивая новые краски, он способен меняться; он рядится в пурпурные и золотые одежды и обожает самые дорогие наряды; его единственная забота — услаждать взор и затмевать остальных своим убранством. *Прим. перев.*

нии. Он пишет: «На свете найдется немного растений, которые в результате случайности, слабости или болезни приобретают так много разных цветов и оттенков, как тюльпан. Некультивированный, растущий в дикой природе, он имеет почти одноцветные лепестки, крупные листья и чрезвычайно длинный стебель. Ослабляемый культивированием, он становится более приятным глазу цветовода. Лепестки бледнеют, уменьшаются и приобретают более разнообразную цветовую гамму, а листья приобретают более мягкий зеленый цвет. Таким образом, чем красивее становится сей шедевр культивирования, тем он делается слабее - слабее настолько, что только самый опытный и внимательный цветовод может, да и то с большим трудом, пересадить его или даже сохранить жизнь». Многие люди сильно привязываются к тому, что доставляет им массу проблем. Так мать часто любит свое вечно хворое дитя больше, чем своего более здорового отпрыска. Мы должны объяснять причину незаслуженных панегириков, которые расточались этим хрупким цветам, исходя из того же принципа. В 1634 г. желание голландцев обладать ими было столь страстным, что обычные отрасли промышленности страны были заброшены, а ее население, вплоть до самых отбросов общества, принялось торговать тюльпанами. По мере того как эта мания разрасталась, поднимались цены, и в 1635 году стало известно, что многие люди вложили по 100 000 флоринов в покупку луковиц. Тогда возникла необходимость продавать их на вес, измеряемый в *перитах,* единице массы, меньшей, чем гран*. Тюльпан сорта *«Адмирал Лифкен»* весом в 400 *перитов* стоил 4400 флоринов, *«Адмирал Ван дер Эйк»* весом в 446 *перитов* стоил 1260 флоринов, *«Чилдер»* ** весом в 106 *перитов* стоил 1615 флоринов, *«Вице-король»* весом в 400 *перитов* - 3000 флоринов, а самый дорогой, *«Семпер Август»* весом в 200 *перитов,* считался очень дешевым, если стоил 5500 флоринов. Последний пользовался большим спросом, и даже плохую его луковицу можно было продать за 2000 флоринов. Пишут, что одно время, в начале 1636 г., во всей Голландии было всего две луковицы этого сорта, причем

* В системе английских мер гран торговый, аптекарский и тройский (для взвешивания драгоценных камней и металлов) равен 0,0648 г. *Прим. перев.*
** Childer (староангл.) — «дети». *Прим. перев*

не самые лучшие. Одной владел торговец из Амстердама, другой - из Харлема. Спекулянты так сильно хотели их заполучить, что один из них предложил за харлемский тюльпан двенадцать акров* земли для застройки. Амстердамский тюльпан был куплен за 4600 флоринов, новую карету, пару серых лошадей и полный комплект сбруи. Мантинг, плодовитый автор той поры, написавший о тюльпаномании фолиант объемом в тысячу страниц, сохранил для потомков следующий перечень различных предметов и их цен, за которые была куплена одна-единственная луковица редкого сорта *«Вице-король»:*

	Цена во флоринах
Два ласта** пшеницы	448
Четыре ласта ржи	558
Четыре откормленных быка	480
Восемь откормленных свиней	240
Двенадцать откормленных овец	120
Два хогсхеда вина ***	70
Четыре бочки пива ****	32
Две бочки сливочного масла	192
Тысяча фунтов сыра *****	120
Кровать с постельными принадлежностями	100
Мужской костюм	80
Серебряная чаша	60
Итого:	2500

Люди, на время покинувшие Голландию, по возвращении в нее в то время, когда это безрассудство достигло своего апогея, иногда по неведению попадали в затруднительное положение. В *«Путешествиях»* Блейнвилла приводится забавный пример та-

* Акр — единица площади в системе английских мер. 1 акр = 0,4 га. *Прим.* перев.
**Ласт — мера, различная для разного груза; здесь - 10 четвертей (29 гектолитров) зерна. *Прим.* перев.
*** Хогсхед — мера жидкости 238 л. *Прим. перев.*
****Бочка — мера емкости = 252 галлонам = 1144,08 л. *Прим. перев.*
***** Фунт — основная единица массы в системе английских мер. 1 фунт (торговый) = 453,6 г. *Прим. перев.*

кого рода. Один богатый купец, немало гордившийся своими редкими тюльпанами, однажды получил очень ценную партию товаров для Леванта*. Весть о ее прибытии принес ему один моряк, который явился к нему в бухгалтерию, где находились кипы самых разных товаров. Купец решил наградить его за хорошую новость и сделал ему необычайно щедрый подарок - крупную копченую селедку на завтрак. Моряк, похоже, очень любил репчатый лук и, увидев лежавшую на конторке сего великодушного торговца луковицу, очень похожую на луковицу лука, и нисколько не сомневаясь в том, что ей не место среди шелков и бархата, улучил момент и сунул ее в карман в качестве закуски к селедке. Он вышел со своим трофеем на улицу и проследовал к набережной, где собирался съесть свой завтрак. Едва он ушел, как купец обнаружил пропажу драгоценного *«Семпера Августа»,* стоившего три тысячи флоринов или около 280 фунтов стерлингов. Все его домашние были немедленно подняты на ноги, драгоценную луковицу искали повсюду, но тщетно. Горю купца не было предела. Поиски были возобновлены, но и на сей раз не увенчались успехом. Наконец заподозрили моряка.

Как только было высказано это предположение, несчастный купец выскочил на улицу. Его встревоженные домочадцы последовали за ним. Моряк же, простая душа, и не думал прятаться. Его обнаружили мирно сидящим на сложенных витками канатах и пережевывающим последний кусочек «лука». Он и не думал, что ест завтрак, на деньги от продажи которого можно было кормить экипаж целого корабля в течение года, или, как выразился по этому поводу сам ограбленный купец, «можно было устроить роскошный пир для принца Оранского и целого двора статхаудера»**. История знает несколько примеров подобных «кулинарных изысков». Так, Антоний бросил

* Левант (от франц. *Levant* или итал. *Levante* — Восток) — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Египет, Турция, Греция, Кипр, Израиль), в узком смысле - Сирии и Ливана. *Прим. перев.*
** Статхаудер - глава исполнительной власти в Республике Соединенных провинций в конце 16-18 вв. Соединенные провинции - буржуазная республика 7 нидерландских провинций (Голландия, Зеландия, Утрехт, Гелдерн, Оверэйсел, Фрисландия, Гронинген), образовавшаяся в результате Нидерландской буржуазной революции 16 в. Иногда называлась Голландской республикой, Голландией. *Прим. перев.*

несколько жемчужин в вино и выпил за здоровье Клеопатры, сэр Ричард Уиттингтон сделал эту величественную глупость на приеме у короля Генриха V, а сэр Томас Грешэм выпил вино, в котором находился алмаз, за здоровье королевы Елизаветы, когда она открыла здание лондонской биржи. Но завтрак этого жуликоватого голландского моряка был не менее роскошен. К тому же, он имел одно преимущество перед своими расточительными предшественниками: *их* драгоценности не улучшили вкус или полезность вина, *а его* тюльпан был довольно вкусным в сочетании с копченой селедкой. Самым неприятным в этой истории явилось то, что моряк провел несколько месяцев в тюрьме по обвинению в уголовном преступлении, выдвинутому против него купцом.

Другая история, не менее трагикомичная, повествует об одном английском путешественнике. Сей джентльмен, ботаник-любитель, увидел луковицу тюльпана, лежавшую в теплице одного состоятельного голландца. Не подозревая о ее ценности, он, намереваясь провести на ней ряд опытов, вынул свой перочинный ножик и стал снимать с нее слой за слоем. Когда луковица таким образом уменьшилась наполовину, он разрезал ее пополам, сопровождая все свои манипуляции многочисленными учеными замечаниями о необычном строении странной луковицы. Внезапно на него набросился ее владелец и с яростью во взгляде спросил, знает ли тот, что делает. «Исследую в высшей степени необычную луковицу», - ответил естествоиспытатель.

«Hundert tausend duyvel! * - вскричал голландец. - Это же "Ад*мирал Ван дер* Эмк"!» «Спасибо, - ответил путешественник, вынимая свою записную книжку, чтобы зафиксировать полученную информацию, - и много в вашей стране таких "адмиралов"?» «Черт тебя побери! - завопил голландец, хватая изумленного ученого мужа за воротник. - Предстань перед синдиком ** и узнаешь!» Путешественника, несмотря на его протесты, провели по улицам в сопровождении толпы. Когда он предстал перед мировым судьей, то к своему ужасу узнал, что луковица, на которой

* «Сто тысяч чертей!» (голл.). *Прим. перев.*
** Синдик - член магистратуры, мировой судья. *Прим. перев.*

он экспериментировал, стоила четыре тысячи флоринов, после чего, несмотря на его оправдания, продержали в тюрьме до тех пор, пока он не предоставил гарантии выплаты этой суммы.

В 1636 году спрос на тюльпаны редких сортов вырос настолько, что для их продажи были открыты постоянно действующие рынки: на фондовой бирже Амстердама, в Роттердаме, Харлеме, Лейдене, Алкмаре, Хорне и других городах. Признаки очередной биржевой игры впервые стали очевидными. Маклеры, всегда находящиеся в ожидании новой спекуляции, поставили торговлю тюльпанами на широкую ногу, используя все известные им приемы, чтобы вызвать колебания цен. Поначалу, что характерно для всех спекулятивных маний, доверие было максимальным, и в выигрыше оставались все. Тюльпанные маклеры играли на повышение и понижение цен на тюльпаны и получали большие прибыли от покупки тюльпанов во время падения цен и продажи во время их роста. Многие внезапно стали богатыми. Перед людьми замаячила соблазнительная золотая приманка, и один за другим они устремились на тюльпанные рынки как мухи на мед. Все думали, что мода на тюльпаны будет длиться вечно и что богачи со всего света пошлют в Голландию за ними своих людей, которые заплатят за них любые деньги; богатства со всей Европы сконцентрируются на берегах Зейдер-Зе *, и нужда будет изгнана из благодатного климата Голландии. Тюльпанами занимались дворяне, горожане, фермеры, мастеровые, мореплаватели, ливрейные лакеи, служанки и даже трубочисты и старьевщики. Люди всех рангов конвертировали свою собственность в наличные деньги и вложили их в цветы. Дома и земли выставлялись на продажу по разорительно низким ценам или передавались в собственность других лиц как плата по сделкам, заключенным на тюльпанных рынках. Это безумие охватило и иностранцев, и деньги потекли в Голландию со всех сторон. Цены на предметы первой необходимости вновь постепенно росли; дома и земли, лошади и кареты, а также всевозможные предметы роскоши дорожали вместе с ними, и несколько месяцев Голландия являла собой самую

* Прежнее название залива Эйсселмер. *Прим. перев*

настоящую прихожую Плутоса. Торговые операции стали настолько обширными и запутанными, что было признано необходимым принять кодекс законов, регламентирующих деятельность торговцев. Эти законы распространялись также на нотариусов и клерков, посвятивших себя исключительно интересам торговли. В некоторых городах предназначение обычного нотариуса было почти забыто, так как его место было узурпировано «тюльпанным» нотариусом. В тех городках, где не было фондовой биржи, в качестве «демонстрационного зала» обычно выбиралась главная таверна, где люди всякого звания торговали тюльпанами и подкрепляли заключенные сделки обильным чревоугодием. На этих обедах иногда присутствовало двести-триста человек, а на столах и буфетах для удовольствия трапезничающих были расставлены вазы с тюльпанами в цвету.

Однако более благоразумные начали наконец понимать, что это безрассудство не может продолжаться вечно. Богатые люди больше не покупали цветы, чтобы держать их у себя в саду, а делали это исключительно с целью их перепродажи с выгодой для себя. Было ясно, что в конце концов кто-то обязательно с треском разорится. По мере того, как уверенность в этом овладевала все большим количеством людей, цены падали и больше не поднимались. Доверию пришел конец, и торговцев охватила всеобщая паника. *А* договаривался *с Б о* покупке у последнего десяти «Сейнер *Августов»* по четыре тысячи флоринов каждый через шесть недель после подписания договора. *Б* был готов продать цветы в назначенный срок, но к тому времени цена падала до трехсот-четырехсот флоринов, и *А* отказывался либо выплачивать разницу, либо приобретать тюльпаны вообще. Сообщения о лицах, не выполняющих своих обязательств по договорам, появлялись день за днем во всех городах Голландии. Сотни тех, кто еще несколько месяцев тому назад начал сомневаться, что в стране есть такая вещь, как бедность, вдруг обнаружили, что являются обладателями нескольких луковиц, которые никто не хочет покупать, несмотря на то, что они хотят продать их за четверть цены, которую сами за них заплатили. Повсюду раздавались крики страдания, и каждый обвинял своего соседа.

Те немногие, кто ухитрился разбогатеть, утаивали свое богатство от сограждан и вкладывали его в английские или другие государственные ценные бумаги. Многие из тех, кто на непродолжительное время поднялся по социальной лестнице, теперь погрузились в прежнюю безвестность. Состоятельные купцы были доведены чуть ли не до нищеты, а столпы дворянства окончательно и бесповоротно разорились.

Когда первоначальное смятение несколько улеглось, владельцы тюльпанов провели в нескольких городах общественные собрания, чтобы выяснить, что следует предпринять для возрождения популярности этих цветов. Было решено отправить отовсюду делегатов в Амстердам для консультации с правительством на предмет отыскания способа исправления существующего зла. Правительство сначала отказалось вмешиваться, но посоветовало владельцам тюльпанов самим выработать какой-нибудь план. С этой целью провели несколько собраний, но было невозможно придумать какую бы то ни было меру, способную удовлетворить обманутых людей или возместить хотя бы малую часть причиненного им вреда. Все высказывали недовольство и осуждение, и все эти собрания проходили в высшей степени бурно. Однако в конце концов, после многочисленных перебранок и враждебных выпадов, собравшиеся в Амстердаме делегаты пришли к соглашению, согласно которому все договоры, заключенные в разгар мании, то есть до ноября 1636 г., объявлялись потерявшими законную силу, а в тех, что были заключены позднее, покупатели освобождались от своих обязательств после выплаты продавцам десяти процентов. Это решение не удовлетворило никого. Продавцы, у которых на руках были тюльпаны, были, разумеется, недовольны, а те, кто обязался их купить, считали, что с ними обошлись несправедливо. Тюльпаны, стоившие в свое время шесть тысяч флоринов, теперь продавались по пятьсот; таким образом, десять процентов составляли сумму, на сто флоринов большую действительной стоимости. Процессы по делам о нарушении контрактов грозили начаться во всех судах страны.

Этот вопрос был в конце концов передан на рассмотрение Совета по делам провинций в Гааге, и все с уверенностью ожидали, что мудрость этого органа подскажет какую-нибудь меру,

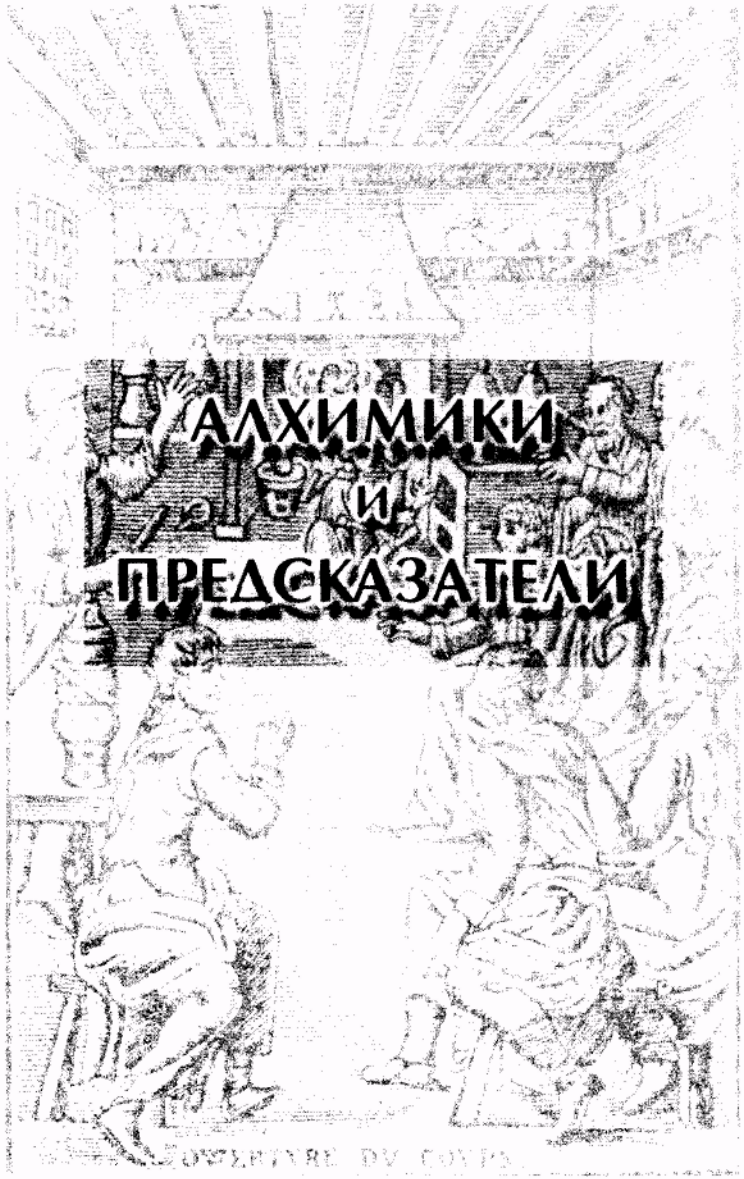
способную переломить ситуацию к лучшему. Воцарилось напряженное ожидание его решения, но оно так и не последовало. Члены совета совещались неделю за неделей и наконец, после трехмесячных дебатов, объявили, что не могут принять окончательное решение, не имея достаточной информации. Тем не менее они порекомендовали всем продавцам до принятия советом окончательного решения предложить покупателям в присутствии свидетелей приобрести тюльпаны по ранее согласованной цене. Если последние откажутся это делать, тюльпаны можно будет продать с аукциона, а ответственность за разницу между фактической и оговоренной ценой ляжет при этом на покупателя. Эта рекомендация и стала планом, предложенным делегатами и оказавшимся абсолютно бесполезным. В Голландии не было суда, который мог бы заставить покупателей платить за тюльпаны. Вопрос был поднят в Амстердаме, но судьи единодушно отказались вмешиваться на том основании, что долги по спекулятивным договорам незаконны.

На этом все и кончилось. Правительство было не в силах найти панацею от беды. Тем, кто имел несчастье иметь запасы тюльпанов во время стремительного падения цен, оставалось по возможности философски переживать свое разорение; тем, кто извлек доходы, позволили их сохранить; но коммерция страны находилась в состоянии глубокого шока, от которого она оправилась лишь много лет спустя.

Примеру голландцев до некоторой степени последовали в Англии. В 1636 году тюльпаны открыто продавались на лондонской бирже, и маклеры лезли из кожи вон, чтобы взвинтить их цену до амстердамской. Маклеры Парижа также старались создать тюльпаноманию. В обоих городах они преуспели лишь частично. Несмотря на это, сила примера сделала эти цветы чрезвычайно популярными, и среди людей определенного класса тюльпаны с тех пор ценятся гораздо выше, нежели любые другие полевые цветы. Голландцы до сих пор хорошо известны своим пристрастием к ним и продолжают платить за них больше, чем любой другой народ. Если богатый англичанин хвастается своими чистокровными скаковыми лошадьми или старинными картинами, то состоятельный голландец точно так же превозносит свои тюльпаны.

Странно, но факт: в наши дни в Англии средний тюльпан стоит больше, чем дуб. Если бы удалось найти *гага in terris* * тюльпан, черный, как лебедь Ювенала, его цена равнялась бы дюжине акров хлеба на корню. В Шотландии к концу семнадцатого столетия самая высокая цена тюльпана, согласно приложению к третьему изданию *«Британской энциклопедии»,* равнялась десяти гинеям. С тех пор, похоже, она снижалась до 1769 года, когда двумя самыми ценными сортами в Англии были *«Дон Куэведо»* и *«Валентиньер»,* первый из которых стоил две, а второй - две с половиной гинеи. Ниже эти цены, видимо, не опускались. В 1800 году единая цена одной луковицы равнялась пятнадцати гинеям. В 1835 г. луковица сорта *«Мисс Фанни Кимбл»* была продана с аукциона в Лондоне за семьдесят пять фунтов. Еще более удивительной была цена тюльпана, которым владел один садовод на Кингз-роуд, Челси: в его прейскурантах стояла сумма в двести гиней.

* Редко встречающийся, диковинный (лат.). *Прим. перев.*


АЛХИМИКИ
И
ПРЕДСКАЗАТЕЛИ

Алхимики

Mercury (loquitur). The mischief a secret any of them knows, above the consuming of coals and drawing of usquebaugh! Howsoever they may pretend, under the specious names of Geber, Arnold, Lulli, or bombast of Hohenheim, to commit miracles in art, and treason against nature! As if the title of philosopher, that creature of glory, were to be fetched out of a furnace! I am their crude and their sublimate, their precipitate and their unctions; their male and their female, sometimes their hermaphrodite – what they list to style me! They will calcine you a grave matron, as it might be a mother of the maids, and spring up a young virgin out of her ashes, as fresh as a phoenix; lay you an old courtier on the coals, like a sausage or a bloat-herring, and, after they have broiled him enough, blow a soul into him with a pair of bellows! See, they begin to muster again, and draw their forces out against me! The genius of the place defend me!
***Ben Jonson's Masque: Mercury vindicated from the Alchymist*.**

** Ртуть (loquitur).* Я—зловредная тайна, известная им всем: сжигающим уголь, потягивающим виски и прикрывающимся благовидными именами Гебера, Арнальдо де Виллановы, Луллия или Бомбаста фон Гогенгейма. Ваши попытки приписать себе совершение чудес и власть над природой тщетны - славное звание философа не извлекается из печи! Я их сырье и их сублимат, их осадок и их мази, их мужчина и их женщина, а иногда их гермафродит — вот перечень моих ипостасей! Для вас они сожгут дотла степенную замужнюю женщину, которая, возможно, является матерью непорочных дев, и из ее пепла появится молодая девственница, цветущая как птица Феникс; положат на угли, словно колбасу или сельдь, старика-придворного, как следует его прожарят и вдохнут в него жизнь с помощью ручных мехов! Глядите, они вновь трубят сбор и выводят против меня свои легионы! Ангел-хранитель, защити меня! — Бен Джонсон. *«Маска: ртуть, защищенная от алхимиков».*

Неудовлетворенность своей судьбой является, видимо, чертой характера людей во все времена и в любой обстановке. Тем не менее до сих пор она была не злом, как это можно предположить вначале, а великим двигателем цивилизации, и как ничто другое способствовала нашему выходу из животного состояния. Но то же самое недовольство, что было источником любого прогресса, породило немало глупостей и нелепостей, рассказ о которых и является целью настоящего повествования. Его предмет, кажущийся столь обширным, легко поддается сужению до пределов, в которых он будет всеобъемлющим, не нагоняя на читателя скуку, а его исследование станет поучительным и занятным одновременно.

Недовольство людей было вызвано тремя основными причинами, которые, побуждая нас искать средство избавления от неизбежного, заводили нас в лабиринт безумия и заблуждения. Это смерть, тяжелый труд и незнание будущего - то, на что человек обречен с рождения, и к чему он выражает антипатию своей любовью к жизни, стремлением к богатству и страстным желанием проникнуть в тайны дней грядущих. Первая привела многих к мысли, что они смогут найти средство, позволяющее избежать смерти, или, не преуспев в этом, смогут продлить жизнь настолько, чтобы та исчислялась столетиями. Это послужило началом долгих и все еще не прекращенных поисков *elixir* vitae*, или *живой воды,* в которых участвовали тысячи и в благополучный исход которых верили миллионы. Второе положило начало поискам философского камня, который должен был приносить его обладателю богатство, превращая любой металл в золото, третье породило лженауки: астрологию и гадание, а также их разновидности - некромантию, хиромантию и ауспиции вместе со всеми сопутствующими им символами, приметами и предзнаменованиями.

Прежде чем начать рассказ о заблуждавшихся философах или сознательно шедших на обман самозванцах, поощрявших доверчивость людей или злоупотреблявших ею, для упрощения и большей ясности повествования представляется целесообразным разделить их на три категории: в первую входят

* Эликсира жизни (лат.) *Прим. перев.*

алхимики, или все, кто посвятил себя поискам философского камня и живой воды, во вторую - астрологи, некроманты, колдуны, геоманты и прочие предсказатели будущего, а в третью - торговцы магическими формулами, амулетами, приворотными зельями, универсальной панацеей, средствами от сглаза, составители симпатических порошков, гомеопаты, магнетизеры и вся пестрая компания знахарей, целителей, шарлатанов, а также «седьмые сыновья седьмого сына».

Читатель, однако, узнает, что многие из них сочетали в своей деятельности несколько, а то и все вышеупомянутые функции, что алхимик был одновременно предсказателем будущего, а некромант объявлял, что может исцелять от всех недугов прикосновениями или заклинаниями и творить всевозможные чудеса. Это весьма характерно для раннего европейского средневековья. Даже обратив внимание на более поздние времена, мы обнаружим исключительную разносторонность занятий этих людей. Алхимик редко ограничивался только своей лженаукой, а колдуны, некроманты и знахари-шарлатаны - своими мнимыми искусствами. Некоторая путаница в категориях, начиная с алхимиков, неизбежна, но устранима по мере прочтения этой и последующих глав.

Давайте не будем, гордясь своими исключительными познаниями, с презрением отворачиваться от недомыслия наших предков. Изучение заблуждений, в которые впадали величайшие умы в поисках истины, всегда поучительно. Как человек, оглядывающийся на дни своего детства и юности, воскрешая в памяти странные понятия и ложные мнения, управлявшие в то время его поступками, может удивляться им, так и общество должно в назидание себе вспоминать взгляды и воззрения, которыми руководствовались люди минувших эпох. При этом человек мыслит поверхностно, презирая их и отказываясь даже слышать о них, просто потому что они абсурдны. Ни один человек не умен настолько, чтобы было нечего найти поучительного в своих прошлых ошибках, выражавшихся или в мыслях, или в поступках, и ни одно общество не является настолько передовым, чтобы не поддаваться усовершенствованию, глядя на свое былое безрассудство и легковерие. Такое исследование не только поучительно: тот, кто читает книги исключительно ради развлечения, не

найдет в анналах памяти человечества главы более занимательной, чем эта. Она охватывает целую область вымысла - необузданного, причудливого и удивительного, и огромное множество вещей, «которых нет и быть не может, но существование которых предполагают и в которые верят».

Свыше тысячи лет искусство алхимии пленяло многие замечательные умы, и в нее верили миллионы людей. Ее истоки затерялись во мраке веков. Одни ее приверженцы утверждают, что алхимия появилась в глубокой древности, на заре человечества, другие же считают, что она родилась не раньше времен Ноя. Винсент де Бове настаивает на том, что все, кто родился до всемирного потопа, должны были обладать познаниями в области алхимии, ссылаясь при этом на то, что, если бы Ной не знал *elixir vitae,* он не дожил бы до столь невероятного возраста и не породил бы более пятисот детей. Ленгле дю Френуа в своей *«Истории герметической* философии»* пишет: «Большинство из них ссылалось на то, что Шем**, или Хем, сын Ноя, был адептом этого искусства, и считало весьма вероятным, что слова *химия и алхимия* произошли от его имени». Другие полагают, что это искусство произошло от египтян, среди которых его основоположником был Гермес Трисмегист. Моисей, которого считают первоклассным алхимиком, учился ему в Египте, но он не поделился знаниями с другими и не посвятил сынов Израилевых в его таинства. Все авторы алхимических трудов торжествующе ссылаются на историю золотого тельца из 32-й главы Исхода***, чтобы доказать, что этот великий законодатель в совершенстве владел алхимическими приемами и мог по собственной прихоти создавать или уничтожать золото. Согласно этой истории, Моисей был так разгневан идолопоклонством израильтян, что «взял тельца, которого они сделали, и сжег его в огне, и стер в прах, и рассыпал по воде, и дал ее пить сынам Израилевым». Этого, как утверждают алхимики, он никогда не смог бы сделать, если бы не владел философским камнем; никакими ины-

* Герметический - закрытый, тайный. Образовано от имени Гермеса Трисмегиста, мифического родоначальника оккультных наук. *Прим. перса.*

** Шем (др. евр.) - Сим. *Прим. перев.*

*** Исход - 2-я книга Ветхого завета. *Прим. перев.*

ми средствами он не смог бы заставить золотой порошок держаться на поверхности воды. Но мы должны оставить сей трудный вопрос на рассмотрение знатоков алхимии, если таковые найдутся, и перейти к более современным периодам ее истории. Отец Мартини, иезуит, в своей книге *«Historia Sinica»* пишет, что китайцы занимались алхимией за две с половиной тысячи лет до рождения Христа, но его ничем не подкрепленное утверждение ничего не стоит. Тем не менее есть сведения о том, что люди, претендовавшие на владение искусством получения золота и серебра из других металлов, жили в Древнем Риме в первых веках христианской эры, и что они, будучи обнаруженными, подлежали наказанию как мошенники и самозванцы. В четвертом веке в Константинополе в превращение металлов верили все, и многие греческие священнослужители писали трактаты на эту тему. Их имена и обозрение их трудов приведены в третьем томе *«Истории герметической фшософии»* Ленгле дю Френуа. Они считали, что все металлы состоят из двух субстанций: металлической основы и красного горючего вещества, которое они называли серой. Чистое соединение этих субстанций образует золото, а другие металлы являются смесью золота с различными загрязняющими его ингредиентами. Искомый философский камень должен был растворять или уничтожать все эти ингредиенты, и с его помощью удалось бы превратить железо, свинец, медь и все остальные металлы в первоначальное золото. Многие ученые и способные люди тратили свое время, здоровье и энергию на эти напрасные поиски, нона протяжении нескольких столетий это не оказывало большого влияния на умы. История этого заблуждения имеет своего рода период затишья, закончившийся в восьмом веке, когда оно появилось среди арабов. Начиная с этого времени развитие алхимии прослеживается легче. Тогда же появился один выдающийся мастер алхимии, которого долго считали ее основоположником, и чье имя неразрывно связано с ней.

ГЕБЕР (GEBER)

Об этом философе, посвятившем свою жизнь изучению алхимии, известно немногое. Считается, что он родился в 730 году. Его настоящее имя было Абу Муса Джафар, к которому добавлялось прозвище аль-Софи, или «мудрый». Родился он в Хуране, в Месопотамии*. Одни считают его греком, другие - испанцем, а третьи - принцем с полуострова Индостан, но из всех ошибок в отношении его национальности самой нелепой является сделанная французским переводчиком *«Истории медицины»* Шпренгера, который по звучанию его имени решил, что он был немцем, и перевел его как «Donateur», или Даритель. Подробности его жизни неизвестны, но утверждают, что он написал более пятисот трудов о философском камне и живой воде. Он был великим энтузиастом своего дела и сравнивал тех, кто относился к его занятиям скептически, с малыми детьми, запертыми в маленькой комнате без окон и каких бы то ни было отверстий, которые, не видя ничего за пределами этой комнаты, отрицают существование самой Земли. Он верил, что философский камень будет, помимо златоделания, лечить все болезни, причем не только человека, но и животных и растений. Гебер также полагал, что все металлы страдают от болезни, за исключением золота, которое отличается идеальным здоровьем. Он утверждал, что тайна философского камня была неоднократно раскрыта в прошлом, но древние мудрецы, которым это удалось, так никогда и не передали устно или письменно свое открытие людям из-за их недостойности и недоверия**. Но жизнь Гебера, хотя и потраченная на погоню за несбыточным, все же не прошла да-

* «Всеобщая биография». *Прим. авт.*

"Его «усовершенствования», или руководство для изучающих алхимию, призванное облегчить им трудоемкие поиски философского камня и чудодейственного эликсира, были переведены на большинство европейских языков. Английский перевод выдающегося энтузиаста алхимии Ричарда Рассела был опубликован в Лондоне в 1686 г. В предисловии сказано, что оно написано восемью годами ранее в доме алхимика, находящемся по адресу: «у Звезды, Ньюмаркет...

ром. Он делал открытия, к которым не стремился; наука обязана ему первым упоминанием сулемы, красной окиси ртути, азотной кислоты и нитрата серебра*.

На протяжении более чем двухсот лет после смерти Гебера арабские философы целиком отдавались изучению алхимии, соединяя ее с астрологией. Самым знаменитым из них был

АЛЬ-ФАРАБИ (ALFARABI)

Аль-Фараби жил в начале десятого века и пользовался репутацией одного из самых образованных людей своего времени. Он прожил жизнь, путешествуя из страны в страну, имея таким образом возможность собрать воедино воззрения различных философов на великие тайны природы. Его не пугали опасности и не тяготил тяжелый труд. Многие монархи пытались удержать его при дворе, но он отказывался остаться, мотивируя это тем, что еще не достиг величайшей цели своей жизни — продления ее на века и изготовления золота в любом нужном ему количестве. В конце концов жизнь скитальца оказалась для него роковой. Посетив Мекку, не столько с религиозными, сколько с философскими целями, и возвращаясь домой через Сирию, он остановился при дворе султана Сейфеддулета, известного покровителя наук. Аль-Фараби появился перед этим монархом и его придворными в своем наряде путешественника и без приглашения дерзко сел на диван рядом с принцем. Придворные и мудрецы были возмущены, а султан, не знавший незваного гостя, сперва был также раздражен. Он повернулся к одному из своих сановников и приказал ему выгнать нахального незнакомца из комнаты, но аль-Фараби, не шелохнувшись, позволил себя схватить и, спокойно повернувшись к принцу, сказал, что тот не знает, кто его гость, иначе он обращался бы с ним почтительно, а не прибегал бы к насилию. Султан же вместо того, чтобы еще больше разозлить-

... Уоппинг, возле верфи». Целью сделанного им перевода было, по его словам, разоблачение лживых претензий многочисленных невежд, его современников, на знание алхимии. *Прим. авт.*

**«Всеобщая биография»,* статья «Гебер». *Прим. авт.*

ся, как сделали бы на его месте многие монархи, восхитился хладнокровию незнакомца и, попросив того сесть на диван вступил с ним в долгую беседу о науке и богословии. Все придворные были очарованы незнакомцем. По всем предлагаемым на обсуждение темам он демонстрировал исключительные познания. Он убеждал в своей правоте всех, кто отваживался с ним поспорить, и так проникновенно говорил об алхимии, что его сразу же признали вторым после самого великого Гебера. Один из присутствовавших ученых мужей поинтересовался, знаком ли человек, знающий так много наук, с музыкой. Аль-Фараби ничего не ответил, а просто попросил принести ему лютню. Лютню принесли, и он заиграл столь восхитительную и нежную мелодию, что все придворные растрогались до слез. Затем он сменил тему и заиграл такой веселый мотив, что степенные философы, султан и все придворные затанцевали настолько быстро, насколько позволяли ноги. Далее он вновь охладил их пыл печальной мелодией, заставив их рыдать и вздыхать как убитых горем. Султан, восхищенный способностями аль-Фараби, умолял его остаться, суля ему все, что могут дать богатство, власть и сан, но алхимик решительно отказался, заявив, что ему предначертано судьбой не давать себе отдых до тех пор, пока он не откроет философский камень. В тот же вечер он отправился в путь и был убит ворами в Сирийской пустыне. Его биографы не сообщают больше никаких подробностей его жизни, лишь упоминая о том, что им написано несколько важных трактатов по своему искусству, ни один из которых, однако, не сохранился. Его смерть пришлась на 954 год.

АВИЦЕННА (AVICENNA)

Авиценна, настоящее имя которого было Ибн Сина, еще один великий алхимик, родился в Бухаре в 980 г. Его репутация врача и человека, сведущего во всех науках, была столь значительной, что султан Магдал Дулет решил испытать его способности в науке управления страной. Он стал великим визирем этого монарха и правил государством с пользой для

последнего, но в науке еще более трудной он потерпел полный провал. Он не мог управлять своими страстями, увлекался вином и женщинами и вел бесстыдный и распутный образ жизни. Среди многочисленных дел и удовольствий Авиценна тем не менее нашел время для написания семи трактатов о философском камне, которые на протяжении многих столетий очень высоко ценились среди алхимиков. Удивительно, что такой выдающийся врач, каким, видимо, был Авиценна, столь часто предавался плотским утехам. За несколько лет он настолько погряз в разврате, что был уволен со своей высокой должности и вскоре после этого умер от преждевременной старости и осложнений болезней, вызванных невоздержанностью. Он умер в 1036 году. После его смерти некоторые арабские философы, известные и не очень, согласно утверждениям историков посвятили себя изучению алхимии, а вскоре после этого она привлекла повышенное внимание Европы. Ученые мужи Франции, Англии, Испании и Италии выражали свою веру в эту науку, и многие из них отдали ей все свои силы. Особенно популярной она была в двенадцатом и тринадцатом веках, и с ней связано несколько ярчайших имен этого периода. Одними из наиболее знаменитых были

АЛЬБЕРТ ВЕЛИКИЙ (ALBERTUS MAGNUS) И ФОМА АКВИНСКИЙ (THOMAS AQUINAS)

Первый из этих философов родился в 1193 году в одном из знатных семейств Лавингена, что в герцогстве Нойбургском, на Дунае. Первые тридцать лет своей жизни Альберт Великий был исключительно глуп, и все опасались, что от него не будет никакого толку. В раннем возрасте он стал членом доминиканского* монастыря, но настолько мало преуспел в своих занятиях, что в отчаянии неоднократно порывался их бросить, тем не

* Доминиканцы — дающие обет бедности члены католического монашеского ордена, основанного в 1215 г. испанским монахом Домиником. *Прим. перев.*

менее он не сделал этого, так как был наделен недюжинным упорством. Когда он достиг среднего возраста, его разум будто очнулся от сна, и он усваивал все предметы, за изучение которых брался, с чрезвычайной легкостью. Столь поразительную перемену в таком возрасте не могли объяснить иначе, как чудом. Утверждали и верили, что Дева Мария, тронутая его страстным желанием стать ученым и знаменитым, сжалилась над его ущербностью и явилась ему под сводами монастыря, где он сидел почти отчаявшийся, и спросила его, в какой из наук он хочет преуспеть - в философии или в теологии. Он, к разочарованию Девы Марии, выбрал философию, и она мягко и печально упрекнула его за сделанный выбор. Она, однако, согласилась сделать его самым выдающимся философом своего времени, но, к его огорчению, сказала, что когда он достигнет пика своей славы, он снова станет ни на что не годным и бестолковым. Альберт никогда не старался опровергнуть эту молву, но продолжил свои исследования с таким неослабным рвением, что о нем вскоре заговорили по всей Европе. В 1244 году его учеником стал прославленный Фома Аквинский. Об учителе и его ученике рассказывают множество удивительных историй. Уделяя должное внимание другим областям науки, они никогда не прекращали поиски философского камня и *elixir vitae.* Хотя они не открыли ни того, ни другого, люди верили, что Альберту удалось получить некоторую порцию эликсира жизни, посредством которого он оживил медную статую, на создание которой при благоприятном положении планет он потратил многие годы. Альберт и Фома Аквинский собрали ее, наделили даром речи и заставили выполнять функции домашней прислуги. В этом качестве она была чрезвычайно полезной, но из-за несовершенства механизма болтала намного больше, чем того хотелось бы обоим философам. Они испробовали различные средства, чтобы избавить ее от излишней словоохотливости, но ничто не помогло; и однажды Фома Аквинский был настолько взбешен шумом, создаваемым ею в тот момент, когда он бился над решением математической задачи, что схватил увесистый молот и разбил ее на куски*. Впос-

* Ноде, *«Защита великих людей, обвиняемых в колдовстве»,* гл. XVIII. *Прим. авт.*

ледствии он сожалел о содеянном и с пониманием отнесся к выговору, который учитель устроил ему за то, что он дал выход своему гневу, столь неподобающему философу. Но попыток вернуть статую к жизни они не делали.

Подобные истории отражают дух той эпохи. Всякий великий человек, пытавшийся постичь тайны природы, считался волшебником, и не стоит удивляться тому, что, когда сами философы претендовали на открытие некоего эликсира, дарующего бессмертие, или красного камня, призванного создавать несметные богатства, общественное мнение преувеличивало их претензии и наделяло их еще более сверхъестественными способностями. Люди верили, что Альберт Великий может менять времена года - искусство, которое многие считали менее сложным, нежели открытие великого эликсира. Альберт очень хотел заполучить участок земли поблизости от Кёльна под строительство монастыря. Земля принадлежала Вильгельму, графу Голландскому, по каким-то причинам не желавшему с ней расставаться. Сообщается, что Альберт заполучил ее следующим необычайным способом. Он пригласил Вильгельма, когда тот проезжал через Кёльн, на роскошный обед, приготовленный для него и всего его двора. Монарх принял приглашение и вместе со своей пышной свитой направился в резиденцию мудреца. Это было в середине зимы, Рейн был скован льдом, и было так холодно, что едущие верхом рыцари рисковали отморозить пальцы на ногах. И каково же было их удивление, когда по прибытии в дом Альберта они увидели, что стол накрыт в саду, в котором лежит снег глубиной в несколько футов. Глубоко возмущенный граф снова сел на коня, но Альберт в конце концов уговорил его сесть за стол. Не успел граф это сделать, как темные тучи рассеялись, засияло теплое солнце, холодный северный ветер внезапно исчез, и подул ласковый ветерок с юга, снег и лед растаяли, деревья покрылись зеленой листвой и плодами, цветы распустились у них под ногами, а на всех деревьях запели жаворонки, соловьи, черные дрозды, кукушки и прочие благозвучные певчие птицы. Граф и его спутники были несказанно удивлены, но отобедали, и в качестве вознаграждения за это Альберт получил участок земли под строительство монастыря. Он, однако, еще не показал

им все свое могущество. Как только трапеза была закончена, он произнес нужное слово, и темные тучи окружили солнце, крупными хлопьями посыпался снег, певчие птицы упали замертво, листья осыпались с деревьев, а подувший ветер был таким холодным и завывал так зловеще, что гости закутались в свои плотные плащи и удалились в дом, чтобы погреться у огня на кухне Альберта*.

Фома Аквинский мог творить чудеса так же, как его учитель. Рассказывают, что он временно проживал на одной из улиц Кёльна, где ему сильно досаждал непрекращающийся стук копыт лошадей, которых конюхи ежедневно прогоняли по ней для тренировки. Философ умолял последних выбрать какое-нибудь другое место, где бы они его не беспокоили, но конюхи оставались глухими к его настойчивым просьбам. Попав в столь незавидное положение, он прибегнул к помощи магии. Он изготовил небольшую бронзовую лошадь, на которой начертал определенные каббалистические** символы, и в полночь закопал ее на середине улицы. На следующее утро конюхи как обычно ехали верхом по улице, но как только лошади достигли места, где была закопана волшебная лошадь, они встали на дыбы и неистово шарахнулись вспять: их ноздри раздулись от ужаса, гривы встали дыбом, а по бокам потек пот. Напрасно всадники использовали шпоры, напрасно они понукали лошадей и угрожали им: животные ни в какую не хотели проходить это место. На следующий день результат был тот же. В конце концов конюхам пришлось подыскать другое место для тренировки лошадей, и Фому Аквинского оставили в покое***.

В 1259 г. Альберту Великому был пожалован сан епископа Ратисбонского, но через четыре года он сложил с себя сан на

* Ленгле, *«История герметической философии»*. См. также «Жизни *некромантов»* Годвина. *Прим. авт.*

** От слова «каббала» (др. евр., буквально - предание) - средневековое религиозно-мистическое учение, получившее сначала распространение среди приверженцев иудаизма, а затем в магической практике средневековой Европы. Особенно широко использовалось для всевозможных гаданий. Так называемая практическая каббала (каббалистика) основана на вере в то, что при помощи специальных ритуалов и молитв человек может активно вмешиваться в божественно-космический процесс. *Прим. перев.*

***Ноде, *«Защита великих людей, обвиняемых в колдовстве»,* гл. XVII. *Прим. авт.*

том основании, что его обязанности отнимают слишком много времени, которое он стремился посвятить философии. Он умер в Кёльне в 1280 г. в почтенном возрасте восьмидесяти семи лет. Писатели-доминиканцы отрицают, что он когда-либо искал философский камень, но его трактат о минералах является достаточным доказательством обратного.

АРТЕФИЙ (ARTEPHIUS)

Артефий, имя которого внесено в анналы алхимии, родился в начале двенадцатого века. Он написал два знаменитых трактата: один - о философском камне, а другой - об искусстве продления человеческой жизни. В последнем он превозносит свое высочайшее право обучать человечество этому искусству, утверждая, что ему (Артефию) одна тысяча двадцать четыре полных года! У него было много последователей, веривших этому и пытавшихся доказать, что он является жившим вскоре после пришествия Иисуса Христа Аполлонием Тианским, подробности жизни которого и якобы сотворенные им чудеса столь полно описаны Филостратом. Сам Артефий не опровергал выдумку, значительно увеличивавшую власть, которую он жаждал иметь над своими сторонниками - простыми смертными. При любом удобном случае он похвалялся своей уникальностью. Обладая же превосходной памятью, богатым воображением и доскональным знанием истории, он мог ответить на любой вопрос о внешности, манерах или характере великих людей древности. Он также заявлял, что нашел философский камень, и утверждал, что в поисках его спускался в ад, где видел дьявола, сидящего на золотом троне в окружении легиона бесов и демонов. Его труды по алхимии были переведены на французский язык и изданы в Париже в 1609 или 1610 г.

АЛЕН ДЕ ЛИЛЬ (ALAIN DE LISLE)

Современником Альберта Великого был Ален де Лиль Фландрский, которого за выдающиеся познания называли «универ-

сальным ученым». Считалось, что он сведущ во всех науках и, подобно Артефию, открыл *elixir vitae.* Он стал одним из монахов аббатства Сито и умер в 1298 г. в возрасте примерно ста десяти лет. Про него говорили, что на пятидесятом году жизни он был при смерти, но счастливое открытие эликсира позволило ему добавить к своей жизни шестьдесят лет. Его перу принадлежит комментарий пророчеств Мерлина.

АРНАЛЬАО ДЕ ВИЛЛАНОВА (ARNOLD DE VILLENEUVE)

Репутация этого философа гораздо солиднее. Он родился в 1245 годуй с большим успехом изучал медицину в Парижском университете. После этого он двадцать лет путешествовал по Италии и Германии, где познакомился с Пьетро д'Апоне, человеком близким ему по характеру и с теми же устремлениями. Арнальдо при жизни считали самым способным врачом, какого когда-либо видел мир. Как и все ученые мужи своего времени, он занимался астрологией и алхимией, и считалось, что он сделал несметное количество золота из свинца и меди. Когда Пьетро д'Апоне был арестован в Италии и привлечен к суду как колдун, похожее обвинение было выдвинуто против Арнальдо, но последнему удалось вовремя покинуть страну и избежать судьбы своего несчастного друга. Он частично утратил к себе доверие, предсказав несостоявшийся конец света, но впоследствии обрел его вновь. Точная дата его смерти неизвестна, но это, должно быть, случилось до 1311 года, когда Папа Климент V написал циркулярное письмо всем находящимся у него в подчинении духовным лицам Европы, в котором просил их приложить все усилия к тому, чтобы разыскать знаменитый трактат Арнальдо *«Медицинская практика».* Его автор, еще будучи в живых, пообещал подарить сей труд святейшему престолу, но умер, не выполнив своего обещания.

В весьма любопытном труде месье Лонжевиля Аркуэ, озаглавленном *«История людей, проживших несколько столетий и вновь помолодевших»,* есть один рецепт, принадлежащий, по словам автора, Арнальдо де Вилланове, посредством которого любой человек якобы может продлить себе жизнь на не-

сколько сотен лет или около того. «Перво-наперво, — пишут Арнальдо и месье Аркуэ, -желающий таким образом продлить себе жизнь должен два - три раза в неделю хорошенько натираться соком или сердцевиной кассии*. Каждый вечер перед отходом ко сну он должен накладывать на сердце пластырь, состоящий из определенного количества восточного шафрана, листьев красной розы, сандалового дерева, алоэ и янтаря, смешанных с розовым маслом и самым лучшим белым воском. Утром он должен его снимать и аккуратно прятать в свинцовую шкатулку до следующего вечера, когда его нужно будет накладывать вновь. Если человек - сангвиник, ему потребуется шестнадцать кур, если флегматик, - двадцать пять, а если меланхолик, - тридцать, которых он должен будет выпустить во двор, где воздух и вода чистые. Ими ему надлежит питаться, съедая по одной в день, но перед этим кур нужно откормить особым образом, чтобы их мясо приобрело свойства, придающие долголетие тому, кто их ест. Их необходимо лишить всякого питания, пока они не окажутся на грани голодной смерти, а затем кормить бульоном, приготовленным из змей и уксуса и заправленным пшеницей и отрубями». В процессе приготовления этой болтушки необходимо выполнить разные обряды, которые в книге месье Аркуэ могут найти те, кому это интересно. Данным продуктом кур надо кормить два месяца. После этого их нужно готовить и есть, запивая умеренным количеством хорошего белого вина или кларета. Регулярно соблюдая эту диету через каждые семь лет, можно достичь долголетия Мафусаила! Справедливости ради следует отметить, что у месье Аркуэ нет веских оснований приписывать сию изощренную рецептуру Арнальдо де Вилланове. В собрании сочинений этого философа ее нет; впервые она была обнародована в начале шестнадцатого века неким месье Пуарье, утверждавшим, что он обнаружил ее в манускрипте, написанном, несомненно, рукой Арнальдо.

*Кассия (лат.) — род многолетних растений, распространенных главным образом в тропиках и субтропиках; листья некоторых видов, известные под названием александрийский лист, применяются в медицине как слабительное средство. *Прим. перев.*

ПЬЕТРО Д'АПОНЕ (PIETRO D' APONE)

Сей несчастливый ученый муж родился в селении Апоне, неподалеку от Падуи, в 1250 году. Как и его друг Арнальдо де Вилланова, он был выдающимся врачом, занимаясь при этом астрологией и алхимией. Он много лет практиковал в Париже и сколотил огромное состояние, избавляя людей от боли и страданий, а также предсказывая будущее. Когда он попал в полосу неудач, то вернулся в свою страну, имея репутацию первостатейного мага. Все верили, что он извлек из преисподней семь злых духов и держал их запертыми в семи хрустальных вазах, а когда ему требовались их услуги, посылал в разные концы земли для исполнения его желаний. Первый дух специализировался на философии, второй - на алхимии, третий - на астрологии, четвертый - на медицине, пятый - на поэзии, шестой — на музыке, седьмой — на живописи; и всякий раз, когда Пьетро хотел получить информацию по любому из этих искусств, ему нужно было просто подойти к соответствующей хрустальной вазе и высвободить нужного духа. Таким образом он немедленно узнавал все секреты мастерства и мог, если бы захотел, превзойти Гомера в поэзии, Апеллеса - в живописи или самого Пифагора - в философии. Про него говорили, что хотя он и умеет делать золото из меди, но почти не пользуется этой своей способностью, а постоянно добывает деньги другим, менее похвальным способом. Всякий раз, когда он платил золотом, он бормотал известное ему одному заклинание, и на следующее утро золото возвращалось к нему целым и невредимым. Торговец, которому он его отдавал, мог запирать его в сейф и приставлять к последнему вооруженную охрану, но заколдованный металл возвращался к своему прежнему владельцу. Даже если бы он был зарыт в землю или брошен в море, следующая утренняя заря застала бы его в карманах Пьетро. В результате, мало кому нравилось что-либо продавать такому человеку, особенно за

золото. Некоторые наиболее смелые торговцы думали, что его колдовская сила не распространяется на серебро, но, когда они провели соответствующий эксперимент, поняли, что ошибались. Засовы не смогли удержать серебро; иногда оно становилось невидимым в их собственных руках и уносилось по воздуху в кошель волшебника. Пьетро, как и следовало ожидать, приобрел скверную репутацию и, позволив себе некоторые высказывания о религии, в корне противоречащие ортодоксальным, предстал перед судом инквизиции по обвинению в ереси и колдовстве. Он твердо отстаивал свою невиновность даже на дыбе, где его подвергали невыносимым пыткам. Пьетро д'Апоне умер в тюрьме до завершения суда, но затем был признан виновным. Было приказано выкопать и публично сжечь его останки. Кроме того, на улицах Падуи были сожжены его изображения.

РАЙМУНД ЛУЛЛИЙ (RAYMOND LULLI)

В то время, как Арнальдо де Вилланова и Пьетро д'Апоне жили во Франции и Италии, один адепт, более знаменитый, нежели тот и другой, появился в Испании. Это был Раймунд Луллий, имя которого принадлежит к алхимической элите. В отличие от многих его предшественников он не претендовал на лавры астролога или некроманта, но, выбрав Гебера как пример для подражания, тщательно изучал природу и химический состав металлов безотносительно к заклинаниям, колдовству или всевозможным нелепым обрядам. Однако постигать искусство алхимии он начал, будучи уже немолодым человеком. Его юношеские и зрелые годы прошли довольно необычно, да и вся его жизнь была воплощением романтики.

Он родился в 1235 году в известном семействе на Майорке. Когда этот остров в 1230 г. был отвоеван у сарацинов Иаковом I, королем Арагона*, отец Раймунда, который был родом из Ка-

* Арагон — историческая область на Северо-Востоке Испании, с 1035 г. — королевство. Династическая уния Арагона и Кастилии в 1479 г. положила начало единому государству—Испании. *Прим. перев.*

талонии*, поселился на нем и получил от короля важный пост. Раймунд рано женился и, будучи любителем наслаждений, покинул опостылевший ему уединенный остров и перебрался с женой в Испанию. Ему был пожалован пост гранд-сенешаля** при дворе короля Иакова, и несколько лет он вел беспутную жизнь. Неверный своей жене, он сменил множество красавиц, пока его сердце наконец не пленила очаровательная, но холодная Амбросия де Кастелло. Эта дама, как и ее обожатель, состояла в браке, но в отличие от него хранила супружескую верность и с презрением отвергала его домогательства. Раймунд был настолько влюблен, что отпор только распалил его страсть: он проводил ночи под ее окнами, писал страстные стихи с восхвалениями в ее адрес, забросил свои дела и стал посмешищем всех придворных. Однажды, наблюдая за ней через решетчатую ограду дома, он случайно, когда ветер откинул в сторону ее шейный платок, увидел под платьем грудь. В порыве вдохновения он сочинил несколько нежных строф и послал их даме. Прекрасная Амбросия никогда прежде не удостаивала его письма ответом, но на это она ответила. Она писала, что никогда не сможет ответить ему взаимностью, что негоже благоразумному человеку сосредоточивать свои помыслы, как это сделал он, на чем-то ином, кроме Господа, и умоляла его посвятить себя религии и обуздать недостойную страсть, которой он позволил себя снедать. Она тем не менее выразила готовность показать ему, если он того пожелает, *открытую* грудь, что так его пленила. Раймунд был восхищен. Он думал, что вторая часть этого послания едва ли согласуется с первой, и что Амбросия, несмотря на данный ею хороший совет, в конце концов смягчилась и сделает его настолько счастливым, насколько он того захочет. Он следовал за ней повсюду, упрашивая ее выполнить свое обещание, но Амбросия была холодна и со слезами на глазах заклинала его больше ей не докучать и говорила, что не может принадлежать ему и что это было бы невозможно даже

* Каталония — историческая область на Северо-Востоке Испании, в 1164 г. вошедшая в состав королевства Арагон, а с конца 15 в. - в объединенную Испанию. *Прим. перев.*

** Гранд-сенешаль - главный управляющий королевским двором. *Прим. ред.*

в случае ее развода. «Что же тогда означает ваше письмо?»— спросил в отчаянии влюбленный. «Сейчас увидите!» — ответила Амбросия, которая тут же опустила лиф платья и представила на обозрение объятого ужасом воздыхателя большую раковую опухоль, поразившую обе груди. Она, видя его шоковое состояние, протянула ему руку и еще раз попросила вести богоугодную жизнь и стремиться к создателю, а не к грешному земному существу. Луллий ушел домой другим человеком. На следующий день он оставил свой высокий пост при дворе, разошелся с женой и попрощался с детьми, предварительно разделив между ними половину своего немалого состояния. Другую половину он поделил между бедняками. Затем он бросился к подножию распятия и посвятил себя служению Всевышнему, поклявшись потратить остаток своих дней на обращение мусульман в христианство и искупить таким образом свои грехи. В своих снах он видел Иисуса Христа, говорившего ему: «Раймунд! Раймунд! Следуй за мной!» Видение повторилось трижды, и Раймунд был убежден, что это является прямым указанием небес. Уладив свои дела, он отправился в паломничество к усыпальнице св. Иакова из Компостелло, а впоследствии прожил десять лет в безлюдном месте среди гор Аранды. Там он выучил *арабский* язык, чтобы подготовиться к своей миссии обращения магометан. Он также изучил разные науки по трудам ученых мужей Востока и впервые познакомился с сочинениями Гебера, которым было суждено оказать очень сильное влияние на его последующую жизнь.

Успешно выдержав это испытание, он в возрасте тридцати девяти лет сменил уединение на более активную жизнь. На остатки от своего состояния, сохраненные за время затворничества, он основал частную школу с преподаванием арабского языка, что было одобрено Папой Римским, похвалившим его рвение и набожность. В это время он едва избежал смерти от руки юноши-араба, которого он взял к себе в услужение. Раймунд, охваченный приступом фанатизма, молил бога сделать его мучеником в его святом деле. Молитву нечаянно услышал слуга, который, будучи столь же фанатичным, как и его хозяин, решил удовлетворить желание последнего и одновременно наказать его за проклятия, которыми тот непрестанно разра-

жался а адрес Магомета и всех, кто в него верит. Для этого он однажды бросился с ножом на сидящего за столом хозяина, но проснувшийся в том инстинкт самосохранения пересилил стремление к мученичеству: Раймунд вступил в схватку со своим противником и победил его. Он не унизился до убийства, а сдал юношу городским властям, посадившим нападавшего в тюрьму, где впоследствии его нашли мертвым.

После этого злоключения Раймунд отправился в Париж, где прожил некоторое время и свел знакомство с Арнальдо де Вилановой. От последнего он, вероятно, заразился желанием найти философский камень, так как с этого времени стал уделять все меньше внимания религии, и все больше - изучению алхимии. Однако он не отказался от главной цели своей жизни - обращения магометан в христианство - и проследовал в Рим, чтобы лично встретиться с Папой Иоанном XXI и выяснить, что можно для этого предпринять. Папа на словах одобрил его затею, но не предоставил ему никаких помощников для осуществления задуманного предприятия. Поэтому Раймунд в одиночестве отправился в Тунис, где был радушно встречен многими арабскими философами, до которых дошла его слава как алхимика. Если бы он занимался в этой стране алхимией, с ним не случилось бы ничего дурного, но он начал проклинать Магомета и навлек на себя большие неприятности. Когда Раймунд проповедовал христианские доктрины на большом базаре в городе Тунис, его арестовали и бросили в тюрьму. Вскоре после этого он предстал перед судом и был приговорен к смертной казни. Некоторые его друзья-философы ходатайствовали за него, и он был помилован при условии, что немедленно покинет Африку и больше никогда в нее не вернется. Если же его здесь обнаружат, то независимо от цели его пребывания и срока давности вынесенный ему вначале приговор будет приведен в исполнение. Когда жизни Раймунда стала угрожать реальная опасность, он понял, что совсем не хочет быть мучеником, с радостью принял поставленные условия и покинул Тунис, намереваясь проследовать в Рим. Потом его планы изменились, и он обосновался в Милане, где какое-то время весьма успешно занимался алхимией и, по утверждению некоторых, астрологией.

Большинство писателей, веривших в таинства алхимии и рассказывавших о жизни Раймунда Луллия, утверждают, что во время пребывания в Милане он получал письма от английского короля Эдуарда, в которых тот приглашал ученого поселиться в его владениях. Они добавляют, что Луллий с удовольствием принял приглашение и поселился в выделенных ему апартаментах в Лондонском Тауэре, где очищал золото в больших количествах, руководил чеканкой золотых монет и сделал золото из железа, ртути, свинца и сплава олова со свинцом на общую сумму в шесть миллионов фунтов стерлингов. Авторы *«Всеобщей биографии»,* люди исключительно авторитетные, отрицают, что Раймунд когда-либо был в Англии, и пишут, что во всех этих историях о его удивительных алхимических способностях его путают с другим Раймундом, иудеем из Таррагоны. Ноде в своей *«Защите»* пишет, что Раймунд Луллий принес королю Эдуарду шесть миллионов для ведения войны против турок и прочих неверных, но он не превращал неблагородные металлы в золото, а посоветовал Эдуарду, как далее добавляет автор, ввести налог на шерсть, что и принесло нужную сумму. Чтобы доказать, что Раймунд посещал Англию, его поклонники цитируют один из приписываемых ему трудов, *«De Transmutatione Animoe Metallorum»,* в котором он ясно пишет, что был в Англии при посредничестве короля*. Авторы-герметисты расходятся во мнениях, был ли это Эдуард I или же Эдуард II, но, датируя его путешествие 1312 г., они тем самым указывают на Эдуарда П. Эдмонд Дикенсон в своем труде *«Сущность философских воззрений»* пишет, что Раймунд работал в Вестминстерском аббатстве, где много лет спустя после его отъезда в келье, которую он занимал, было найдено огромное количество золотой пыли, принесшее зодчим немалый доход. В биографическом очерке о Джоне Кремере, аббате Вестминстерском, написанном Ленгле, говорится, что Раймунд прибыл в Англию благодаря его содействию. Кремер сам тридцать лет занимался тщетными поисками философского камня, когда он случайно познакомился с Раймундом в Италии и попытался убедить его

* Vidimus omnia ista dum ad Angliam transumus, propter intercessionem domini Regis Edoardi illustrissimi. *Прим. авт.*

открыть великий секрет. Раймунд сказал ему, что он должен найти его сам, как это сделали до него все великие алхимики. Вернувшись в Англию, Кремер восторженно рассказал королю Эдуарду об удивительных способностях философа, и тому было тотчас отправлено пригласительное письмо. Роберт Константин в книге *«Nomenclator Scriptorum Medicorum»,* изданной в 1515 г., пишет, как после длительных изысканий он обнаружил, что Раймунд Луллий какое-то время жил в Лондоне и действительно делал в Тауэре золото посредством философского камня, что он видел золотые монеты его чеканки, все еще называемые в Англии ноблями Раймунда, или розноблями. Луллий сам похвалялся своим златоделанием: в своем известном труде *«Testamentum»** он утверждает, что суммарная масса золота, полученного им из ртути, свинца и сплава олова со свинцом, составляет не менее пятидесяти тысяч фунтов**. Представляется весьма вероятным, что английский король, верящий в необычайные способности алхимика, пригласил его в Англию, дабы испытать их на практике, и что тот занимался аффинажем золота и чеканкой монеты. Кемден***, которого нельзя назвать легковерным в подобных вопросах, с доверием относится к истории о чеканке ноблей и пишет, что нет ничего удивительного в том, что человек, известный как знаток металлов, был занят на такой работе. Раймунд в то время был старым человеком семидесяти шести лет и в какой-то степени страдал старческим слабоумием. Ему хотелось верить, что он открыл великий секрет, и он скорее поддерживал соответствующий слух, нежели опровергал его. Он пробыл в Англии недолго и вернулся в Рим для осуществления проектов, более близких его сердцу, чем ремесло алхимика. Он предлагал их нескольким сменившим друг друга Папам, но почти безуспешно. Первый представлял собой план введения обязательного преподавания восточных языков во всех монастырях Европы, второй — объединения всех существующих боевых порядков в один с целью повышения эффективности боевых действий против сараци-

* «Завещание» (лат.). *Прим. перев.*

** Convert! una vice in aurum ad L milia pondo argenti vivi, plumbi, et stanni. - *Lullii Testamentum. Прим. авт.*

*** Уильям Кемден (1551—1623) — английский антиквар и историк. *Прим. перев.*

нов, а третий - запрещения верховным понтификом изучения в школах трудов Аверроэса* как более симпатизирующего магометанству, нежели христианству. Папа принял старого ученого без особой сердечности, и после примерно двухлетнего пребывания в Риме тот снова отправился в Африку, одинокий и беззащитный, проповедовать Евангелие. Он высадился в Боне в 1314 г. и настолько рассердил магометан проклятиями в адрес их пророка, что они побили его камнями и оставили умирать на берегу моря. Несколько часов спустя его нашла группа генуэзских купцов, которые перенесли его на борт своего корабля и поплыли к Майорке. Несчастный проповедник все еще дышал, но не мог членораздельно говорить. В этом состоянии он медленно умирал несколько дней и испустил дух, когда на горизонте показались его родные берега. Его тело с большой помпой перенесли в церковь св. Эулалии в г. Пальма, где в его честь были устроены общественные похороны. Впоследствии говорили, что на его могиле творились чудеса.

Так закончилась карьера Раймунда Луллия, одного из наиболее выдающихся людей своего времени, и, если не принимать во внимание его хвастовство шестью миллионами золотом, он менее других алхимиков заслуживает прозвище шарлатана. Он написал очень много трудов - около пятисот томов по грамматике, риторике, этике, теологии, политике, гражданскому и каноническому праву, физике, метафизике, астрономии, медицине и химии.

РОДЖЕР БЭКОН (ROGER BACON)

В плен алхимического заблуждения однажды попал ум, еще более великий, чем Раймунд Луллий. Роджер Бэкон твердо верил в философский камень и потратил много времени на его поиски. Его пример укрепил веру всех ученых мужей того времени в целесообразность этих поисков и добавил им уверенности в своих силах. Он родился в Илчестере, что в графстве Сомерсет, в

* Аверроэс - латинизация от Ибн Рушд (1126-98) - арабский философ и врач, представитель восточного аристотелизма. *Прим. перев.*

1214 году. Некоторое время он учился в Оксфордском, а затем в Парижском университете, где получил степень доктора богословия. Вернувшись в Англию в 1240 г., он стал монахом ордена св. Франциска*. Он был, пожалуй, самым образованным человеком своего времени; его знания были настолько полнее знаний его современников, что те неизбежно предполагали, что им он обязан дьяволу. Вольтер дал этому уместное определение: «De l'or encroute de toutes les ordures de son siecle»**, но суеверие, окутывавшее его могучий интеллект, могло лишь затуманить, но не затмить яркость его гения. Очевидно, только ему среди всех пытливых умов того времени были известны свойства вогнутых и выпуклых линз. Он также изобрел волшебный фонарь***, эту прелестную игрушку современности, принесшую ему репутацию, отравлявшую его существование. Имя этого великого человека нельзя не включить в историю алхимии, хотя в отличие от многих других, о ком мы будем говорить, для него она всегда была вторичной по отношению к иным занятиям. Наполнявшая его разум любовь к универсальному знанию не позволяла пренебречь одной из отраслей науки, об абсурдности которой ни он, ни остальной мир знать тогда не могли. Потерянное на нее время он с лихвой компенсировал своими познаниями в области физики и знакомством с астрономией. Телескоп, зажигательные стекла и черный порох - этих сделанных им открытий вполне достаточно, чтобы о нем помнили в самом отдаленном будущем безотносительно к одному-единственному недомыслию, являющемуся диагнозом эпохи, в которой он жил, и обстоятельств, которые его окружали. Его трактат *«Замечательная способность искусства и природы к получению философского камня»* был переведен на французский язык Жераром де Торме и издан в Лионе в 1557 г. Его *«Зеркало алхимии»* было также издано на французском языке в том же году ив 1612 г. в Париже, с дополнениями из трудов Раймунда Луллия. Полный список всех опубликованных трактатов на эту тему можно найти у Ленгле дю Френуа.

* Орден св. Франциска — католический монашеский орден, члены которого (францисканцы) давали обет бедности; основан в Италии в 1207-1209 гг. Франциском Ассизским. *Прим. перев.*

** «В наш век золото порождается темными силами». *Прим.перев*

*** Проекционный фонарь (аппарат). *Прим. перев.*

ПАПА ИОАНН XXII (POPE JOHN XXII)

Этого прелата считают другом и учеником Арнальдо де Виллановы, посвятившего его во все секреты алхимии. Предание гласит, что он делал золото в больших количествах и умер богатым, как Крез. Он родился в Каоре, провинция Гиень, в 1244 г. Иоан XXII был очень красноречивым проповедником и быстро достиг высот церковной иерархии. Он написал труд по превращению металлов и имел прекрасную лабораторию в Авиньоне; издал две буллы* против многочисленных претендентов на владение искусством алхимии, появившихся во всех частях христианского мира, из которых можно сделать вывод, что его самого это заблуждение не коснулось. Алхимики, однако, называют его одним из самых выдающихся и удачливых мастеров их искусства, и пишут, что его буллы были направлены не против истинных адептов, а против самозванцев. Они придают особое значение следующим словам его буллы: «Spondent, quas non exhibent, divitias, *pauperes* alchymistae»**. Эти слова, по их мнению, могут относиться лишь к *бедным* и, следовательно, являющимися самозванцами алхимикам. Он умер в 1344 году, оставив в своих сундуках восемнадцать миллионов флоринов. Люди верили, что он не скопил сие сокровище, а изготовил его; алхимики же самодовольно считают это доказательством того, что философский камень был не такой уж химерой, как утверждали скептики. Они считают не требующим доказательства, что Иоанн действительно оставил эти деньги, и задаются вопросом: «Каким образом он мог скопить такую сумму?» Отвечая на свой собственный вопрос, они с ликованием пишут: «Его книга свидетельствует о том, что в этом ему помогла алхи-

* Булла - здесь: папский акт. *Прим. перев.*

** «Заявляю, что алхимик, не выставляющий напоказ свои богатства - бедный алхимик» (лат.). *Прим. перев.*

мия, секреты которой он узнал от Арнальдо де Вилланови и Раймунда Луллия. Но он был благоразумен, как и все остальные герметические философы. Всякий, кто попытается узнать секрет из его книги, потратит время впустую, Папа хорошо позаботился о сохранении тайны.» К несчастью для их собственной репутации, все эти злато делатели находятся в одном и том же затруднительном положении: их великий «секрет» теряет свою ценность как раз при попытке его рассказать, поэтому они и держат его в тайне. Может быть, они думали, что, если все смогут превращать металлы в золото, последнего станет так много, что оно утратит свою ценность и возникнет потребность в новом искусстве превращения его обратно в сталь и чугун. Если это так, то общество у них в большом долгу за их выдержку.

ЖАН ДЕ МЁН (JEAN DE MEUNG)

В то время «искусством» занимались представители всех классов и профессий. Последний, упомянутый нами, был Папой Римским, герой же нынешнего повествования был поэтом. Жан де Мен, прославленный автор *«Романа о розе»,* родился в 1279 или 1280 году, и был заметной фигурой при дворах Людовика X, Филиппа Длинного, Карла IV и Филиппа де Валуа. Его знаменитая поэма *«Роман о розе»,* повествующая обо всем, что было тогда в моде, неизбежно и весьма широко затрагивает алхимию. Жан твердо верил в силу «искусства» и помимо «Романа» написал две более короткие поэмы, одна из которых называлась *«Увещевание природы странствующему алхимику»,* а другая - *«Ответ алхимика природе».* Поэзия и алхимия были его усладой, а священники и женщины - его антипатией. О нем и о женщинах при дворе Карла IV рассказывают забавную историю. Он написал о прекрасном поле следующее клеветническое двустишие:

«Toutes etes, serez, ou futes,
De fait ou de volonte, putains;

Et qui tres bien vous chercherait,
Toutes putains vous trouverait.»*

Это, разумеется, было чрезвычайно оскорбительно, и, когда однажды это услышали несколько дам, дожидавшихся аудиенции в вестибюле королевского дворца, они решили наказать автора. Десять-двенадцать женщин вооружились палками и прутьями и, окружив незадачливого поэта, призвали присутствующих джентльменов раздеть его догола, чтобы они могли отомстить ему по справедливости и прогнать его, избивая, по улицам города. Некоторые из присутствующих синьоров, не вняв голосу разума, решили последовать призыву ради низменной потехи. Но Жана де Мена их угрозы не испугали, и он спокойно стоял среди них, умоляя их сперва выслушать его, а затем, если их не удовлетворят его объяснения, делать с ним все что угодно. Когда тишина была восстановлена, он встал на стул и начал речь в свою защиту. Он признал, что является автором оскорбительных стихов, но отрицал, что они относятся ко всем женщинам. Он сказал, что имел в виду лишь порочных и распутных, тогда как те женщины, которых он видит вокруг себя, являются воплощением добродетели, красоты и благопристойности. Если же, несмотря на все вышесказанное, какая-либо из присутствующих дам чувствует себя оскорбленной, он готов дать себя раздеть и позволить ей бить его до тех пор, пока у нее не устанут руки. Сообщается, что гнев прекрасных дам немедленно утих, и Жан избежал таким образом порки. Тем не менее присутствовавшие при этом джентльмены придерживались мнения, что, если бы все находящиеся там женщины, уязвленные его стихами, поймали поэта на слове, его, по всей вероятности, забили бы насмерть. На протяжении всей своей жизни он выказывал сильную враждебность по отношению к священнослужителям, и его знаменитая поэма изобилует фрагментами, изобличающими их алчность, жестокость и аморальность. Находясь при смерти, он оставил большой сундук, наполненный чем-то тяжелым, который он завещал кордельерам** в ка-

* Эти стихи являются всего лишь более вульгарным выражением оскорбительной строки Попа, считавшего, что «каждая женщина в глубине души распутница». *Прим. авт.*

** Кордельер - монах-францисканец. *Прим. перев.*

честве искупительной жертвы за те оскорбления, что он расточал в их адрес. Поскольку его занятия алхимией были хорошо известны, было решено, что сундук наполнен золотом и серебром, и кордельеры поздравляли друг друга с ценным приобретением. Когда сундук был открыт, они к своему ужасу обнаружили, что он наполнен исключительно *грифельными досками,* на которых нацарапаны иероглифические и кабалистические символы. Оскорбленные монахи решили отказать ему в христианском погребении под предлогом того, что он колдун. Несмотря на это, его с почестями похоронили в Париже в присутствии всего королевского двора

НИКОЛАЙ ФЛАМЕЛЬ (NICHOLAS FLAMEL)

В истории этого алхимика, переданной из поколения в поколение и изложенной в книге Ленгле дю Френуа, нет ничего необычного. Он родился в Понтуазе, в бедной, но уважаемой семье в конце тринадцатого или начале четырнадцатого века. Не имея родового имения, он в раннем возрасте отправился в Париж попытать счастья как переписчик. Он получил хорошее образование, весьма преуспел в изучении языков и был превосходным писцом. Вскоре он стал письмовником и переписчиком, и, бывало, сидел на углу улицы Мариво и зазывал клиентов, но на заработанные деньги едва сводил концы с концами. Чтобы зарабатывать больше, Фламель пробовал писать стихи, но на этом поприще преуспел еще меньше. Как переписчик он зарабатывал как минимум на хлеб и сыр, но своими виршами он не смог заработать даже на корку хлеба. Тогда он попробовал себя в живописи, но со столь же малым успехом, после чего ухватился за последнюю возможность выкарабкаться из нужды, занявшись поисками философского камня и предсказанием будущего. Это была более удачная мысль. Вскоре его благосостояние возросло, и у него появились деньги на более-менее комфортабельную жизнь. Воспользовавшись этим, Фламель женился на Петронелле и начал откладывать деньги, но внешне оставался таким же бедным и убогим, как и прежде. За несколько лет он стал фанатичным приверженцем алхимии и

уже не думал ни о чем, кроме философского камня, эликсира жизни и алкагеста*. В 1357 году он случайно купил за два флорина старинную книгу, ставшую вскоре его единственным предметом изучения. Она была написана неким стальным орудием на древесной коре и состояла из двадцати одного, или, как он сам всегда говорил, из трижды семи листов. Книга была написана на латыни в весьма изящной манере. На каждом седьмом листе был рисунок без текста. На первом из них был изображен змей, заглатывающий прутья, на втором - крест с распятым змеем, а на третьем - пустыня, посреди которой бьет фонтан и туда-сюда ползают змеи. Автор книги величал себя не иначе как «Авраам, родоначальник евреев, правитель, философ, жрец, левит и астролог» и насылал проклятие на любого, кто взглянет на эту книгу, не являясь при этом «жрецом или писцом». Николай Фламель не счел странным, что Авраам знал латынь, и был убежден, что находящаяся у него книга написана рукой великого родоначальника. Поначалу он боялся читать ее, памятуя о содержащемся в ней проклятии, но затем преодолел это препятствие, вспомнив, что хотя он никакой не жрец, но когда-то был писцом. Прочтя книгу, он был в восторге и счел ее идеальным трактатом о превращении металлов. В ней четко описывались все процессы, указывались сосуды, реторты, смеси, а также необходимые для проведения экспериментов временные интервалы и времена года. Но вот незадача: при этом изначально подразумевалось наличие у экспериментатора основного реагента - философского камня. Это было непреодолимой трудностью. Это было сродни тому, как если бы умирающему от голода человеку объясняли, как приготовить бифштекс, вместо того, чтобы дать ему денег на его покупку. Но Николай не отчаивался и приступил к изучению иероглифических и аллегорических изображений, коими изобиловала книга. Вскоре он убедил себя, что когда-то это была одна из священных книг евреев, изъятая из иерусалимского храма после его разрушения Титом**. Логическая цепочка, приведшая его к данному умозаключению, нам неизвестна.

* Алкагест - универсальный растворитель алхимиков. *Прим. перев.*

** Тит (39-81) - римский император с 79 г., из династии Флавиев; в иудейскую войну взял и разрушил Иерусалим. *Прим. перев.*

Из текста трактата он узнал, что аллегорические рисунки на четвертом и пятом листах таят в себе секрет философского камня, без знания которого все написанные изящной латынью директивы были абсолютно бесполезны. Он пригласил всех алхимиков и ученых мужей Парижа прийти и изучить эти рисунки, но их визит не прояснил ровным счетом ничего. Никто не узнал ничего вразумительного ни от Николая, ни из его рисунков, а некоторые визитеры даже позволили себе утверждать, что его бесценная книга не стоит и су. Этого Николай вынести не мог и решил открыть великий секрет самостоятельно, не беспокоя философов. На первой странице четвертого ли ста он нашел рисунок, на котором был изображен Меркурий, атакуемый старцем, похожим на Сатурна, или Кроноса*. У последнего на голове были песочные часы, а в руках — коса, которой он нацеливался нанести Меркурию удар по ногам. На второй странице этого листа было нарисовано цветущее растение, растущее на вершине горы и неистово теребимое ветром. Его стебель был синим, цветки - красными и белыми, а листья - из чистого золота. Вокруг него было великое множество драконов и грифонов. На первой странице пятого листа был изображен прекрасный сад, посреди которого росло розовое дерево в полном цвету, подпираемое стволом гигантского дуба. У его подножия бил фонтан воды, похожей на молоко, которая, образуя неширокий поток, текла через сад и терялась в песках. На второй странице был нарисован король с мечом в руке, командующий отрядом солдат, которые, выполняя его приказы, убивают великое множество малолетних детей, с презрением игнорируя мольбы и ужас их матерей, пытающихся уберечь их от гибели. Кровь детей тщательно собирается другим отрядом солдат и переливается в большой сосуд, в котором купаются две аллегорические фигуры солнца и луны.

Бедный Николай потратил на изучение этих рисунков двадцать один год, но их смысл так и остался для него загадкой. В конце концов его жена Петронелла уговорила его поискать ка-

* Меркурий — в римской мифологии бог торговли и покровитель путешественников, соответствующий греческому Гермесу. Сатурн — римский бог посевов, покровитель земледелия, соответствующий греческому Кроносу (Chronos, буквально «время»). *Прим. перев.*

кого-нибудь ученого раввина, но в Париже не было достаточно образованного раввина, способного хоть как-то ему помочь. У евреев не было ни малейшего стимула оседать во Франции, и все наиболее уважаемые представители этого народа на территории Европы жили в Испании. И тогда Николай Фламель отправился в Испанию. Он оставил книгу в Париже - возможно, из опасения, что у него могут ее украсть по дороге, и, сказав соседям, что отправляется в паломничество к усыпальнице св. Иакова из Компостелло, ушел пешком в Мадрид на поиски раввина. Он прожил в Испании два года и познакомился с огромным количеством евреев, потомков тех, кто был изгнан из Франции во время правления Филиппа Августа. Апологеты философского камня рассказывают о его приключениях следующее. Они пишут, что в Леоне он свел знакомство с новообращенным евреем по имени Коше, весьма эрудированным врачом, которому он сообщил заглавие и содержание принадлежащей ему книги. Как только доктор услышал ее название, он не помня себя от радости тут же решил отправиться с Николаем в Париж, чтобы ее увидеть. По дороге доктор развлекал своего спутника рассказом о книге, которая, при условии ее подлинности и согласно некогда услышанному им ее описанию, была написана рукой самого Авраама и принадлежала таким выдающимся личностям, как Моисей, Иисус, Соломон и Ездра. Она содержала все секреты алхимии и многих других наук и была наиболее ценной из всех книг, когда-либо существовавших в этом мире. Сам доктор превосходно разбирался в алхимии, и Николай очень многое почерпнул из его рассуждений, пока они в одеяниях бедных пилигримов шли в Париж, убежденные в своей способности превратить все старые лопаты столицы Франции в чистое золото. Но к несчастью, когда они достигли Орлеана, доктор серьезно заболел. Николай дежурил у его постели, будучи одновременно врачом и сиделкой, но несколько дней спустя доктор умер, на последнем издыхании сокрушаясь, что не прожил достаточно долго, чтобы увидеть драгоценный том. Николай воздал его телу последние почести, после чего со скорбным сердцем и без единого су в кармане проследовал домой, к своей жене Петронелле. Вернувшись, он немедленно возобновил исследование рисунков, но на протя-

жении целых двух лет он ни на йоту не приблизился к их разгадке. И наконец, на третьем году изысканий, он, что называется, увидел свет в конце тоннеля. Он вспомнил некоторые суждения своего друга-доктора, которые до сих пор не всплывали в его памяти, и пришел к выводу, что все предыдущие эксперименты осуществлялись на основании ложных предпосылок. Теперь он возобновил их с прежним энтузиазмом и в конце года имел счастье быть вознагражденным за все свои труды. Ленгле пишет, что 13 января 1382 г. он получил из ртути некоторое количество серебра высшей пробы. 25 апреля он превратил большое количество ртути в золото, овладев таким образом великим секретом.

В это время Николаю было около восьмидесяти лет, и он, несмотря на почтенный возраст, оставался крепким и бодрым. Его сторонники пишут, что, открыв эликсир жизни, он нашел способ продлить жизнь еще на четверть века и что он умер в 1415 г. в возрасте 116 лет. За это время он сделал несметное количество золота, хотя по всем внешним признакам оставался беден как церковная мышь. В начальный период златоделания он, как человек достойный, посовещался со своей старой женой Петронеллой на предмет наилучшего применения его богатства. Петронелла сказала, что поскольку у них, к сожалению, нет детей, то лучшее, что он может сделать, - пожертвовать его на строительство больниц и обеспечить постоянным доходом церкви. Николай был того же мнения, особенно когда начал понимать, что его эликсир не убережет его от смерти и что сей неумолимый враг вот-вот его настигнет. Он наделил обильным доходом церковь Сен-Жак-де-ла-Бушери рядом с улицей Мариво, где он прожил всю жизнь, и семь других церквей в разных частях королевства. Он также обеспечил доходом четырнадцать больниц и построил три часовни.

Слава о его огромном богатстве и необычайно щедрых пожертвованиях быстро разнеслась по всей стране, и его посетили, среди прочих, такие выдающиеся ученые той поры, как Жан Жерсон, Жан де Куртекюс и Пьер де'Айи. Они застали его в скромной обители бедно одетым, евшим овсяную кашу из глиняной посудины и, подобно всем своим предшественникам в алхимии, не желающим выдавать свой секрет. Молва

о нем достигла ушей короля Карла VI, который отправил месье де Крамуаси, судью по взысканию долгов, выяснить, действительно ли Николай открыл философский камень. Но визит месье де Крамуаси оказался безрезультатным, все его попытки разговорить алхимика были тщетными, и он вернулся к своему повелителю ни с чем. Это было в 1414 году, когда Николай потерял свою верную Петронеллу. Он ненамного пережил ее, умерев в следующем году. Благодарные священники прихода Сен-Жак-де-ла-Бушери устроили ему исключительно пышные похороны.

Огромное богатство Николая Фламеля несомненно, о чем свидетельствуют регистрационные книги нескольких церквей и больниц Франции. То, что он занимался алхимией, также неоспоримо, так как он оставил после себя несколько трудов по этому предмету. Те, кто хорошо его знал и скептически относился к рассказам о философском камне, дают приемлемую разгадку тайны его богатства. Они пишут, что он всегда был скрягой и ростовщиком, что путешествие в Испанию он предпринял, руководствуясь мотивами, весьма отличными от тех, на которые ссылаются алхимики, что на самом деле он побывал там с целью взыскания долгов с тамошних евреев, причитающихся их парижским собратьям, и брал при этом стопроцентные комиссионные, принимая во внимание проблематичность взыскания долгов и опасности, подстерегающие его в пути, что владея тысячами, он жил на гроши и был главным ростовщиком, ссужавшим деньги под огромные проценты всем беспутным молодым людям при дворе короля Франции.

Среди написанных Николаем Фламелем трудов по алхимии есть поэма *«Сумма философии»,* переизданная в 1735 г. как приложение к третьему тому *«Романа о розе».* Кроме того, он написал три трактата по натурфилософии* и алхимическую аллегорию, озаглавленную *«Желанное желание».* Образцы его сочинений и факсимиле рисунков из его книги Авраама можно увидеть в *«Библиотеке химических философий».* Автор статьи *«Фламель»* из *«Всеобщей биографии»* пишет, что в течение ста лет после смерти Фламеля многие адепты алхимии верили, что

* Устаревшее название физики. *Прим.* перев.

он все еще жив и проживет более чем до шестисот лет. Дом на углу улицы Мариво, в котором он жил, часто снимали разного рода легковерные, которые обыскивали его сверху донизу в надежде найти золото. Незадолго до наступления 1816 года в Париже муссировалось сообщение о том, что какие-то жильцы этого дома нашли в подвале несколько банок, наполненных темным тяжелым веществом. На основании данных слухов один человек, веривший во все удивительные истории о Николае Фламеле, купил этот дом и едва не развалил его на куски, разыскивая золото в потолке и стенных панелях. Однако его старания не увенчались ничем, и пришлось выложить круглень-кую сумму за устранение причиненных им разрушений.

ДЖОРДЖ РИПЛИ (GEORGE RIPLEY)

В то время как алхимия интенсивно культивировалась на европейском континенте, о ней не забывали и на Британских островах. Начиная с Роджера Бэкона, она пленяла воображение многих англичан. В 1404 году было принято парламентское постановление, объявившее изготовление золота и серебра уголовным преступлением. В то время серьезно опасались, что какой-нибудь алхимик преуспеет в своих изысканиях и сможет разорить государство, снабдив несметным богатством какого-нибудь коварного тирана, который использует его для порабощения своей страны. Эта тревога, видимо, вскоре пошла на убыль, ибо в 1455 году король Генрих VI по рекомендации своего совета и парламента предоставил нескольким рыцарям, лондонским горожанам, химикам, монахам, священникам и другим четыре последовательных патента и доверенности на отыскание философского камня и эликсира «к великой пользе», говорилось в патенте,«королевства и обеспечения королю возможности выплатить все долги короны настоящим золотом и серебром». Принн, касаясь этого эпизода в своем труде *«Aurum Reginae»,* замечает, что король свое решение предоставить патент священнослужителям аргументировал тем, что, если им так хорошо удается превращать хлеб и вино в святое причастие, они тем бо-

лее смогут превратить неблагородные металлы в благородные. Никакого золота, разумеется, получить не удалось, и в следующем году король, очень сильно сомневающийся в осуществимости этой затеи, принял к сведению еще одну рекомендацию и назначил комиссию из десяти ученых мужей и знаменитых людей, призванную решить и доложить ему, осуществимо ли превращение металлов или нет. Отчиталась ли комиссия когда-либо перед королем, неизвестно.

Во время правления следующего короля появился алхимик, претендовавший на открытие тайны. Это был Джордж Рипли, каноник из Бридлингтона в графстве Йоркшир. Он двадцать лет обучался в университетах Италии и был главным фаворитом Папы Иннокентия VIII, который сделал его одним из своих придворных капелланов и церемониймейстеров. Вернувшись в Англию в 1477 г., он посвятил королю Эдуарду IV свой знаменитый труд *«Алхимическая смесь, или Двенадцать врат, ведущих к открытию философского камня».* Этими вратами он считал прокаливание, растворение, разделение, соединение, разложение, застывание, перегонку, возгонку, брожение, усиление, размножение и поверхностный контакт, к которым он, возможно, добавлял беспокойство - самый важный процесс из всех. Он был очень богат и позволял людям верить в то, что может делать золото из железа. Фуллер в своей книге *«Английские знаменитости»* пишет, что один заслуживающий доверия английский джентльмен сообщал, как во время своих путешествий за границу он видел на острове Мальта документ, гласивший, что Рипли ежегодно передавал рыцарям этого острова и острова Родос громадную сумму в сто тысяч фунтов стерлингов, дабы те могли продолжать войну против турок. Состарившись, он поселился в уединенном месте неподалеку от Бостона* и написал двадцать пять томов по алхимии, наиболее значительным из которых является вышеупомянутый *«Duodecim Partarum»***. Есть основания полагать, что перед смертью он признал, что впустую потратил жизнь на тщетные изыскания, и просил всех тех, кому попадутся на глаза его книги, сжигать их или не верить тому, что в них написано, так как

* Имеется в виду г. Бостон в Великобритании. *Прим. перев.*

** «Двенадцать врат» (лат.). *Прим. перев.*

их содержание основано лишь на его ничем не подтвержденных домыслах, потерпевших в результате проведенных им опытов полное фиаско*.

ВАСИЛИЙ ВАЛЕНТИН (BASIL VALENTINE)

Германия пятнадцатого столетия также породила множество прославленных алхимиков, наибольшего внимания из которых заслуживают Василий Валентин, Бернард Трирский и *аббат* Тритемий. Василий Валентин родился в Майнце и около 1414 года стал настоятелем монастыря св. Петра в Эрфурте. При жизни он был известен как усердный искатель философского камня и автор нескольких трудов о процессе превращения металлов. Эти труды много лет считались утерянными, но после его смерти были обнаружены замурованными в каменной кладке одной из колонн аббатства. Их количество равняется двадцати одному, и они полностью приведены в третьем томе *«Истории герметической философии»* Ленгле дю Френуа. Алхимики утверждали, что самим небесам было угодно донести сии выдающиеся труды до людей, что колонну, в которую они были замурованы, чудесным образом расколол удар молнии, и что, как только манускрипты были освобождены, колонна сама по себе сложилась вновь!

БЕРНАРД ТРИРСКИЙ (BERNARD OF TREVES)

Жизнь этого философа являет собой выдающийся пример таланта и упорства, использованных не по назначению. В поисках химеры он не боялся ничего. Неоднократное разочарование не ослабляло его надежды, и с четырнадцати до восьмидесяти пяти лет он непрестанно трудился в своей лаборатории среди снадобий и печей, растрачивая впустую жизнь с целью ее продления и доводя себя до нищеты в надежде стать богатым.

* Фуллер, *«Английские знаменитости». Прим. авт.*

Он родился или в Трире, или в Падуе в 1406 году. Одни считают, что его отец был врачом в Падуе, другие - что он был графом пограничной территории Трира и одним из самых богатых дворян своей страны. Кем бы он ни был, дворянином или доктором, он был богатым человеком и оставил своему сыну величественное имение. В возрасте четырнадцати лет Бернард страстно увлекся алхимией и читал книги арабских авторов на языке оригинала. Он оставил после себя в высшей степени интересный отчет о своих изысканиях и путешествиях, из которого можно выделить главным образом следующее. Первая попавшая ему в руки книга была написана арабским философом Разесом* Прочитав ее, он вообразил, что узнал способ стократного увеличения количества золота. Четыре года он проработал в своей лаборатории, постоянно сверяясь с книгой Разеса. В конце концов он обнаружил, что истратил на свой эксперимент не менее восьмисот крон, не получив за свои старания ничего, кроме огня и дыма. Разуверившись в Разесе, он обратился к трудам Гебера. Он прилежно штудировал их два года и, будучи молодым, богатым и доверчивым, был окружен всеми алхимиками города, которые любезно помогали ему тратить его деньги. Он не переставал верить в Гебера и терпеть своих жадных до денег ассистентов, пока не лишился двух тысяч крон - суммы по тем временам весьма значительной.

Среди всей толпы окружавших его псевдоученых был только один человек, столь же увлеченный и бескорыстный как он. С этим человеком, который был монахом ордена св. Франциска, он завел близкую дружбу и проводил почти все свое время. Прочитав несколько малопонятных трактатов Рупекиссы и Сакробоско, они были убеждены, что винный спирт высокой степени очистки и есть тот самый алкагест, или универсальный растворитель, который окажет им неоценимую помощь в осуществлении процесса превращения металлов. Они очищали спирт тридцать раз, пока он не стал таким крепким, что начал разъедать стенки сосудов, в которых находился. Проработав над этим три года и истратив на спиртное триста крон, они обна-

* Разес - латинизация от Рази. Абу Бакр Мухаммед бен Закария (865-925 или 934) - иранский ученый-энциклопедист, врач и философ. *Прим. перев.*

ружили, что находятся на неверном пути. Затем они взялись за квасцы и железный купорос, но великая тайна и на сей раз ускользнула от них. Далее они вообразили, что все экскременты, особенно человеческие, обладают чудодейственной силой, и целых два года ставили на них опыты с использованием ртути, поваренной соли и расплавленного свинца! И вновь к Бернарду из дальних и ближних мест потянулись «знатоки», стремящиеся помочь своими советами. Он принимал их всех радушно и столь щедро и безоглядно делился с ними своим богатством, что они прозвали его «добрым трирцем». Под этим прозвищем он часто упоминается и по сей день в трудах, затрагивающих тему алхимии. Так он прожил двенадцать лет, каждый день экспериментируя с какой-нибудь новой субстанцией, денно и нощно моля Бога помочь ему разгадать секрет превращения.

В это время он потерял своего друга-монаха и объединил свои усилия с мировым судьей города Трира, таким же страстным алхимиком, как и он сам. Его новый знакомый думал, что океан является матерью золота и что морская соль способна превращать свинец или железо в драгоценные металлы. Бернард решил апробировать сей тезис на практике и, перенеся свою лабораторию на побережье Балтийского моря, проработал с солью больше года: растворял, возгонял, кристаллизовывал и время от времени пил ее ради других экспериментов. Неудачи не обескураживали странного энтузиаста: провал одного опыта лишь еще сильнее побуждал его провести другой.

Ему должно было вскоре исполниться пятьдесят лет, а Бернард все еще не повидал мир. Чтобы восполнить этот пробел, он решил совершить путешествие по Германии, Италии, Франции и Испании. Где бы он ни останавливался, всегда интересовался, есть ли поблизости алхимики. Алхимики находились повсюду, и, если они были бедны, он помогал им деньгами, а если богаты - поддерживал их морально. В Сито он познакомился с неким Жоффруа Лёвье, тамошним монахом, который убеждал его, что экстракт яичной скорлупы является ценным ингредиентом. Он поставил соответствующий опыт, результатом которого явилось лишь то, что он не стал тратить год или два впустую. Затем он взялся за эксперимент, призванный подтвердить или опровергнуть мнение одного юриста из Бергхе-

ма во Фландрии, утверждавшего, что великий секрет кроется в уксусе и железном купоросе. Он не был убежден в абсурдности этой идеи до тех пор, пока чуть не отравился. Прожив во Франции около пяти лет, он случайно узнал, что некий магистр Генрих, духовник императора Фридриха III, открыл философский камень, и отправился в Германию нанести ему визит. Бернарда, как обычно, окружали голодные иждивенцы, часть которых вызвалась его сопровождать. Ему хватило духу отказать им, и он прибыл в Вену с пятерыми из них. Он послал духовнику любезное приглашение и устроил в его честь роскошный прием, на котором присутствовали почти все алхимики Вены. Магистр Генрих искренне признался, что он не открыл философский камень, но всю свою жизнь занимался его поисками, которые он будет продолжать до тех пор, пока не найдет искомое или не умрет. Этот человек пришелся Бернарду по душе, и они дали друг другу обет вечной дружбы. За ужином было решено, что все присутствующие алхимики должны пожертвовать определенную сумму нанакопление сорока двух золотых марок, которые через пять дней, уверял магистр Генрих, увеличатся в его печи в пять раз. Бернард, как самый богатый из присутствующих, внес львиную долю - десять золотых марок, магистр Генрих — пять, а остальные — одну-две, кроме иждивенцев Бернарда, которые были вынуждены занять их долю у своего покровителя. Великий эксперимент был должным образом проведен: золотые марки поместили в тигель вместе с некоторым количеством поваренной соли, железного купороса, концентрированной азотной кислоты, яичной скорлупы, ртути, свинца и навоза. Алхимики наблюдали за этим драгоценным месивом с живым интересом, ожидая, что оно превратится в один большой кусок чистого золота. По прошествии трех недель они отказались от эксперимента, сославшись то ли на недостаточную жаропрочность тигля, то ли на отсутствие некоего необходимого ингредиента. Неизвестно, лазил ли в тигель какой-нибудь вор, но утверждают, что золото, найденное в нем по окончании эксперимента, стоило всего шестнадцать марок вместо сорока двух, помещенных в него вначале.

Бернард не сделал в Вене никакого золота, а наоборот, лишился очень большого его количества. Он переживал эту по-

терю столь остро, что поклялся навсегда выбросить философский камень из головы. Этого мудрого решения он придерживался два месяца, но был при этом несчастен. Он находился в положении игрока, который, будучи не в силах сопротивляться соблазну игры, имея в кармане оставшуюся после проигрыша монету, ставит ее на кон в надежде отыграть проигранное до тех пор, пока надежда его не покинет и он не сможет дальше жить. Он вновь вернулся к своим любимым тиглям и решил продолжить путешествие в поисках философа, который уже открыл великую тайну и сообщил бы ее такому усердному и упорному адепту как он. Из Вены он отправился в Рим, а из Рима-в Мадрид. Сев на корабль в Гибралтаре, он проследовал в Мессину, из Мессины - на Кипр, с Кипра — в Грецию, из Греции — в Константинополь, а оттуда — в Египет, Палестину и Персию. На эти странствия он потратил около восьми лет. Из Персии он отправился обратно в Мессину, а оттуда- во Францию. Впоследствии он в поисках своей великой химеры перебрался в Англию. Данный этап его странствий занял свыше четырех лет. Он старел и беднел: ему исполнилось шестьдесят два года, и для обеспечения своих расходов он был вынужден продать значительную часть своего наследства. Путешествие в Персию стоило ему более тринадцати тысяч крон, около половины которых было фактически расплавлено в его всепоглощающих печах; другую же половину раздал льстецам, которых нанимал к себе в ассистенты в каждом городе, где останавливался.

Вернувшись в Трир, он пришел к прискорбному выводу, что если он еще и не нищий, то его положение немногим лучше. Его родственники считали его сумасшедшим и отказывались даже видеть его. Слишком гордый, чтобы просить кого-либо об одолжении, и все еще верящий, что настанет день, когда он станет обладателем несметного богатства, он принял решение удалиться на остров Родос, где он мог бы на время укрыть свою бедность от глаз мира. Здесь он мог бы жить в блаженной неизвестности, но на свое несчастье случайно встретил монаха, столь же помешанного на превращении металлов, как и он сам. Однако они оба были настолько бедны, что не могли позволить себе купить необходимые материалы для опытов. Они под-

держивали дух друг друга учеными рассуждениями о герметической философии и чтением всех великих авторов, писавших на эту тему. Так они лелеяли свое недомыслие, как добрая жена Тэма О'Шентера - свой гнев, дабы не дать ему остыть. После того, как Бернард прожил на Родосе около года, один купец, знавший его семью, ссудил ему восемь тысяч флоринов под гарантию последних акров, оставшихся от его некогда большого имения. Будучи снова при деньгах, он возобновил свои труды с рвением и энтузиазмом молодого человека. Три года он вряд ли хоть раз выходил из лаборатории: там он ел, спал и даже не давал себе времени на мытье рук и бритье - настолько велико было его усердие. Печально, что столь удивительному упорству было суждено быть растраченным на столь тщетные поиски, и что усилиям столь титаническим не было найдено более достойное применение. Даже когда у него кончились деньги и не осталось ничего, чтобы в будущем уберечь свою старость от голодной смерти, надежда не покидала его. Он, седой восьмидесятилетний старик, по-прежнему грезил об удаче и перечитывал всех авторов-герметистов, от Гебера до своих современников, чтобы наконец постичь процесс, который было еще не слишком поздно возобновить. Алхимики пишут, что в конце концов удача ему улыбнулась, и он на восемьдесят втором году жизни открыл секрет превращения. Они добавляют, что после этого он прожил три года, наслаждаясь своим богатством. Он действительно дожил до этого преклонного возраста и сделал одно ценное открытие - более ценное, нежели золото или самоцветы. По его собственным словам, на пороге восьмидесятидвухлетия он понял, что великая тайна философии - это удовлетворенность своей судьбой. Как бы он был счастлив, если бы понял это раньше, прежде чем стать дряхлым и нищим изгоем!

Он умер на Родосе в 1490 году, и все алхимики Европы пели по нему элегии и восхваляли «доброго трирца». Он написал несколько трактатов о своей химере, главными из которых являются *«Книга химии», «Verbum dimissum»* и эссе *«De Natura Ovi».*

ТРИТЕМИЙ (TRITHEMIUS)

Имя этого выдающегося человека высоко котируется в анналах алхимии, несмотря на то, что он сделал очень немногое, чтобы удостоиться столь сомнительной чести. Он родился в 1462 году в селении Триттгейм в избирательном округе Трира. Его отцом был состоятельный винодел Иоганн Хайденберг, который умер, когда сыну было всего семь лет, оставив его на попечении матери. Последняя очень скоро вновь вышла замуж и перестала заботиться о бедном мальчике, отпрыске ее первого брака. В пятнадцать лет он все еще был неграмотным, вел полуголодное существование и подвергался дурному обращению со стороны отчима, но в сердце несчастного юноши жила любовь к познанию, и он учился читать в доме соседа. Его отчим поручил ему работу на виноградниках, занимавшую все светлое время суток, но по ночам он был свободен. Когда все домашние крепко спали, он часто незаметно ускользал из дома и погружался в занятия в поле при свете луны. Так он выучил латынь и основы греческого языка. Из-за этой его тяги к знаниям домашние обращались с ним настолько плохо, что он решил уйти из дома. Потребовав наследство, оставленное ему отцом, он отправился в Трир, где, присвоив себе образованное от названия его родного селения имя Тритемий, прожил несколько месяцев, обучаясь у видных преподавателей, подготовивших его к поступлению в университет. В возрасте двадцати лет он вбил себе в голову, что ему следует повидать мать, и с этой целью отправился из отдаленного университета пешком в родные края. Когда он поздним вечером мрачного зимнего дня находился недалеко от Шпангейма, пошел такой сильный снег, что он не смог продолжать путь до этого городка и остановился на ночь в одном из близлежащих монастырей. Однако снежная буря длилась несколько дней, дороги стали непроходимыми, и гостеприимные монахи не желали даже слышать об его уходе. Ему так полюбились они и их образ жизни, что он неожиданно для себя решил поселиться среди них и отказаться

от мирских забот. Монахам он понравился не меньше, и они с радостью приняли его как брата. По прошествии двух лет они, невзирая на его столь молодой возраст, единодушно избрали его своим аббатом. Финансовые дела монастыря находились в крайнем запустении, стены его построек обветшали донельзя, повсюду царил беспорядок. Тритемий проявил себя как талантливый руководитель и последовательный организатор, реформировав все статьи расходов обители. Монастырь был отремонтирован, и ежегодная прибыль вознаградила Тритемия за труды. Ему не нравилось праздное существование монахов, занятых исключительно обязательными молитвами да игрой в шахматы в часы отдыха. Поэтому он поручил им перепись сочинений знаменитых авторов. Они трудились настолько усердно, что в течение нескольких лет их библиотека, прежде состоявшая из примерно сорока томов, пополнилась несколькими сотнями ценных манускриптов, охватывающих труды авторов, писавших на классической латыни, сочинения их предков и ведущих историков и философов более позднего периода. Он удерживал сан аббата Шпангеймского двадцать один год, после чего монахи, уставшие от насаждаемой им жесткой дисциплины, восстали против него и выбрали другого аббата. Позднее он был избран аббатом монастыря св. Иакова в Вюрцбурге, где и скончался в 1516г.

В часы досуга в Шпангеймском монастыре сей ученый муж написал несколько трудов по оккультным наукам, из которых следует выделить следующие эссе: первое - о геомантии, или гадании по линиям и кругам на земле, второе — о колдовстве, третье - об алхимии, и четвертое, в 1647 г. переведенное на английский знаменитым Уильямом Лилли, - о том, что миром правят ангелы.

Апологеты превращения металлов утверждают, что Шпангеймское аббатство под управлением Тритемия было обязано своим процветанием скорее философскому камню, нежели благоразумной экономии. Тритемия вкупе со многими другими учеными мужами обвиняют в занятии магией. Рассказывают удивительную историю о том, как он вызвал из могилы призрак Марии Бургундской по просьбе императора «Священной Римской империи» Максимилиана, ее мужа-вдовца. О его тру-

де о стеганографии, или кабалистических письменах, пфальцграфу Фридриху II донесли как о сочинении магическом и дьявольском, после чего тот снял его с полки своей библиотеки и бросил в огонь. Тритемия считают первым автором, упомянувшим об удивительной истории дьявола и доктора Фауста, в правдивости которой он ни капли не сомневался. Кроме того, он подробно описывает капризы привидения по имени *Худекин,* которое временами ему досаждало*.

МАРШАЛ ДЕ РЕ (THE MARECHAL DE RAY)

Одним из наиболее страстно увлеченных сторонников алхимии в пятнадцатом столетии был Жиль де Лаваль, пэр де Ре и маршал Франции. Его имя и деяния малоизвестны, но в анналах преступлений и безумств вряд ли можно найти персону более титулованную и одиозную. Никакой художественный вымысел не изобрел ничего более дикого и ужасного, чем жизненный путь этого реально существовавшего человека. Для описания его жизни более чем достаточно фактов, неоспоримость которых слишком хорошо подтверждают юридические и другие документы, - фактов, которые любитель романтической литературы легко счел бы призванными пощекотать ему нервы плодом богатого воображения, а не достоянием истории.

Жиль де Лаваль родился около 1420 года в одном из самых благородных семейств Бретани**. Когда ему исполнилось одиннадцать лет, его отец умер, и он в столь раннем возрасте вступил в бесконтрольное владение богатством, которому могли позавидовать короли Франции. Он был близким родственником семей Монморанси, Ронси и Краен, владел пятнадцатью роскошными имениями и имел годовой доход, равный примерно тремстам тысячам ливров. Кроме того, он был красив, образован и смел. Он сильно отличился в войнах Карла VII, и этот монарх пожаловал ему титул маршала Франции. Но де Лаваль вел расточительную и беспутную жизнь, сызмальства при-

* *«Всеобщая биография». Прим. авт.*

** Бретань - историческая провинция на Западе Франции, на одноименном по луострове. Прим. *перев.*

выкнув к удовлетворению всех своих желаний и страстей, и это в итоге вело от порока к пороку и от преступления к преступлению, пока его имя не стало абсолютной персонификацией всех человеческих зол.

В своем замке Шамптосе он жил с роскошью восточного халифа. У него был отряд из двухсот всадников, сопровождавших его повсюду; поездки на охоту с соколами и гончими изумляли всю округу роскошью попон лошадей и одежд его вассалов. Круглый год, днем и ночью, его замок был открыт для гостей любого звания. Де Лаваль взял за правило угощать вином с пряностями даже самого последнего нищего. Каждый день на его просторных кухнях зажаривали целого быка, а также овец, свиней и домашних птиц в количестве, достаточном, чтобы накормить пятьсот человек. Он был столь же помпезен в своей набожности. Его капелла в Шамптосе была самой красивой во Франции, намного красивее капеллы Собора Парижской богоматери и капелл соборов Амьена, Бове и Руана. Она была украшена золотой парчой и дорогим бархатом. Все люстры были из чистого золота с необычной инкрустацией серебром. Огромное распятие над алтарем было сделано из чистого серебра, а потиры и кадила — из чистого золота. Помимо этого, у де Лаваля был внушительных размеров орган, который по его приказу переносился из одного замка в другой на плечах шести человек всякий раз, когда он менял резиденцию. Он содержал хор из двадцати пяти малолетних детей обоих полов, которых учили пению лучшие капельмейстеры того времени. Главного священника своей капеллы он называл епископом. Епископу подчинялись деканы, архидиаконы и викарии; все они получали огромное жалованье: епископ - четыреста крон в год, остальные - пропорционально сану.

Он также содержал целую актерскую труппу, включавшую десять танцовщиц и столько же менестрелей, а также исполнителей костюмированных танцев, жонглеров и шутов всех мастей. Театр, на подмостках которого они играли, был отделан без оглядки на затраты, и актеры каждый вечер разыгрывали мистерии или исполняли костюмированные танцы, развлекая самих себя, хозяина дворца, дворцовую челядь и пришлых людей, пользовавшихся щедростью и гостеприимством пэра.

В возрасте двадцати трех лет он женился на Катрин, богатой наследнице из рода Туаров, ради которой он заново обставил свой замок мебелью стоимостью в сто тысяч крон. Его брак послужил поводом для новой расточительности, и он сорил деньгами пуще прежнего, выписывая лучших певцов и знаменитых танцоров из-за границы, дабы позабавить себя и супругу, и устраивая почти каждую неделю на своем огромном внутреннем дворе турниры для всех рыцарей и дворян провинции Бретань. Двор герцога Бретонского не обладал и половиной роскоши двора маршала де Ре. Полное равнодушие последнего к своему богатству было настолько хорошо известно, что цены на все, что он покупал, завышались продавцами в три раза. Его замок кишел нищенствующими тунеядцами и угодниками, получавшими от него щедрое вознаграждение. Но в конце концов обычный набор утех опостылел ему, он стал заметно воздержаннее в чревоугодии и игнорировал прелестных танцовщиц, которым он раньше уделяя так много внимания. Порой он бывал мрачным и замкнутым, а взгляд был неестественно диким, что свидетельствовало о зарождающемся безумии. Тем не менее рассуждения оставались здравыми; любезность маршала по отношению к гостям, стекавшимся в Шамптосе отовсюду, не уменьшалась, а ученые священники, разговаривавшие с ним, приходили к выводу, что во Франции найдется мало дворян, столь же образованных, как Жиль де Лаваль. Но по округе поползли зловещие слухи, намекали на убийства и, возможно, еще более зверские деяния. Было замечено внезапное и бесследное исчезновение множества маленьких детей обоих полов. Видели, как один или два ребенка вошли в замок Шамптосе, но никто не видел, чтобы они оттуда выходили. Однако никто не осмеливался открыто обвинять в их пропаже такого могущественного человека, как маршал де Ре. Всякий раз когда в его присутствии упоминали о пропавших детях, он выражал величайшее удивление их загадочной судьбой и негодование по отношению к возможным похитителям. Но обмануть людей было не так-то просто, и дети *стали* бояться его словно прожорливого великана-людоеда из сказок, их учили обходить замок Шамптосе за мили и никогда не проходить под его башенками.

За несколько лет безрассудного мотовства маршал лишился всех своих денег и был вынужден выставить некоторые свои поместья на продажу. Герцог Бретонский заключил с ним договор о вступлении во владение богатым имением в Ингради, но наследники Жиля умоляли Карла VII вмешаться и приостановить продажу. Карл незамедлительно издал указ, ратифицированный парламентом провинции Бретань и запрещавший пэру отчуждать свои родовые поместья. Жилю оставалось лишь подчиниться. На поддержание его расточительства у него не осталось ничего, кроме дохода от титула маршала Франции, не покрывавшего и десятой части его расходов. Человек с его привычками и характером не мог урезать свои неэкономные траты и жить по средствам, ему претила сама мысль о том, чтобы избавиться от всадников, шутов, танцоров, хористов и тунеядцев или оказывать гостеприимство лишь тем, кто в нем действительно нуждался. Несмотря на истощившиеся ресурсы, он решил вести прежнюю жизнь и стать алхимиком, дабы иметь возможность делать золото из железа и по-прежнему оставаться самым богатым и величественным среди дворян Бретани.

Для исполнения этого решения он послал в Париж, Италию, Германию и Испанию своих людей с поручением пригласить всех адептов алхимии нанести ему визит в Шамптосе. Для этой миссии он отрядил двоих своих самых расточительных и беспринципных подданных - Жиля де Силье и Роже де Бриквиля. Последнему, подобострастному пособнику его наиболее тайным и отвратительным усладам, он доверил воспитание его лишенной матери дочери, ребенка всего пяти лет от роду, разрешив ему выдать ее в надлежащее время замуж за любого человека, которого он выберет, или жениться на ней самому, если он того пожелает. Этот человек воспринял новые планы своего хозяина с большим энтузиазмом и познакомил его с неким Прелати, алхимиком из Падуи, и с врачом из провинции Пуату, преследовавшим те же цели.

Маршал велел оборудовать роскошную лабораторию, и троица приступила к поискам философского камня. Вскоре к ним присоединился еще один «философ» по имени Антонио Палермо, помогавший им в их изысканиях более года. Все они жили в роскоши за счет маршала, тратя его деньги и изо дня в

день внушая ему надежду на конечный успех их поисков. Время от времени в его замок прибывали новые честолюбцы, и у него месяцами трудились свыше двадцати алхимиков, пытающихся превратить медь в золото и растрачивающих все еще имеющееся у него золото на снадобья и эликсиры.

Но пэр де Ре был не тем человеком, чтобы сколь угодно долго дожидаться завершения их затянувшихся экспериментов. Довольные своим комфортабельным существованием, алхимики продолжали работать день за днем и, получи они на то разрешение, делали бы это годами. Но Жиль неожиданно прогнал их всех, за исключением итальянца Прелати и доктора из Пуату. Этих двоих он оставил, чтобы они помогли ему открыть тайну философского камня более дерзновенным методом. Доктор убедил его в том, что хранителем этой и всех прочих тайн является дьявол, и что он (доктор) вызовет его перед Жилем, который в свою очередь сможет заключить с ним любую сделку. Жиль выразил готовность пойти на это и пообещал отдать дьяволу все что угодно, кроме своей души, или совершить любое деяние, какое бы заклятый враг рода человеческого ему ни поручил. Сопровождаемый только врачом, он в полночь отправился в укромное место в близлежащем лесу, где врач начертил на траве вокруг них двоих магический крут и полчаса бормотал заклинание, приказывая злому духу восстать из ада и открыть секреты алхимии. Жиль наблюдал за происходящим с живым интересом, ожидая, что земля вот-вот разверзнется и явит его взору князя тьмы. Наконец доктор уставился в одну точку, волосы у него встали дыбом, и он заговорил так, словно обращался к дьяволу. Но Жиль не видел никого, кроме своего компаньона. В конце концов последний упал на траву, будто потеряв сознание. Через несколько минут он встал и спросил пэра, видел ли тот, каким разгневанным выглядел дьявол. Жиль ответил, что он ничего не видел, после чего его компаньон сообщил ему, что Вельзевул являлся в обличье свирепо рычащего дикого леопарда и не сказал ничего, а маршал не видел и не слышал его потому, что мысленно не решался полностью посвятить себя служению Зверю. Де Ре признал, что его действительно терзали дурные предчувствия и спросил, что нужно сделать, чтобы заставить дьявола заговорить и открыть его сек-

рет. Врач ответил, что кто-нибудь должен посетить Испанию и Африку, чтобы собрать определенные, произрастающие только там травы, и вызвался сделать это сам, если де Ре обеспечит его необходимыми денежными средствами. Де Ре тут же согласился, и на следующий день врач отправился в путь, забрав все золото, какое жертва его обмана смогла ему уделить. Больше маршал его никогда не видел.

Однако нетерпеливый пэр из Шамптосе не ведал покоя. Для его утех требовалось золото, добыть которое он мог лишь заручившись поддержкой сверхъестественных сил. Доктор едва ли преодолел двадцать лье пути, когда Жиль решил еще раз попытаться вынудить дьявола разгласить тайну златоделания. Для этого он один ушел из замка в лес, но его заклинания не возымели эффекта. Вельзевул был упрям и никак не хотел появляться. Решив во что бы то ни стало подавить его сопротивление, маршал открыл душу итальянскому алхимику Прелати. Последний предложил свои услуги при условии, что де Ре не будет вмешиваться в заклинания и согласится снабдить его всеми амулетами и талисманами, какие могут потребоваться. Далее он должен был вскрыть вену на руке и подписать своей кровью договор, гласивший, что «он будет выполнять волю дьявола во всем», а затем принести ему в жертву сердце, легкие, кисти рук, глаза и кровь малолетнего ребенка. Жадный маньяк не колебался ни секунды и сразу же согласился на предложенные ему отвратительные условия. Следующей ночью Прелати покинул замок один и через три - четыре часа вернулся к Жилю, ждавшему его с нетерпением. Прелати сообщил ему, что он видел дьявола в обличье прекрасного двадцатилетнего юноши. Он добавил, что дьявол потребовал, чтобы во всех последующих заклинаниях его называли *Баррон, и* показал ему большое число слитков чистого золота, зарытых под большим дубом в близлежащем лесу. Все эти слитки плюс столько, сколько будет угодно, станут собственностью маршала де Ре, если он будет твердо следовать условиям договора. Затем Прелати показал ему маленький ларец, наполненный черной пылью, которая превратит железо в золото, и сказал, что поскольку процесс превращения очень труден, он советует довольствоваться слитками, которые они найдут под дубом, и которых будет бо-

лее чем достаточно для удовлетворения любых желаний, вплоть до самых экстравагантных. Однако, добавил он, они не должны пытаться искать золото, пока не пройдут семью семь недель, иначе они не найдут за свои труды ничего, кроме грифельных досок и камней. Жиль выразил крайнюю досадуй разочарование и сразу сказал, что не может так долго ждать, а если дьявол не может действовать побыстрее, то Прелати может сказать ему, что с маршалом де Ре шутки плохи, и он отказывается от дальнейших контактов. В конце концов Прелати убедил его подождать семью семь дней. По прошествии этого времени они, захватив кирки и лопаты, в полночь вышли из замка, чтобы выкопать слитки из-под дуба, но нашли лишь множество грифельных досок с иероглифами. На сей раз разгневался Прелати, который громко обругал дьявола, назвав его лжецом и плутом. Маршал искренне разделял это мнение, но хитрый итальянец легко убедил его предпринять еще одну попытку. Одновременно он пообещал попытаться следующей ночью выяснить, почему дьявол не сдержал слово. Сутки спустя он один ушел в лес, а по возвращении сообщил своему патрону, что он видел Баррона, который был крайне рассержен тем, что они не выждали должное время, прежде чем искать слитки. Баррон также сказал, что маршал де Ре вряд ли может рассчитывать на какие-либо услуги с его стороны, одновременно собираясь совершить паломничество в «святую землю»* во искупление своих грехов. Итальянец, несомненно, предположил это, исходя из прошлых неосторожных высказываний своего покровителя, когда де Ре искренне признавался, что порой, устав от мирской роскоши и суеты, он подумывает о том, чтобы посвятить себя служению Богу.

Так итальянец месяцами искушал своего доверчивого и преступного патрона, вытягивая из него все его драгоценности в ожидании благоприятной возможности скрыться со своей добычей. Но обоих ждало скорое возмездие. Маленькие девочки и мальчики продолжали исчезать самым загадочным образом, и дурная молва о владельце замка Шамптосе стала столь громкой и недвусмысленной, что без вмешательства церкви было

* Так крестоносцы называли Палестину. *Прим. перев.*

не обойтись. Епископ Нантский сделал представления герцогу Бретонскому, указав, что если не будут расследованы обвинения против маршала де Ре, разразится публичный скандал. После этого маршала арестовали в его собственном замке вместе с его сообщником Прелати и бросили в Нантскую темницу дожидаться суда.

Судьями по делу маршала были назначены епископ Нантский (по совместительству канцлер Бретонский), вице-инквизитор Франции и знаменитый Пьер л'Опиталь, председатель парламента провинции. Он обвинялся в колдовстве, педерастии и убийствах. В первый день судебного процесса Жиль вел себя исключительно нагло. Он оскорблял судей, обзывая их симониаками* и нечестивцами, и сказал, что он предпочел бы быть повешенным, как собака, без суда, нежели признать или не признать себя виновным перед такими презренными негодяями. Но по мере продолжения процесса самонадеянность покидала его, и он на основании неопровержимых улик был признан виновным по всем пунктам обвинения. Было доказано, что он испытывал болезненное удовольствие, закалывая жертв своей похоти и наблюдая за их предсмертными конвульсиями и за тем, как их глаза становятся безжизненными. Об этом ужасающем безумии судьи впервые узнали из признания Прелати, а сам Жиль перед смертью подтвердил, что это правда. За три года вблизи двух его замков - Шамптосе и Машесупропало примерно сто крестьянских детей, большая часть которых, если не все, были принесены в жертву вожделению и алчности этого чудовища. Он воображал, что таким образом он делает дьявола своим другом, а вознаграждением ему будет секрет философского камня.

И Жиля и Прелати приговорили к сожжению живьем. На месте казни они изображали раскаяние и набожность. Жиль нежно обнял Прелати со словами: *«Прощай, друг Франческа! В этом мире мы больше никогда не встретимся, так давай же вверим наши души Всевышнему и увидимся в раю».* Из-за высокого социального положения и родовитости маршала ему смягчили

* «продажными», «христопродавцами» и т. п. (от слова «симония» - купля-продажа церковных должностей или духовного сана в Западной Европе средних веков). *Прим. перев.*

наказание и не стали сжигать его живьем, как Прелати. Он был сначала удавлен, а затем брошен в огонь. Его полусожженный труп передали родственникам для погребения, а итальянца сожгли дотла и развеяли пепел по ветру*.

ЖАК КЁР (JACQUES COEUR)

Этот выдающийся претендент на владение тайной философского камня - современник Жиля де Ре. Он был заметной фигурой при дворе Карла VII и сыграл видную роль в событиях, имевших место во время его правления. Выходец из самых низов, он добился высочайших государственных почестей и накопил огромное состояние путем казнокрадства и ограбления страны, которой он должен был служить.

Чтобы скрыть свои махинации и отвлечь внимание людей от истинного источника его богатства, Кёр хвастался тем, что овладел искусством превращения неблагородных металлов в золото и серебро.

Его отец был одним из золотых дел мастеров города Бурж, но к старости стал настолько стеснен в средствах, что не мог даже заплатить взнос, необходимый для приема его сына в гильдию. Несмотря на это, в 1428 г. юный Жак получил работу на Королевском монетном дворе Буржа, где настолько хорошо себя проявил и продемонстрировал такие большие познания в области металлургии, что его дела в этом учреждении быстро пошли в гору. Кроме того, он имел счастье познакомиться с прекрасной Агнес Сорель, которая ему покровительствовала и очень его уважала. В то время в пользу Жака говорили три вещи - умение, настойчивость и моральная поддержка возлюбленной короля. Многие люди добиваются успеха, имея лишь одну из них, и было бы поистине странно, если бы Жак Кёр, располагая ими всеми, томился в безвестности. Будучи еще молодым человеком, он был назначен мастером монетного двора, на котором он до этого был одним из подмастерьев, и одновременно занял вакантную должность главного казначея королевского двора.

* Подробности этого выдающегося процесса изложены в *«Новой истории Бретани»* Лобино и труде д'Аржантре на ту же тему. Считается, что Жиль де Ре послужил прототипом знаменитой Синей бороды из детской сказки. *Прим. авт.*

Кёр обладал обширными познаниями в области финансов и удивительным образом обратил это обстоятельство себе на пользу, как только ему доверили большие деньги. Он спекулировал товарами первой необходимости и приобрел известность, скупая зерно, мед, вина и другие продукты, пока не наступал их дефицит, и затем перепродавал их втридорога. Всесильный королевский фаворит, он не колеблясь притеснял бедняков, непрерывно скупая товары и монополизируя торговлю ими. Как нет врага злее отвергнутого друга, так и из всех тиранов и угнетателей бедняков самым свирепым и безрассудным является выдвиженец из их класса. Оскорбительная спесь Жака Кёра по отношению к тем, кто ниже его по положению, с негодованием порицалась в его родном городе, а его раболепная покорность вельможам более высокого, нежели он, ранга была в той же степени объектом презрения аристократов, в общество которых он втерся. Но первые были Жаку безразличны, а подлинного отношения к нему вторых он не замечал. Его карьера набирала обороты, и в конце концов он стал самым богатым человеком во Франции и настолько полезным королю, что ни одно важное решение не претворялось в жизнь без предварительной консультации с ним. В 1446 г. он стал королевским послом в Генуе*, а в следующем году - при дворе Папы Николая V. За обе миссии Кёр удостоился милости своего сюзерена и получил в награду выгодную должность в дополнение к тем, которые он уже занимал.

В 1449 году англичане Нормандии, лишившись своего главного генерала, герцога Бедфордского, нарушили перемирие с французским королем и захватили городок, принадлежавший герцогу Бретонскому. Это послужило сигналом к возобновлению войны, в результате которой французы вновь завладели почти всей провинцией**. Львиную долю денег наведение этой войны ссудил Жак Кёр. Когда Руан сдался французам, и Карл совершал триумфальный въезд в этот город в сопровождении Дюнуа и своих наиболее прославленных генералов, Жак был

* В средние века - могущественная торговая республика. *Прим. перев.*

** Имеется в виду эпизод Столетней войны 1337—1453 гг. между Англией и Францией за Гиень (с XII века английское владение), Нормандию, Анжу (утраченные англичанами в XIII веке) и Фландрию, в результате которой англичане удержали на территории Франции лишь город Кале (до 1558 г.). *Прим. перев.*

одной из самых блистательных фигур его кортежа. Его повозка и лошади соперничали с королевскими в великолепии, и его враги говорили о том, как он во всеуслышание хвалился, что в одиночку прогнал англичан и что доблесть воинов без его золота была бы ничем.

Дюнуа, по всей видимости, был частично того же мнения. Не относясь с пренебрежением к храбрости армии, он признавал полезность способного финансиста, на деньги которого она кормилась и содержалась, и постоянно оказывал ему свое высочайшее покровительство.

Когда был заключен мир, Жак вновь посвятил себя коммерции и снарядил несколько галер для торговли с генуэзцами. Он также приобрел крупные поместья в разных частях Франции, крупнейшими из которых были владения баронов в Сен-Фаржо, Ментоне, Салоне, Мобранше, Моне, Сен-Жеране-де-Во и Сент-Аоне-де-Буасси, имения графов в Ла-Паликсе, Шампиньели, Бомоне и Вильнове-ла-Жене и владение маркизов в Туей. Кроме того, он добился для своего сына Жана Кёра, ставшего священнослужителем, высокого поста архиепископа Буржского.

Все говорили, что столь большое состояние не могло быть нажито честным путем. И богачи, и бедняки страстно желали, чтобы настал день, когда будет умерена гордыня этого человека, которого один социальный класс считал выскочкой, а другой - угнетателем. Жак был до некоторой степени встревожен ходившими о нем слухами и неясными намеками на то, что он снизил курс валюты королевства и подделал королевскую печать на некоем важном документе, посредством которого он выманил у государства огромные суммы. Дабы заглушить эти слухи, он пригласил множество алхимиков из других стран пожить у него и распустил встречный слух, что открыл тайну философского камня. Жак также построил в родном городе величественное здание, над входом в которое приказал высечь алхимические символы. Некоторое время спустя он построил еще один, не менее роскошный дом в Монпелье, который украсил так же. Мало того, он написал трактат по герметической философии, в котором заявил, что знает секрет превращения металлов.

Но все эти попытки завуалировать многочисленные акты казнокрадства оказались бесполезными, и в 1452 г. он был арестован и отдан под суд по нескольким обвинениям. Только по одному из них, инспирированному злобой его врагов с целью погубить его, он был оправдан: судьи решили, что он не является соучастником отравления его доброй патронессы Агнес Сорель. По остальным обвинениям его признали виновным и приговорили к высылке из королевства и уплате огромного штрафа в четыреста тысяч крон. Было доказано, что Кёр подделал печать короля, что в качестве мастера Буржского монетного двора он украл у королевства золотые и серебряные монеты на огромную сумму и что он без колебаний снабдил турок оружием и деньгами, чтобы те могли продолжать войну против их соседей-христиан, за что получил самое щедрое вознаграждение. Карл VII до последнего момента верил в его невиновность и был глубоко опечален вынесенным приговором. Его усилиями штраф был снижен до суммы, которую Жак Кёр был в состоянии заплатить. Отсидев какое-то время в тюрьме, он был освобожден и покинул Францию с крупной суммой денег, часть которой, как подозревали, составляла выручка от реализации конфискованного у него имущества, которую ему тайно выплатил Карл. Он перебрался на Кипр, где умер около 1460 г., будучи богатейшим и известнейшим человеком на острове.

Все авторы алхимических трактатов считают Жака Кёра членом их братства и расценивают как лживое и клеветническое более рациональное объяснение его богатству, вытекающее из материалов судебного процесса по его делу. Пьер Борель в своих *«Галльских древностях»* отстаивает мнение, что Жак был честным человеком и делал золото из свинца и меди посредством философского камня. Адепты алхимии единодушно разделяли эту точку зрения, но им оказалось трудно убедить в этом даже своих современников, не говоря уж о последующих поколениях.

МЕНЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ АДЕПТЫ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО И ПЯТНАДЦАТОГО ВЕКОВ

В четырнадцатом и пятнадцатом столетиях во всех европейских странах появилось множество других претендентов на знание секретов философского камня. Вера в возможность превращения металлов была столь массовой, что всякий химик был в большей или меньшей степени алхимиком. Германия, Голландия, Италия, Испания, Польша, Франция и Англия породили тысячи безвестных адептов, которые в погоне за своей химерой не обходили стороной и более прибыльные астрологию и гадание. Монархи Европы были не меньше своих подданных убеждены в возможности открытия философского камня. Алхимию поощряли английские короли Генрих VI и Эдуард IV. Германские императоры Максимилиан, Рудольф и Фридрих II уделяли ей большое внимание, и их примеру следовали все наместники их владений. Среди дворян и мелких суверенов было обычной практикой пригласить алхимика пожить на принадлежащей им территории, чтобы его можно было заточить в темницу и держать там до тех пор, пока он не сделает достаточное количество золота, чтобы заплатить миллионы в качестве выкупа. В результате множество бедняг томилось в тюрьме постоянно. Подобная участь была, похоже, уготовлена Эдуардом II Раймунду Луллию, признанному мэтру алхимии, которому было предоставлено жилье в Лондонском Тауэре. Он вовремя распознал трюк, который с ним собирались выкинуть, и ему удалось бежать. Согласно утверждению некоторых его биографов, он прыгнул в Темзу и доплыл до корабля, стоявшего на якоре в ожидании беглеца. Данная практика бытовала и в шестнадцатом веке, о чем более подробно будет рассказано в подразделе о Сетоне Космополите.

Из всех сочинителей алхимических трактатов, чья жизнь и приключения либо пребывают в безвестности, либо по тем или иным причинам не заслуживают детального рассмотрения, можно выделить следующих. Джон Доустон, англичанин, в

1315 г. написал два трактата о философском камне. Другой англичанин, Ричард, или, по мнению некоторых, Роберт, в 1330 г. написавший труд под названием *«Correctorium Alchymiae»,* пользовался большим уважением до появления Парацельса. В то же время жил Петр Ломбардский, автор *«Полного трактата по герметической науке»,* сокращенный вариант которого был впоследствии опубликован Лачини, монахом из Калабрии*. В 1330 г. самым известным алхимиком в Париже был некий Одомар, чей труд *«De Practka Magistri»* долгое время был настольной книгой алхимического братства. Иоанн де Рупекисса, французский монах ордена св. Франциска, в 13 57 г. объявлял себя как алхимиком, так и пророком. Некоторые его пророчества были настолько неприятны Папе Иннокентию VI, что сей понтифик решил положить им конец, заперев пророка в темницах Ватикана. Принято считать, что он там умер, хотя никаких подтверждений этому не имеется. Главными его трудами являются *«Книга света», «Пять эссенций», «Рай философов»* и *«De Confectione Lapidis»* — наиболее значимый из всех. Среди адептов он не считался светилом. Еще одним претендентом на лавры алхимика был Ортолани, о котором известно лишь то, что он занимался алхимией и астрологией в Париже незадолго до Николая Фламеля. Его руководство по практической алхимии было написано в этом городе в 1358 г. Предполагают, что примерно в это же время писал свои труды Исаак Голландский, сын которого также посвятил себя этой науке. Об их жизни неизвестно ничего, заслуживающего внимания. Бёрхааве похвально отзывается о многих отрывках из этих трудов, их высоко ценил Парацельс. Основными из них являются *«De Triplici Ordine Elixiris etLapidis Theoria»,* изданный в Берне в 1608 г., и *«Mineralia Opera, seu de Lapide Philosophico»,* изданный в Мидделбурге в 1600 г. Поляк Коффсткий около 1488 года написал алхимический трактат, озаглавленный *«Тинктура из минералов».* Этот перечень авторов был бы неполным без одного монарха. Французский король Карл VI, один из самых доверчивых суверенов того времени, чей двор кишел алхимиками, магами,

* Калабрия - административная область на Юге Италии, главным образом на п-ове Калабрия. *Прим. перев.*

астрологами и знахарями всех мастей, неоднократно пытался открыть философский камень и считал себя настолько эрудированным в этой сфере, что решил просветить мир своим трактатом под названием *«Королевское сочинение Карла VI Французского, сокровище философии»*. Считается, что из него Николай Фламель почерпнул идею своего *«Желанного желания»*. Ленгле дю Френуа пишет, что это весьма аллегоричная и абсолютно непонятная книга. Более полный перечень герметических философов четырнадцатого и пятнадцатого веков читатель найдет в третьем томе вышеупомянутой *«Истории»* Ленгле.

РАЗВИТИЕ АЛХИМИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В ШЕСТНАДЦАТОМ И СЕМНАДЦАТОМ ВЕКАХ

В шестнадцатом и семнадцатом столетиях тысячи легковерных энтузиастов продолжили поиски философского камня, но в данный период алхимическая концепция претерпела значительные изменения. Ученые мужи, посвятившие себя алхимическим изысканиям, значительно пересмотрели их конечную цель, приписав чудодейственному камню и эликсиру способность не только превращать неблагородные металлы в благородные, но и решать все проблемы других наук. Они утверждали, что, овладев ими, человек приблизится к Создателю, что болезни и страдания будут изгнаны из этого мира, и что «миллионы святых существ, ходящих по земле невидимыми» будут сделаны видимыми и станут друзьями, компаньонами и учителями человечества.

Максимальное влияние на умы европейцев эти поэтичные и фантастические доктрины оказывали в семнадцатом веке, когда из Германии, где они впервые были выдвинуты Розенкрейцем, распространились на Францию и Англию, прочно засев в умах множества умных, но чересчур увлеченных искателей истины. Парацельс, Ди и другие, менее значительные фигуры, были очарованы изяществом и красотой новой мифологии, призванной украсить литературу Европы. Большинство алхимиков шестнадцатого столетия, не зная о существовании ордена розенкрейцеров, находилось тем не менее под влиянием их

причудливых догматов. Однако прежде чем начать подробный рассказ об этих возвышенных мечтателях, необходимо подытожить историю герметического недомыслия и проследить постепенное изменение устремлений адептов. Читатель узнает, что по мере взросления цивилизации это слепое увлечение скорее усиливалось, чем ослаблялось.

АУГУРЕЛЛО (AUGURELLO)

Среди алхимиков, родившихся в пятнадцатом и ставших известными в шестнадцатом веке, первым по хронологии является Джованни Аурелио Аугурелло. Он родился в 1441 г. в Римини и по прошествии лет стал профессором беллетристики в Венеции и Тревизо. Он довольно рано уверовал в герметическую науку и, бывало, молил Всевышнего ниспослать ему счастье открытия философского камня. Он был постоянно окружен атрибутами химии и тратил все свои деньги на покупку снадобий и металлов. Кроме того, он был поэтом, но переоценивал свой поэтический дар. Свою *«Крисопею»,* в которой он объявляет себя корифеем златоделания, он посвятил Папе Льву X в надежде, что сей понтифик щедро вознаградит его за любезность. Однако Папа был слишком тонким ценителем поэзии, чтобы получить удовольствие от более чем заурядной поэмы, и слишком хорошим философом, чтобы одобрить проповедуемые ею странные доктрины, поэтому он был далеко не в восторге от этого посвящения. Пишут, что, когда Аугурелло обратился к нему за наградой, Папа, казавшийся воплощением доброты и сердечности, церемонно достал из кармана пустой кошелек и подарил его алхимику, сказав, что, поскольку тот умеет делать золото, самым подходящим подарком ему является кошелек, чтобы это золото в него класть. Эта издевательская награда была всем, что бедный алхимик когда-либо получил за свою поэзию и алхимию. Он умер на восемьдесят третьем году жизни в крайней нужде.

КОРНЕЛИЙ АГРИППА (CORNELIUS AGRIPPA)

Этот алхимик имеет выдающуюся репутацию. О его способностях рассказывали самые удивительные истории. Говорили, что он может превращать железо в золото одним лишь словом. Он-де повелевал всеми ангелами небес и демонами преисподней, которые были готовы повиноваться ему во всем, мог вызывать из могил «выглядящие как при жизни» призраки великих людей, являя их взору тех любопытных, которым хватало смелости вынести их присутствие.

Он родился в Кёльне в 1486 г. и с ранних лет начал изучать химию и философию. Каким-то не вполне понятным образом ему удалось убедить современников в своих необычайных достижениях. Когда ему было всего двадцать лет, его репутация как алхимика была столь высока, что ведущие адепты Парижа слали ему в Кёльн приглашения поселиться во Франции и поделиться с ними опытом открытия философского камня. Почести сыпались на него, как из рога изобилия, и его высоко ценили все ученые мужи того времени. Меланхтон* пишет о нем с уважением и похвалой. Эразм** также свидетельствует в его пользу, да и все выдающиеся персоны той поры называли Агриппу светилом литературы и украшением философии. Некоторым чересчур самовлюбленным людям удается убедить своих современников в собственном величии: они придают приобретенным ими знаниям такую широкую огласку и так часто занимаются самовосхвалением, что рукоплескания их «аудитории» перерастают в овацию. Случай с Агриппой относится, видимо, именно к этому разряду. Он называл себя выдающимся богословом, превосходным юристом, искусным врачом, великим философом и удачливым алхимиком. Мир в конце концов поверил ему на слово и счел, что человек, который так себя превозносит, не может не иметь заслуг, говоря-

* Филипп Меланхгон (1497 - 1560) - немецкий протестантский теолог и педагог, соратник Мартина Лютера. *Прим. перев.*

** Эразм Роттердамский (1469 - 1536) - голландский гуманист эпохи Возрождения, писатель, филолог. *Прим. перев.*

щих в его пользу, и что за поднятым им шумом действительно что-то есть. Он был назначен секретарем императора Максимилиана, который дал ему титул рыцаря и сделал его командиром одного из своих полков. Позднее Агриппа стал профессором иврита и беллетристики в университете Dole, во Франции, но, переругавшись с францисканцами из-за каких-то богословских разногласий, был вынужден покинуть этот город. Он нашел убежище в Лондоне, где около года преподавал иврит и составлял гороскопы. Из Лондона он проследовал в Павию, где читал лекции по истинным или предполагаемым сочинениям Гермеса Трисмегиста и мог бы жить там в мире и почете, если бы вновь не поссорился со священниками. Их усилиями его положение стало настолько незавидным, что он был рад принять предложение магистратуры города Мец стать их синдиком и генерал-адвокатом. Здесь он вновь нажил себе врагов своей любовью к диспутам: теологи-мудрецы этого города утверждали, что св. Анна имеет трех мужей; в это тогда верил и народ. Агриппа без нужды начал доказывать ложность этого убеждения, или, как он его называл, предрассудка, и этим сильно подорвал свой авторитет. Вскоре после этого он втянулся в другой диспут, делавший ему больше чести, и окончательно упал в глазах жителей Меца. Когда он гуманно выступил в защиту молодой девушки, обвиненной в колдовстве, его враги заявили, будто он сам является колдуном и подняли такой шум вокруг его персоны, что ему пришлось бежать из города. После этого он стал врачом Луизы де Савой, матери короля Франциска!. Эта дама хотела узнать будущее и приказала своему доктору составить ее гороскоп. Агриппа ответил, что не станет потворствовать столь праздному любопытству. В результате он утратил ее доверие и был немедленно уволен. Если бы данный им ответ был продиктован верой в бесполезность астрологии, мы могли бы восхищаться его честностью, бесстрашием и независимостью, но, зная, что в то же самое время он постоянно занимался гаданием и составлением гороскопов и предсказывал коннетаблю* Бурбону грандиозный успех во всех его начинаниях, мы можем только удивляться тому, как он лишился влиятельного друга из-за обычного раздражения и своенравия.

* Коннетабль - во Франции с XII в. советник короля, начальник королевских рыцарей, с XIV в. главнокомандующий армией. В 1627 г. должность коннетабля была упразднена. *Прим. перев.*

Примерно в это же время его одновременно пригласили поселиться в их владениях английский король Генрих VIII и Маргарита Австрийская, правительница Нидерландов исторических*. Он принял предложение последней и при ее содействии был назначен историографом императора «Священной Римской империи» Карла V. К несчастью для Агриппы, ему никогда не удавалось надолго удержаться на одном месте, так как его покровители не могли простить ему его нетерпеливость и высокомерие. После смерти Маргариты он был заключен в брюссельскую тюрьму по обвинению в колдовстве. Через год он был освобожден и, покинув страну, испытал множество превратностей судьбы. Он умер в нищете в 1534 г., в возрасте сорока восьми лет.

Находясь в услужении у Маргариты Австрийской, он жил главным образом в Лёвене и написал в этом городе свой знаменитый труд *«Тщета и ничтожность человеческих знаний».* Чтобы угодить своей властительной госпоже, он написал трактат *«Превосходство женского пола»,* посвятив его Маргарите в знак благодарности за милости, которыми она его осыпала. Однако население этих провинций относилось к нему отнюдь не благосклонно. В это время он стал объектом великого множества фантастических слухов. Говорили, что золото, которым он расплачивается с торговцами, всегда очень ярко блестит, но в течение суток неизменно превращается в куски сланца и камни. Люди верили, что он сделал большое количество фальшивого золота с помощью дьявола, который, как можно из этого заключить, имел лишь поверхностные знания в области алхимии, намного меньшие тех, на которые уповал маршал де Ре. Иезуит Дельрио в своей книге о магии и колдовстве приводит еще более удивительную историю о нем. Однажды Агриппа уходил из своего дома в Лёвене, и, рассчитывая вернуться лишь какое-то время спустя, отдал ключ от своего рабочего кабинета жене, строго-настрого запретив ей впускать туда кого-либо в его отсутствие. Эта женщина, как ни странно, не стремилась совать нос в секреты своего мужа и никогда не помышляла о том, чтобы вой-

* Нидерланды исторические - в средние века область на Северо-Западе Европы (территория Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и части Северо-Восточной Франции). *Прим. перев.*

ти в запретную комнату. Однако один юный студент, поселенный в мансарде дома философа, испытывал жгучее желание проникнуть в его кабинет, надеясь, что ему удастся стащить какую-нибудь книгу или инструмент, которые помогут ему проникнуть в тайны искусства превращения металлов. Поскольку сей юноша был красив, красноречив и, главное, весьма лестно отзывался о красоте хозяйки дома, он без особого труда убедил ее одолжить ему ключ, но она строго запретила ему что-либо оттуда выносить. Студент поклялся этого не делать и вошел в кабинет Агриппы. Первым, что привлекло его внимание, был большой *гримуар, или* книга заклинаний, лежавшая открытой на рабочем столе философа. Юноша тут же сел за стол и начал читать ее вслух. После первого же произнесенного им слова ему показалось, что он слышит стук в дверь. Он прислушался, но все было тихо. Решив, что ему просто послышалось, он продолжил чтение и вдруг услышал более громкий стук, который так его напугал, что он вскочил на ноги. Он пытался сказать: «Войдите», но язык отказывался ему повиноваться, и он не мог произнести ни звука. Юноша уставился на дверь, которая, медленно открывшись, явила его взору величественного, но рассерженного незнакомца, который строго спросил, зачем его вызвали. «Я вас не вызывал», — ответил дрожащий студент. «Вызывал! — сказал незнакомец, все больше сердясь. -А демонов нельзя вызывать понапрасну». Студент не нашелся, что ответить, а демон, разъяренный тем, что один из непосвященных вызвал его просто из самонадеянности, схватил юношу за горло и задушил его. Когда Агриппа через несколько дней вернулся домой, он увидел, что его дом осажден бесами. Некоторые из них сидели на колпаках дымовых труб и болтали ногами, другие играли в чехарду на самом краю парапета. В его кабинете их было так много, что ему было трудно добраться до стола. Когда он наконец протиснулся сквозь их заслон, то увидел, что книга открыта, а на полу лежит мертвый студент. Он сразу понял, как произошло это несчастье, и, прогнав всех нижестоящих бесов, спросил главного демона, какое безрассудство побудило его убить молодого человека. Демон ответил, что юноша вызвал его без нужды, чем нанес ему оскорбление, и что ему ничего не оставалось делать, кроме как убить непосвященного за его самонадеянность. Агриппа строго его отчитал и при-

казал ему немедленно оживить мертвое тело и прогуливаться с ним по рыночной площади все послеполуденное время. Демон так и сделал, студент ожил и, взяв своего сверхъестественного убийцу под руку, безмятежно гулял с ним на виду у всех. С заходом солнца его тело вновь стало холодным и безжизненным, и толпа доставила его в больницу, единодушно решив, что он скончался от апоплексического удара. Его спутник немедленно исчез. Когда тело осмотрели, то обнаружили следы удушения на шее и отпечатки длинных когтей демона на разных его частях. Данные признаки вкупе с быстро распространившимся слухом о том, что компаньон молодого человека исчез в облаке огня и дыма, открыли людям глаза на правду. Судьи Лёвена назначили расследование, в результате чего Агриппе пришлось покинуть этот город. Кроме Дельрио подобные истории об этом философе рассказывают и другие авторы. В те времена люди всегда охотно верили выдумкам о магии и колдовстве, и неудивительно, что, когда, как в случае с Агриппой, тот, кого считали волшебником, объявлял себя таковым и требовал веры в творимые им чудеса, его современники признавали правомочность его притязаний. Подобные заявления были опасной похвальбой, которая порой доводила ее автора до костра или виселицы и поэтому считалась не лишенной основания. Пауль Йовий в своей книге *«Eulogia Doctorum Virorum»* пишет, что Агриппу повсюду сопровождал бес в обличье крупного черного пса. Томас Нэш* в своих *«Приключениях Джека Уилтона»* сообщает, что по просьбе лорда Суррея, Эразма и некоторых других ученых мужей Агриппа вызывал из могилы множество великих философов древности. Среди них был Туллий, которого он заставил произнести заново его знаменитое обращение к Росцию**. Кроме того, когда лорд Суррей был в Германии, Агриппа с помощью волшебного зеркала продемонстрировал ему достоверное изображение дамы его сердца, прекрасной Джеральдины, сидящей на кушетке и оплакивающей отсутствие своего возлюбленного. Лорд Суррей зафиксировал точное время этой

* Томас Нэш (1567 - ок. 1601) — английский писатель. *Прим. перев.*

** Марк Туллий Цицерон (106 - 43 до н. э.) —древнеримский политический деятель, оратор и писатель. Квинт Росций (ок. 130 до н. э. - ок. 62 до н. э.) - древнеримский комедийный актер, у которого Цицерон учился декламации. *Прим. перев.*

демонстрации и позднее подтвердил, что В ту минуту его пассия действительно это делала. Лорду Томасу Кромвелю Агриппа продемонстрировал короля Генриха VIII, охотящегося в Виндзор-парке в окружении главных лордов его двора, а чтобы угодить императору Карлу V, он вызвал из могилы царя Давида и царя Соломона.

Ноде в своей *«Защите великих людей, обвиняемых в колдовстве»* предпринимает титанические *усилия,* дабы очистить Агриппу от инсинуаций Дельрио, Пауля Йовия и прочих невежественных и предубежденных писак. Во времена Ноде подобные истории требовали опровержения, сегодня же от них можно с уверенностью отмахнуться из-за их абсурдности. А тот факт, что они приписывались человеку, заявлявшему о своей способности превращать выплавляемое железо в золото путем приказа и написавшему труд о подвластной ему магии, вовсе не является удивительным.

ПАРАЦЕЛЬС (PARACELSUS)

Этот философ, которого Ноде назвал «зенитом и восходящим солнцем всех алхимиков», родился в местечке Айнзидельн, неподалеку от Цюриха, в 1493 году. Его настоящее имя было Гогенгейм, к которому, по его собственным словам, была спереди приставлена данная при крещении цепочка имен Ауреол Теофраст Бомбаст Парацельс. Последнее из них он выбрал себе в качестве общего имени, когда был еще ребенком, и в течение жизни сделал его одним из наиболее прославленных в анналах своего времени. Его отец был доктором и учил сына своему ремеслу. Последний был способным учеником и делал большие успехи. Однажды к нему в руки случайно попал труд Исаака Голланда, и с тех пор его охватила мания поисков философского камня. Отныне все его мысли были посвящены металлургии, и он совершил путешествие в Швецию, чтобы посетить рудники этой страны и исследовать руды, все еще залегающие в недрах земли. Кроме того, он нанес визит в Шпангеймский монастырь и встретился с Тритемием, который обучил его алхимическим приемам. Продолжив свое путешествие, Парацельс через Пруссию и Австрию проследовал в Турцию, Египет и Та-

тарию, а вернувшись оттуда в Константинополь, освоил, по его собственному утверждению, искусство превращения металлов и овладел *elixir vitae.* После этого он стал врачом в родной Швейцарии, в Цюрихе, и принялся писать труды по алхимии и медицине, немедленно привлекшие внимание Европы. Их крайняя непонятность не мешала их славе, ибо чем меньше этого автора понимали, тем больше, казалось, демонологи, фанатики и охотники за философским камнем его ценили. Благодаря нескольким предложенным им и оказавшимся удачными способам лечения болезней посредством ртути и опия - лекарств, бесцеремонно забракованных его собратьями по профессии, его известность в качестве алхимика подкреплялась высокой репутацией врача. В 1526 году он был избран профессором медицины и натурфилософии Базельского университета, и его лекции привлекали огромное количество студентов. Он осуждал сочинения всех прежних медиков как имеющие тенденцию вводить читателя в заблуждение и однажды публично сжег труды Галена* и Авиценны, назвав их шарлатанами и самозванцами. В присутствии восхищенной и наполовину озадаченной толпы, собравшейся посмотреть на эту церемонию, он воскликнул, что в его шнурках больше знания, чем в сочинениях данных врачей. Продолжая в том же духе, он сказал, что все университеты мира полны невежественных знахарей, но он, Парацельс, преисполнен мудрости. «Вы все будете следовать моей новой системе, —говорил он, яростно жестикулируя. - Авиценна, Гален, Разес, Монтаньяна, Меме - вы все последуете за мной, профессора Парижа, Монпелье, Германии, Кёльна и Вены! И вы, живущие на берегах Рейна и Дуная, - вы, обитатели морских островов, а также вы, итальянцы, уроженцы Далмации**, афиняне, арабы, иудеи - все вы последуете моим доктринам, ибо я - царь медицины!»

Но Парацельс недолго пользовался уважением добрых базельцев. Утверждают, что он так сильно увлекался вином, что его часто видели пьяным на улице. Для врача это означало ко-

* Гален (ок. 130 — ок. 200) — древнеримский врач, идеалистическая направленность сочинений которого способствовала трансформации его учения в т. н. галенизм, канонизированный церковью и господствовавший в медицине в течение многих веков. *Прим. перев.*

** Далмация — историческая область на территории Югославии. *Прим. перев.*

нец карьеры, и его добрая слава быстро шла на убыль. Еще быстрее росла его дурная слава, особенно после того, как он объявил себя колдуном. Он хвалился находящимися у него в подчинении легионами духов, особенно одним из них, которого он держал в заточении в эфесе своей шпаги. Ветгер, проживший в услужении у Парацельса два года и три месяца, сообщает, что последний часто грозился вызвать целую армию демонов и продемонстрировать ему ту огромную власть, которую он над ними имел. Он заявлял, что дух в его шпаге охраняет эликсир жизни, посредством которого можно продлить жизнь любого человека на долгие годы. Он также хвастался подневольным ему духом, которого он называл «Азот»* и держал заключенным в драгоценный камень. На многих старинных портретах он изображен держащим в руке драгоценный камень, на котором выгравировано слово «Азот».

Если даже пророка-трезвенника не слишком жалуют в своем отечестве, то пророка-пьяницу жалуют еще меньше. В конце концов Парацельс счел за благо покинуть Базель и обосноваться в Страсбурге. Причиной поспешной смены места жительства было следующее. Один горожанин находился при смерти, и на его выздоровление не надеялся ни один врач в городе. В конце концов больной решил использовать свой последний шанс и послал за Парацельсом, которому пообещал щедрое вознаграждение в случае исцеления. Парацельс дал ему две маленькие пилюли, которые тот принял и быстро выздоровел. Когда этот человек окончательно оправился от болезни, Парацельс послал за своим гонораром, но горожанин не оценил по достоинству столь быстродействующее и эффективное лекарство. Он не собирался платить пригоршню золота за две пилюли, хотя они спасли ему жизнь, и отказался платить сверх обычного гонорара за один визит. Парацельс возбудил против него дело, но проиграл. Это настолько его разозлило, что он в глубоком возмущении покинул Базель. Он возобновил свои странствия и путешествовал по Германии и Венгрии, зарабатывая деньги на легковерии и слепых увлечениях всех социальных слоев. Он составлял гороскопы, предсказывал будущее, помогал тем, у кого водились день-

* Имеется в виду алхимическая ртуть, универсальное лекарство Парацельса. *Прим. перев.*

ги, выбросить их на эксперимент по нахождению философского камня, прописывал лекарства для коров и свиней и оказывал помощь в обнаружении украденных вещей. Пожив в Нюрнберге, Аугсбурге, Вене и Миндельгейме (именно в такой последовательности), он в 1541 году удалился в Зальцбург и умер в больнице этого города в крайней нищете.

Если при жизни сей удивительный знахарь имел сотни приверженцев своих идей, то после его смерти их счет пошел на тысячи. Во Франции и Германии возникли секты так называемых парацельсистов, призванные увековечить его экстравагантные научные, особенно алхимические, доктрины. Главными лидерами этих сект были Боденштейн и Дорней. Вкратце учение Парацельса, основанное на предполагаемом существовании философского камня, абсурдное по своей природе и в целом не имеющее аналогов в истории философии, сводится к следующему. Прежде всего, он утверждал, что предположение о безупречности Создателя является достаточным условием приобретения мудрости и знаний, что Библия является ключом к теории всех болезней, и что для постижения атрибутов магической медицины необходимо изучать Апокалипсис. Тот, кто слепо подчинится воле Всевышнего и преуспеет в самоотождествлении с божественными созданиями, владеющими философским камнем, сможет лечить все болезни и, подобно Адаму и допотопным патриархам, продлевать жизнь до сколь угодно многих столетий. Жизнь - это излучение небесных светил: Солнце управляет сердцем, Луна - мозгом, Юпитер - печенью, Сатурн - желчным пузырем, Меркурий - легкими, Венера - половыми органами, Марс - кишечником. В желудке каждого человека обитает демон, или мыслящее существо, - своего рода алхимик, смешивающий в своем тигле в должных пропорциях разные хвори, поступающие в его лабораторию*. Парацельс гордился титулом мага и хвастался тем, что поддерживал регулярную переписку с находящимся в аду Галеном и часто вызывал оттуда же Авиценну, чтобы поспорить с ним о ложных представлениях об алхимии, которые тот в свое время пропагандировал, особенно о тех, что касались питьевого золота и эликсира жизни. Парацельс думал, что золото может ис-

* См. во *«Всеобщей биографии»* статью ученого Ренодена «Парацельс». *Прим. авт.*

целять сердечно-сосудистые и все остальные заболевания при условии, что оно получено в результате превращения неблагородного металла посредством философского камня и применяется при определенном взаимном расположении небесных светил. Одного лишь перечисления трудов, в которых он выдвигает эти безумные идеи, названные им доктриной, хватило бы на несколько страниц.

ГЕОРГ АГРИКОЛА (GEORGE AGRICOLA)

Этот алхимик родился в провинции Мнения в 1494 г. Его настоящая фамилия была *Бауэр,* то есть «землепашец», и в соответствии с тогдашней модой он латинизировал ее в Агриколу. С ранних лет он восхищался постулатами герметической науки. Ему еще не было и шестнадцати, а он уже стремился найти великий эликсир, который продлил бы его жизнь до семисот лет, и камень, который принес бы ему богатство, необходимое для безбедного существования в течение столь длительного периода. В 1531 г. он издал в Кёльне небольшой трактат на эту тему, обеспечивший ему покровительство знаменитого Мориса, герцога Саксонского. После нескольких лет врачебной практики в Иоахимштале, в Богемии, он стараниями Мориса стал управляющим серебряных рудников города Хемниц. Среди рудокопов он чувствовал себя счастливым, ставя различные алхимические опыты глубоко в недрах земли. Агрикола приобрел значительные знания о металлах и постепенно избавился от своих сумасбродных представлений о философском камне. Рудокопы не верили в алхимию и привили ему их образ мыслей как по этому, так и по другим вопросам. Их легенды убедили его в том, что недра земли населены добрыми и злыми духами, а взрывы рудничного газа вызываются ни чем иным, как склонностью последних к озорству. Он умер в 1555 году, оставив после себя репутацию чрезвычайно способного и умного человека.

ДЕНИС ЗАХАРИЙ (DENIS ZACHAIRE)

Автобиография, написанная умным человеком, который некогда был глупцом, не только в высшей степени поучительна, но и очень приятна для чтения. Денис Захарий, алхимик шестнадцатого века, выполнил эту работу и оставил после себя достойный внимательного прочтения отчет о собственном безрассудстве и слепой погоне за философским камнем. Он родился в 1510 году в одном из древних родов Гиени, и в раннем возрасте был отправлен в Бордосский университет под наблюдением домашнего учителя, обязанного направлять учебный процесс своего подопечного в нужное русло. К несчастью, сей учитель был одним из искателей великого эликсира, и вскоре его безумие передалось ученику. После этого введения мы позволим Денису Захарию говорить от первого лица и продолжить рассказ о нем его собственными словами. «Я получил из дома, - пишет он, - сумму в двести крон на расходы себе и учителю, но до конца года все наши деньги улетучились в дыму наших печей. В это же время мой учитель умер от лихорадки, вызванной палящим жаром в нашей лаборатории, из которой он почти никогда не выходил, и в которой было едва ли менее жарко, чем на стеклоплавильном заводе в Венеции. Его смерть усугубило то, что мои родители, воспользовавшись сим печальным обстоятельством, уменьшили мое содержание и высылали мне ровно столько, сколько требовалось для оплаты учебы и проживания, вместо суммы, требующейся для продолжения моих алхимических изысканий.

Чтобы решить эту проблему и избавиться от жесткого контроля, я в возрасте двадцати пяти лет вернулся домой и заложил часть моей собственности за четыреста крон. Данная сумма была нужна мне для проведения научного опыта, о котором я узнал в Тулузе от одного итальянца, который, по его словам, уже убедился в его эффективности. Я нанял этого человека к себе в услужение, дабы мы смогли провести данный эксперимент. Далее я попытался путем интенсивной дистилляции про-

калить золото и серебро для превращения примесей в благородный металл, но все мои труды оказались напрасными. Масса золота, извлеченного мною из печи, уменьшилась наполовину по сравнению с первоначальной, и от моих четырехсот крон осталось только двести тридцать. Я дал моему итальянцу двадцать крон с тем, чтобы он смог отправиться в Милан, где жил автор рецептуры, и получить от него разъяснение некоторых ее фрагментов, недоступных нашему пониманию. Надеясь на его возвращение, я провел в Тулузе всю зиму и, вероятно, оставался бы там и по сей день, если бы продолжил свое ожидание, потому что больше я его никогда не видел.

Летом разразилась эпидемия чумы, и мне пришлось покинуть город. Несмотря на это, я не отказался от своего занятия. Я отправился в Каор, где прожил полгода и познакомился со стариком, которого все знали как Философа. В провинциях этим прозвищем часто награждают тех, чья единственная заслуга состоит в том, что они менее невежественны, нежели их соседи. Я показал ему свою коллекцию алхимических рецептов и спросил, что он о них думает. Он выбрал из них десять-двенадцать, сказав лишь, что они лучше остальных. Когда эпидемия кончилась, я вернулся в Тулузу и возобновил свои эксперименты по отысканию философского камня. В результате от моих четырехсот крон осталось сто семьдесят.

Стремясь узнать какую-нибудь более безопасную методику, я в 1537 г. свел знакомство с одним жившим по соседству аббатом. Он был охвачен той же манией, что и я, и рассказал мне, что один из его друзей, отбывший в Рим в свите кардинала д'Арманьяка, прислал ему из этого города новый надежный рецепт трансмутации железа и меди, реализация которого обойдется в двести крон. Я предоставил половину этой суммы, другую половину выделил аббат, и мы приступили к работе. Поскольку для эксперимента требовался винный спирт, я купил бочку превосходного *vin de Gaillac.* Я получил спиртовой экстракт и несколько раз его очистил. Мы взяли некоторое количество ректификата и положили в него четыре серебряные марки и одну золотую, подвергнутые прокаливанию в течение месяца. Эту смесь мы ловко перелили в сосуд в форме рога, соединенный с другим сосудом, выполняющим функцию ретор-

ты, и для затвердевания смеси поместили весь аппарат в печь. Данный эксперимент длился год, но, чтобы не сидеть все это время без дела, мы тешились множеством других, менее значимых опытов. Они, впрочем, имели тот же результат, что и наш главный труд.

Весь 1537 год прошел без каких-либо изменений состояния смеси. В сущности, мы могли ждать затвердевания нашего винного спирта до второго пришествия. Тем не менее мы подвергли его воздействию паров нагретой ртути, но тщетно. Мы были сильно раздосадованы, особенно аббат, который уже похвастался перед всеми монахами своего монастыря, что им нужно лишь принести ему большой насос, стоящий в углу монастырской территории, и он превратит его в золото. Но эта неудача не поколебала наше упорство. Я еще раз заложил мои родовые земли за четыреста крон, которые я решил истратить на новые поиски великого секрета. Аббат пожертвовал такую же сумму, и я с восемьюстами кронами отправился в Париж — город, в котором алхимиков больше, чем в любом другом городе мира. Я решил не покидать его до тех пор, пока либо не найду философский камень, либо не истрачу все мои деньги. Это путешествие нанесло сильнейшую обиду всем моим родственникам и друзьям, которые считали, что из меня может выйти великий юрист, и очень хотели, чтобы я посвятил себя данной профессии. Для восстановления спокойствия я в конце концов сделал вид, что это и есть моя цель.

9 января 1539 г. после пятнадцатидневного путешествия я прибыл в Париж. В течение месяца я держался в тени, но начал часто посещать алхимиков-любителей и ходить в лавки, где продавались печи, только после того, как познакомился более чем с сотней алхимиков-профессионалов, каждый из которых следовал своей собственной теории и методике. Одни отдавали предпочтение осаждению металла из раствора, другие искали универсальный алкагест, или растворитель, третьи превозносили действенность корундовой эссенции, а четвертые пытались получить экстракт ртути из других металлов и добиться ее последующего затвердевания. Чтобы постоянно держать друг друга в курсе достижений каждого в отдельности, мы договорились где-нибудь встречаться каждую ночь и обмениваться

новостями. Иногда мы собирались в доме одного, а иногда - на чердаке другого. Это происходило не только в будние дни, но и по воскресеньям и церковным праздникам. «Ах! - говорил, бывало, один. - Если бы у меня были деньги для возобновления эксперимента, я бы что-нибудь сделал.» «Да, - говорил другой, - если бы мой тигель не треснул, я бы уже добился успеха.» Третий же отчаянно восклицал: «Имей я всего лишь достаточно прочный сферический медный сосуд, я бы добился затвердевания ртути и получил серебро.» Среди них не было никого, кто не имел какого-нибудь оправдания своей неудачи, но я был глух к их речам. Я не хотел отдавать свои деньги никому из них, помня, как часто я оставался в дураках.

Наконец я познакомился с одним греком и долго ставил вместе с ним бесполезные опыты на гвоздях из киновари. Я также познакомился с одним вновь прибывшим в Париж иностранным дворянином и часто посещал с ним ювелирные лавки, где он сбывал куски золота и серебра, являющиеся, как он говорил, плодами его экспериментов. Я долгое время приставал к нему с расспросами в надежде, что он поделится со мной своим секретом. Он долго отказывался это сделать, но в конце концов уступил моим страстным мольбам, и я понял, что его тайна - это не более чем искусный трюк. Я не забывал информировать моего оставшегося в Тулузе друга-аббата о всех своих приключениях и среди прочих писем послал ему отчет о фокусе, посредством которого сей шарлатан демонстрировал свое мнимое умение превращать свинец в золото. Аббат все еще верил, что я в конце концов добьюсь успеха, и посоветовал мне остаться в Париже, где я развернул столь бурную деятельность, еще на год. Я оставался там три года, но, несмотря на все мои усилия, преуспел в своих изысканиях не более, чем где-либо в допарижский период.

У меня уже кончались деньги, когда я получил от аббата письмо, в котором он велел мне все бросить и незамедлительно вернуться в Тулузу. Я так и сделал и узнал, что к этому времени он получил несколько писем от короля Наваррского (деда Генриха IV). Этот монарх был страстным и в высшей степени любознательным поклонником философии и писал аббату, что мне следует прибыть в город По и нанести ему

визит и что он заплатит мне от трех до четырех тысяч крон, если я сообщу ему секрет, узнанный мною от дворянина-иностранца. Аббата так раззадорила сия сумма, что он не давал мне покоя ни днем, ни ночью, пока я наконец не отправился в По. Я прибыл туда в мае 1542 г. Я работал не покладая рук и, следуя полученному мною от пройдохи-иностранца рецепту, в конце концов добился успеха. Когда к удовольствию короля это произошло, я получил обещанную награду. Он был готов заплатить и больше, но его отговорили от этого пэры его двора - даже те из них, кто ранее жаждал моего прибытия. Тогда он сердечно меня отблагодарил и отпустил с миром, сказав, что, если в его королевстве есть что-то, чем он может меня наградить, - конфискованное имущество или нечто подобное, - то он будет только рад это сделать. Я счел, что этих грядущих конфискаций мне, возможно, придется ждать довольно долго, и что в конечном итоге они мне так и не достанутся, и решил вернуться к моему другу-аббату.

По дороге из По в Тулузу я узнал об одном монахе, который был весьма сведущ в вопросах натурфилософии. По возвращении я нанес ему визит. Он отнесся ко мне с жалостью и с теплотой и добротой в голосе дал мне совет больше не тешить себя подобными экспериментами, ложными и софистскими по своей природе, а прочесть хорошие книги древних философов, из которых я, возможно, узнаю не только истинную сущность алхимии, но и точную последовательность необходимых операций. Мне сей мудрый совет пришелся по душе, но прежде чем ему последовать, я вернулся к тулузскому аббату, дабы отчитаться перед ним о наших общих восьмистах кронах и одновременно разделить с ним вознаграждение, полученное мною от короля Наваррского. Его не слишком обрадовал рассказ о моих похождениях с момента нашего первого расставания и, похоже, еще меньше обрадовало мое решение отказаться от поисков философского камня, так как он думал, что мне по плечу его найти. От наших восьмисот крон осталось всего сто семьдесят шесть. Расставшись с аббатом, я вернулся в свой собственный дом с намерением оставаться там до тех пор, пока я не прочту книги всех древних философов, а затем отправиться в Париж.

Я прибыл в Париж на следующий день после Дня всех святых* 1546 года и посвятил год прилежному изучению трудов великих ученых. Среди них были *«Turbo. Philosophorum»* Доброго трирца, *«Увещевание природы странствующему алхимику»* Жана де Мёнаи некоторые другие достойные книги. Однако не имея четкой доктрины, я не вполне понимал, в каком направлении продолжать изыскания.

Наконец я нарушил свое уединение, но не для того, чтобы встретиться с прежними знакомыми — адептами и ремесленниками, а с целью попасть в общество истинных философов. Но в их среде мои мысли пришли в еще больший хаос, так как в сущности я был совершенно сбит с толку многообразием опытов, которые они при мне ставили. Тем не менее подстегиваемый своего рода безумной страстью или вдохновением, я стал лихорадочно штудировать труды Раймунда Луллия и Арнальдо де Виллановы. Их прочтение и обдумывание прочитанного заняло еще один год, и я наконец решил, в каком направлении мне следует двигаться. Однако прежде чем взяться задело, мне потребовалось время, чтобы заложить еще одну весьма существенную часть моего наследства. Это произошло лишь в начале Великого поста** 1549 г. Я приобрел все необходимое и приступил к работе во второй день Пасхи. Тем не менее не обошлось без беспокойства и противодействия моих друзей. Один из них спрашивал меня, что я собираюсь делать и не пора ли перестать тратить деньги на подобные глупости. Другой убеждал меня в том, что если я куплю так много древесного угля, то усилю тем самым уже существующее подозрение, что я фальшивомонетчик. Третий советовал мне купить какую-нибудь должность в магистратуре, так как я уже в то время был доктором права. Мои родственники высказывались в еще более неприятном для меня ключе и даже угрожали мне тем, что, если я не откажусь от своих сумасбродных затей, они пришлют ко мне в дом отряд полицейских и разобьют вдребезги все мои печи и тигли. Я был крайне изнурен этим непрерывным преследованием, но находил утешение в моей работе и продвиже-

* День всех святых - 1 ноября, следовательно Денис Захарий имеет в виду 2 ноября. *Прим. перев.*

** Великий пост - 7 недель перед Пасхой. *Прим. перев.*

нии эксперимента, которому я уделял большое внимание и который благополучно длился день за днем. В это время в Париже свирепствовала страшная эпидемия чумы, прервавшая всякое общение между людьми и оставившая меня наедине с собой, как я того и хотел. Вскоре я имел удовольствие отметить прогресс в ходе эксперимента и наблюдать последовательную смену тех трех цветов, которые, по мнению философов, всегда предвещают близость успешного завершения работы. Я отчетливо видел, как они сменяют друг друга, и на следующий день, первый день Пасхи 1550 г., я совершил великое деяние. Некоторое количество обычной ртути, которую я перелил в стоящий на огне маленький тигель, менее чем за час превратилось в самое высокопробное золото. Моей радости не было предела, но я не стал хвалиться своим достижением. Я возносил хвалы Всевышнему за его доброту ко мне и молил его лишь о том, чтобы он позволил мне так распорядиться долгожданным богатством, чтобы еще больше восславить Его и Его деяния.

На следующий день я отправился в Тулузу, дабы найти аббата в соответствии с взаимным обещанием сообщать друг другу о сделанных нами открытиях. По пути я зашел к мудрому монаху, который ранее помог мне своими советами, но к своему прискорбию узнал, что и монах, и аббат умерли. После этого я не захотел возвращаться домой и удалился в другое место, чтобы дождаться там одного из моих родственников, которому я поручил распорядиться моим имуществом. Я велел ему продать все принадлежащее мне имущество, движимое и недвижимое, и с вырученной суммы выплатить мои долги, а все оставшиеся деньги разделить между теми, так или иначе связанными со мной людьми, кто в них нуждается, дабы они смогли насладиться какой-то частью выпавшего мне изрядного богатства. Мои соседи вовсю судачили о моем поспешном отбытии. Самые умные из моих знакомых считали, что я, сломленный и разоренный безумными тратами, продаю то немногое, что у меня осталось, чтобы покинуть родные края и скрыть свой позор в дальних странах.

Мой вышеупомянутый родственник присоединился ко мне 1 июля, после того, как выполнил все, что я ему поручил. Мы вместе отправились на поиски свободной страны. Сперва мы

удалились в Швейцарию, в Лозанну. Пожив там какое-то время, мы решили провести остаток наших дней в одном из славнейших городов Германии, ведя тихую и лишенную помпезности жизнь».

Так заканчивается история Дениса Захария, написанная им самим. В ее конце он менее искренен, чем в начале, не вполне проливая свет на истинные мотивы своих притязаний на открытие философского камня. Представляется вероятным, что подлинную причину своего отбытия он вложил в уста его самых умных знакомых, полагавших, что на самом деле он был доведен до нищеты и хотел укрыть свой позор в других странах. Больше о его жизни ничего не известно, и никто так никогда и не узнал его настоящего имени. Он написал алхимический труд под названием *«Истинная натурфилософия металлов».*

ДОКТОР ДИ (DR. DEE) И ЭДВАРД КЕЛЛИ (EDWARD KELLY)

Джон Ди и Эдвард Келли, бывшие компаньонами в течение столь длительного времени и перенесшие в обществе друг друга столько удивительных превратностей судьбы, заслуживают быть упомянутыми вместе. Ди был личностью неординарной во всех отношениях, и если бы он жил в эпоху, менее склонную к безрассудству и суеверию, то с его способностями мог бы оставить после себя блестящую и прочную репутацию. Он родился в Лондоне в 1527 году и с самых ранних лет обнаружил любовь к познанию. В возрасте пятнадцати лет он был отправлен в Кембриджский университет. Ди так любил книги, что регулярно уделял им по восемнадцать часов в день. Из остальных шести часов четыре он тратил на сон и два - на еду. Столь интенсивные занятия не вредили его здоровью и делали его одним из лучших студентов своего времени. Однако, к сожалению, он забросил занятия математикой и истинной философией и предавался бесплодным оккультным

фантазиям. Он изучал алхимию, астрологию и магию, и тем самым настроил против себя власти Кембриджа. Ходившие слухи о его занятиях колдовством делали его дальнейшее пребывание в Англии не вполне безопасным, и в конце концов, чтобы избежать преследования, ему пришлось удалиться в Лёвенский университет. В Лёвене он познакомился с множеством родственных ему душ, знавших Корнелия Агриппу во время пребывания последнего в этом городе. Они постоянно развлекали молодого англичанина рассказами о дивных деяниях этого великого магистра герметических тайн. Общение с ними стало для Ди своего рода мощным катализатором продолжения поисков философского камня, которые вскоре стали занимать едва ли не все его помыслы.

Он недолго пробыл на континенте ив 1551 г. в возрасте двадцати трех лет вернулся в Англию. При содействии друга, сэра Джона Чика, он был любезно принят при дворе короля Эдуарда VI, где ему было назначено (трудно сказать, за что) пособие в сто крон. Несколько лет он профессионально занимался астрологией в Лондоне: составлял гороскопы, предсказывал будущее и указывал на удачные и неудачные дни. Во время правления королевы Марии он попал в беду: его заподозрили в ереси и обвинили в покушении на жизнь Марии путем колдовства. Его судили за второе преступление и оправдали, но оставили в тюрьме на основании первого обвинения и отдали на милость епископа Боннера. Он был на волосок от сожжения на Лондонском мясном рынке, но так или иначе ухитрился убедить сего лютого фанатика в безупречности своей веры, и в 1555 г. был отпущен на свободу.

С вступлением на престол Елизаветы для Ди настали времена получше. Есть основания считать, что во время пребывания королевы в Вудстоке ее слуги справлялись у него о том, когда умрет Мария, и что в первую очередь эта деталь послужила причиной серьезного обвинения, по которому его отдали под суд. Теперь они более открыто приходили узнать будущее их владычицы, а Роберт Дадли, прославленный граф Лестерский, был послан приказом самой королевы выяснить наиболее благоприятный день для коронации. Елизавета была столь благосклонна к Ди, что несколько лет спустя удостоила своим визитом его

дом в Мортлейке, чтобы осмотреть его кунсткамеру, а когда он заболел, отрядила для его лечения своего личного доктора.

Астрология давала ему средства к существованию, и он продолжал заниматься ею с большим усердием, но его сердце принадлежало алхимии. Философский камень и эликсир жизни посещали его дневные мысли и ночные сны. Таинства Талмуда, которые также являлись объектом его пристального изучения, утвердили его в мысли, что он мог бы общаться с духами и ангелами и узнать от них все тайны мироздания. Придерживаясь той же идеи, что и члены малоизвестного в ту пору ордена розенкрейцеров, с которыми он, возможно, сталкивался во время своих путешествий по Германии, он воображал, что посредством философского камня может по собственному желанию вызывать этих добрых духов. В результате постоянных размышлений на эту тему его воображение воспалилось настолько, что он в конечном итоге убедил себя в том, что ему явился один из ангелов, пообещавший быть ему другом и компаньоном до конца его дней. Ди сообщает, что, когда в один из ноябрьских дней 1582 г. он страстно молился, выходящее на запад окно его кунсткамеры внезапно озарилось ослепительно ярким светом, посреди которого во всем своем великолепии стоял великий ангел Уриэль*. Благоговейный страх и изумление лишили его дара речи, но ангел, любезно улыбаясь, дал ему выпуклый кристалл и сказал, что, когда бы тот ни захотел пообщаться с потусторонними существами, достаточно будет пристально взглянуть на него, после чего они появятся в нем и откроют все тайны будущего**. Промолвив это, ангел исчез.

* В поэме Джона Мильтона (1608 — 74) «Потерянный рай» — аллегории с участием библейских образов - ангелы Уриэль и Рафаэль побеждают языческого бога Адрамелеха. *Прим. перев.*

** По всей видимости, упоминаемый «кристалл» был черным камнем, или куском отполированного каменного угля. В приложении к *«Истории в биографиях»* Грейнджера об этом говорится следующее: «Черный камень, в который Ди вызывал духов, находился в коллекции графов Питерборо, откуда попал к леди Элизабет Джермейн. Затем он был собственностью покойного герцога Аргайллского, а теперь принадлежит г-ну Уолполу. При ближайшем рассмотрении он кажется ни чем иным, как отполированным куском кеннельского угля, который и имеет в виду Батлер***) в своем двустишии:

"Kelly did all his feats upon
The devil's looking-glass - a stone" »**".) *Прим. авт.*

Попрактиковавшись с кристаллом, Ди понял, что необходимо концентрировать на нем все душевные силы, иначе духи не появлялись. Кроме того, он обнаружил, что никогда не может впоследствии вспомнить свои разговоры с ангелами. Тогда он решил открыть этот секрет кому-нибудь другому, кто мог бы разговаривать с духами, пока он (Ди) сидит в другой части комнаты и записывает их откровения.

В это время ему в качестве ассистента прислуживал некий Эдвард Келли, помешанный, как и его хозяин, на философском камне. Между ними, однако, была та разница, что Ди был в большей степени энтузиастом, чем мошенником, в то время как Келли был в большей степени мошенником, нежели энтузиастом. В молодости он был нотариусом и имел несчастье лишиться обоих ушей за подделку монет. Это увечье, достаточно унизительное для любого человека, для философа было губительным, поэтому Келли, чтобы не ставить под сомнение собственную мудрость в глазах людей, носил черную шапочку, которая, плотно прилегая к его голове и опускаясь к щекам, не только скрывала его дефект, но и придавала ему весьма важный и пророческий вид. Он настолько хорошо хранил свой секрет, что даже Ди, с которым он прожил много лет, похоже, так никогда об этом и не узнал. В силу своих наклонностей Келли был не прочь пойти на любое жульничество ради собственной выгоды или подпитывать с той же целью иллюзии своего хозяина. Как только Ди сообщил ему о визите славного Уриэля, Келли отнесся к этому с таким пламенным энтузиазмом, что сердце Ди затрепетало от радости. Ему не терпелось начать консультации с кристаллом, и 2 декабря 1581 г. духи появились и провели с Келли весьма странную беседу, которую Ди запротоколировал. Любопытный читатель может увидеть эту белиберду среди манускриптов Британского музея. Более поздние консультации были в 1659 г. изданы доктором Мериком Касобоном в виде фолианта под названием *«Подлинное и заслуживающее доверия изложение событий, предсказанных духами*

***) Сэмюэл Батлер (1612 — 80) — английский писатель и поэт-сатирик. *Прим. перев.*

*****)* «Всеми своими деяниями Келли обязан зерцалу дьявола - камню». *Прим. перев.*

доктору Джону Ди, которые в случае их наступления повлекут за собой глубокие перемены в большинстве государств и королевств мира».*

Молва об этих удивительных собеседованиях быстро облетела всю страну и даже достигла континентальной Европы. Тогда же Ди заявил, что он овладел *elixir vitae,* который, по его словам, он нашел среди руин Гластонберийского аббатства в Сомерсетшире. В его дом в Мортлейке отовсюду стекались люди, желающие, чтобы он составил им гороскоп, и предпочитающие его менее известным астрологам. Кроме того, они страстно желали увидеть человека, объявившего себя бессмертным. В целом он вел весьма прибыльную торговлю, но тратил так много денег на снадобья и металлы, что так никогда и не разбогател.

Примерно в это время в Англию прибыл богатый польский дворянин по имени Альберт Лаский, пфальцграф Сирадзский. По его словам, главной целью его визита было посещение двора королевы Елизаветы, молва о славе и могуществе которой достигла отдаленной Польши. Елизавета оказала сему льстивому чужестранцу самый роскошный прием и поручила своему фавориту, графу Лестерскому, показать гостю все достопримечательности Англии. Он посетил все заслуживающие внимания места Лондона и Вестминстера, а затем проследовал в Оксфорд и Кембридж, чтобы побеседовать с некоторыми из великих ученых, чьи сочинения прославили их родину. Он был очень сильно разочарован, не найдя среди них доктора Ди, и сказал графу Лестерскому, что не приехал бы в Оксфорд, если бы знал, что Ди там нет. Граф пообещал познакомить его с великим алхимиком по возвращении в Лондон, и поляк был удовлетворен. Несколькими днями позже, когда граф и Лаский находились в вестибюле королевы в ожидании аудиенции у ее

* Астролог Лилли в своей книге «Жизнь» много рассказывает о предсказаниях, делаемых ангелами примерно тем же образом, что и ангелы доктора Ди. Он пишет: «Ангелы не пророчествовали словесно, а демонстрировали символы и фигуры, являя взору владельца кристалла окружность, на которой через некоторые интервалы располагались требуемые лица и картины событий. Очень редко, даже в наши дни, медиум может услышать членораздельную речь ангелов. Когда же они что-то изрекают, *это похоже на невнятный, словно с набитым ртом, ирландский говор!» Прим. авт.*

величества, туда с той же целью прибыл доктор Ди, который был представлен поляку*. Между ними состоялся интересный разговор, в конце которого чужестранец предложил пообедать в доме последнего в Мортлейке. Ди вернулся домой в крайнем расстройстве, ибо понимал, что не заложив столовое серебро, он не наберет достаточную сумму денег, чтобы устроить достойный прием пфальцграфу Ласкому и его свите. Находясь в критическом положении, он отправил с нарочным письмо графу Лестерскому, в котором откровенно поведал о своей проблеме и попросил графа оказать ему услугу в виде ходатайства перед ее величеством. Елизавета немедленно послала ему в подарок двадцать фунтов.

В назначенный день пфальцграф прибыл в сопровождении многочисленной свиты и выразил такое искреннее и страстное восхищение знаниями хозяина дома, что Ди стал обдумывать возможность бесповоротной привязки к своим интересам человека, столь расположенного стать ему другом. В результате длительного общения с Келли он перенял все мошеннические повадки сей персоны и решил заставить поляка дорого заплатить за его обед. Незадолго до этого он узнал, что пфальцграф является в своей стране крупным и весьма влиятельным помещиком, но из-за своей склонности к расточительству переживает временные финансовые затруднения. Он также выяснил, что поляк твердо верит в существование философского камня и живой воды. Таким образом, он был просто находкой для авантюриста. Келли был того же мнения, и они вдвоем начали плести паутину, нитями которой могли бы прочно опу-

* Альберт Лаский, сын Ярослава, пфальцграф Сирадзский, впоследствии Сендомирский, оказал решающее содействие избранию Генриха III Французского из династии Валуа польским королем и был одним из делегатов, отправленных во Францию сообщить новоиспеченному монарху о его возведении в ранг правителя Польши. После свержения Генриха Альберт Лаский выступал за избрание Максимилиана Австрийского. В 1583 г. он посетил Англию, и королева Елизавета устроила ему роскошный прием. Почести, оказанные ему по особому приказу королевы во время его визита в Оксфорд, не уступали почестям, оказываемым монархам. Его исключительное мотовство делало его огромное богатство недостаточным для потакания его страстям, поэтому он стал рьяным адептом алхимии и привез из Англии в Польшу двух известных алхимиков. — Граф Валериан Красинский, *«Краткий обзор истории реформации в Польше». Прим. авт.*

тать богатого и доверчивого иностранца. Они делали это очень осторожно, сперва туманно намекая на камень и эликсир, а в конце концов - на духов, посредством которых они-де могут переворачивать страницы книги будущего и узнавать из нее страшные тайны. Ласкый страстно умолял допустить его к одному из их таинственных интервью с Уриэлем и другими ангелами, но они слишком хорошо знали человеческую натуру, чтобы сразу же выполнить его просьбу. На мольбы пфальцграфа они отвечали намеками на проблематичность или неуместность вызова духов в присутствии постороннего, который, возможно, не имеет для этого иных мотивов, кроме удовлетворения пустого любопытства. Тем самым они стремились разжечь его аппетит и были бы действительно огорчены, если бы пфальцграф потерял интерес к сей затее. Чтобы понять, насколько сильно помыслы Ди и Келли были в это время сосредоточены на жертве их обмана, достаточно прочесть предисловие к их первому собеседованию с духами, приведенное в книге доктора Касобона. Запись, сделанная Ди 25 мая 1583 г. гласит: «Когда дух появился, я (Джон Ди) и Э. К. (Эдвард Келли) сидели и разговаривали об этом знатном поляке Альберте Лаосом, о той великой чести, которую мы ему оказываем, и о симпатии к нему самых разных людей.» Они, несомненно, обсуждали, как им наилучшим образом использовать «знатного поляка», и стряпали небылицу, которой они впоследствии возбудили его любопытство и надежно затянули в свои сети. «Внезапно, - продолжает Ди, - словно откликнувшись на наше красноречие, появилось бестелесное создание в образе красивой девочки семи-девяти лет в головном уборе, с кудрявыми волосами на лбу и с прямыми на затылке. На ней было шелковое платьице со шлейфом, отливающее то красным, то зеленым. Она, казалось, порхала вверх и вниз и сновала позади книг, а когда она проходила между книгами, последние самостоятельно отодвигались, уступая ей дорогу.»

Подобными сказками они завлекали поляка день за днем и наконец позволили ему стать свидетелем их таинств. Неясно, стал ли он жертвой подстроенных ими оптических обманов или же собственного распаленного воображения, но в результате он превратился в послушное орудие в их руках и делал все, что

они от него хотели. На этих спиритических сеансах Келли располагался на определенном расстоянии от магического кристалла и устремлял на него пристальный взгляд, в то время как Ди занимал место в углу, готовый запротоколировать пророчества духов, когда они будут их произносить. Действуя таким образом, они напророчествовали поляку, что он станет счастливым обладателем философского камня, проживет столетия и будет избран королем Польши, одержит множество великих побед над сарацинами и прославит свое имя на весь мир. Для этого, однако, требовалось, чтобы Лаский покинул Англию, взяв их с собой вместе с женами и остальными членами семей, и обеспечил им всем роскошную жизнь, не отказывая им ни в чем. Лаский немедленно согласился на предложенные условия, и очень скоро вся означенная компания отправилась в Польшу. Через четыре с лишним месяца они наконец добрались до имений пфальцграфа недалеко от Кракова. В пути они наслаждались жизнью и тратили деньги направо и налево. Обосновавшись в замке пфальцграфа, неразлучная парочка приступила к великому алхимическому опыту по превращению железа в золото. Лаский обеспечивал их всеми необходимыми материалами и лично помогал им своими познаниями в алхимии, но так или иначе сей эксперимент всегда заканчивался неудачей в тот самый момент, когда все должно было получиться, и им приходилось начинать все сначала с еще большим размахом. Но надежды Лаского было не так то легко загубить. Его, убежденного в том, что бесчисленные миллионы не за горами, не пугали предварительные расходы. Так продолжалось день за днем и месяц за месяцем, пока ему в конце концов не пришлось продать часть его заложенных поместий, дабы обеспечить пищей голодные тигли Ди и Келли и не менее голодные желудки их жен и домочадцев. Он очнулся от золотых грез раньше, чем разорение взглянуло ему в лицо, и даже в этот момент был безмерно счастлив сознавать, что избежал полной нищеты. Придя таким образом в чувство, он первым делом решил избавиться от дорогостоящих визитеров. Не желая ссориться с ними, он предложил им проследовать в Прагу с рекомендательными письмами для императора Рудольфа. Наши алхимики со всей очевидностью понимали,

что больше от почти разоренного пфальцграфа Лаского ждать нечего, поэтому они без колебаний приняли это предложение и немедленно отправились к императорской резиденции. По прибытии в Прагу они без труда добились аудиенции у императора. Они поняли, что он готов поверить, что такая вещь, как философский камень существует, и тешили себя надеждой на то, что произвели на него благоприятное впечатление. Однако по той или иной причине, вероятно, из-за коварного и плутовского выражения лица Келли, император остался не очень высокого мнения об их способностях. Он тем не менее позволил им остаться в Праге на несколько месяцев, дав им надежду на то, что он все-таки воспользуется их услугами, но чем больше он думал о них, тем меньше они ему нравились, а когда папский нунций* отсоветовал ему поощрять подобных магов-еретиков, он приказал им покинуть его владения в течение двадцати четырех часов. Алхимикам повезло, что им было отпущено так мало времени, ибо через шесть часов после истечения означенного срока нунций получил приказ посадить их в темницу на всю жизнь или сжечь на костре.

Не зная, куда податься, они решили вернуться в Краков, где у них все еще было несколько друзей, но к этому времени деньги, вытянутые ими у Лаского, были на исходе, и они много дней были вынуждены обходиться без обеда и ужина. Им было очень трудно скрывать от людей свою бедность, но они безропотно терпели лишения, убежденные, что если этот факт станет достоянием гласности, то вздорность их претензий выплывет наружу. Никто бы не поверил, что Ди и Келли являются обладателями философского камня, если бы возникло подозрение, что они не в состоянии себя прокормить. Алхимики худо-бедно перебивались составлением гороскопов, и голодная смерть им не грозила. Так продолжалось до тех пор, пока в их сеть не попала новая, достаточно богатая для их целей жертва в лице царственной особы. Добившись аудиенции у польского короля Стефана, они предсказали ему, что император Рудольф вскоре будет убит, и немцы выберут его преемни-

* Нунций (от лат. *nuntius* — вестник) - постоянный дипломатический представитель папы римского в иностранных государствах; соответствует дипломатическому рангу чрезвычайного и полномочного посла. *Прим. перев.*

ком поляка. Поскольку данное предсказание было недостаточно точным, чтобы удовлетворить короля, они вновь прибегли к помощи кристалла. В результате им явился дух, сообщивший, что новым сувереном Германии будет Стефан Польский. Стефан оказался достаточно легковерным и однажды присутствовал при мистическом собеседовании Келли с призраками его кристалла. Кроме того, он, очевидно, снабжал их деньгами для продолжения алхимических экспериментов, но в конце концов устал от невыполненных ими обещаний и постоянных бессмысленных затрат. Он уже собирался выгнать их с позором, когда они познакомились с еще одним простофилей, к которому незамедлительно переметнулись. Им оказался граф Розенберг, хозяин крупных поместий в местечке Требона, в Богемии. Во дворце этого необычайно щедрого патрона они чувствовали себя настолько вольготно, что прожили там почти четыре года, ни в чем себе не отказывая и имея почти неограниченную власть над деньгами графа. Последний был в большей степени амбициозным, нежели алчным: он был достаточно богат и уповал на философский камень не ради златоделания, но для продления жизни. Его гости, узнав об этой особенности его характера, выдавали ему соответствующие предсказания. Они пророчествовали, что он станет королем Польши, и, сверх того, обещали, что он проживет пятьсот лет, наслаждаясь величием, но лишь при условии, что он выделит им достаточно денег для продолжения экспериментов.

Однако теперь, когда им улыбнулась удача, и они пожинали плоды успешного злодейства, справедливая кара настигла их в обличье, которого они не ждали. Во взаимоотношениях сообщников появились зависть и недоверие, приводившие к столь бурным и частым ссорам, что Ди постоянно боялся разоблачения. Келли считал себя более значительной фигурой, чем Ди (вероятно, по мошенническим стандартам), и был недоволен тем, что во всех случаях и от всех людей последний удостаивается большей чести и большего внимания. Он часто грозился расстаться с Ди и действовать в одиночку; последний же, деградировав до обычного орудия в руках своего более дерзкого компаньона, безмерно страдал от перспективы его ухода. Он был настолько суеверен, что не сомневался в ангельском происхождении большей

части сумбурных пророчеств Келли и не знал, где в целом мире искать человека достаточно образованного и мудрого, чтобы его заменить. По мере того, как их ссоры с каждым днем становились все более частыми, Ди писал письма королеве Елизавете, в которых просил ее обеспечить ему благосклонный прием по его возвращении в Англию, куда он намеревался проследовать, если Келли его бросит. Он также послал ей серебряный кругляш, который, по его словам, он сделал из куска латуни, вырезанного из грелки*. Позднее он отправил ей и саму грелку, дабы она могла убедиться, что кусок серебра точно соответствует отверстию, вырезанному в латуни. Готовясь таким образом к худшему, он больше всего хотел остаться в Богемии с графом Розенбергом, который был к нему благосклонен и очень на него рассчитывал. Келли также не имел никаких весомых причин покидать это место, но им овладела новая страсть, и он вынашивал хитрые планы для ее утоления. Его жена была некрасивой и грубой, а жена Ди - миловидной и покладистой, и он страстно желал поменяться с Ди женами, не возбуждая ревности и не шокируя моральные устои последнего. Это было нелегкой задачей, но для такого человека, как Келли, столь же безнравственного и черствого, сколь и бесстыдного, и изобретательного, сия трудность была преодолимой. Кроме того, он глубоко изучил характер и слабости Ди и собирался использовать их с выгодой для себя. На следующем спиритическом сеансе Келли сделал вид, что возмущен сообщением духов, и отказался поведать Ди, что они сказали. Ди настаивал и узнал, что отныне они должны делить жен друг с другом. Слегка напуганный, он предположил, что духи просто велели им и их семьям жить во взаимном мире и согласии. Келли с явной неохотой вызвал духов еще раз и сказал, что те настаивают на дословной интерпретации. Жалкий фанатик Ди покорился их воле, но Келли нужно было еще немного побыть в роли скромника. Он заявил, что эти духи, должно быть, служат не добру, а злу, и отказался от дальнейшего общения с ними. Вслед за тем он покинул дворец графа, сказав, что больше никогда туда не вернется.

* Имеется в виду металлическая грелка с углями для согревания постели. *Прим. перев.*

Оставшись таким образом без компаньона, Ди страдал и не находил себе места. Он не знал, на кого возложить функции медиума после ухода Келли, но в конце концов остановил свой выбор на собственном сыне Артуре, восьмилетнем ребенке. Он церемонно посвятил его в этот сан и внедрил в детское сознание величественную суть обязанностей, которые тот был призван выполнять, но бедный мальчик не обладал ни воображением, ни верой, ни ловкостью Келли. Согласно отцовским инструкциям, он пристально вглядывался в кристалл, но ничего не видел и не слышал. Наконец, когда у него заболели глаза, он сказал, что видит некую смутную тень и больше ничего. Ди был в отчаянии. Обман продолжался так долго, что самое большое счастье он испытывал в те моменты, когда воображал, что поддерживает общение с высшими созданиями. Он проклинал день расставания с дорогим другом Келли. Именно это Келли и предвидел, и, когда он счел, что доктор уже достаточно настрадался из-за его отсутствия, он неожиданно вернулся и вошел в комнату, где маленький Артур тщетно пытался хоть что-то разглядеть на поверхности кристалла. Ди, комментируя данное обстоятельство в своем журнале, приписывает сие внезапное возвращение «чудесному счастливому случаю» и «божественному жребию» и далее пишет, что Келли сразу увидел духов, остававшихся невидимыми для малолетнего Артура. Один из них снова приказал им обобществить их жен. Келли склонил голову и подчинился, а Ди покорно принял это соглашение как должное.

Это была гнуснейшая моральная деградация. Так они блудили три-четыре месяца, а затем в результате новых ссор опять расстались. На сей раз их расставание было окончательным. Келли, прихватив с собой *elixir,* найденный им в Гластонберийском аббатстве, проследовал в Прагу, забыв о своем внезапном изгнании из этого города. Прибыв туда, он был почти немедленно арестован по приказу императора Рудольфа и брошен в тюрьму. Через несколько месяцев он был освобожден и пять лет странствовал по дорогам Германии, предсказывая будущее в одних местах и прикидываясь златоделателем в других. Келли снова попал в тюрьму по обвинению в ереси и колдовстве, где принял решение вернуться в Англию, если его когда-либо

освободят. Вскоре он понял, что на это нет никакой надежды и что его заключение, скорее всего, будет пожизненным. В одну из ненастных февральских ночей 1595 г. он сплел из постельного белья канат, чтобы спуститься из окна тюрьмы, находящегося на вершине очень высокой башни. Из-за его тучности канат порвался, и беглец упал на землю. Он сломал два ребра и обе ноги и получил столь значительные повреждения внутренних органов, что через несколько дней умер.

Ди какое-то время был более удачлив. Грелка, которую он послал королеве Елизавете, сделала свое дело. Вскоре после расставания с Келли он получил приглашение вернуться в Англию. Его гордыня, крайне униженная до сих пор, приняла былые масштабы, и он, словно посол, отправился в путь из Богемии в сопровождении кортежа. Неясно, откуда у него взялись на это деньги, разве что от щедрот состоятельного богемца Розенберга или в результате банального ограбления последнего. Он с семьей путешествовали в трех каретах, а на трех телегах перевозился его скарб. Каждая карета была запряжена четверкой лошадей, а всю процессию охраняли двадцать четыре солдата. Данное утверждение может показаться сомнительным, но оно основано на показаниях самого Ди, впоследствии данных им под присягой членам комиссии, назначенной Елизаветой для выяснения обоснованности его претензий. По прибытии в Англию он получил аудиенцию у королевы, которая приняла его со всем возможным радушием и отдала приказ не преследовать его за занятия химией и философией. Елизавета полагала, что человек, хвалящийся умением превращать неблагородные металлы в золото, не может нуждаться в деньгах, и поэтому не выказала никаких более весомых знаков одобрения его деятельности, чем моральная поддержка и покровительство.

Таким образом, Ди неожиданно пришлось уповать лишь на свои собственные ресурсы, и он всерьез занялся поисками философского камня. Он непрерывно трудился среди своих печей, реторт и тиглей и едва не отравился ядовитыми испарениями. Он также обращался к своему чудодейственному кристаллу, но духи не являлись. Он попробовал было заменить Келли неким Бартоломью, но поскольку тот не отличался честностью и был напрочь лишен воображения, духи не желали

поддерживать с ним связь. Затем Ди попытал счастья с еще одним «философом» по фамилии Хикмен, но с тем же результатом. Кристалл потерял свою силу с уходом его великого верховного жреца. Ди не мог получить от него никаких сведений о камне или эликсире алхимиков, а все его попытки открыть их иным путем были не только бесплодными, но и дорогостоящими. Вскоре он был доведен до нищеты и принялся писать королеве жалобные письма с просьбами о помощи. Из них королева узнала, что после того, как Ди покинул Англию с пфальцграфом Ласким, его дом в Мортлейке подвергся нападению толпы грабителей, считавших его некромантом и колдуном. Он писал, что они переломали всю его мебель, сожгли его библиотеку, состоявшую из четырех тысяч редких книг, и уничтожили все философские инструменты и диковины его кунсткамеры. Он требовал компенсации за причиненный ущерб и заявлял, что, поскольку он прибыл в Англию по указанию королевы, ей следовало бы оплатить расходы на его путешествие. Елизавета несколько раз посылала ему мелкие суммы денег, но Ди продолжал жаловаться, и была назначена комиссия для выяснения обоснованности его претензий. В конце концов он получил небольшую должность канцлера кафедрального собора св. Павла, которую в 1595 г. сменил на должность ректора колледжа в Манчестере. Он занимал ее до тех пор, пока в 1602 или 1603 г. силы и интеллект не начали изменять, и ему не пришлось уйти в отставку. Ди, будучи почти бедняком, удалился в свой старый дом в Мортлейке, где зарабатывал на жизнь как обычный предсказатель будущего. Ему часто приходилось продавать или закладывать свои книги, дабы иметь возможность пообедать. Он часто обращался за помощью к Иакову I, но неизменно получал отказ. Этого короля, несомненно, позорит тот факт, что единственной наградой, которой он неизменно удостаивал неутомимого Стоу в дни его старости и нужды, было королевское разрешение просить милостыню, но никто не вменит ему в вину пренебрежение таким плутом, как Джон Ди. Ди умер в 1608 г. в возрасте восьмидесяти лет и был похоронен в Мортлейке.

КОСМОПОЛИТ (THE COSMOPOLITE)

У историков нет единого мнения относительно настоящего имени алхимика, написавшего несколько трудов под этим псевдонимом. Большинство из них считает, что он был шотландцем по фамилии Сетон, который разделил судьбу множества алхимиков, слишком громко похвалявшихся своими способностями к трансмутации. Он имел несчастье закончить свои дни в тюрьме, куда был брошен одним германским монархом, потребовавшим от него миллион золотом в качестве выкупа. Некоторые путают его с поляком Михаилом Сендивогом, или Сендивогием, профессором алхимии, наделавшим много шума в Европе в начале семнадцатого века. Ленгле дю Френуа - кладезь информации об алхимиках - склонен считать, что это были разные люди, и сообщает следующие подробности о Космополите, почерпнутые им из книги *«Epistola ad Langelottum»* Георга Морхоффа и трудов других авторов.

Около 1600 года некий Якоб Хауссен, голландский лоцман, стал жертвой кораблекрушения у побережья Шотландии. Джентльмен по имени Александр Сетон отчалил от берега в лодке, спас тонущего голландца и гостеприимно приютил его намного недель в своем доме на берегу моря. Хауссен понял, что его спаситель является заядлым химиком, но в то время они не вели друг с другом никаких разговоров на эту тему. Примерно полтора года спустя Хауссен принял у себя дома в Энкхёйзене, в Голландии, своего бывшего хозяина. Он старался отблагодарить шотландца за его доброту, и между ними завязалась такая крепкая дружба, что Сетон перед уходом предложил голландцу узнать великий секрет философского камня. В его присутствии шотландец превратил большое количество неблагородного металла в чистое золото и отдал ему сей продукт в знак своей дружбы. После этого Сетон расстался с Хауссеном и отправился в Германию. В Дрездене он не делал секрета из своих удивительных способностей, успешно демонстрируя превращение металлов группе ученых мужей этого города. Когда об этом стало

известно курфюрсту Саксонскому, он приказал арестовать алхимика. Шотландца посадили в высокую башню и приставил к нему сорок охранников для исключения возможности побега и предотвращения его контактов с посторонними. Курфюрст нанес несчастному Сетону несколько визитов и использовал все свое красноречие, чтобы убедить его открыть тайну. Сетон упорно отказывался сообщать тирану свой секрет, равно как и делать для него золото, и его подвергли растяжке на дыбе в надежде, что пытка сделает его более сговорчивым. Это оказалось безрезультатным: его не сломили ни посулы курфюрста, ни боязнь боли. Несколько месяцев пытки, чередующейся с лечением, подорвали здоровье этого несчастного, он так исхудал, что походил на живой скелет.

Так случилось, что в это время в Дрездене находился ученый поляк по имени Михаил Сендивогий, потративший много времени и денег на бесплодные алхимические изыскания. Он, сожалея о тяжкой участи Сетона и восхищаясь его неустрашимостью, решил по возможности помочь ему вырваться из лап его угнетателя. Сендивогий попросил у курфюрста разрешения увидеться с алхимиком и не без труда получил его. Он увидел, что тот находится в состоянии крайнего истощения и лишен дневного света в зловонной темнице, и его постели и питанию не позавидовал бы самый закоренелый преступник, находящийся в заключении. Сетон отнесся к предложению обеспечить ему побег с живым интересом и пообещал великодушному поляку, что в случае освобождения он сделает его богаче любого восточного монарха. Сендивогий немедленно приступил к делу: он продал свое поместье под Краковом и на вырученную сумму вел веселую жизнь в Дрездене. Он давал самые элегантные ужины, на которые регулярно приглашал офицеров охраны, особенно тех, кто нес службу в тюрьме алхимика. Наконец он втерся к ним в доверие и смог свободно видеться со своим другом так часто, как ему того хотелось. Он внушил стражникам, что всячески пытается сломить упрямство алхимика и выведать его тайну. Когда план побега был готов, в назначенный день Сендивогий подготовил дилижанс для переправки друга в Польшу. Когда подействовало снотворное, подмешанное им в вино, подаренное охранникам тюрьмы, он без труда нашел способ незаметно перебраться с Сетоном че-

рез стену. Жена Сетона ждала его в дилижансе, имея при себе маленький пакет с черным порошком, который и был философским камнем, или ингредиентом для превращения железа и меди в золото. Они благополучно прибыли в Краков, но Сетон был настолько изнурен пытками и голодом, не говоря уже о пережитых им душевных муках, что жить ему оставалось недолго. Он умер в Кракове в 1603 или 1604 г. и был похоронен на кладбище кафедрального собора этого города. Такова история Космополита, автора различных трудов. Их перечень можно найти в третьем томе *«Истории герметической философии»*.

СЕНАИВОГИЙ (SENDIVOGIUS)

После смерти Сетона Сендивогий женился на его вдове, надеясь узнать от нее алхимические секреты ее покойного мужа. Ему, однако, больше помогла щепотка черного порошка, с помощью которой, согласно утверждениям алхимиков, он превратил большое количество ртути в чистейшее золото. Считается также, что он успешно продемонстрировал сей эксперимент императору Рудольфу II в Праге и что император приказал в память об этом событии прикрепить к стене комнаты, в которой оно произошло, мраморную табличку со следующей надписью: «Facial hoc quispiam alius, quod fecit Sendivogius Polonus»*. Месье Десное, секретарь принцессы Марии Гонзагской, королевы Польши, в своем письме из Варглавы, датированном 1651 г., утверждает, что видел эту табличку, бывшую своего рода достопримечательностью, собственными глазами. Последующие годы жизни Сендивогия освещены в мемуарах, написанных о нем на латыни неким Бродовским, его дворецким, и помещенных Пьером Борелем в его *«Сокровищах галльских древностей»*. Согласно этому источнику, история его жизни выглядит так. Император Рудольф был настолько доволен успехами Сендивогия на ниве златоделания, что сделал его одним из своих государственных советников, а также предложил ему занять пост при

* « Никто другой не делал того, что сделал здесь Сендивогий Польский » (лат.). *Прим. перев*

дворе и жить во дворце. Но Сендивогий любил свободу и отказался стать придворным. Он предпочел поселиться в собственном родовом поместье в местечке Граварна, где долгие годы принимал визитеров с королевским гостеприимством. Свой философский порошок, который, по словам его дворецкого, был красным, а не черным, он держал в маленькой золотой шкатулке. Одной его крупицы было достаточно, чтобы сделать пятьсот дукатов, или тысячу риксдалеров. В качестве исходного металла он обычно использовал ртуть. Когда он путешествовал, то отдавал шкатулку дворецкому, который пристегивал ее к шее золотой цепью. Однако основную часть порошка он прятал в тайник, врезанный в подножку его кареты. Он думал, что, если на него нападут грабители, они не найдут такой тайник. Предчувствуя опасность, он переодевался в одежду своего слуги и, взбираясь на козлы, оставлял слугу внутри. Ему приходилось принимать данные меры предосторожности, потому что ни для кого не было секретом, что он владеет философским камнем, и многие беспринципные авантюристы ждали подходящей возможности ограбить его. Один германский принц, имя которого Бродовский не счел достойным упоминания, сыграл с Сендивогием низменный фокус, послуживший последнему уроком навею оставшуюся жизнь. Сей принц, встав на колени, самым настойчивым образом умолял Сендивогия удовлетворить его любопытство путем превращения ртути в золото в его присутствии. Сендивогий, утомленный его назойливостью, согласился, взяв с него обещание строго хранить тайну. После отъезда Сендивогия принц позвал жившего в его доме немецкого алхимика по имени Муленфельс и рассказал ему об увиденном. Муленфельс попросил выделить под его командование дюжину всадников, дабы он мог догнать философа и либо отнять у него весь порошок, либо вытянуть из него тайну его изготовления. Принц ничего другого и не желал, и Муленфельс в сопровождении двенадцати хорошо вооруженных всадников поскакал за Сендивогием во весь опор. Он нагнал его на одиноком придорожном постоялом дворе, когда тот садился обедать. Сперва Муленфельс пытался убедить его открыть секрет порошка, но, поняв бесполезность этого занятия, приказал своим спутникам раздеть несчастного Сен-

дивогия и привязать его нагишом к одной из колонн дома. Затем он забрал золотую шкатулку с небольшим количеством порошка, манускрипт о философском камне, золотую медаль с цепочкой, подаренную ему императором Рудольфом, и роскошную шапку, украшенную бриллиантами, стоимостью в сто тысяч риксдалеров. С этим награбленным добром он скрылся, оставив Сендивогия голым и прочно привязанным к колонне. С его слугой обошлись аналогичным образом, но как только грабители скрылись из виду, люди с постоялого двора освободили узников.

Сендивогий проследовал в Прагу и пожаловался императору. К принцу немедленно был отправлен посыльный с приказом доставить Муленфельсаи всю его добычу. Принц, напуганный гневом императора, приказал соорудить в своем внутреннем дворе три большие виселицы, на самой высокой из которых вздернули Муленфельса, а на двух других- еще по вору. Тем самым он умилостивил императора и избавился от опасных свидетелей против себя. Одновременно он отправил обратно украденные у Сендивогия шапку с драгоценными камнями, медаль с цепочкой и трактат о философском камне. Что же до порошка, то он заявил, что никогда его не видел и ничего о нем не знает.

Это приключение сделало Сендивогия более благоразумным, и он больше не хотел осуществлять процесс трансмутации в присутствии незнакомцев, как бы настойчиво их ему ни рекомендовали. Кроме того, он притворялся очень бедным и иногда не вставал с постели по нескольку недель, дабы заставить людей поверить, что он страдает от тяжелой болезни и поэтому никоим образом не может быть владельцем философского камня. Время от времени он чеканил фальшивые монеты и выдавал их за золотые, предпочитая считаться скорее плутом, нежели удачливым алхимиком.

Множество других необычных историй рассказывает об этом человеке его дворецкий Бродовский, но они не заслуживают пересказа. Он умер в 1636 г. в возрасте более чем восьмидесяти лет и был похоронен в своей собственной капелле в Граварне. Под его именем издано несколько алхимических трудов.

РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ (THE ROSICRUCIANS)

Орден розенкрейцеров начал становиться европейской сенсацией во времена последи его из упомянутых авторов.Влияние,которое розенкрейцеры за свою недолгую совместную карьеру оказали на умы, и тот неизгладимый отпечаток, который они наложили на европейскую литературу, требует к ним особого внимания. До их появления алхимия была всего лишь низменной манией, они же одухотворили и облагородили ее. Розенкрейцеры также расширили ее сферу и предположили, что обладание философским камнем является средством не только обогащения, но и обретения здоровья и счастья, а также инструментом, посредством которого человек может подчинять себе сверхъестественные создания, управлять стихиями, повелевать временем и пространством и приобретать самые глубокие знания обо всех тайнах мироздания. Эти идеи, необузданные и мечтательные по своей природе, имели и положительную сторону, очищая суеверия европейцев от порожденных монахами мрачных и отвратительных персонажей потустороннего мира и заменяя их на кротких, грациозных и великодушных существ.

Принято считать, что название ордена произошло от фамилии немецкого философа Христиана Розенкрейца (которая переводится как «Розовый крест»), совершившего путешествие в Палестину в конце четырнадцатого века. Когда он тяжело заболел в местечке под названием Дамкар, к нему явилось несколько ученых-арабов, которые объявили его своим собратом по науке и по наитию сообщили ему все тайны его предыдущей жизни - все его мысли и поступки. Они исцелили его с помощью философского камня, а затем посвятили его во все свои таинства. Розенкрейц вернулся в Европу в 1401 г., будучи всего двадцати трех лет от роду, и сплотил вокруг себя определенное число своих друзей-избранных, которых он посвятил в новую науку и связал торжественной клятвой хранить ее в тайне сто лет. Считается, что после этого он прожил восемьдесят три года и умер в 1484 г.

Многие авторы отрицают существование такой фигуры, как Розенкрейц, и относят дату возникновения ордена к гораздо более поздней эпохе. Они пишут, что его истоки нужно искать в теориях Парацельса и видениях доктора Ди, которые, не имея на то намерения, стали фактическими, хотя никогда и не признанными основателями философии розенкрейцеров. Сегодня трудно и в сущности невозможно наверняка определить, почерпнули ли Ди и Парацельс свои идеи у загадочных и неизвестных в ту пору розенкрейцеров, или же розенкрейцеры просто последовали идеям Ди и Парацельса и усовершенствовали их. Достоверно известно лишь то, что о существовании розенкрейцеров никто не подозревал до 1605 года, когда они начали привлекать к себе внимание в Германии. Как только их доктрины были обнародованы, все провидцы, парацельсисты и алхимики поспешили присоединиться к этому учению и превозносили Розенкрейца как нового преобразователя рода человеческого. Михаэль Майер, знаменитый врач той поры, подорвавший свое здоровье и растративший свое состояние в поисках философского камня, составил отчет о принципах и законах нового братства, изданный в Кёльне в 1615 году. Прежде всего они утверждали, что размышления их основателей охватывают все сферы, начиная с сотворения мира, не исключая даже богооткровений; что их предназначение - достижение всеобщего мира и духовное возрождение человека до наступления конца света; что они в высшей степени мудры и набожны; что они владеют всеми природными добродетелями и могут наделить ими в желанном объеме все остальное человечество; что они не испытывают ни голода, ни жажды, ни болезней, ни старости - вообще никакого природного дискомфорта; что всякого, кто достоин быть допущенным в их общество, они узнают по наитию и с первого взгляда; что их знания всеобъемлющи настолько, как если бы они жили от сотворения мира и все это время их пополняли; что у них есть книга, в которой они могут прочесть все, что когда-либо было или когда-либо будет написано в других книгах до скончания времен; что они могут вызывать и оставлять у себя в услужении самых могущественных духов и демонов; что посредством своих песен они могут притягивать жемчужины и драгоценные камни из морс-

ких глубин или земных недр; что Бог накрыл их плотным облаком, посредством которого они способны укрываться от злобности врагов и делать себя невидимыми для всех остальных; что первые восемь братьев их ордена наделены способностью исцелять от всех недугов; что усилиями братства папская тиара будет обращена в прах; что они признают только два таинства с обновленными ими обрядами древнего христианства, что они признают Четвертую монархию и считают императора Священной Римской империи своим повелителем и повелителем всех христиан; что в силу неисчерпаемости их сокровищ они принесут императору больше золота, чем король Испании вывез из золотоносных регионов Ост- и Вест-Индии. Это было их вероисповеданием. Правил их поведения было шесть, и они следующие:

1. Путешествуя, они должны безвозмездно лечить все болезни.
2. Они всегда должны одеваться в соответствии с модой страны проживания.
3. Они должны один раз ежегодно встречаться в назначенном братством месте или присылать аргументированное письменное оправдание своего отсутствия.
4. Каждый член братства, когда бы он ни почувствовал приближение смерти, обязан найти себе достойного преемника.
5. Паролем для их взаимной идентификации должно быть слово «розенкрейцеры».
6. Существование их братства должно храниться в тайне сто двадцать лет.

Они утверждали, что сии законы вписаны золотом в книгу, найденную в могиле Розенкрейца и что сто двадцать лет со дня его смерти истекли в 1604 г. Таким образом, они имели право опубликовать свою доктрину во благо человечества*.

* В газете *«Спектейтор» за* номером 379 опубликована следующая легенда о могиле Розенкрейца, написанная Юстасом Баджеллом: «Один человек, раскапывавший захоронение этого философа, наткнулся на небольшую дверь в стене. Любопытство и надежда найти клад побудили его взломать дверь. Сделав это, он был удивлен ярким светом и увидел прекрасно сохранившийся склеп. В верхней его части находилась статуя человека в доспехах, сидящая у стола и...

Восемь лет эти энтузиасты обращали в свою веру население Германии, но почти не привлекали к себе внимание в других частях Европы. Наконец они появились в Париже и привели в смятение всех ученых, легковерных и любителей чудес. Однажды утром, в начале марта 1623 г., парижане с удивлением обнаружили, что на стенах их домов расклеен следующий необычайный манифест:

«Мы, депутаты коллегии братства Розового креста, поселились, видимые и невидимые, в этом городе с благоволения высших сил, к коим обращены сердца праведников. Мы объясняем и учим без книг или символов и говорим на языках всех стран нашего пребывания, дабы избавить людей, наших собратьев, от греха и от смерти».

Долгое время сие странное объявление было единственным предметом обсуждения во всех общественных местах. Кто-то удивлялся, но большинство людей просто смеялось над ним. В течение нескольких недель были изданы две книги, поднявшие первую тревогу в отношении этого таинственного общества, местонахождение которого никто не знал, и членов которого никто никогда не видел. Первая называлась *«Ужасные соглашения, заключенные между дьяволом и так называемыми «невидимыми»; содержащиеся в них отвратительные инструкции; плачевное разорение тех, кто им следует, и их жалкий конец».* Название второй гласило: *«Исследование новой неизвестной каббалы братьев Розового креста, поселившихся в последнее время в городе Париже; история их обычаев, творимые ими чудеса и множество других подробностей».*

...опирающаяся на левую руку. В правой руке она держала жезл, а на столе стояла горящая лампа. Как только человек сделал первый шаг в склеп, статуя выпрямилась и встала из-за стола. Человек сделал еще один шаг, и статуя подняла правую руку с жезлом. Когда же человек сделал третий шаг, статуя яростным ударом разбила лампу на тысячу кусков, и склеп тут же погрузился в темноту. Согласно отчету об этом происшествии, к захоронению пришли селяне с фонарями, обнаружившие, что медная статуя является всего-навсего частью механизма, а пол в склепе состоит из нескольких подвижных секций, подпертых пружинами, что и явилось естественной (и запланированной создателями склепа) причиной происшедшего.

Розенкрейц, как утверждают его последователи, показал таким образом миру, что он повторно изобрел неугасимые лампы древних, однако твердо решил, что никто не должен извлечь выгоду из этого открытия». *Прим. авт.*

Данные книги быстро разошлись. Всем не терпелось хоть что-нибудь узнать об этом страшном тайном братстве. Парижские *badauds** были так встревожены, что ежедневно ожидали увидеть сатану, дефилирующего среди них *in propria persona***. В этих книгах говорилось, что всего общество розенкрейцеров насчитывает тридцать шесть членов, которые отреклись от крещения и не уповают на воскрешение к судному дню. И вовсе не ангелы добра, как они заявляют, помогают им творить чудеса, а дьявол дарует им способность переноситься из одного конца света в другой со скоростью мысли, говорить на всех языках, всегда иметь полные кошельки, независимо от затрат, быть невидимками и проникать в самые потайные места, невзирая на засовы, а также узнавать тайны прошлого и предсказывать будущее. Эти тридцать шесть братьев разделены на группы: лишь шестеро из них были отправлены с миссией в Париж, шестеро — в Италию, шестеро — в Испанию, шестеро — в Германию, четверо — в Швецию, двое — в Швейцарию, двое — во Фландрию, двое - в Лотарингию*** и двое - во Франш-Конте****. Ходила молва, что миссионеры, посланные во Францию, поселились где-то в Маре-дю-Тампль. Этот парижский квартал вскоре приобрел дурную славу, и люди не хотели там жить, опасаясь, что их выгонят из дому шестеро розенкрейцеров-невидимок. Простолюдины и многие из тех, чье образование заслуживало лучшей участи, верили, что сии таинственные персоны посещают постоялые дворы и гостиницы Парижа, где уплетают самую лучшую еду и пьют самые изысканные вина, а затем вдруг бесследно исчезают, когда хозяева означенных заведений предъявляют им счет. Кроткие девушки, ложившиеся спать в одиночестве, часто просыпались ночью и обнаруживали в своих постелях мужчин красивее греческого бога Аполлона, которые тут же становились невидимыми, когда девицы поднимали тревогу. Рас-

* Зеваки, ротозеи (фр.) *Прим. перев.*

** собственной персоной (лат.) *Прим. перев.*

*** Лотарингия — историческая область на Востоке Франции, в бассейне реки Мозель. В X в. - 1766 (с перерывами) - герцогство. *Прим. перев.*

**** Франш-Конте — историческая провинция на Востоке Франции, в бассейне Соны, частично в горах Юры. В X в. на территории Ф.-К. было образовано графство Бургундия, за которым в XIV в. закрепилось название Ф.-К. («свободное графство»). *Прим. перев.*

сказывали также, что множество людей находили в своих домах груды золота, не понимая, откуда те появились. Весь Париж был взбудоражен. Ни один человек не мог не опасаться за свое имущество, ни одна девица - за свою девственность и ни одна жена- за свое целомудрие, пока эти розенкрейцеры находились у них в городе. В разгаре смятения вышел второй плакат следующего содержания:

> *«Если кто-то желает увидеть братьев-розенкрейцеров просто из любопытства, то этот человек никогда не вступит с нами в контакт. Но если его* воля *действительно побуждает его вписать свое имя в список нашего братства, то мы, способные читать мысли всех людей, убедим его в правдивости наших обещаний. По этой причине мы и не сообщаем миру о нашем местонахождении. Одного мышления в сочетании с искренней* волей *тех, кто хочет узнать нас, достаточно для того, чтобы познакомить их с нами и нас с ними.»*

Хотя существование такой организации, как розенкрейцеры, вызывало сомнение, было совершенно очевидно, что кто-то занимается распространением данных объявлений, расклеенных на всех парижских стенах. Полиция тщетно пыталась выйти на преступников, а ее желание добиться успеха лишь усугубляло растерянность горожан. Очень скоро за это дело взялась церковь, и аббат Готье, иезуит, написал книгу, призванную доказать, что в силу враждебности розенкрейцеров по отношению к Папе Римскому они являются последователями Лютера, засланными для пропаганды его ереси. Одно их название, добавлял он, доказывает, что они еретики, ибо *крест,* увенчанный *розой,* представляет собой геральдическую эмблему архи еретика Лютера. Некий Гарасс утверждал, что они являются братством пьяниц-самозванцев, название которых происходит от гирлянды роз в форме креста, вешавшейся в Германии над столами в трактирах в качестве эмблемы секретности, откуда пошла расхожая фраза «сказать под розой», то есть сообщить свой секрет другому человеку. Другие интерпретировали

аббревиатуру F.R.C*. не как «Братство розового креста», а как *«Fratres Roris Cacti»,* то есть «Братья кипяченой росы», и объясняли сие название утверждением, что последние собирают в больших количествах утреннюю росу и кипятят ее, дабы получить экстракт очень ценного ингредиента, входящего в состав философского камня и живой воды.

Атакуемое таким образом братство защищалось как могло. Они отрицали использование какой бы то ни было магии или общение с дьяволом. Розенкрейцеры заявляли, что счастливы оттого, что уже прожили более ста лет и рассчитывают прожить еще много веков, и что глубокие знания о природе были переданы им самим Всевышним в награду за их набожность и исключительно преданное служение ему. Ошибаются, утверждали они, те, кто связывает происхождение их названия с крестом из роз или называет их пьяницами. Относительно первого они снова и снова заявляли, что название ордена произошло от фамилии его основателя Христиана Розенкрейца, а в ответ на второе обвинение повторяли, что не знают, что такое жажда, и предаются более возвышенным удовольствиям, чем те, кто ее испытывает. Они не хотят вмешиваться в политику или религию какого-либо человека или группы людей, хотя и не смогли удержаться от отрицания верховной власти Папы Римского и обвинения его в тирании. Розенкрейцеры заявляли, что о них распускают клеветнические слухи, наиболее несправедливым из которых является измышление о том, что они предаются похоти, проникая под покровом своей невидимости в спальни хорошеньких девиц. Напротив, утверждало братство, первым обетом, который они дают, вступая в общество, является обет целомудрия, любой же из них, кто его нарушит, немедленно лишится всех своих преимуществ и вновь станет беззащитным перед голодом, лишениями, болезнями и смертью, как обычный человек. Они столь ревностно относятся к целомудрию, что видят причину грехопадения Адама в нехватке у него сей добродетели. Помимо самозащиты братство приступило к дальнейшему декларированию своих постулатов. Его члены навсегда отказывались от всех старообразных представлений о колду-

* Fraternity of the Rose-cross — Братство Розового креста (англ.) *Прим. перев.*

нах, ведьмах и о связи с дьяволом. Они отрицали существование столь ужасных, противоестественных и отвратительных тварей, как инкубы и суккубы* и бесчисленные нелепые бесы, в которых человек верил в течение многих столетий. Человек, развивали они свою мысль, окружен не врагами, подобными вышеназванным, а мириадами прекрасных и милосердных созданий, всегда готовых прийти ему на помощь. Воздух населен сильфами, вода - ундинами, недра земли - гномами, а огонь - саламандрами. Все эти создания - друзья людей, которые больше всего хотят, чтобы последние очистились от любой скверны и получили таким образом возможность видеть их и общаться с ними. Они обладают великой силой и не скованы ограничениями пространства, времени и материи. Но в одном человек их превосходит. У него есть бессмертная душа, которой духи не обладают, а посему обречены на смерть. Они могут, однако, разделить с людьми бессмертие, если им удастся разжечь в сердцах людей любовь к ним (духам). Таким образом, духи женского пола постоянно стремятся очаровать мужчин, а гномы, сильфы, саламандры и ундины мужского пола-женщин. Объекты этой страсти, отвечая духам взаимностью, передают им часть божественного огня - души, и с этого момента влюбленные становятся равными объектам их любви и вместе с ними согласно божественному жребию вступают в чертоги вечного блаженства. Эти духи, утверждали розенкрейцеры, непрерывно наблюдают за человечеством днем и ночью. В их компетенции находятся сны, предзнаменования и предчувствия, а также способы предупреждения о надвигающейся опасности. Однако несмотря на их склонность помогать людям ради них же самих, потребность в душе временами делает их капризными и мстительными, они обижаются по малейшему поводу и причиняют зло вместо блага тем, кто убивает в себе разумное начало обжорством, пьянством и прочими низменными инстинктами.

Несколько месяцев спустя возбуждение парижан, инспирированное плакатами братства и нападками духовенства, само

* Инкуб — демон в обличье мужчины, соблазняющий спящих. Суккуб — 1) демон в обличье женщины, соблазняющий спящих; 2) лицо мужского или женского пола, вступающее во сне в половую связь с инкубом. *Прим. перев.*

собой сошло на нет. Истории о розенкрейцерах стали в конце концов чересчур абсурдными даже для того суеверного времени, и люди вновь принялись смеяться над этими незримыми господами и их фантастическими доктринами. В сложившихся условиях Габриэль Ноде опубликовал свое сочинение *«Avis a la France sur les Freres de la Rose-croix»,* в котором весьма успешно разоблачил вздорность нового ордена. Сей труд, пусть и не слишком хорошо написанный, появился в нужное время. Он нанес смертельный удар розенкрейцерам во Франции, и в следующем году о них почти ничего не было слышно. Мошенники в разных частях страны временами присваивали себе это название, чтобы замаскировать банальный грабеж, и время от времени их отлавливали и вешали за слишком большое мастерство переманивания жемчугов и драгоценных камней из карманов других людей в их собственные или за то, что они выдавали куски позолоченной латуни за чистое золото, сделанное посредством философского камня. Не считая этих случаев, розенкрейцеров окутала пелена забвения.

Их доктрина, однако, получила распространение не только во Франции: она все еще процветала в Германии и завоевала множество умов в Англии. Эти страны породили двух ее великих магистров в лице Якоба Бёмена и Роберта Фладда - «философов», чьи идеи отличаются, пожалуй, наибольшей нелепостью и экстравагантностью. По всей видимости, орден разделился на две ветви - на братьев *Rosae Cruets*,* посвятивших себя чудесам земным, и братьев *Aurae Cruris**,* полностью сосредоточившихся на вещах божественных. Фладд принадлежал к первой категории, а Бёмен - ко второй. Фладда можно назвать отцом английских розенкрейцеров, достойным занять видное место в храме Глупости.

Он родился в 1574 году в местечке Милгейт, в графстве Кент, и был сыном сэра Томаса Фладда, военного казначея королевы Елизаветы. Его поначалу собирались отдать на военную службу, но он слишком любил учебу и был чересчур склонен к тишине и уединению, чтобы блистать на данном поприще. Поэтому отец не стал навязывать сыну выбор жизненного пути, к которому

* Розового креста (лат.) *Прим. перев.*

** Золотого креста (лат.) *Прим. перев.*

тот был не приспособлен, и поощрял его занятия медициной, интерес к которой тот демонстрировал с ранних лет. В двадцать пять лет он отправился на континент, где, будучи любителем всего малопонятного, чудесного и непостижимого, стал ревностным последователем учения Парацельса, которого считал новатором в области не только медицины, но и философии. Он провел шесть лет в Италии, во Франции и в Германии, загружая свой разум фантастическими идеями и ища общества подобных ему энтузиастов и мечтателей. Вернувшись в Англию в 1605 г., он получил в Оксфордском университете степень доктора медицины и начал врачебную практику в Лондоне.

Вскоре он обратил на себя внимание. Он латинизировал свое имя из Роберта Фладда в Робертуса а Флуктибуса (Роберта Флуктибского) и начал пропагандировать множество странных теорий. Он открыто признал свою веру в философский камень, живую воду и универсальный растворитель, и утверждал, что существует только две первопричины всего сущего - сгущение, бореальная (северная) сила, и разжижение, австральная (южная) сила. Фладд утверждал, что человеческим телом правит некоторое количество демонов, расположенных в форме ромбоида. Каждая болезнь имеет своего конкретного демона, который ее вызывает и может быть побежден только с помощью того демона, который находится прямо напротив него в ромбоидальной фигуре. К его медицинским воззрениям мы вернемся во втором томе, где на их основе он причисляется к прародителям магнетического заблуждения и его ответвления -животного магнетизма, вызвавшего сенсацию в наше время.

Словно считая свои доктрины недостаточно абсурдными, он присоединился к розенкрейцерам, как только те начали вызывать общеевропейский резонанс, и добился широкой известности своей персоны в их кругах. Братство подвергалось яростным нападкам некоторых немецких авторов, в том числе Либавия, и Фладд по собственной инициативе дал ему ответ, опубликовав в 1616 г. сочинение в защиту розенкрейцерской философии, озаглавленное *«Apologia compendiaria Fraternitatem de Rosea-cruce suspicionis et infamiae maculis aspersam abluens»**.

* «Защита Братства Розенкрейцеров от бесчестия и подозрений, пятнающих их» *Прим.перев*

Сей труд немедленно прославил его на континенте, и с тех пор он считался одним из первосвященников ордена. Его авторитет был столь высок, что Кеплер* и Гассенди** сочли необходимым опровергнуть его теории, и последний написал на них развернутую рецензию. Не остался в стороне и Мерсенн***, друг Декарта****. Он обрушился на доктора Флуктибского (как тот предпочитал, чтобы его называли) и вскрыл абсурдность доктрин братства Розового креста вообще и доктора Флуктибского в частности. Флуктибский написал обстоятельный ответ, в котором назвал Мерсенна невежественным клеветником и вновь повторил, что алхимия - наука полезная, а розенкрейцеры достойны быть преобразователями мира. Эта книга, изданная во Франкфурте, была озаглавлена *«Summum Bonum, quod est Magiae, Cabalae, Akhimiae, Fratrum Rosae-Crucis verorum, et adversus Mersenium Calumniatorem*******. Помимо этого, он написал несколько других трактатов по алхимии, второй ответ Либавию о розенкрейцерах и множество медицинских трудов. Он умер в Лондоне в 1637г.

После его смерти членов ордена в Англии поубавилось. Они не привлекали к себе сколько-нибудь значительного внимания, дай не стремились к этому. Время от времени появлялся какой-нибудь незаметный и почти непостижимый труд, чтобы показать людям, что безумие еще не кончилось. Евгений Филалет, известный алхимик, скрывавший свое настоящее имя под этим псевдонимом, перевел книгу *«Слава и исповедь братства Розового креста»,* изданную в Лондоне в 1652 г. Несколько лет спустя еще один энтузиаст по имени Джон Хейдон написал два труда на эту тему: *«Корона мудреца, или Слава Розового креста»* и *«Священный путеводитель, объясняющий, как соединить*

* Иоганн Кеплер (1571 — 1630) — немецкий астроном, один из создателей астрономии нового времени. *Прим. перев.*

** Пьер Гассенди (1592 - 1655) — французский философ-материалист, математик и астроном. *Прим. перев.*

*** Марен Мерсенн (1588 — 1648) — французский физик. *Прим. перев.*

**** Рене Декарт (1596 - 1650) - французский философ, математик, физик и физиолог. *Прим. перев.*

***** «Противопоставление истинного Высшего добра, коим является волшебство, каббала, алхимия и Братство Розенкрейцеров коварству Мерсенна» *Прим. перев.*

искусство и природу с постулатами Розового креста». Ни один из них не привлек большого внимания. Третья его книга имела несколько больший успех, она называлась *«Новая система розенкрейцерской медицины Джона Хейдона, слуги божьего, посвященного в тайны природы».* Для демонстрации идей английских розенкрейцеров того периода приведу несколько отрывков из этого сочинения. Его автор был поверенным, «практикующим в Вестминстер-холле во время судебных сессий в течение всей жизни и посвящающим себя в часы досуга размышлениям об алхимии и розенкрейцерской философии». В предисловии, названном «Аполог* вместо эпилога», он проливает свет на подлинную историю и догматы своего ордена. По его словам, древнейшими магистрами розенкрейцерской философии были Моисей, Илия и Иезекииль. Те немногие розенкрейцеры - современники автора, жившие в Англии и других европейских странах, были глазами и ушами владыки мироздания, всевидящими и всеслышащими, озаренными неземным светом, компаньонами святых бестелесных душ и бессмертных ангелов, принимающими, подобно Протею**, любое обличье и способными творить чудеса. Самые набожные и отрешенные из братьев могли гасить эпидемии чумы в городах, утихомиривать неистовые ветры и бури, успокаивать бурные моря и реки, ходить по воздуху, сводить на нет козни ведьм, лечить все болезни и превращать все металлы в золото. Хейдон был лично знаком с двумя знаменитыми братьями Розового креста по имени Уолфорд и Уильяме, творившими чудеса у него на глазах и научившими его многим замечательным астрологическим приемам и предсказанию землетрясений. «Я попросил одного из них сказать мне, — пишет он, - достоин ли человек моего душевного склада находиться в обществе моего доброго гения. «Когда я увижу тебя вновь, — ответил он (то есть, когда он захочет прийти ко мне, ибо я не знал, где его искать), - то обязательно скажу тебе.» При нашей следующей встрече он сказал: «Ты должен молиться Всевышнему, потому что добрый и благочестивый чело-

* Здесь: нравоучение, наставление на путь истинный. *Прим. перев.*

** Протей - персонаж древнегреческой мифологии. *Прим. перев.*

век не может предложить ему большей услуги, чем пожертвование частицы самого себя - своей души.» Он также сказал, что добрые гении являются милостивыми очами Бога, которые носятся туда-сюда по свету, с любовью и жалостью взирая на простодушные устремления невинных и честных людей, и всегда готовы делать им добро и помогать.»

Хейдон искренне верил в розенкрейцерский догмат, гласивший, что ни еда, ни питье не являются для человека необходимостью. Он утверждал, что всякий может прожить так же, как тот необычный народ, живущий у истоков Ганга, о котором упоминает в книге о своих путешествиях однофамилец, сэр Кристофер Хейдон. У него был завязан рот, в силу чего он не мог есть, но жил за счет дыхания, исходящего из ноздрей представителей этого народа, за исключением тех случаев, когда они совершали далекое путешествие и улучшали свою «диету» запахом цветов. Джон Хейдон пишет, что в действительно чистом воздухе «витает неизвестная питательная субстанция» и что этой смеси, пронизанной солнечными лучами, вполне достаточно для пропитания большинства людей. Что же до тех, чей аппетит непомерен, то он не против того, чтобы они питались обычной пищей, так как они не могут без нее обойтись, однако упорно настаивает на том, что нет никакой необходимости ее *есть.* Если они приложат к надчревной области пластырь из хорошо приготовленной еды, это полностью насытит самых дюжих и прожорливых! Таким образом людям удастся избежать болезней, которыми они в большинстве случаев заражаются через рот. Это касается и питья: если бы человек сидел в воде, пить бы ему все равно не захотелось. Он пишет, что знал множество розенкрейцеров, которые, применяя означенным способом вино, вместе постились годами. В сущности, - заявляет Хейдон, — мы можем без труда поститься всю жизнь, длись она хоть триста лет, и обходиться без пищи, исключая тем самым всякий риск заболеть.»

Сей «мудрый философ» далее сообщает озадаченным современникам, что лидеры ордена всегда приносят на место их встречи символ, так называемый R.C*., представляющий собой крест

* Rose-cross - здесь: крест, украшенный розами. *Прим. перев.*

из черного дерева, украшенный золотыми розами; крест при этом символизирует страдания Христа за наши грехи, а золотые розы - славу и красу его воскресения. Данный символ доставляется попеременно в Мекку, на гору Голгофа, на гору Синай, в Харан и в три других места (находящиеся, должно быть, между небом и землей): *Касле, Апамию* и *Шолато-Вирисса-Конюш,* где братья-розенкрейцеры встречаются, когда им заблагорассудится, и выносят резолюцию по всем своим делам. Они всегда с удовольствием прибывают в одно из этих мест, где улаживают все мировые проблемы дней минувших, дней настоящих и дней грядущих, от начала до конца света. «И это, - патетически подытоживает Хейдон, - люди, имя которым - розенкрейцеры!»

К концу семнадцатого века орденом, все еще хвалившимся некоторыми его членами, завладели более рациональные идеи. Розенкрейцеры того периода, похоже, считали, что истинным философским камнем является удовлетворенность судьбой, и отказались от безумных поисков обычного плода воображения. Аддисон* написал для *«Спектейтора»*** репортаж о своем разговоре с одним розенкрейцером, из которого можно сделать вывод, что орден поумнел в своих деяниях, не прибавив ума изречениям его членов. «Однажды, - пишет он, - я беседовал с одним розенкрейцером о великом секрете. Он говорил об этом секрете как о духе, живущем внутри изумруда и превращающем все, что находится вблизи него, в высочайшее совершенство предмета превращения. «Люстру, - заявил он, - превращает в солнце, а воду- в алмаз. Он облучает все металлы и наделяет свинец всеми свойствами золота. Он возвышает дым до пламени, пламя - до света, а свет - до нимба.» Затем он добавил, что его единственный луч рассеивает боль, тревогу и уныние человека, на которого он попадает. «Короче говоря, - сказал он, - его присутствие естественным образом превращает любое место в своего рода рай на Земле.» Послушав еще некоторое время его невнятные разглагольствования, я пришел к выводу, что он смешивает в одну кучу физические явления и абстрактные категории, а его великий секрет не что иное, как удовлетворение.»

* Джозеф Аддисон (1672 - 1719) - английский писатель. *Прим. перев.*

** N 574, пятница, 30 июля 1714 г. *Прим. авт.*

ЯКОБ БЁМЕН (JACOB BOHMEN)

Пора рассказать о Якобе Бёмене, который думал, что сможет открыть тайну превращения металлов, читая Библию, и придумал странную гетерогенную теорию, смешав алхимию с религией, после чего основал исповедующий ее орден ауреакрейцеров. Он родился в Гёрлице, что в Верхней Лусатии, в 1575 г., и до тридцати одного года работал сапожником. Будучи мечтателем и обладая беспокойным складом ума, он пребывал в неизвестности до тех пор, пока к 1607 или 1608 г. на данную часть Германии не распространилась розенкрейцерская философия. С этого времени он начал пренебрегать своими обязанностями и с головой окунулся в метафизический вздор. К нему в руки попали сочинения Парацельса, которые наряду с мечтаниями розенкрейцеров настолько поглотили его внимание, что он совершенно забросил свое ремесло, сменив таким образом относительную финансовую независимость на бедность и лишения. Однако нимало не смутившись данным обстоятельством, он сосредоточил свои помыслы на потусторонних созданиях и возомнил себя новым апостолом рода человеческого. В 1612 году, после четырехлетних раздумий, он опубликовал свой первый труд, озаглавленный *«Аврора, или Солнце восходит»,* объединяющий в себе смехотворные воззрения Парацельса, только еще более запутанные. Он утверждал, что философский камень можно открыть путем старательного изучения Ветхого и Нового Заветов, особенно Апокалипсиса*, который сам по себе содержит все секреты алхимии. Он заявлял также, что милость господня подчиняется тем же правилам и следует той же методике, что и божественное провидение, наблюдаемое на этом свете, и что людские умы очищаются от порока и разврата точно так же, как металлы очищаются от шлака, - огнем.

* Последняя книга Нового Завета. *Прим. перев.*

Помимо сильфов, гномов, ундин и саламандр, он допускал существование демонов различных категорий и видов. Он заявлял о своей способности становиться невидимкой и претендовал на абсолютное целомудрие. Он также утверждал, что при желании может годами воздерживаться от еды, питья и предметов первой необходимости. Однако нет нужды продолжать список его вздорных заявлений. За эту книгу он получил выговор от магистратуры Гёрлица, и ему велели оставить перо в покое и вернуться к своему ремеслу, чтобы его семью не перевели на пособие по бедности. Он пренебрег этим добрым советом и продолжил свои изыскания, посвящая одни дни сжиганию минералов и очистке металлов, а другие - толкованию Священного Писания с точки зрения алхимии. Он написал еще три труда, столь же возвышенно-нелепых, как и первый. Первый назывался *«Металлургия»* и был наименее невразумительным из всех его сочинений. Второй назывался *«Бренное зеркало вечности»,* а третий, полный аллегорий и метафор, - *«Секреты теософии».*

«All strange and geason,
Devoid of sense and ordinary reason.»*

Бёмен скончался в 1624 г., оставив после себя большое количество преданных последователей. Многие из них в семнадцатом столетии приобрели столь же сомнительную славу, что и их учитель; из них заслуживают упоминания Гифтхайль, Венденхаген, Иоганн Якоб Циммерманн и Авраам Франкенберг. За свою ересь они подвергались гонениям со стороны католической церкви, и многие пережили длительное тюремное заключение и пытки. Одного из них, Кульманна, заживо сожгли в Москве в 1684 г. по обвинению в колдовстве. Труды Бёмена были переведены на английский язык и много лет спустя опубликованы энтузиастом по имени Уильям Ло.

* Все странное и сумасбродное лишено элементарного здравого смысла. *Прим. перев.*

МОРМИЙ (MORMIUS)

Петр Мормий, известный алхимик и современник Бёмена, в 1630 г. попытался дать ход розенкрейцерской философии в Голландии. Он обратился к Генеральным штатам* с просьбой о разрешении выступить на их заседании и объяснить принципы ордена, а также изложить план превращения Голландии в счастливейшую И богатейшую страну мира с помощью философского камня и элементалов**. Генеральные штаты благоразумно отказались иметь с ним дело. Оскорбленный, он решил опозорить их в своей книге, которая в том же году была издана в Лейдене. Она называлась *«Книга самых сокровенных тайн природы»* и была разделена на три части. В первой рассказывалось о «вечном движении», во второй - о «превращении металлов», а в третьей - об «универсальной медицине». Кроме того, в 1617 г. во Франкфурте вышло несколько трудов Мормия по розенкрейцерской философии на немецком языке.

Поэзия и романтическая литература находятся у розенкрейцеров в неоплатном долгу. Сочинения английских, французских и немецких литераторов изобилуют позаимствованными у них прелестными существами. Наиболее известен «изысканный Ариэль» Шекспира. Среди прочих -грациозные обитатели гардеробной Белинды из восхитительной поэмы *«Похищение локона»* (Поп) и прелестная капризная русалка Ундина (Ла Мотт Фуке), которую автор наделил таким изяществом и очарованием, и к воображаемым страданиям которой он отнесся с таким сочувствием, какого не удостаивалось ни одно сверхъестественное создание. Множество русалочьих атрибутов имеет Белая леди из Звенела сэра Вальтера Скотта. Немецкая романтическая литература и лирическая поэзия изобилуют сильфами, гномами, ундинами и саламандрами. Не отставали от немцев и

* Здесь — высшее сословие-представительское учреждение в Нидерландах исторических (с 1463 г.) *Прим. перев.*

** Элементалы (элементалии) - первоначальные духи, пытающиеся влюбить в себя людей. *Прим. перев.*

французские литераторы, заменяя ими персонажей более громоздкой мифологии Греции и Рима. Сильфы и сильфиды были излюбленными героями менестрелей и настолько прочно вошли в массовое сознание, что их порой путали с другими безупречными созданиями - эльфами и феями, сказания о которых имеют гораздо более древнюю историю. Будучи столь обязанным розенкрейцерам, ни один любитель поэзии не может не отдать должное этому философскому ордену, сколь абсурдными бы ни были воззрения его членов.

БОРРИ (BORRI)

В то время, когда Михаэль Майер знакомил мир с доктринами розенкрейцеров, в Италии родился человек, которому впоследствии суждено было стать наиболее выдающимся членом их братства. Алхимическая мания никогда не вызывала к жизни столь явного и столь преуспевшего самозванца, как Джузеппе Франческо Борри. Он родился в 1616 г. (по другим источникам, в 1627 г.) в Милане, где его отец, синьор Бранда Борри, был доктором. В шестнадцать лет Джузеппе был для завершения образования отправлен в римскую иезуитскую школу, где проявил феноменальную память. Он без малейшего труда выучивал любой материал. Он запоминал все, даже самые незначительные факты из самых толстых томов, и не было предмета изучения, недоступного его пониманию, но все преимущества, которые он мог извлечь из своих способностей, сводились на нет его необузданными страстями и любовью к шумным кутежам. У него постоянно возникали проблемы как со школьным начальством, так и с римской полицией, и он приобрел столь скверную репутацию, что для ее улучшения потребовались бы долгие годы. С помощью друзей Борри стал врачом в Риме и получил должность при папском дворе. В процессе своих усердных штудий он воспылал любовью к алхимии и решил приложить все усилия к открытию философского камня. Для обнищания, однако, было вполне достаточно его дурных наклонностей. Его удовольствия были такими же дорогостоящими, как и его изыскания,

а их сочетание было губительным для его здоровья и репутации. В возрасте тридцати семи лет он решил, что на доходы от медицинской практики ему не прожить, и начал подыскивать себе другое занятие. В 1653 г. он стал личным секретарем маркиза ди Мирольи, посланника эрцгерцога Инсбрукского при дворе Папы Римского. В этой должности Борри оставался два года, ведя тем не менее ту же распутную жизнь, что и прежде. Он постоянно находился в обществе игроков, развратников и куртизанок, участвовал в позорных уличных потасовках и отвращал от себя покровителей, желавших ему помочь.

И вдруг в его поведении произошла неожиданная перемена. Отъявленный повеса напустил на себя степенность философа, глумливый грешник объявил, что он отказался от пороков и впредь будет образцом добродетели. Для его друзей сие исправление было сто ль же приятным, сколь и неожиданным, сам же Борри туманно намекал на то, что оно было вызвано чудодейственным проявлением некоей высшей силы. Он утверждал, что поддерживает связь с добрыми духами, что ему открываются тайны Бога и природы, и что он овладел философским камнем. Как и его предшественник Якоб Бёмен, он смешивал религиозные материи с философским жаргоном и подготавливал почву для объявления себя основателем нового ордена. Однако в Риме и тем более во дворце Папы это было рискованным занятием, и у Борри хватило ума вовремя спастись от темницы замка Сант-Анджело. Он бежал в Инсбрук, где прожил около года, а затем вернулся в родной Милан.

Молва о его святости шла впереди него, и он понял, что многие люди готовы к нему присоединиться. Все изъявившие желание вступить в новый орден давали обет бедности и сдавали свое имущество на общее благо членов братства. Борри говорил им, что он получил от архангела Михаила священный меч, на рукояти которого выгравированы имена семи небожителей. «Все, кто откажется, - говорил он, - вступить под мою длань, будут уничтожены папскими армиями, возглавить которые - мое божественное предназначение. Те, кто последует за мной, удостоятся всех мирских благ. Скоро я доведу мои химические изыскания до счастливого финала, открыв философский камень, после чего у нас будет столько золота, сколь-

ко мы захотим. Мне гарантирована помощь небесных сил, особенно архангела Михаила. Когда я только вступил на путь истинный, у меня было ночное видение, и я услышал ангельский голос, пообещавший мне, что я стану пророком. В знак этого я увидел пальму в раю. Ангелы являются передо мной, когда бы я их ни позвал, и открывают мне все тайны мироздания. Сильфы и элементалы подчиняются мне и летают в самые отдаленные районы земли, служа мне и моим избранникам». Неустанно повторяя подобные истории, Борри вскоре оказался во главе очень большого числа приверженцев. Поскольку в этой книге он фигурирует как алхимик, а не религиозный сектант, нет необходимости приводить здесь его доктрины, касавшиеся некоторых догм католической церкви и вызывавшие крайнее неудовольствие Папы Римского. Они столь же нелепы как и его философские притязания. По мере роста числа его последователей он лелеял желание в один прекрасный день стать новым Магометом и основать в родном Милане монархию и религию, отводя себе роль короля и пророка. В 1658 году он задумал взять в плен охрану всех городских ворот и официально объявить себя правителем Милана. Как только этот план был готов к осуществлению, он был раскрыт. Двадцать последователей Борри были арестованы, а ему путем неимоверных усилий удалось бежать в нейтральную Швейцарию, где он был недосягаем для папской немилости.

Немедленно начался суд над сторонниками Борри, и все они были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Заочный суд над Борри длился свыше двух лет. В 1661 г. его приговорили к смерти как еретика и колдуна, и его изображение было сожжено в Риме обычным палачом.

Тем временем Борри тихо жил в Швейцарии, позволяя себе удовольствие ругать инквизицию и ее судебные процессы. Впоследствии он отправился в Страсбург, намереваясь поселиться в этом городе. Там его, как человека, несправедливо преследуемого за религиозные убеждения, и к тому же великого алхимика, встретили исключительно радушно. Он, однако, счел этот город слишком тесным для своих честолюбивых планов и в том же году перебрался в более богатый Амстердам. Борри снял роскошный дом, обзавелся экипажем, затмевающим своим вели-

колепием кареты самых богатых купцов города, и присвоил себе титул «превосходительство». Откуда он взял на все это деньги, долго оставалось тайной. Адепты алхимии давали этому свое обычное объяснение. Здравомыслящие люди придерживались мнения, что он пришел к этому более прозаическим путем, помня, что среди его несчастных учеников в Милане было много состоятельных людей, которые в соответствии с одним из основополагающих принципов ордена уступили все свои земные богатства его основателю. Как бы ни были получены эти деньги, Борри тратил их в Голландии направо и налево, и люди относились к нему с немалым уважением и почетом. Он провел несколько удачных исцелений, и его репутация возросла настолько, что его превозносили как чудо-медика. Он усердно продолжал алхимические эксперименты и каждый день ждал успешного завершения превращения неблагородных металлов в золото. Надежда на это не покидала его никогда, даже в самые черные дни, а в описываемый период финансового благополучия он позволял себе самые безумные траты. Однако на деньги, привезенные из Италии, он не мог долго вести столь роскошную жизнь, а химера философского камня, обещавшая удовлетворение всех запросов в будущем, не приносила никакого дохода в настоящем. Через несколько месяцев ему пришлось урезать свои расходы и отказаться от большого дома, позолоченной кареты и дорогих чистокровных лошадей, ливрейных лакеев и помпезных увеселений. Отказ от роскоши повлек за собой падение популярности. Помощь врача, ходящего к больным пешком, казалась не такой чудодейственной, как помощь «его превосходительства», некогда подъезжавшего к домам бедняков в карете, запряженной шестеркой лошадей. Из чудо-лекаря он превратился в обычного человека. Его некогда лучшие друзья оказывали ему холодный прием, а неимущие льстецы пели дифирамбы новым кумирам. В сложившихся обстоятельствах Борри счел, что самое время сменить место жительства. С этой целью он занимал деньги везде, где только мог, и сумел получить от купца по фамилии де Меер двести тысяч флоринов якобы на поиски живой воды. Ему также удалось заполучить шесть дорогостоящих алмазов под предлогом того, что он сумеет устранить имеющиеся в них дефекты без умень-

шения их массы. С этой добычей он под покровом ночи покинул Амстердам и проследовал в Гамбург.

По прибытии в этот город Борри разыскал знаменитую Кристину, бывшую королеву Швеции. Добившись аудиенции, он попросил ее покровительства своим поискам философского камня. Она обеспечила ему некоторую поддержку, но Борри, опасаясь, что амстердамские купцы, имеющие связи в Гамбурге, разоблачат его как преступника, останься он в этом городе, уплыл в Копенгаген, где добился покровительства Фридриха III, короля Дании.

Сей правитель твердо верил в трансмутацию металлов. Нуждаясь в деньгах, он с готовностью прислушивался к планам красноречивого авантюриста. Он снабдил Борри всем необходимым для проведения экспериментов и следил за их ходом с большим интересом. Фридрих ежемесячно ожидал богатств, на которые можно будет купить Перу, а будучи разочарованным, терпеливо принимал извинения Борри, у которого после каждой неудачи всегда имелось какое-нибудь правдоподобное объяснение. Со временем король сильно к нему привязался и защищал его от завистливых нападок придворных и возмущения тех, кому было больно сознавать, что их монарх стал легкой добычей шарлатана. Борри пытался сохранить расположение короля всеми доступными ему средствами. В этом ему помогало знание медицины, часто спасавшее его от немилости. Так он прожил при дворе Фридриха шесть лет, но в 1670 г. этот монарх скончался, и Борри остался без покровителя.

Поскольку он нажил в Копенгагене больше врагов, чем друзей, и ему было не на что надеяться при следующем суверене, он нашел убежище в другой стране. Сперва он отправился в Саксонию, но там его ждал столь нелюбезный прием и подстерегала столь большая опасность, исходящая от эмиссаров инквизиции, что он прожил там всего несколько месяцев. Не предвидя ничего, кроме гонений, в странах, признающих духовную власть Папы Римского, он принял решение поселиться в Турции и принять ислам. Добравшись по пути в Константинополь до границы с Венгрией, он был арестован по подозрению в участии в только что раскрытом заговоре графов Надасди

и Франжипани. Напрасно он клялся в своей невиновности и сообщал пограничной страже свое настоящее имя и род занятий. Борри посадили в тюрьму и послали императору Леопольду запрос о дальнейшей судьбе задержанного. Его счастливая звезда клонилась к закату. Леопольд получил письмо в неудачный для Борри момент. Его величество совещался наедине с папским нунцием, и как только последний услышал имя Джузеппе Франческе Борри, он потребовал передать узника святейшему престолу. Его требование было удовлетворено, и Борри, закованного в ручные кандалы, отправили под конвоем в римскую тюрьму инквизиции. Он был в гораздо большей степени мошенником, нежели фанатичным приверженцем своих воззрений, и был не прочь публично отречься от своей ереси, если бы это сохранило ему жизнь. Когда ему было сделано соответствующее предложение, он не замедлил его принять. Вынесенный ему в прошлом смертный приговор едва ли мог быть заменен наказанием менее суровым, чем пожизненное заключение, но он был безумно рад избежать лап палача любой ценой и 27 октября 1672 г. сделал публичное признание своей вины перед собравшейся толпой римлян. После этого он был переведен в тюрьму замка Сант-Анджело, где оставался до самой смерти, имевшей место двадцать три года спустя. Утверждают, что незадолго до смерти он удостоился существенной привилегии: ему разрешили иметь лабораторию и скрашивать одиночное заключение поисками философского камня. Экскоролева Кристина во время пребывания в Риме часто посещала старика, чтобы поговорить с ним о химии и о доктринах розенкрейцеров. Она даже добилась для него разрешения иногда покидать тюрьму на один или два дня и гостить у нее во дворце под ее ответственность за его возвращение в неволю. Она поощряла его поиски великого секрета алхимиков и для их осуществления снабжала его деньгами. Можно предположить, что Борри извлек из этого знакомства максимальную выгоду, а Кристина не получила ничего, кроме горького опыта. Однако нет уверенности в том, что она получила даже это, ибо до самой смерти она верила в возможность отыскания философского камня и была готова помочь любому внушающему доверие авантюристу.

Примерно на двенадцатом году заключения Борри в Кёльне был издан небольшой труд, озаглавленный *«Ключ от кабинета благородного рыцаря Джузеппе Франческа Борри, в котором заперто множество принадлежащих его перу любопытных записок по химии и другим наукам, а также его жизнеописание».* Эта книга содержала развернутое изложение розенкрейцерской философии и дала аббату де Виллару материал для интересного кабалистического романа *«Граф де Габалис»,* наделавшего много шума на исходе семнадцатого столетия.

Не дожив до восьмидесяти лет, Борри умер в тюрьме Сант-Анджело в 1695 г. Кроме *«Ключа от кабинета»,* написанного в 1666 г. в Копенгагене для «просвещения» короля Фридриха III, он опубликовал труд по алхимии и оккультным наукам под названием *«Миссия Ромула для римлян».*

МЕНЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ АЛХИМИКИ СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА

Помимо искателей философского камня, о которых было рассказано выше, в данном и предыдущем столетии жило множество авторов, наводнивших литературу своими книгами на эту тему. Большинство ученых мужей той эпохи действительно верило в целесообразность означенных поисков. Несмотря на то, что Ван Гельмонт, Боррихий, Кирхер, Бёрхааве и другие авторы не занимались алхимией профессионально, они любили эту науку и поощряли специалистов в данной области. Гельвеции, дед и тезка прославленного философа, утверждает, что в 1666 г. в Гааге он видел, как некий незнакомец превратил неблагородный металл в золото. Он пишет, что однажды к нему в кабинет зашел человек, одетый как респектабельный бюргер из Северной Голландии, но весьма скромный и простой в общении, намеревавшийся развеять его сомнения в отношении философского камня. Он спросил Гельвеция, узнает ли тот сей редкий камень, если увидит его. Гельвеции ответил отрицательно. Бюргер немедленно достал из кармана маленькую шкатулку из слоновой кости, в которой лежали три очень тяжелых кусочка металла цвета серы, и заверил Гельвеция, что он может

сделать из них двадцать тонн золота. Гельвеции сообщает нам, что он очень внимательно их изучил и, видя, что они очень хрупкие, незаметно соскоблил крупицу сей субстанции ногтем большого пальца. После этого он вернул их незнакомцу с просьбой осуществить процесс трансмутации в его присутствии. Незнакомец ответил, что ему нельзя этого делать, и удалился. После его ухода Гельвеции наполнил тигель свинцом, в расплав которого бросил украденную частицу философского камня. Он был разочарован, увидев, что та полностью испарилась, оставив свинец в первоначальном состоянии.

Несколько недель спустя, когда он уже почти забыл об этом эпизоде, незнакомец явился вновь. Гельвеции вновь стал просить его продемонстрировать процесс трансмутации свинца. Наконец незнакомец согласился и сообщил Гельвецию, что для этого достаточно крупинки философского камня, которую перед погружением в расплавленный металл нужно заключить в восковой шар, иначе в силу своей исключительной летучести она просто испарится. Они провели соответствующий эксперимент и к обоюдной радости добились успеха. Гельвеции повторил эксперимент в одиночестве и превратил шесть унций* свинца в самое чистое золото.

Молва об этом событии распространилась по всей Гааге, и все выдающиеся люди этого города собрались в кабинете Гельвеция, дабы воочию убедиться в истинности полученного сообщения. Гельвеции повторил эксперимент в присутствии принца Оранского и позднее проделал его еще несколько раз, пока у него не кончился порошок, полученный от незнакомца. Необходимо заметить, что последний больше никогда не посещал Гельвеция и так и не сообщил ему ни свое имя, ни общественное положение. В следующем году Гельвеции опубликовал своего *«Золотого тельца»***, в котором подробно изложил сию историю.

Примерно в то же самое время знаменитый отец Кирхер издал свой *«Тайный мир»,* в котором назвал алхимиков сборищем мошенников и самозванцев, а их науку- обманом. Он признал,

* 170,1 г. *Прим.* перев.

** «Vitulus Aureus quern Mundus adorat et orat, in quo tractatur de naturae miraculo transmutandi metalla.» *Гаага,* 1667. *Прим. авт.*

что сам в прошлом был заядлым алхимиком и пришел к указанному выводу после длительных раздумий и множества бесплодных экспериментов. Все алхимики немедленно взбудоражились, решив опровергнуть утверждение грозного оппонента. Первым вступил с ним в полемику некий Соломон де Блауэнштейн, который попытался обвинить его в умышленном обмане, напомнив ему о трансмутациях, проделанных Сендивогием в присутствии императора Фридриха III и курфюрста Майнцского. В сей диспут также вступили Цвельфер и Глаубер*, отнесшие враждебность отца Кирхера на счет его злобной зависти адептам более удачливым, нежели он сам.

Утверждали также, что Густав Адольф превратил некоторое количество ртути в чистое золото. Ученый Боррихий сообщает, что он видел монеты, чеканенные из этого золота, на этом же настаивает Ленгле дю Френуа. В *«Путешествиях Монкони»* об этом говорится следующее: «Один купец из Любека, не слишком преуспевший в торговле, но знавший, как превратить свинец в очень хорошее золото, отдал королю Швеции сделанный им слиток, весящий по меньшей мере сто фунтов. Король тотчас же велел чеканить из него дукаты и, точно зная, что сведения о происхождении сего золота соответствуют действительности, приказал высекать на одной стороне монеты его собственный герб, а на другой - символы Меркурия и Венеры. У меня есть один из этих дукатов, и я из заслуживающего доверия источника узнал, что после смерти любекского купца, никогда не казавшегося очень богатым человеком, в его сундуках нашли не менее одного миллиона семисот тысяч крон.»**

Подобные истории, с уверенностью рассказываемые людьми высокого общественного положения, подпитывали алхимические заблуждения во всех европейских странах. Поражает количество алхимических трудов, написанных в одном лишь семнадцатом веке, и число умных людей, принесших себя в жертву этой иллюзии. Габриэль де Кастень, монах ордена св. Франциска, привлек к себе столь большое внимание во время правления

* Иоганн Рудольф Глаубер (1604 - 1670) - немецкий врач и химик, получивший помимо прочего т. н. глауберову соль (кристаллогидрат сульфата натрия). *Прим. перев.*

** *«Voyages de Monconis»,* том II, стр. 379. *Прим. авт.*

Людовика XIII, что сей монарх прикрепил его к своему двору и сделал раздающим милостыню*. Он заявлял, что сможет найти эликсир жизни, и Людовик рассчитывал наслаждаться правлением сто лет. Ван Гельмонт приписывал себе удавшуюся трансмутацию ртути, вследствие чего был приглашен императором Рудольфом II поселиться при венском дворе. Глаубер, получивший соль, названную его именем, и имевший врачебную практику в Амстердаме около середины семнадцатого века, основал в этом городе алхимическую школу и сам читал лекции по этой науке. Тогда же пользовался большим авторитетом Иоганн Иоахим Бехер Шпайерский, убежденный в том, что выполняя определенную последовательность операций с использованием великой и непостижимой субстанции - философского камня, золото можно делать из кремниевой гальки. Он искал поддержки своих экспериментов у императора Леопольда Австрийского, но надежда на успех была слишком незначительной, а необходимые затраты - чересчур высокими, чтобы уговорить данного монарха, поэтому тот не скупился на похвалы, но не дал Бехеру никаких денег. После этого Бехер обращался к голландским Генеральным штатам, но с тем же эффектом.

В связи с бесчисленными уловками, с помощью которых мошенники убеждали людей в том, что они преуспели в злато делании, и великим множеством живописующих сии деяния историй, имевших хождение в тот период, 15 апреля 1722 г. на заседании Королевской академии наук в Париже месье Жоффруа-старший прочел весьма своевременный доклад. Поскольку его темой являются алхимические обманы шестнадцатого и семнадцатого веков, краткий пересказ будет весьма уместным в этой части нашего повествования. Случаи удачных трансмутаций были столь многочисленными и выглядели настолько достоверно, что освободить общественное сознание от иллюзий могло лишь такое обстоятельное и аргументированное разоблачение, какое сделал месье Жоффруа. Уловкой, к которой алхимики прибегали чаще всего, был тигель с двойным дном, нижняя часть которого была сделана из железа или меди, а верхняя — из воска, имеющего окраску, имитирующую тот же са-

* Должностное лицо при дворе. *Прим. перев.*

мый металл. Зазор между днищами они заполняли таким количеством золота или серебра, какое требовалось для их целей. Затем они наполняли тигель свинцом, ртутью или другими ингредиентами и ставили его на огонь. Разумеется, по завершении эксперимента они всегда находили на дне тигля золото или серебро. Тот же результат достигался и многими другими способами. Некоторые алхимики использовали выдолбленную с одного конца палочку, наполненную золотой или серебряной пылью и закупоренную воском или маслом. Ею они помешивали плавящийся в тиглях металл, сопровождая данную операцию множеством церемоний, дабы отвлечь внимание наблюдателей от подлинной цели своих манипуляций. Иногда они сверлили отверстия в кусках свинца, в которые заливали расплавленное золото и тщательно заделывали их первоначальным металлом. Временами они осветляли кусок золота ртутью, после чего им не составляло труда выдавать его непосвященным за неблагородный металл и с легкостью «превращать» его в самое настоящее золото с помощью небольшого количества концентрированной азотной кислоты.

Другие алхимики мистифицировали людей с помощью гвоздей, наполовину железных, наполовину золотых или серебряных. Они имитировали получение драгоценной половины из железа, погружая ее в сильный растворитель. Месье Жоффруа продемонстрировал членам Академии несколько таких гвоздей и показал, насколько искусно спаяны их половины. Золотая или серебряная половина покрывалась краской под цвет железа, которая немедленно растворялась при погружении гвоздя в концентрированную азотную кислоту. Такой гвоздь долгое время хранился в кабинете великого герцога Тосканского. Таким же, по словам месье Жоффруа, был нож, подаренный одним монахом английской королеве Елизавете и имевший наполовину золотое, наполовину стальное лезвие. Одно время было самым обычным делом видеть наполовину золотые, наполовину серебряные монеты, сделанные алхимиками все для того же надувательства. «В действительности, - сказал месье Жоффруа в завершение своего длинного доклада, - есть основания полагать, что все известные нам громкие истории о превращении металлов в золото или серебро посредством нанесения на их

поверхность порошка или философского эликсира основаны на успешных обманах такого рода. Сии мнимые философы неизменно исчезали после первой или второй демонстрации или отказывались их продолжать либо из-за того, что в случае более пристального наблюдения за ходом повторяемого эксперимента их неминуемо ждало разоблачение, либо просто потому, что им не хватало имеющейся у них золотой пыли более чем на один опыт».

Бескорыстие этих лжефилософов было, на первый взгляд, неподдельным и достойным восхищения. Они нередко вообще отказывались от плодов своих трансмутаций - даже от славы первооткрывателей. Но это кажущееся бескорыстие являлось одной из их самых больших хитростей. Оно подогревало интерес людей к их изысканиям, культивировало веру в возможность открытия философского камня и было залогом будущих выгод, которыми они никогда не медлили воспользоваться - таких, как причисление к придворным, жизнь за чужой счет и дары от честолюбивых монархов, слишком жадных до столь безропотно уступленного им гипотетического золота.

Нам остается проследить развитие данного заблуждения от начала восемнадцатого столетия до наших дней. Читатель узнает, что до самого недавнего времени наблюдались лишь незначительные признаки возврата к здравому смыслу.

ЖАН ДЕЛИЛЬ (JEAN DELISLE)

В 1706 году во Франции было много разговоров о кузнеце по фамилии Делиль, который открыл философский камень и путешествовал по стране, превращая свинец в золото. Он был уроженцем Прованса*, откуда слава о нем быстро долетела до столицы. Его ранние годы окутаны мраком неизвестности, но Ленгле дю Френуа старательно собрал некоторые сведения о более позднем периоде его жизни, представляющие большой интерес. Делиль не получил образования и в юности был слугой одного алхимика, от которого научился множеству трюков сей

* Прованс - историческая провинция на Юго-Востоке Франции, в Альпах, у Средиземного моря. *Прим. перев.*

братии. Имя его хозяина история не сохранила, но утверждают, что он каким-то образом впал в немилость у правительства Людовика XIV и вследствие этого вынужден был бежать в Швейцарию. Делиль сопровождал его до Савойского герцогства* и там, как считают, напал на него в безлюдном горном ущелье, убил и ограбил. После этого он оделся как паломник и вернулся во Францию. На уединенном придорожном постоялом дворе, где Делиль остановился на ночь, он познакомился с женщиной по фамилии Алюи, и между ними вспыхнула столь внезапная и пламенная страсть, что она согласилась все бросить, последовать за ним и делить с ним радости и горести, куда бы он ни отправился. Не привлекая к себе внимания и будучи, по-видимому, достаточно независимыми, они вместе прожили в Провансе пять или шесть лет. Когда в 1706 г. он объявил себя владельцем философского камня, в его резиденцию Шато-де-ла-Палю в местечке Силане, что вблизи Баржамона, отовсюду потянулись люди, желающие взглянуть на осуществляемые им трансмутации насосов и кочегарных лопат. В письме месье де Серизи, настоятеля монастыря Шатонёф в прованской епархии Рие, священнику парижского прихода Сен-Жак-дю-Отпа, датированном 18 ноября 1706 г., приводится следующий отчет о деятельности Делиля:

«Мой дорогой кузен, у меня есть для вас новость, которая будет интересна вам и вашим друзьям. Философский камень, который очень многие считали химерой, наконец-то найден. Сей великий секрет открыл человек по фамилии Делиль из прихода Силане, живущий в четверти лье от моего дома. Он превращает свинец в золото, а железо - в серебро, просто нагревая эти металлы докрасна, а затем покрывая их в этом состоянии имеющимися у него маслом и порошком. Таким образом, любой человек, обладай он достаточным количеством этой удивительной смеси, мог бы делать по миллиону ливров в день. Некоторое количество изготовленного таким образом светлого золота он отправил лионским ювелирам, чтобы узнать их мнение о его качестве. Кроме того, он продал его порцию весом в двадцать фунтов одному купцу из Диня

* Савойское герцогство - феодальное государство в 1416 — 1720 гг., занимавшее часть территории современных Франции и Италии. *Прим. перев.*

по фамилии Таксис. Все ювелиры говорят, что никогда прежде не видели золота столь высокой пробы. Железные гвозди он с одного конца делает золотыми, а с другого - серебряными, оставляя железной среднюю часть. Во время длительной беседы, которую я имел с ним на днях по поручению епископа Сенеского, видевшего его опыты собственными глазами и посвятившего меня во все детали, он пообещал дать мне один из таких гвоздей.

Барон и баронесса де Рейнвальд показали мне слиток золота, который месье Делиль сделал из сплава олова со свинцом у них на глазах. Мой зять Совёр, бесплодно потративший на поиски великого секрета пятьдесят лет жизни, на днях принес мне гвоздь, который Делиль в его присутствии превратил в золото, и полностью убедил меня в том, что все его предыдущие эксперименты базировались на ложном принципе. Недавно сей замечательный мастер своего дела получил весьма любезное письмо от управляющего королевским двором, которое я читал. Он предлагал использовать все его влияние на министров, дабы предотвратить любые покушения на его (Делиля) свободу, дважды имевшие место со стороны правительственных агентов. Есть мнение, что масло, которым он пользуется, является золотом или серебром, приведенным в жидкое состояние. Его он подолгу держит на солнце. Делиль сообщил мне, что на все подготовительные операции у него уходит полгода. Я сказал, что с ним желает встретиться король. Он ответил, что не может демонстрировать свое искусство повсеместно, так как для успешных трансмутаций абсолютно необходимы определенные климат и температура. По правде сказать, этот человек, похоже, напрочь лишен честолюбия. У него всего две лошади и двое слуг. Кроме того, он свободолюбив и абсолютно невежлив, а речь его безграмотна, но его суждения кажутся убедительными. Раньше он был всего лишь кузнецом, но преуспел в этом ремесле, будучи самоучкой. Его посещают все сиятельные пэры и синьоры страны, обращающиеся с ним настолько обходительно, что более всего это походит на идолопоклонство. Франция была бы счастлива, если бы этот человек открыл свою тайну королю, которому управляющий двором уже послал несколько слитков! Но счастье сие слишком иллюзорно, ибо у меня есть опасение, что этот мастер унесет свой секрет с

собой в могилу. Несомненно, данное открытие наделает в королевстве много *шума, если* характер человека, которого я вам только что описал, не будет тому препятствием. Во всяком случае, последующие поколения узнают о нем.»

В другом письме тому же адресату, датированном 27 января 1707 г., месье де Серизи пишет: «Мой дорогой кузен, в последнем письме я рассказал вам о прославленном прованском алхимике месье Делиле. Значительная часть рассказанного была основана лишь на слухах, но теперь я могу свидетельствовать на основании собственного опыта. У меня есть наполовину железный, наполовину серебряный гвоздь, который я сделал сам. Сей великий и восхитительный мастер даровал мне еще более великую привилегию - он позволил мне превратить кусок свинца, который я принес с собой, в чистое золото с помощью его удивительных масла и порошка. К этому джентльмену прикованы взоры всей страны: одни громогласно называют его самозванцем, другие скептически выжидают, но те, кто видел его деяния лично, признают обоснованность его претензий. Я видел пропуск, присланный ему от королевского двора, с приказом быть в Париже в начале весны. Он сказал мне, что охотно туда отправится и что весну в качестве срока его прибытия ко двору он определил самолично, так как ему требуется время на подготовку всех необходимых материалов, дабы по представлении королю он мог немедленно провести эксперимент, достойный внимания его величества, путем превращения большого количества свинца в золото высшей пробы. Искренне надеюсь, что он не даст своему секрету умереть вместе с ним, а сообщит его королю. Когда я имел честь обедать с ним в прошлый четверг, 20 числа сего месяца, то, сидя рядом с ним, сказал шепотом, что ему под силу, будь у него такое желание, посрамить всех врагов Франции. Он не стал этого отрицать, но заулыбался. Воистину, этот человек - чудо-мастер. В одних случаях он использует смесь масла с порошком, в других - только порошок, но в столь малом количестве, что когда делаемый мною слиток был полностью им натерт, это было практически незаметно.»

Этот придурковатый священник был отнюдь не единственным человеком в округе, потерявшим голову, уповая на несмет-

ное богатство, сулимое ловким обманщиком. Еще один священнослужитель, де Лион, регент хора гренобльского кафедрального собора, 30 января 1707 г. писал: «Месье Менар, викарий прихода Монтье, написал мне, что есть один человек, примерно тридцати пяти лет, по фамилии Делиль, который превращает свинец и железо в золото и серебро, и что сие превращение истинно и несомненно, так как ювелиры утверждают, что его золото и серебро - самые чистые и высокопробные из тех, что им приходилось видеть. Пять лет этого человека считали безумцем или плутом, но сегодня люди знают о нем правду. В настоящее время он живет у месье де ла Палю в одноименном замке. Материальное положение месье де ла Палю оставляет желать лучшего, и он нуждается в деньгах, чтобы дать приданое своим дочерям, дожившим незамужними до средних лет из-за того, что бесприданницы никому не нужны. Месье Делиль пообещал сделать их самыми богатыми девушками данной провинции до того, как он отправится в Париж по приказу короля. Он попросил о небольшой отсрочке своего отъезда, чтобы накопить достаточно порошка для изготовления нескольких квинталов* золота в присутствии его величества, которому он собирается их подарить. Основное составляющее его замечательного порошка - лекарственные растения, главным образом травы *Lunaria major* и *minor*. Большую плантацию первой он посадил в парке Ла-Палю, а вторую собирает в горах, примерно в двух лье от Монтье. Рассказываемая мною история отнюдь не небылица, придуманная ради забавы: месье Менар может пригласить для подтверждения ее правдивости множество свидетелей, среди которых — епископ Сенеский, наблюдавший за проведением сих удивительных опытов, и месье де Серизи, которого вы хорошо знаете. Делиль превращает металлы публично. Он натирает свинец или железо своим порошком и кладет металл на горящий древесный уголь. Вскоре металл меняет цвет: свинец желтеет, превращаясь в превосходное золото, а железо белеет, становясь чистым серебром. Делиль - совершенно неграмотный человек. Месье

* Квинтал - здесь: единица массы в системе английских мер, равная 50,8 кг. *Прим. перев.*

де Сент-Обан пытался научить его читать и писать, но он мало что усвоил из этих уроков. Он невежливый и капризный мечтатель, действующий урывками.»

Делиль, видимо, боялся разоблачения в Париже. Он знал, что в присутствии короля за его манипуляциями будут наблюдать особенно тщательно, и под тем или иным предлогом откладывал поездку более двух лет. Демаре, министр финансов Людовика XIV, думая, что «философ» боится предательства и насилия, дважды посылал ему охранное свидетельство за печатью короля, но Делиль по-прежнему отказывался ехать. Тогда Демаре написал письмо епископу Сенескому, в коем поинтересовался, что тот действительно думает об этих знаменитых трансмутациях. Ответ сего прелата был следующим:

«Копия отчета, датированного мартом 1709 г.,
адресованного месье Демаре,
генеральному ревизору финансов
его величества Людовика XIV, епископом Сенеским.

СУДАРЬ, год назад или немногим больше я выразил Вам мою радость в связи с Вашим назначением на пост министра. Теперь я имею честь сообщить Вам свое мнение о господине Делиле, который занимается превращением металлов в моей епархии. За последние два года я несколько раз говорил о нем с графом де Поншартреном, который спрашивал меня о нем, но я не писал Вам, сударь, или месье де Шамиллару, потому что ни Вы, ни он не интересовались моим мнением на сей счет. Однако сейчас, когда Вы дали мне понять, что хотите знать мои соображения по данному вопросу, я поделюсь ими с Вами со всей искренностью, в интересах короля и во славу Вашего министерства.

По моему мнению, есть два момента в отношении господина Делиля, подлежащие беспристрастной проверке: первый связан с его секретом, а второй - с его персоной, то есть необходимо выяснить, подлинны ли его превращения и всегда ли он был законопослушным гражданином. Что касается секрета философского камня, то я долгое время считал его вздором и свыше трех лет относился с наибольшим недоверием к

претензиям именно сего господина Делиля. В то время я никак его не поощрял, более того, я помогал человеку, рекомендованному мне одним влиятельным семейством данной провинции, преследовать Делиля за те или иные преступления, в совершении коих он подозревался. Но после того, как этот человек, разгневанный на Делиля, однажды рассказал мне, что он сам несколько раз отвозил золото и серебро, сделанное тем из свинца и железа, ювелирам Ниццы, Экс-ан-Прованса и Авиньона, мое отношение к Делилю мало-помалу стало меняться. Позднее я познакомился с Делилем в доме одного из моих друзей. Чтобы доставить мне удовольствие, эта семья попросила Делиля поставить опыт в моем присутствии, на что он немедленно согласился. Я дал ему несколько железных гвоздей, которые он превратил в серебряные в камине перед шестью или семью заслуживающими доверия свидетелями. Я забрал сии превращенные гвозди с собой и отправил их вместе с моим раздающим милостыню Имберу, ювелиру из Экс-ан-Прованса, который, подвергнув их необходимым тестам, вернул их мне со словами, что они сделаны из очень хорошего серебра. Этого, однако, мне показалось мало. Помня, как двумя годами ранее месье де Поншартрен намекнул мне, что если я проведу расследование деятельности Делиля, то окажу тем самым услугу его величеству, так я и решил сделать. Для этого я направил алхимику предписание приехать ко мне в Кастеллан. Он приехал, и я приставил к нему восемь-десять человек, которым велел пристально наблюдать за его руками. В присутствии всех нас он превратил два куска свинца в золото и серебро. Я отправил оба куска месье де Поншартрену, и он впоследствии сообщил мне в письме, лежащем сейчас передо мной, что показал их опытнейшим ювелирам Парижа, которые единодушно идентифицировали их как чистейшее золото и серебро. После этого мое прежнее скверное мнение о Делиле было всерьез поколеблено. Еще больше оно пошатнулось, когда он у меня на глазах выполнил пять или шесть трансмутаций в Сене и заставил меня выполнить превращение собственноручно, а сам при этом ни к чему не прикасался. Вы, сударь, читали письмо моего племянника Пьера Берара,

члена Парижской оратории*, об эксперименте, проделанном им в Кастеллане, правдивость которого я удостоверяю настоящим письмом. Еще один мой племянник, господин Бурже, который был здесь три недели тому назад, проделал тот же самый эксперимент в моем присутствии, и о всех его обстоятельствах он подробно сообщит Вам в Париже при личной встрече. В моей епархии свидетелями означенных превращений были около ста человек. Признаюсь, сударь, что после показаний стольких наблюдателей и заверений стольких ювелиров, равно как и неоднократных успешных экспериментов, свидетелем коих был я сам, все мои предубеждения исчезли. Мои глаза убедили мой рассудок, а деяние моих рук развеяло иллюзии неосуществимости трансмутаций, прежде управлявшие моими помыслами.

Мне остается поделиться с Вами своими соображениями относительно его законопослушности. Он подозревается в трех вещах: во-первых, в том, что был замешан в одной криминальной истории в Систроне и подделывал монеты королевства, во-вторых, в том, что он проигнорировал два охранных свидетельства, посланные ему королем, и в-третьих, в том, что он по-прежнему откладывает поездку ко двору для демонстрации своих способностей в присутствии короля. Вы можете убедиться, сударь, что я ничего не утаиваю и не упускаю. Что касается дела в Систроне, то господин Делиль не раз уверял меня, что там он не совершил ничего противозаконного, да и вообще никогда не занимался ничем таким, что оскорбляло бы честь королевского подданного. Действительно, шесть или семь лет назад он был в Систроне с целью сбора трав, необходимых для изготовления его порошка, и жил в доме некоего Пелуза, которого считал честным человеком. Пелуза обвинили в подделке луидоров, а поскольку Делиль был его постояльцем, его сочли вероятным сообщником хозяина. По этому абсолютно бездоказательному подозрению он был осужден за неявку в суд, что достаточно типично для судей, которые всегда очень суровы к отсутствующим на процессе. Во время моего пребывания

* Оратория — здесь: религиозное общество; члены оратории — ораторианцы. *Прим. перев.*

в Экс-ан-Провансе я узнал, что человек по имени Андре Алюи распространял порочащие Делиля сведения, надеясь избежать таким образом уплаты ему сорока луидоров, которые он задолжал. Но позвольте мне, сударь, продолжить и добавить, что, даже если подозрения в отношении Делиля обоснованны, нам следует с некоторым снисхождением отнестись к прегрешениям человека, владеющего секретом, столь полезным государству. Что же до двух охранных свидетельств, отправленных ему королем, то я считаю, что его столь малое внимание к ним никоим образом нельзя вменять ему в вину. Период времени, необходимый ему для подготовки к трансмутациям, состоит, строго говоря, только из четырех летних месяцев, и если в силу каких бы то ни было причин он не может использовать их должным образом, он теряет целый год. Таким образом, первое охранное свидетельство стало бесполезным из-за внезапного вторжения герцога Савойского в 1707 г., а второе едва ли достигло адресата в конце июня 1708 г., когда означенный Делиль подвергся нападению группы вооруженных людей, назвавшихся исполнителями воли графа де Гриньяна. Делиль написал графу несколько жалоб, но не получил от него никаких гарантий собственной безопасности. То, о чем я Вам, сударь, только что рассказал, не заставит Вас гневаться в третий раз и объяснит, почему в настоящее время Делиль не может отправиться в Париж к королю для исполнения своего обещания двухлетней давности. Он потерял два или даже три лета из-за постоянного беспокойства, которое ему причиняли. Вследствие этого он не мог работать и не накопил достаточное количество масла и порошка или не довел имеющиеся у него запасы до необходимой степени совершенства. По той же причине он не смог дать господину де Бурже обещанную ему порцию данных веществ для вашей экспертизы. Если он недавно и превратил какое-то количество свинца в золото с помощью нескольких крупинок его порошка, то они, несомненно, были последними, ибо он говорил мне, что порошок у него на исходе, задолго до получения известия о грядущем визите моего племянника. Если бы он даже сохранил это малое количество для эксперимента в присутствии короля, я уверен, что при зрелом размышлении он ни за что не рискнул бы отправиться с ним в Париж, потому что, если бы

из-за малейших отклонений твердости металлов в ту или другую сторону, обнаруживаемых только в процессе эксперимента, первая попытка закончилась неудачно, и у него не осталось порошка для повторной попытки и преодоления сего препятствия, его таким образом могли бы счесть мошенником.

Позвольте мне, сударь, в заключение повторить, что такого мастера своего дела не следует доводить до крайности и принуждать искать убежище в других странах, на что он смотрит с презрением как в силу своих воззрений, так и благодаря совету, который я ему дал. Вы ничем не рискуете, если дадите ему еще немного времени, и можете многое потерять, если будете его торопить. Подлинность его золота после ее подтверждения столь большим числом ювелиров Экс-ан-Прованса, Лиона и Парижа не вызывает сомнений. А поскольку он не виноват в том, что посланные ему ранее охранные свидетельства остались бесполезными, необходимо отправить ему еще одно, за успешное использование которого я буду нести ответственность, если Вы поручите это мне и доверитесь моему страстному желанию оказать услугу его величеству. Прошу Вас ознакомить его с моим письмом во избежание возможных справедливых упреков в мой адрес в случае его незнания вышеизложенных фактов. Заверьте его, если сочтете необходимым, в том, что, если Вы отправите мне такое охранное свидетельство, я заставлю господина Делиля засвидетельствовать свою преданность интересам короны в той мере, в какой она будет соответствовать степени моей личной ответственности перед королем. Таковы мои соображения, кои я представляю на Ваше высочайшее рассмотрение. Имею честь оставаться вашим покорным слугой.

ИОАНН, ЕПИСКОП СЕНЕСКИЙ.»

«Адресовано месье Демаре,
министру и генеральному ревизору финансов, Париж.»

Данное письмо является наглядным подтверждением того, что Делиль был не заурядным самозванцем, а человеком исключительной хитрости и ловкости. Епископа явно обманула ловкость рук Делиля, и когда однажды его первоначальное недоверие было сломлено, он проявил такую склонность к самообману, какой, вероятно, не ожидал от него даже Делиль.

Его вера была столь сильной, что он сделал заботы своего протеже своими заботами и старался отвести от него подозрения. Однако Людовика и его министра, похоже, настолько ослепили радужные прогнозы епископа, что алхимику был тотчас же выслан третий пропуск, или охранное свидетельство, в котором король приказывал ему незамедлительно прибыть в Версаль и провести публичный эксперимент с использованием его масла и порошка. Но это не входило в планы Делиля. В провинциях он был важной персоной и настолько привык к повсеместной раболепной лести, что не испытывал желания променять ее на точную идентификацию своего статуса при дворе монарха. Под тем или иным предлогом он откладывал путешествие в Париж, несмотря на настоятельные просьбы своего доброго друга епископа. Последний, давший слово министру и поклявшийся честью, что убедит Делиля поехать, начал испытывать тревогу, поняв, что не может сломить упрямство сей персоны. Епископ увещевал его более двух лет и каждый раз слышал в ответ, что имеющегося порошка недостаточно для поездки, или что тот недостаточно долго подвергался воздействию солнечных лучей. В конце концов его терпению пришел конец, и он, опасаясь падения собственного авторитета в глазах короля из-за дальнейших проволочек, попросил его в своем письме издать *lettre de cachet*,* на основании которого в июне 1711 г. алхимик был арестован в замке Ла-Палю и уведен для заключения в Бастилию.

Жандармы знали, что арестованный предположительно является счастливым обладателем философского камня, и в пути сговорились *убить и* ограбить его. Один из них сделал вид, что соболезнует злоключениям философа, и предложил ему совершить побег, пока он (жандарм) будет отвлекать внимание сослуживцев. Делиль не скупился на благодарности, не догадываясь о подстроенной ему западне. Его вероломный «друг» сообщил другим жандармам, что жертва попалась на удочку, и было решено позволить Делилю побороться с одним из них и побороть его, пока остальные будут находиться на некотором расстоянии. Затем они должны будут погнать-

* Королевский указ об изгнании, о заточении без суда и следствия (фр.). *Прим. перев.*

ся за ним и выстрелить в сердце, а после изъятия у трупа философского камня - отвезти его в Париж на телеге и сообщить месье Демаре, что арестант пытался бежать и сумел бы это сделать, если бы они не открыли по нему огонь и не застрелили его. В удобном месте план был осуществлен. По сигналу «дружественного» жандарма Делиль побежал, а другой жандарм прицелился и прострелил ему бедро. На звук выстрела тут же сбежались крестьяне, помешав жандармам таким образом добить его согласно их плану, и Делиля, тяжело раненного и истекающего кровью, привезли в Париж. Он был брошен в Бастилию и упорно срывал с себя бинты, накладываемые хирургами на его рану. Он больше никогда не вставал с постели. Епископ Сенеский навещал его в тюрьме и обещал ему свободу в обмен на превращение определенного количества свинца в золото в присутствии короля. У несчастного больше не было подручных средств для обмана: у него не было ни золота, ни тигля с двойным дном или полой палочки, в которые это золото можно было бы спрятать. Он, однако, не захотел признаться в мошенничестве, а просто сказал, что не знает секрета изготовления порошка для нанесения на поверхность металлов, некоторое количество которого он получил от одного итальянского философа и истратил без остатка на различные трансмутации в Провансе. Он влачил жалкое существование в Бастилии семь-восемь месяцев и умер от последствий ранения на сорок первом году жизни.

АЛЬБЕР АЛЮИ (ALBERT ALUYS)

Сей претендент на владение философским камнем был сыном от первого брака женщины по фамилии Алюи, с которой Делиль познакомился в начале своей карьеры на придорожном постоялом дворе и на которой он впоследствии женился. Делиль заменил ему отца и наилучшим доказательством своей заботы о пасынке счел обучение его мошенническим приемам, вырвавшим его самого из мрака безвестности. Юный Алюи был способным учеником и быстро освоил весь алхимический жаргон. Он со знанием дела рассуждал о поверхностных контактах, осаж-

дениях металла из раствора, возгонках, эликсире жизни и универсальном растворителе, а после смерти Делили провозгласил, что этот великий адепт передал свой секрет ему и только ему. Мать помогала ему обманывать людей, надеясь, что им обоим удастся, согласно истинно алхимической моде, прицепиться к какому-нибудь богатому простофиле, который содержал бы их в роскоши, уповая на золотые и серебряные горы. Судьба Делиля никак не стимулировала их дальнейшее пребывание во Франции. Да, французы по-прежнему верили, что он был великим мастером, и были весьма склонны поверить сказкам о юном адепте и переданной ему тайне, но Бастилия требовала новых жертв, и Алюи с матерью со всей возможной поспешностью бежали из страны. Они несколько лет путешествовали по континенту, живя за счет легковерных богачей и время от времени проделывая успешные «трансмутации» с помощью тиглей с двойным дном и тому подобных ухищрений. В 1726 году Алюи без матери, которая, видимо, к тому времени уже умерла, находился в Вене, где познакомился с герцогом де Ришелье, в то время послом французского двора. Он ввел сего дворянина в полное заблуждение, «превратив» несколько раз свинец в золото и даже заставив посла собственноручно «превратить» «железный» гвоздь в серебряный. Герцог впоследствии хвастался Ленгле дю Френуа своими достижениями на алхимическом поприще и сетовал, что ему не удалось узнать секрет драгоценного порошка, с помощью которого он добился успеха.

Вскоре Алюи понял, что, хотя ему и удалось обвести герцога де Ришелье вокруг пальца, денег от него ему не видать. Напротив, герцог ожидал, что Алюи сделает все его кочерги и кочегарные лопаты серебряными, а оловянную посуду - золотой, и считал честь быть знакомым с человеком его ранга достаточной наградой для *roturier*,* который не может нуждаться в деньгах, владея бесценным секретом. Алюи, поняв, сколь многого ждет от него герцог, распрощался с его превосходительством и проследовал в Богемию в сопровождении ученика и молодой девушки, влюбившейся в него в Вене. Некоторые богемские дворяне встречали его с распростертыми объятиями, и он одно время гостил в их домах месяцами. Хозяину дома, в

* простолюдина (фр.). *Прим. перев.*

котором он намеревался некоторое время пожить, он обычно заявлял, что у него осталось всего несколько крупинок порошка, которые можно использовать по назначению. Он дарил хозяину кусок золота, полученный в результате «превращения», и сулил тому миллионы при условии предоставления ему времени для сбора трав *lunaria major* и *minor,* растущих на вершинах гор, и обеспечения его, его жены и ученика питанием, жильем и деньгами в течение данного периода.

Истощив таким образом терпение множества людей, он счел, что во Франции, которой правит молодой Людовик XV, он будет в большей безопасности, нежели во времена его старого и мрачного предшественника, и вернулся в Прованс. По прибытии в Экс-ан-Прованс он явился к месье Лебре, президенту провинции и страстному любителю алхимических изысканий, мечтающему найти философский камень. Вопреки его ожиданиям, месье Лебре принял его весьма холодно, что было вызвано ходящими о нем слухами, и велел ему явиться на следующий день. Алюи не понравился ни тон голоса, ни выражение глаз ученого президента: во взгляде чиновника сквозило презрение. Заподозрив неладное, он в тот же вечер тайно покинул Экс-ан-Прованс и проследовал в Марсель. Но полиция была начеку, и он не пробыл там и двадцати четырех часов, как был арестован по обвинению в фальшивомонетничестве и брошен в тюрьму.

Поскольку доказательства его вины были слишком убедительными, чтобы всерьез надеяться на оправдание, он затеял побег из заточения. Так случилось, что у надзирателя была красивая дочь, и Алюи вскоре понял, что у нее доброе сердце. Он попытался использовать ее в своих целях, и ему это удалось. Сия девица, не зная, что он женат, воспылала к нему страстью и великодушно снабдила его средствами побега. Просидев в тюрьме почти год, он вырвался на свободу, сообщив бедной девушке, что уже женат, и оставив ее в одиночестве горевать оттого, что ее сердце было отдано неблагодарному проходимцу.

Он покинул Марсель, не имея обуви и приличной одежды, но в близлежащем городе жена снабдила его деньгами и платьем. Затем они добрались до Брюсселя и обратили на себя внимание своей исключительной наглостью. Алюи снял дом,

оборудовал великолепную лабораторию и объявил, что знает секрет трансмутации. Напрасно месье Персель, зять Ленгле дю Френуа, живший в этом городе, разоблачал вздорность претензий Алюи и выставлял его невежественным самозванцем: люди не верили ему. Они верили алхимику на слово и осаждали двери его дома, чтобы стать удивленными свидетелями ловкого обмана, посредством которого он «превращал» железные гвозди в золото и серебро. Один богатый *greffier** заплатил ему крупную сумму денег за обучение «искусству», и Алюи давал ему уроки, обучая азам химии. Секретарь суда усердно занимался целый год и обнаружил, что его учитель - мошенник. Он потребовал вернуть ему деньги, но Алюи не желал с ними расставаться, и в гражданском суде провинции было возбуждено дело. В это время, однако, секретарь суда внезапно умер. Ходили слухи, что он был отравлен своим должником во избежание выплаты долга. Это вызвало в городе такое недовольство, что Алюи, который, возможно, и не был повинен в данном преступлении, все же не решился остаться в Брюсселе и храбро встретить опасность. Ночью он тайно покинул город и удалился в Париж. С этого момента его следы теряются. Больше о нем ничего не известно, но Ленгле дю Френуа предполагает, что он закончил свои дни в какой-нибудь мрачной темнице, в которую был брошен за фальшивомонетничество или иные противозаконные деяния.

ГРАФ ДЕ СЕН-ЖЕРМЕН (THE COUNT DE ST. GERMAIN)

Этот авантюрист был птицей более высокого полета, чем предыдущий, и играл значительную роль при дворе Людовика XV. Он заявлял, что владеет эликсиром жизни, с помощью которого может продлевать жизнь до столетий, и не разубеждал тех, кто считал, что ему самому уже более двух тысяч лет. Он разделял многие воззрения розенкрейцеров, похвалялся общением с сильфами и саламандрами, а также своей способностью извлекать алмазы из недр земли и жемчужины из морских глубин посредством заклинаний. Он не приписывал себе от-

* секретарь суда (фр.) *Прим. перев.*

крытие философского камня, но посвящал столько времени алхимическим опытам, что по общему убеждению был именно тем человеком, который должен найти сей камень, если тот существует или может быть создан.

Никто так никогда и не узнал, как его звали в действительности и в какой стране он родился*. Одни, ссылаясь на иудейские черты его красивого лица, считали его «Вечным жидом»; другие заявляли, что он является отпрыском арабской княжны, а его отец - саламандра; в то время как третьи, более рассудительные, утверждали, что он - сын португальского еврея, поселившегося в Бордо. Его жульническая карьера началась в Германии, где он с большой выгодой для себя торговал эликсиром вечной молодости. Порцию сего снадобья приобрел маршал де Бель-Иль, который был так очарован умом, образованностью и хорошими манерами шарлатана и настолько убежден в справедливости его абсурднейших притязаний, что убедил его поселиться в Париже. Под покровительством маршала он стал посещать столичные светские рауты. Все восхищались таинственным незнакомцем, которому в соответствии с одной из гипотез относительно даты его рождения было около семидесяти лет, и который при этом выглядел максимум на сорок пять. Его непринужденная самоуверенность вводила большинство людей в заблуждение. Его претензия на мафусаилов век была естественным поводом для каверзных вопросов о внешности, жизни и кулуарных беседах великих людей прошлого, но у него на все был готов ответ. Многие, кто задавал ему вопросы, чтобы поймать его на неточности и осмеять, были обескуражены его присутствием духа, его быстрыми ответами и поразительной исторической достоверностью сообщаемых сведений. Для придания своей персоне еще большей таинственности он скрывал от всех источник своих доходов. Он одевался с отменным вкусом, щеголял бриллиантами на шляпе, на пальцах и в пряжках на обуви, и иногда делал в высшей степени дорогие подарки придворным дамам. Многие подозревали, что граф - шпион на службе у английского кабинета министров,

* Графство Сен-Жермен никогда *не* существовало, а титул графа де Сен-Жермен авантюрист присвоил себе сам. *Прим. перев.*

но не было ни малейших доказательств в поддержку этого обвинения. Король относился к нему с явной благосклонностью, часто часами совещался с ним наедине и никому не дозволял говорить о нем пренебрежительно. Вольтер постоянно высмеивал его. В одном из писем к королю Пруссии* он называет его «un comte pour rire»** и утверждает, что тот приписывал себе участие в обеде отцов церкви во время Трентского собора!*** В *«Мемуарах мадам дю Оссе»,* камеристки маркизы дю Помпадур - фаворитки Людовика XV, есть несколько забавных рассказов об этом человеке. Прибыв в Париж, он очень скоро получил *entree***** в гардеробную маркизы - привилегию, которой удостаивались лишь самые влиятельные пэры при дворе ее возлюбленного. Маркиза любила беседовать с ним, и в ее присутствии он считал подобающим весьма существенно умерять свои претензии, но часто позволял ей верить, что ему как минимум двести-триста лет. «Однажды, - пишет мадам дю Оссе, - маркиза в моем присутствии спросила его: «Как выглядел Франциск I? Он был королем, который мне бы, наверное, понравился.» «Он и впрямь был весьма обаятелен», - ответствовал Сен-Жермен и принялся описывать его лицо и внешность, словно говорил о человеке, которого когда-то хорошо разглядел. - Жаль, что он был слишком горяч. Я мог бы дать ему хороший совет, который уберег бы его от всех несчастий, но он бы ему не последовал, ибо монархов, похоже, преследует злой рок, делающий их глухими к советам мудрецов.» «Блистал ли его двор великолепием?» - поинтересовалась маркиза дю Помпадур. «О, да, - ответил граф, - но дворы его внуков были еще роскошнее. Во времена Марии Стюарт и Маргариты Валуа это был райский уголок - храм наслаждений любого рода.» «Вы словно видели все это сами», - сказала маркиза, смеясь. «У меня превосходная память, - ответил он, - и я очень внимательно прочел историю Франции. Я порой нахожу удовольствие в том,

* Имеется в виду королевство, существовавшее в 1701 - 1918 гг. на территории современной Германии. *Прим. перев.*

** «потешным графом» (фр.). *Прим. перев.*

*** Трентский собор- съезд высшего духовенства католической церкви, состоявшийся в 1563 г. в итальянском городе Тренто. *Прим. перев.*

**** право входа (фр.). *Прим. перев.*

что не утверждая прямо, что жил в стародавние времена, позволяю людям в это верить.» «Вы скрываете от нас свой возраст, - сказала ему маркиза дю Помпадур в другой раз, - но все же утверждаете, что вы очень старый. Графиня де Герги, которая, кажется, была женой посла в Вене около пятидесяти лет тому назад, говорит, что видела вас там, и вы выглядели так же, как сейчас.» «Это правда, мадам, - ответил Сен-Жермен. - Я знал мадам де Герги много лет тому назад.» «Но если то, что она говорит- правда, то вам, должно быть, более ста лет?» «Это невозможно, - ответил он, смеясь. — Сия добрая мадам, скорее всего, впала в старческий маразм.»

«Вы дали ей эликсир, принесший удивительные результаты: она говорит, что в течение длительного времени она выглядела не старше восьмидесяти четырех лет - возраста, в коем она его приняла. Почему вы не даете его королю?» «Ах, мадам! - воскликнул он. - Врачи подвергли бы меня колесованию, вздумай я дать его величеству какое-либо снадобье.»

Когда общество начинает верить в необычайные подробности чьей-либо жизни, нельзя сказать, насколько далеко зайдет его безрассудство. Однажды встав на эту стезю, люди соревнуются друг с другом в легковерии. В то время в Париже не утихали разговоры об удивительных похождениях графа де Сен-Жермена, и группа шаловливых молодых людей подвергла людскую доверчивость следующему испытанию. Они посетили несколько домов на улице Маре в сопровождении одетого как граф де Сен-Жермен искусного подражателя, вхожего в светское общество в силу своей популярности. Он превосходно имитировал мимику, жесты и речь графа, и его аудитория, разинув рты, доверчиво внимала любым изрекаемым им нелепостям. Ни одна выдумка не была слишком абсурдной для их всепоглощающего легковерия. Он исключительно фамильярно отзывался об Иисусе Христе; он, в частности, говорил, что ужинал с ним на свадьбе в Галилее*, где вода чудесным образом была превращена в вино. Он утверждал, что был его близким другом и часто предостерегал его от излишней романтичности и опрометчивости во избежание трагического

* Галилея - историческая область в Северной Палестине. Согласно Евангелию, Галилея — основной район проповеди Иисуса Христа. *Прим. перев.*

финала. Удивительно, но сие позорное богохульство было принято на веру, и не прошло и трех дней, как повсеместно заговорили о том, что Сен-Жермен родился вскоре после всемирного потопа и никогда не умрет!

Сам Сен-Жермен слишком хорошо знал человеческую натуру, чтобы утверждать подобный вздор, но он никак не опровергал эту небылицу. Беседуя со знатными и образованными людьми, он выдвигал свои притязания без апломба, как бы невзначай, и редко претендовал на более чем трехсотлетний возраст, за исключением тех случаев, когда он понимал, что его аудитория готова проглотить любую ложь. Он часто отзывался о Генрихе VIII как о своем хорошем знакомом и заявлял, что его обществом наслаждался император Карл V. Он «пересказывал» свои беседы с историческими личностями настолько правдоподобно и вдавался в такие детали их одежды и внешности, попутно сообщая о тогдашней погоде и описывая интерьеры помещений, что обычно три четверти его слушателей были склонны ему верить. Богатые старухи одна за другой заказывали ему эликсир, призванный вернуть им молодость, и он, может статься, неплохо на этом заработал. Тем, кого он был рад иметь друзьями сообщал, что его образ жизни и режим питания намного эффективнее всякого эликсира и что любой человек может дожить до почтенного возраста, воздерживаясь от питья за едой и существенно ограничивая себя в нем в любое другое время. Барон де Гляйхен следовал его системе и принимал в больших количествах александрийский лист, рассчитывая прожить двести лет. Он, однако, умер в семьдесят три года. Той же системе желала последовать герцогиня де Шуазель, но ее сильно разгневанный муж-герцог запретил ей следовать какой бы то ни было системе, предписываемой человеком, пользующимся столь сомнительной репутацией, как месье де Сен-Жермен.

Мадам дю Оссе пишет, что она несколько раз встречалась и беседовала с Сен-Жерменом. Она описывает его как человека лет пятидесяти, среднего роста, с утонченным и выразительным лицом. Одевался он всегда просто, но с большим вкусом. Он обычно носил очень дорогие бриллиантовые кольца, а его часы и табакерка были обильно украшены драгоценными кам-

нями. Однажды в апартаментах маркизы дю Помпадур, где собрались главные придворные, появился Сен-Жермен, колени и туфли которого были украшены пряжками с бриллиантами столь чистой воды, что маркиза сказала, что, по ее мнению, таких камней нет даже у короля. Она с мольбой в голосе попросила его пройти в вестибюль и отстегнуть пряжки. Он так и сделал и принес их маркизе для более пристального изучения. Присутствовавшая при этом мадам де Гонтан сказала, что они стоят не менее двухсот тысяч ливров, или свыше восьми тысяч фунтов стерлингов. Барон де Гляйхен в своих *«Мемуарах»* сообщает, как граф однажды показал ему так много алмазов, о коих он подумал, что видит перед собой все сокровища лампы Аладдина, и добавляет, что он, хорошо разбираясь в драгоценных камнях, был убежден в подлинности всех камней, принадлежащих графу. В другой раз Сен-Жермен продемонстрировал маркизе дю Помпадур небольшую шкатулку с топазами, изумрудами и бриллиантами стоимостью в полмиллиона ливров. Чтобы людям было легче поверить, что он, подобно розенкрейцерам, умеет извлекать драгоценные камни из земных недр путем магических песнопений, он делал вид, что презирает все эти богатства. Он раздал большое количество этих драгоценностей придворным дамам, и Маркиза дю Помпадур была так очарована его щедростью, что в знак своего расположения подарила ему полностью эмалированную табакерку, крышку которой украшал превосходно написанный портрет Сократа или какого-то другого греческого мудреца, с которым она его сравнивала. Он был щедр не только к госпожам, но и к их служанкам. Мадам дю Оссе пишет: «Граф зашел навестить маркизу дю Помпадур, которая была очень больна и лежала на диване. Он показал ей алмазы, которых хватило бы на сокровищницу короля. Маркиза захотела, чтобы я взглянула на сии прелестные вещицы, и послала за мной. Я взирала на них с превеликим изумлением, но подавала ей знаки, что все они фальшивые. Граф порылся в бумажнике размером примерно в два футляра для очков и наконец выудил оттуда два или три бумажных пакетика, в одном из которых оказался великолепный рубин. Он с пренебрежительным видом бросил на стол крестик с зелеными и прозрачными камнями. Я взглянула на него и сказала, что

он весьма недурен. Затем я надела его и выразила свое восхищение. Граф попросил меня принять его в подарок, я отказалась. Он настаивал. Наконец его просьбы стали столь умоляющими, что маркиза, видя, что крестик стоит не больше тысячи ливров, подала мне знак принять дар. Я так и сделала, сердечно поблагодарив графа за его учтивость.»

Источник богатства этого авантюриста неизвестен. Он не мог нажить его одной лишь продажей своего *elixir vitae* в Германии, хотя, несомненно, некоторая его часть была получена означенным образом. Вольтер категорически заявляет, что он находился на службе у иностранных держав, и в письме к прусскому королю, датированном 5 апреля 1758 г., сообщает, что граф был посвящен во все секреты Шуазеля, Кауница и Питта. Зачем он мог понадобиться кому-либо из этих министров, особенно Шуазелю, остается тайной за семью печатями.

Утверждают, что он владел секретом очищения бриллиантов от пятен и, по всей вероятности, заработал большие деньги, покупая бриллианты с изъянами по сниженным ценам, устраняя изъяны и перепродавая камни со стопроцентной выгодой. Мадам дю Оссе рассказывает об этом следующую историю. «Король, - пишет она, - приказал принести ему алмаз среднего размера, имевший дефект. После взвешивания камня его величество сказал графу: «Имея сей изъян, данный алмаз стоит шесть тысяч ливров, а без него он стоил бы как минимум десять. Не могли бы вы сделать меня богаче на четыре тысячи ливров?» Сен-Жермен очень внимательно осмотрел камень и сказал: «Возможно, мне удастся это сделать. Я верну вам его через месяц.» В назначенный срок граф принес обратно избавленный от пятна алмаз и отдал его королю. Камень был завернут в ткань из горного льна, которую он снял. По приказу короля камень тотчас же взвесили и обнаружили весьма незначительную потерю массы. Затем его величество послал его своему ювелиру для оценки, воспользовавшись для этого услугами месье де Гонтана, которому он не сообщил никаких подробностей. Ювелир оценил алмаз в девять тысяч шестьсот ливров. Король, однако, отрядил посыльного забрать камень и сказал, что сохранит его как диковину. Вне себя от удивления, он сказал, что месье де Сен-Жермен, должно

быть, стоит миллионы, особенно если он владеет секретом превращения малых алмазов в большие.

Граф не сказал, под силу ему сие или нет, но безапелляционно заявил, что знает, как заставлять жемчужины расти и придавать им чистейшую воду. Король отнесся к его словам с величайшим вниманием и маркиза дю Помпадур тоже. Месье дю Кёнуа однажды сказал, что Сен-Жермен - мошенник, но король сделал ему выговор. В сущности, его величество, похоже, не чает в нем души и порой говорит о нем так, будто тот действительно знатного рода.»

В услужении у Сен-Жермена был один забавнейший проходимец, к которому он часто обращался за подтверждением во время своих рассказов об удивительных событиях, имевших место столетия назад. Этот человек, не лишенный способностей, обычно подтверждал его слова самым убедительным образом. Как-то раз его хозяин, обедая в компании дам и господ, пересказывал им беседу, которую он, якобы, имел в Палестине с английским королем Ричардом I, коего он характеризовал как своего очень близкого друга. На лицах почтенной компании читались изумление и недоверие, и Сен-Жермен весьма невозмутимо обернулся к своему слуге, стоявшему за его стулом, и попросил того подтвердить или опровергнуть сообщенную им информацию. «Я, право, не знаю, - ответил не шелохнувшись слуга. - Вы забываете, сударь, что я служу вам всего пятьсот лет!» «Ах, да!- промолвил его хозяин. - Я и забыл, что это было незадолго до вашего рождения!»

В тех редких случаях, когда он общался с людьми, которых не мог так легко одурачить, он давал выход презрению, которого едва ли мог избежать в отношении поразительно легковерного большинства. «Эти дураки-парижане, - сказал он как-то раз барону де Гляйхену, - верят, что мне более пятисот лет, а поскольку им хочется в это верить, я укрепляю их в этой мысли. Но по правде говоря, я действительно намного старше, чем кажусь.»

Об этом загадочном самозванце рассказывают множество других историй, но для описания его характера и притязаний достаточно приведенных выше. Есть сведения, что он пытался найти философский камень, но никогда не хвастался успешным завершением поисков. Ландграф Гессен-Касселя, с которым он

познакомился еще в Германии, писал ему настоятельные письма, в которых умолял покинуть Париж и поселиться в его владениях, на что Сен-Жермен в конце концов согласился. Больше о его жизни ничего не известно. При гессен-кассельском дворе не было сплетников-мемуаристов, которые могли бы зафиксировать на бумаге его изречения и деяния. Он умер в Шлезвиге, в имении своего друга-ландграфа, в 1784 году.

КАЛИОСТРО (CAGLIOSTRO)

Сей прославленный шарлатан, друг и преемник Сен-Жермена, добился еще большей известности. Он был архиплутом своего времени и последним из выдающихся претендентов на владение философским камнем и живой водой, а во время своего непродолжительного процветания - одной из виднейших фигур Европы.

Его настоящее имя было Джузеппе Бальзаме. Он родился около 1743 года в Палермо, в бедной семье. Джузеппе имел несчастье в раннем детстве потерять отца, вследствие чего забота о его образовании легла на родственников матери, которые были слишком бедны, чтобы обеспечить обучение его чему-либо, кроме чтения и письма. В четырнадцать лет он был отправлен в монастырь для постижения основ химии и медицины, но его нрав был столь запальчивым, леность столь неодолимой, а дурные привычки столь глубоко укоренившимися, что он никак не преуспел в учебе. Через несколько лет Джузеппе ушел из монастыря, запомнившись его обитателям как ничему не научившийся и распущенный молодой человек, щедро одаренный природой, но имеющий дурные наклонности. Достигнув совершеннолетия, он с головой окунулся в необузданную и беспутную жизнь и вступил в знаменитое братство, известное во Франции и в Италии как «рыцари сноровки», а в Англии как «аферисты». Он был весьма незаурядным и деятельным членом сей братии. Его «боевым крещением» стала подделка театральных контрамарок. Позднее Джузеппе ограбил собственного дядю и подделал завещание. Результатом подобных действий стали частые принудительные визиты в палермские тюрьмы. Каким-то образом он приобрел репутацию колдуна - человека,

который не смог открыть секреты алхимии и продал душу дьяволу за золото, которое был не в состоянии делать путем трансмутации. Бальзамо не пытался вывести людей из этого заблуждения, а скорее ему потворствовал. В конце концов он использовал его себе на руку, чтобы облапошить серебряных дел мастера по фамилии Марано примерно на шестьдесят унций золота, и в результате был вынужден покинуть Палермо. Он убедил этого человека в том, что за шестьдесят унций золота может привести его к кладу, зарытому в пещере, который тот сможет забрать себе целиком, просто выкопав его из земли. В полночь они отправились в пещеру неподалеку от Палермо, где Бальзамо начертил на земле магический круг и призвал дьявола показать, где спрятано его сокровище. Вдруг откуда ни возьмись появилось полдюжины человек - сообщников мошенника, переодетых чертями. На головах у них были рога, на пальцах - когти, а изо ртов вырывалось красное и голубое пламя. Они были вооружены вилами, которыми отделали бедного Марано до полусмерти, после чего изъяли у него шестьдесят унций золота и все находившиеся при нем ценные вещи. Затем они удрали в сопровождении Бальзамо, оставив несчастного серебряных дел мастера поправляться или умирать. Природа предпочла первый вари ант развития событий, и вскоре после рассвета Марано пришел в себя, испытывая жгучую телесную боль от ударов и душевную - от обмана, жертвой которого он стал. Сперва он порывался донести на Бальзамо в городскую магистратуру, но, подумав, испугался осмеяния, которому он мог бы подвергнуться в результате детального изучения всех обстоятельств дела. И тогда он решил отомстить Бальзамо как истинный итальянец: убить его при первой удобной возможности. После того, как он высказал сие намерение в присутствии одного из друзей Бальзамо, последний, узнав о грозящей ему опасности, незамедлительно упаковал ценные вещи и покинул Европу.

Его новым местожительством стал аравийский город Медина, где он познакомился с греком по имени Алтотас — человеком, который в совершенстве знал все восточные языки и неустанно изучал алхимию. Он владел бесценной коллекцией арабских манускриптов по своей любимой науке и штудировал их с таким неослабным усердием, что не мог уделять достаточно

времени своим тиглям и печам, не пренебрегая книгами. Он как раз подыскивал себе ассистента, когда к нему явился Бальзаме, который произвел на него столь благоприятное впечатление, что Атлотас сразу же остановил на нем свой выбор. Но между ними
недолго существовали отношения хозяина и слуги. Бальзамо был слишком честолюбив и слишком умен, чтобы оставаться на вторых ролях, и за пятнадцать дней с момента их знакомства они стали друзьями и полноправными партнерами. За свою долгую жизнь, посвященную алхимии, Алтотас случайно сделал несколько полезных открытий в области химии, одним из коих была добавка для усовершенствования процесса изготовления льняного полотна и придания изделиям из этого материала блеска и мягкости, почти как у шелка. Бальзамо дал ему хороший совет: временно отказаться от поисков философского камня и озолотиться от торговли данным ингредиентом. Совет был принят, и они вместе отправились в Александрию, имея при себе большие запасы означенного товара. Партнеры пробыли в этом городе сорок дней и заработали на своей рискованной затее большие деньги. После этого они с тем же успехом посетили другие египетские города. Они также побывали в Турции, где торговали снадобьями и амулетами. По возвращении в Европу они под влиянием непогоды компаньоны прибыли на Мальту, где были радушно приняты Пинто, гроссмейстером* мальтийских рыцарей и известным алхимиком. Они несколько месяцев проработали в его лаборатории, упорно пытаясь найти философский камень и превратить оловянную посуду в серебряную. Бальзамо, не столь уверенный в успехе сей затеи, как его компаньоны, устал от нее раньше них и, получив от гостеприимного гроссмейстера множество рекомендательных писем в Рим и Неаполь, сократил алхимическое трио до размеров дуэта.

Он давно уже отказался от имени Бальзамо из-за множества связанных с ним неприятных ассоциаций и во время своих путешествий присвоил себе по меньшей мере десяток других с добавлением титулов: шевалье де Фишио, маркиз де Мелисса, барон де Бельмонте, де Пеллигрини, д'Анна, де Феникс, де Ха-

* Гроссмейстер (великий магистр) - глава католического духовно-рыцарского ордена, избираемый пожизненно его членами и утверждаемый Папой Римским. *Прим. перев.*

рат и граф де Калиостро. Чаще всего он назывался последним именем, под которым прибыл в Рим и больше никогда его не менял. В этом городе он объявил себя реставратором розенкрейцерской философии, способным превращать все металлы в золото, становиться невидимым, лечить все болезни и снабжать людей эликсиром от старения. Рекомендательные письма от гроссмейстера Пинто обеспечили ему знакомство с самыми знатными семействами. Он быстро богател от продажи своего *elixir vitae*
и подобно другим знахарям регулярно осуществлял удивительные исцеления, вселяя в своих пациентов сильнейшую веру в его способности и надежду на выздоровление и пользуясь таким образом преимуществом, которое самые дерзкие шарлатаны часто имеют над обычными врачами.

Разрабатывая свою золотую жилу, он свел знакомство с прелестной Лоренцой Феличианой, молодой дамой из знатной, но обедневшей семьи. Вскоре Калиостро понял, что она обладает бесценными достоинствами. Помимо необыкновенной красоты, она отличалась исключительной сообразительностью, безупречными манерами, богатейшим воображением и крайней беспринципностью. Эта незамужняя римлянка идеально подходила на роль жены Калиостро, который предложил ей руку и сердце и получил согласие. После свадьбы он посвятил прекрасную Лоренцу во все свои профессиональные тайны: научил ее красивые губки вызывать ангелов, джиннов, сильфов, саламандр и ундин, а при необходимости - бесов и злых духов. Лоренца была способной ученицей. Она быстро выучила весь алхимический жаргон и все колдовские заклинания, после чего многообещающая парочка отправилась в путь-дорогу, дабы наживаться на суеверных и легковерных.

Для начала супруги поехали в Шлезвиг, чтобы нанести визит графу де Сен-Жермену, их знаменитому предшественнику в искусстве одурачивания людей, и были приняты им самым радушным образом. Сей почтенный и умудренный опытом джентльмен, несомненно, оказал моральную поддержку избранному ими роду деятельности, ибо сразу после расставания с ним они приступили к своим махинациям. Они три-четыре года путешествовали по России, Польше и Германии, превращая металлы, гадая, вызывая духов и продавая *elixir vitae* везде, где

проезжали, но каких-либо более конкретных сведений о данном периоде их жизни история не сохранила. Восхождение графаи графини де Калиостро к европейской известности началось в Англии, где они появились в 1776 г. Они прибыли в Лондон в июле сего года, имея при себе столовое серебро, драгоценности и металлические деньги на сумму около трех тысяч фунтов. Супруги сняли апартаменты на Уитком-стрит и несколько месяцев жили, не привлекая к себе внимание. В том же доме квартировала португалка по фамилии Блейвери, которая, находясь в очень стесненных обстоятельствах, была нанята графом в качестве переводчицы. Она имела постоянный доступ в его лабораторию, где он проводил много времени в поисках философского камня. В обмен на радушие своего хозяина она повсюду его восхваляла и усердно пыталась привить всем и каждомуверу в его необычайные способности, равную ее собственной. Но мадам Блейвери не вполне отвечала требованиям графа либо по социальному статусу и манерам, либо по внешности его переводчицы, и он взял на ее место человека по фамилии Вителлини, учителя языков. Вителлини был заядлым игроком, перепробовавшим для поправки своего изрядно пошатнувшегося финансового положения почти все средства, в том числе поиски философского камня. Став свидетелем алхимических опытов графа, он тотчас же возомнил, что тот владеет великим секретом и что перед ним открыты золотые врата в чертог изобилия. С еще большим энтузиазмом, чем мадам Блейвери, он сообщал своим знакомым и посетителям всех общественных мест, что граф - незаурядная личность и истинный адепт, состояние которого огромно, и который умеет превращать в чистое золото столько свинца, железа и меди, сколько его душе угодно. В результате дом, в котором жил Калиостро, осаждали толпы праздных, легковерных и алчных людей, страстно желавших взглянуть на «философа» или получить свою толику несметного богатства, которое он якобы мог создать.

К несчастью для Калиостро, он попал в лапы недоброжелателей. Вместо того, чтобы облапошить англичан, он сам стал жертвой шайки жуликов, которые, целиком и полностью полагаясь на его оккультные способности, преследовали единственную цель - заработать на нем деньги. Вителлини

познакомил его с таким же, как и он сам, разорившимся игроком по фамилии Скот, которого представил как шотландского дворянина, приехавшего в Лондон исключительно ради встречи и беседы с выдающимся человеком, молва о коем достигла далеких северных гор. Калиостро принял его весьма любезно и радушно, и вслед за этим «лорд» Скот представил как леди Скот женщину по фамилии Фрай, которая вызвалась сопровождать графиню де Калиостро в общественные места и познакомить ее со всеми титулованными семействами Британии. Калиостро и его жена легко купились на эту ложь. «Его светлость», чье имущество осталось в Шотландии, и который не имел в Лондоне банковского счета, занял у графа двести фунтов. Калиостро одолжил их без колебаний - настолько он был польщен знаками внимания, которые сии «дворяне» ему оказывали почтением, если не почитанием, с которым они, якобы, к нему относились, и благоговением, с которым они внимали каждому его слову.

Суеверный, как и все заядлые игроки, Скот, участвуя в лотерее или играя в рулетку, часто делал ставки на магические и кабалистические цифры. У него был какой-то кабалистический манускрипт, содержащий различные арифметические комбинации для определения счастливых чисел, который он представил на рассмотрение Калиостро с настойчивой просьбой выбрать какое-нибудь число. Калиостро взял рукопись и изучил ее, не веря, впрочем, (согласно его автобиографии) в эффективность приведенной в ней методики. Несмотря на это, он предсказал, что 6 ноября счастливый жребий падет на цифру 20. Скот поставил на это число небольшую сумму от занятых им двухсот фунтов и выиграл. Калиостро, окрыленный успехом, провозвестил, что во время следующего тиража фортуна улыбнется числу 25. Скот сделал новую ставку и выиграл сто гиней. К изумлению и восхищению Калиостро, цифры 55 и 57, напророченные им на 18 число того же месяца, также оказались счастливыми, и тогда он решил пытать счастье ради самого себя, а не ради других. Скот и его «леди» умоляли его предсказывать им числа и дальше, но он оставался глух к их мольбам даже в то время, когда он все еще считал Скота лордом и честным человеком; когда же

он узнал, что тот не более, чем жулик, а мнимая леди Скот - всего лишь хитрая проститутка, он прекратил всякое общение с ними и их сообщниками.

Слепо веря в сверхъестественные способности графа и лишившись его поддержки, они испытывали глубочайшие страдания. Мошенники пытались умилостивить его вновь любыми средствами, какие подсказывала им изобретательность. Они умоляли его, угрожали ему и пытались его подкупить, но все было напрасно. Калиостро не хотел ни встречаться с ними, ни вступать в переписку. Между тем «эти дворяне» они вели расточительную жизнь и в надежде на будущее растратили все свои барыши. Они находились в состоянии крайней нужды, когда мисс Фрай получила доступ к графине, сказалась голодающей и приняла от нее гинею. Не удовлетворившись этим, мисс Фрай попросила ее убедить мужа в последний раз указать счастливое число лотерейного розыгрыша. Графиня пообещала оказать на него влияние, и Калиостро под давлением жены назвал цифру 8, приняв одновременно повторное решение больше не иметь с самозванцами и их присными никаких дел. По необычайному совпадению, приятно удивившему Калиостро, под восьмым номером оказался главный выигрыш лотереи. Мисс Фрай и ее сообщники получили от сей авантюры чистую прибыль в полторы тысячи гиней, пуще прежнего уверовали в оккультные способности Калиостро и укрепились в своей решимости не расставаться с ним до тех пор, пока как следует не разбогатеют. Будучи при деньгах, мисс Фрай купила в ломбарде красивое ожерелье за девяносто гиней. Затем она заказала ювелиру золотую шкатулку с орнаментом, имевшую два отделения, в одном из которых она спрятала ожерелье, а другое наполнила нюхательным табаком с тонким ароматом. После этого она добилась еще одной встречи с мадам де Калиостро и уговорила ее принять шкатулку как маленький знак уважения и признательности, не упомянув о спрятанном внутри дорогом ожерелье. Мадам де Калиостро приняла подарок и с этой минуты стала объектом непрекращающегося приставания со стороны всех заговорщиков: Блейвери, Вителлини и мнимых лорда и леди Скот. Они тешили себя надеждой, что им удалось вернуть утраченное расположение графа, и день за днем наведывались к нему, чтобы узнать счастливые числа ло-

тереи. При этом им иногда удавалось подняться наверх и попасть в его лабораторию, несмотря на сопротивление слуг. В конце концов Калиостро, доведенный до белого каления их назойливостью, пригрозил обратиться в магистратуру и, схватив мисс Фрай за плечи, вытолкал ее на улицу.

Этот день можно считать точкой отсчета злоключений Калиостро. По наущению своего возлюбленного мисс Фрай решила отомстить. Для начала она подала на Калиостро в суд, обвинив его в задолженности в размере двухсот фунтов. Она подтвердила обвинение под присягой, и Калиостро арестовали. Пока он находился в месте предварительного заключения должников*, Скот и один подлый юрист вломились в его лабораторию и вынесли оттуда некоторое количество кабалистических манускриптов и алхимических трактатов, а также маленькую шкатулку, содержавшую, как они считали, порошок для превращения металлов. Кроме того, они предъявили ему иск о возвращении ожерелья, а мисс Фрай обвинила его и графиню в колдовстве и предсказании лотерейных чисел с помощью дьявола. Последнее дело разбиралось судьей Миллером. Иск о возмещении убытков, возникших вследствие незаконного завладения ожерельем, рассматривался председателем Суда общегражданских исков**, который порекомендовал сторонам передать их спор на разрешение третейского суда. Отсидев в тюрьме несколько недель, Калиостро был отпущен на поруки. Вскоре после этого к нему явился юрист по фамилии Рейнолдс, также замешанный в заговоре, который предложил на определенных условиях уладить все возбужденные против него дела путем компромисса. Пришедший вместе с ним Скот поначалу прятался за дверью, а затем внезапно выскочил из-за нее, приставил пистолет к груди Калиостро и поклялся немедленно выстрелить, если тот не скажет правду об искусстве предсказания счастливых чисел и превращении металлов. Рейнолдс с притворным гневом разоружил со-

* Место, где должников держали 24 часа, чтобы дать им возможность договориться с кредиторами. *Прим. перев.*

** Суд общегражданских исков (Court of Common Pleas) - одно из старейших судебных учреждений Великобритании, впоследствии преобразованное и переименованное в Высокий суд (High Court of Justice) - суд первой инстанции по гражданским делам с юрисдикцией на всей территории Великобритании. *Прим. перев.*

общника и с мольбой в голосе попросил графа удовлетворить их любопытство и открыть свои тайны, взамен пообещав прекратить судебное преследование и оставить его в покое. Калиостро ответил, что угрозы и мольбы одинаково бесполезны, что никаких секретов он не знает, и что порошок, который они у него украли, имеет ценность только для него самого. Он, однако, заявил, что простит им все деньги, которые они у него выманили, если они прекратят судебное преследование и вернут ему порошок и рукописи. Это предложение было встречено отказом, и Скот и Рейнолдс ушли, поклявшись ему отомстить.

Калиостро, похоже, совершенно не разбирался в английских законах и не имел друга, который подсказал бы ему, как наилучшим образом действовать в сложившейся ситуации. Когда он однажды обсуждал с графиней свалившиеся на них невзгоды, к нему зашел один из его поручителей. Сей визитер пригласил графа прокатиться в наемном экипаже и посетить дом человека, который позаботится о его правах. Калиостро согласился и был привезен в тюрьму при Суде королевской скамьи, где «друг» покинул его. Не имея представления о процедуре отказа от поручительства, он несколько часов не мог понять, что является заключенным.

Калиостро вновь обрел свободу несколько недель спустя, когда третейские судьи в отношениях между ним и мисс Фрай вынесли решение по его делу. Ему было предписано выплатить ей двести фунтов, которые он ей, якобы, задолжал, и вернуть ожерелье и золотую шкатулку, подаренные графине. Калиостро был настолько возмущен, что решил покинуть Англию. Дополнительным поводом для данного решения послужило беспощадное разоблачение его притязаний французом по фамилии Моранд, издателем лондонской газеты *«Courrier de l'Eиgope»**. Не прибавило ему радости и то обстоятельство, что он был опознан в Вестминстер-холле как Джузеппе Бальзамо, палермский жулик. После такого позора дальнейшее пребывание в Англии не имело смысла. «Граф» и «графиня» упаковали свои скудные пожитки и покинули страну, имея при себе не более пятидесяти фунтов от тех трех тысяч, с которыми они в нее прибыли.

* *«Европейский курьер»* (фр.). *Прим. перев.*

Сперва они проследовали в Брюссель, где судьба была к ним более благосклонна. Они продали там большое количество эликсира жизни и осуществили множество исцелений, поправив таким образом свое финансовое положение. После этого они поехали через Германию в Россию, и всюду их ждал шумный успех. Золото текло в их сундуки быстрее, чем они успевали его считать. Ничто не напоминало им о лишениях английского периода, научивших их быть более осмотрительными в выборе знакомых.

В 1780 году супруги прибыли в Страсбург. Молва о них достигла этого города до их приезда. Они сняли шикарную гостиницу и пригласили на банкет всех влиятельных страсбуржцев. Их богатство и радушие казались беспредельными. И граф, и графиня занимались врачеванием и одаривали деньгами, советами и снадобьями всех нуждавшихся и страдавших от болезней и иных невзгод горожан. Многие проводимые ими исцеления изумляли тех обычных докторов, которые скептически относились к поразительно эффективной в ряде случаев силе внушения. Графиня, которая в то время была не старше двадцати пяти лет и лучилась грацией, красотой и весельем, говорила на людях, что ее старший сын - прекрасный молодой человек двадцати восьми лет, который вот уже несколько лет как капитан голландской армии. Сия «утка» прошла на ура. Все
уродливые старухи Страсбурга и поселений на мили окрест посетили салон графини, чтобы купить жидкость, которая должна была сделать их такими же цветущими, как их дочери. В равной степени устремились за чудодейственным эликсиром и молодые женщины, желавшие сохранить свое очарование и, прожив в два раза дольше, чем Нинон де Ланкло*, быть красивее ее. Что же до мужчин, то среди них не было недостатка в глупцах, воображавших, что с помощью нескольких капель того же несравненного эликсира им удастся отсрочить неизбежные старение, смерть и утрату мужской силы. Графиня, надо отдать ей должное, была воплощением неувядаемого очарования и выглядела как настоящая богиня молодости и красоты. Возможно, сонмы юношей, зрелых мужчин и стариков, при каждом

* Нинон де Ланкло (1616 — 1705) — знаменитая французская красавица. *Прим. перев.*

удобном случае посещавших благоуханные покои чаровницы, притягивала не столько вера в ее оккультные способности, сколько восхищение ее томными ясными очами и игривыми изречениями. Но при всем своем кокетстве мадам де Калиостро всегда была верна своему супругу. Да, она вселяла надежды, но они никогда не сбывались, она вызывала восхищение, но не позволяла воздыхателям выходить за рамки приличия и делала мужчин своими рабами, никогда не оказывая им услугу, коей могли бы похвастаться наиболее тщеславные.

В этом городе наши герои завязали знакомство с многими знаменитыми людьми, в том числе с принцем и кардиналом де Роганом, которому было суждено весьма неблагоприятным образом повлиять в будущем на их судьбу. Кардинал, который, похоже, считал Калиостро великим философом, уговаривал его посетить вместе с ним Париж, что тот и сделал, но пробыл там всего тринадцать дней. Он предпочитал находиться в обществе жителей Страсбурга, куда и вернулся с намерением держаться подальше от столицы. Однако Калиостро вскоре обнаружил, что первоначальное радостное возбуждение от его прибытия прошло. Люди стали прислушиваться к голосу разума и стыдиться былого восторга. Те из них, кому он некогда щедро раздавал милостыню, теперь называли его антихристом, Вечным жидом, человеком, которому одна тысяча четыреста лет, и демоном в человеческом обличье, посланным доводить невежд до смерти под видом исцеления. Более состоятельные и образованные считали его шпионом на службе у иностранных правительств, агентом полиции, мошенником и лиходеем. В конце концов недовольство страсбуржцев стало настолько сильным, что он счел за благо попытать счастья где-нибудь в другом месте.

Сперва он поехал в Неаполь, но этот город находился слишком близко от Палермо, и он боялся быть узнанным кем-нибудь из старых знакомых. После недолгого пребывания в Неаполе он вернулся во Францию. В качестве следующего местожительства он выбрал Бордо, где произвел такую же сенсацию, как в Страсбурге. Он объявлял себя основателем нового направления в медицине и философии, похвалялся способностью лечить от всех болезней и приглашал к себе бедняков и больных, дабы облегчать нужду одних и исцелять хвори других. На улице напротив

фешенебельной гостиницы, в которой он поселился, целыми днями толпился народ. К сему удивительному лекарю стекались женщины с больными младенцами на руках, хромые, слепые и обладатели всех прочих телесных недостатков и недугов. Помощь, которую он оказывал деньгами, с лихвой компенсировала неэффективность его снадобий, и наплыв людей со всей округи стал настолько интенсивным, что *jurats** этого города предоставили ему солдат-стражников, которые денно и нощно находились у входа в гостиницу и следили за порядком. Ожидания Калиостро оправдались. Восхищенные его добротой и благотворительностью, богачи полностью уверовали в его необычайные способности. Торговля эликсиром шла превосходно. Салоны графа были заполнены богатыми простофилями, приходившими купить себе бессмертие. Слабый пол манила красота, сохраняемая веками, а сильный - здоровье и сила в течение того же периода. Тем временем прелестная графиня зарабатывала деньги гаданием, составлением гороскопов и предоставлением сильфов- сопровождающих любым дамам, готовым заплатить за их услуги достаточную сумму. При этом она способствовала поддержанию репутации мужа и устраивала в Бордо грандиознейшие званые вечера.

Но как и в Страсбурге, массовое заблуждение длилось всего несколько месяцев и постепенно сошло на нет. Калиостро, опьяненный успехом, забыл, что всякое шарлатанство имеет временной предел, когда недоверие достигает критической точки. Когда он объявил, что может вызывать из могил души умерших, ему никто не поверил. Его обвиняли во враждебном отношении к религии, в отречении от Христа и в том, что он - Вечный жид. Пока эти слухи циркулировали в узком кругу, он относился к ним с презрением, но когда они охватили весь город, когда он остался без покупателей, когда званые вечера потеряли смысл из-за отсутствия гостей, а его знакомые стали от него отворачиваться при случайных уличных встречах, он счел, что самое время сменить местожительство.

К тому времени он устал от провинциальной жизни и обратил свои помыслы в сторону столицы. По прибытии в Париж

* члены городского правления (в некоторых юго-западных городах Франции) (фр.). *Прим. перев.*

он объявил себя реставратором «египетского» масонства* и родоначальником новой философии. С помощью своего друга, кардинала де Рогана, он немедленно стал вхож в высшее общество. Его успех как мага был феноменальным - его посещали виднейшие персоны того времени. Подобно розенкрейцерам, он приписывал себе общение с элементалами, вызывание душ великих людей из могил, превращение металлов и постижение тайн мироздания под особым покровительством Бога. Как и доктор Ди, он вызывал ангелов, чтобы узнавать будущее, и они появлялись и разговаривали с ним, находясь в кристаллах или под стеклянными колокольчиками**. «Вряд ли, - говорится в *«Biographie des Contemporains»****, - в Париже была хоть одна светская дама, не хотевшая поужинать в апартаментах Калиостро с тенью Лукреция*****; хоть один военный офицер, не желавший обсудить военное искусство с Цезарем, Ганнибалом или Александром Македонским, или хоть один адвокат или советник, не стремившийся вступить в юридический диспут с призраком Цицерона». Сии беседы с усопшими стоили очень дорого, потому что, как говорил Калиостро, мертвые не воскреснут за бесценок. Графиня же, как обычно, использовала всю свою изобретательность, чтобы поддержать репутацию мужа. Ей благоволили дамы, восторженной, доверчивой и многочисленной аудитории которых она подробно рассказывала о необыкновенных способностях Калиостро. Она говорила, что он может становиться невидимым, путешествовать по миру со скоростью мысли и находиться в нескольких местах одновременно******.

Прошло не слишком много времени со дня его прибытия в Париж, когда Калиостро оказался замешанным в громкую афе-

* Масонство (франкмасонство) (от фр. franc macon - вольный каменщик) - религиозно-философское течение, возникшее в начале XVIII в. преимущественно в буржуазных и дворянских кругах с целью мирного объединения человечества в религиозно-братском союзе и выразившееся в создании тайных обществ (лож), позаимствовавших традиции от средневековых цехов (братств) строителей-каменщиков и отчасти от средневековых рыцарских и мистических орденов. *Прим. перев.*

** См. книгу аббата Фиара *«Эпизоды правления Людовика XVI». Прим. авт.*

*** *«Биографии современников»* (фр.). *Прим. перев.*

**** Тит Лукреций Кар -римский поэт и философ-материалист I в. до н. э. *Прим. перев.*

***** *«Биографии современников»,* статья «Калиостро». См. также *«Историюмагии во Франции»* месье Жюля Гарине, стр. 284. *Прим. авт.*

ру с ожерельем королевы. Его друг, кардинал де Роган, очарованный прелестями Марии Антуанетты, глубоко страдал от ее холодности и недовольства, которое та весьма часто проявляла по отношению к нему. В то время в услужении у королевы находилась дама по фамилии Ла Мотт, которой кардинал имел глупость рассказать о своих переживаниях. Мадам де ла Мотт в свою очередь попыталась сделать кардинала орудием в своих руках и неплохо в этом преуспела. Будучи камеристкой, то есть дворцовой служанкой королевы, она присутствовала при беседе ее величества с месье Бёмером, состоятельным парижским ювелиром, выставившим на продажу великолепное бриллиантовое ожерелье стоимостью в 1 600 000 франков, или около 64 000 фунтов стерлингов. Королева пришла от ожерелья в полный восторг, но ответила ювелиру отказом, посетовав на то, что она слишком бедна, чтобы его купить. Мадам де ла Мотт придумала план завладения этим дорогостоящим украшением и решила сделать кардинала де Рогана инструментом для его осуществления. Для этого она встретилась с ним и с притворным сочувствием его горю, вызванному немилостью королевы, сказала, что знает способ, прибегнув к коему, он мог бы вернуть ее расположение. Далее она упомянула об ожерелье и о печали, испытываемой королевой из-за невозможности его приобретения. Кардинал, который был столь же богат, сколь и глуп, немедленно вызвался купить ожерелье и подарить его королеве. Мадам де ла Мотт посоветовала ему ни в коем случае этого не делать, так как тем самым он оскорбит ее величество. Вместо этого она предложила ему заставить ювелира предоставить ее величеству кредит и принять от нее долговую расписку на выплату означенной суммы в установленный срок, подлежащий согласованию в будущем. Кардинал охотно согласился на сие предложение и приказал ювелиру составить соглашение, взяв на себя получение подписи королевы. Он отдал документ мадам де ла Мотт, которая вскоре после этого вернула его с написанными на поле словами: «Bon, bon - approuve - Marie Antoinette»*. Одновременно она сказала ему, что королева очень довольна тем, как он себя проявил в этом деле, и назначит ему

* "Хорошо, хорошо" одобряю. Мария Антуанетта» . *Прим. перев.*

свидание в Версальском парке, во время которого подарит цветок в знак своего расположения. Кардинал показал документ с поддельной резолюцией ювелиру, получил ожерелье и доставил его мадам де ла Мотт. Пока все шло по плану. Следующей ее задачей было удовлетворить кардинала, который с нетерпением ждал обещанной встречи со своей ненаглядной. В это время в Париже находилась молодая женщина по фамилии д'Олива, знаменитая своим сходством с королевой. Мадам де ла Мотт пообещала ей щедрое вознаграждение и без труда уговорила ее сыграть роль Марии Антуанетты и встретиться с кардиналом де Роганом в вечерних сумерках в Версальском парке. Таким образом, свидание состоялось. Кардинал был обманут скудным освещением, поразительным сходством двойника с оригиналом и собственными надеждами. Приняв цветок от мадемуазель д'Оливы, он ушел домой с более легким сердцем, чем то, что билось в его груди вот уже много дней*.

Со временем подделка королевской подписи была обнаружена. Б ем ер, ювелир, сразу же назвал остальных участников сделки - кардинала де Рогана и мадам де ла Мотт, которые были арестованы и брошены в Бастилию. Ла Мотт подверглась тщательному допросу, и на основании показаний, данных ею против Калиостро, того арестовали вместе с женой и также отправили в Бастилию. Столь скандальная история неизбежно привлекла к себе самое пристальное внимание. Парижане только и говорили что об ожерелье королевы, попутно выдвигая предположения относительно вины или невиновности задержанных. Муж мадам де ла Мотт бежал в Англию. По мнению многих, он забрал ожерелье с собой и со временем избавился от него, распродав небольшими фрагментами разным ювелирам. Но мадам де ла Мотт настойчиво утверждала, что она доверила его Калиостро, который завладел им и разобрал на части, чтобы «пополнить сокровищницу своего огромного и непревзойденного состояния». Она охарактеризовала его следующим образом: «Знахарь, пре-

* Когда успешный ход Великой французской революции растравил злобу врагов несчастной королевы Франции, те утверждали, что в действительности она была одним из участников данной сделки, что она, а не мадемуазель д'Олива, встретилась с кардиналом и подарила ему цветок, и что история, рассказанная выше, была попросту состряпана ею, Ла Мотт и другими, дабы выманить у ювелира обманом 1 600 000 франков. *Прим. авт.*

зренный алхимик, мечтательный искатель философского камня, лжепророк, осквернитель истинной веры, самозванный граф Калиостро!» Далее она сказала, что именно он задумал план разорения кардинала де Рогана, что посредством некоего магического воздействия на ее разум он склонил ее к осуществлению его замысла, и что он - грабитель, мошенник и колдун.

После того, как обвиняемые по этому делу просидели в Бастилии свыше полугода, процесс начался. Были заслушаны показания свидетелей, и Калиостро, как главный обвиняемый, первым получил возможность высказаться в свою защиту. Его выслушали с напряженнейшим вниманием. Он принял театральную позу и начал свою речь: «Меня притесняют! Меня обвиняют! На меня клевещут! Разве я заслужил сей удел? Я обращаюсь к своей совести и нахожу в ней покой, в коем люди мне отказывают! Я много путешествовал. Меня знают по всей Европе и на значительной части Азии и Африки. Повсюду я был другом тем, кто меня окружал. Мои знания, время и богатство я всегда использовал для облегчения людских страданий. Я изучил медицину и был практикующим врачом, но я никогда не унижал это благороднейшее и утешительнейшее из ремесел никакими торгашескими спекуляциями. Несмотря на то, что я всегда только давал и никогда ничего и ни от кого не принимал, я сохранил свою независимость. Я был настолько щепетилен в этом вопросе, что не принимал услуги даже от королей. Я безвозмездно раздавал лекарства и советы богатым, бедные получали от меня и лекарства, и деньги. Я никогда не влезал в долги, а мои манеры чисты и не испорчены.» После гораздо более многочисленных самовосхвалений в том же духе он обратил внимание аудитории на те великие страдания, которые перенес, будучи в течение столь многих месяцев разлученным со своей ни в чем не повинной и любящей женой, которая, как ему дали понять, была заточена в Бастилию и, возможно, прикована цепью к стене сырой темницы. Он настойчиво отрицал, что ожерелье находится у него и что он его когда-либо видел. Чтобы защитить себя от слухов и обвинений, инспирированных, возможно, его собственной скрытностью в отношении своей предыдущей жизни, он выразил готовность удовлетворить любопытство публики и представить

на ее рассмотрение ясный и полный отчет о перипетиях своей судьбы. Далее он рассказал романтичную и неправдоподобную историю, которая никого не обманула. Он сказал, что не знает ни места своего рождения, ни имен своих родителей, а раннее детство провел в Медине, в Аравии, и воспитывался под именем Ахарат. Он жил во дворце великого муфтия, имея трех слуг и наставника по имени Алтотас. Сей Алтотас не чаял в нем души и рассказал ему, что его мать и отец, которые были христианами и дворянами, умерли, когда ему было три месяца, оставив его на попечение муфтия. Он так никогда и не узнал их имена, ибо каждый раз, когда он задавал Алтотасу этот вопрос, тот отвечал, что ему опасно об этом знать. Несколько неосторожных фраз, оброненных наставником, дали ему повод считать их мальтийцами. В возрасте двенадцати лет он впервые отправился в путешествие и начал изучать разные восточные языки. Три года он прожил в Мекке, где халиф (верховный правитель) относился к нему с такой добротой и разговаривал с ним так нежно и тепло, что он порой думал, что этот человек - его отец. Он расстался с этим добрым человеком со слезами на глазах и никогда его больше не видел, но даже в этот момент он убежден, что всеми своими достижениями обязан его заботам. Когда бы и в какой бы город он ни приезжал, будь то в Европе или Азии, везде на его имя был открыт счет у крупнейших банкиров или купцов. Стоило ему представиться, и они могли выдать ему тысячи и сотни тысяч, не задавая никаких дополнительных вопросов. Ему было достаточно произнести слово «Ахарат», и все его желания беспрекословно выполнялись. Он твердо верил, что меккский халиф - это человек, у которого все в неоплатном долгу. Это и есть, сказал Калиостро, секрет его богатства, и он ни разу не прибегал к обману, дабы обеспечить себе средства к существованию. Кража бриллиантового ожерелья не стоила его времени, так как богатств, коими он обладает, хватит на покупку сколь угодно большого числа таких роскошных драгоценностей, какие не носила ни одна королева Франции. Что касается других обвинений, выдвинутых против него мадам де ла Мотт, то он коснулся их лишь вкратце. Она назвала его знахарем. Он сказал, что это слово ему незнакомо. Если оно означает человека, который, не имея

врачебного диплома, обладает некоторыми познаниями в медицине и не получает гонорар, который лечит и богачей, и бедняков и не берет деньги ни с тех, ни с других, то он признает, что он — знахарь. Она также назвала его презренным алхимиком. Алхимик он или нет, эпитет *презренный* применим лишь к тем, кто христарадничает и раболепствует, а он никогда не делал ни того, ни другого. Что же до «мечтательного искателя философского камня», то, что бы он на сей счет ни думал, всегда хранил молчание и не будоражил публику своими мечтами. На «лжепророка» он ответил, что никогда таковым не являлся, ибо предупреждал кардинала де Рогана, что мадам де ла Мотт - опасная женщина, связываться с которой не стоит, и жизнь подтвердила правоту его слов. Он отрицал, что является осквернителем истинной веры и что когда-либо пытался вызвать презрение к религии, напротив, сказал он, он уважает религию каждого человека и никогда не вмешивается в сию сферу. Калиостро также отрицал, что является розенкрейцером и что когда-либо приписывал себе трехсотлетний возраст или заявлял, что один человек находится у него в услужении сто пятьдесят лет. В заключение он сказал, что все заявления, сделанные мадам де ла Мотт в его адрес, - ложь, и что она *mentiris impudentissime.* Эти два слова он попросил ее адвоката ей перевести, так как счел невежливым говорить это по-французски.

Такова была суть его необычного ответа на выдвинутые против него обвинения - ответа, убедившего тех, кто до сих пор имел какие-то сомнения относительно его персоны, в том, что он - один из самых наглых самозванцев в истории человечества. Затем выступил королевский адвокат кардинала де Рогана и мадам де ла Мотт. Было очевидно, что кардинал сам является жертвой подлого заговора, а против Калиостро нет никаких улик, и суд вынес обоим оправдательный приговор. Мадам де ла Мотт была признана виновной и приговорена к публичной порке и клеймению каленым железом на спине.

Калиостро и его жену освободили из Бастилии. Обратившись к тюремщикам за рукописями и иным имуществом, конфискованным из его апартаментов, он обнаружил, что многое украдено. Вследствие этого он возбудил против них дело о возвращении манускриптов и небольшого количества порошка

для трансмутации. Прежде чем по делу могло быть вынесено какое-либо решение, он получил приказ покинуть Париж в течение суток. Боясь, что в случае повторного заточения в Бастилию он больше никогда не увидит дневного света, Калиостро незамедлительно покинул столицу Франции и проследовал в Англию. По прибытии в Лондон он познакомился с лордом Джорджем Гордоном, который принял его злоключения близко к сердцу и поместил в газетах письмо, в коем клеймил позором поведение французской королевы в деле об ожерелье и утверждал, что на самом деле она была одним из участников заговора. За это письмо лорд Джордж был по настоянию французского посла подвергнут судебному преследованию, признан виновным в клевете и приговорен к штрафу и длительному тюремному заключению.

Позднее Калиостро и графиня путешествовали по Италии, где были арестованы агентами Папы в 1789г. и приговорены к смерти. Калиостро обвинили в том, что он масон, еретик и колдун. Этот не допускавший оправдания приговор был впоследствии заменен на пожизненное заключение в замке Сант-Анджело. Его жена согласилась на заточение в женский монастырь, дабы избежать более сурового наказания. Калиостро недолго прожил в заключении. Утрата свободы была для него мучительна, накопившиеся невзгоды подорвали его здоровье и сломили его дух, и в начале 1790 г. он умер. Возможно, он и заслужил такой конец, но нельзя не признать, что приговор за приписанные ему преступления был в высшей степени позорным для папской власти, его объявившей.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АЛХИМИИ

Вот мы и закончили перечень тех, кто больше других прославился в погоне за призрачной химерой. Среди них есть люди всех званий, характеров и сословий: искренний в своих устремлениях, но заблуждающийся философ, честолюбивый монарх и обедневший дворянин, верящие в успешный исход изысканий, строящий козни шарлатан, не верящий в златоделание, но приписывающий его себе, обманув своих собратьев и пожиная плоды их доверчивости. На предыдущих страницах читатель

встретил представителей всех этих категорий. Из их жизнеописаний он узнал, что алхимическая мания имела и положительную сторону. Люди, пытаясь достичь слишком многого, не всегда тратят силы впустую. Если они не могут достичь недоступной горной вершины, то им, возможно, по плечу половина пути к ней и подбор по дороге крупиц мудрости и знания. Такая полезная наука, как химия, многим обязана своей незаконнорожденной сестре - алхимии. В поисках невозможного были сделаны многие ценные открытия, которые, в противном случае, могли бы ждать своего часа столетиями. Роджер Бэкон в поисках философского камня открыл порох - куда более замечательное вещество. Ван Гельмонт, занимаясь тем же самым, открыл свойства газа, Гебер сделал столь же важные открытия в области химии, а Парацельс среди своих бесконечных грез о превращении металлов обнаружил, что ртуть является лекарством от одной из самых ненавистных и мучительных болезней человека*.

В наши дни в Европе почти не услышишь о каких бы то ни было новых приверженцах алхимии, хотя утверждают, что один или двое наших известнейших ученых мужей не верят, что алхимические изыскания столь нелепы и тщетны, как это принято считать. Вера в колдовство, едва ли менее абсурдная, все еще влачит жалкое существование в массовом сознании, но лишь немногие сегодня настолько наивны, чтобы поверить, что какой бы то ни было эликсир мог бы продлить человеческую жизнь до столетий или превратить все наши изделия из железа и оловянную посуду в золото. В Европе дни алхимии, можно сказать, сочтены, но на Востоке она по-прежнему цветет пышным цветом. Об этом постоянно упоминают современные путешественники, называющие основными регионами ее распространения Китай, полуостров Индостан, Персию, Татарию, Египет и Аравийский полуостров.

* Имеется в виду применявшийся до начала XX в. метод лечения сифилиса парами ртути. *Прим.* перев.

Подобный эпидемии, страх перед «концом света» несколько раз охватывал страны и народы. Наиболее выдающимся был тот, что обуял христианский мир примерно в середине десятого века. В то время во Франции, Германии и Италии появилось множество фанатиков, провозглашавших, что тысячелетие, отведенное Апокалипсисом человеческому роду, близится к концу, и что сын человеческий появится в облаках, чтобы судить праведников и грешников. Церковь, согласно имеющимся данным, пыталась развеять сие заблуждение, но оно тем не менее быстро распространилось среди людей. *

Ожидалось, что Страшный суд будет проходить в Иерусалиме. Число паломников, отправившихся в 999 году на восток, чтобы ждать второго пришествия в этом городе, было настолько велико, что их сравнивали с опустошительной армией. Большинство тех, кто с этой целью покинул Европу, продали перед этим все свое добро и жили в священной земле на вырученные деньги. Ветшавшие и разрушавшиеся постройки никто не ремонтировал, ибо столь скорое светопреставление делало это занятие

* Более подробно об этом написано у Гиббона и Вольтера. *Прим. авт.*

бессмысленным. Многие превосходные здания были намеренно снесены. Даже церкви, обычно столь ухоженные, пребывали в запустении. Рыцари, горожане и крепостные, взявшие с собой жен и детей, нескончаемым потоком двигались на восток. В пути они распевали псалмы и с благоговейным страхом взирали на небеса, ожидая, что те вот-вот разверзнутся и сын Божий во всем своем великолепии спустится на грешную Землю.

В тысячном году число пилигримов возросло. Они в большинстве своем были охвачены ужасом, словно чумой. Каждое природное явление вселяло в них тревогу. Застигнутые в пути грозой, они все как один становились на колени. Они верили, что гром -это глас Господень, объявляющий наступление Судного дня, и, заслышав его раскаты, полагали, что Земля вскоре разверзнется и выпустит наружу своих мертвецов. Любой метеор, увиденный жителями Иерусалима, заставлял всех христиан этого города выходить на улицы, где они плакали и молились. Находившиеся в пути пилигримы испытывали не меньшую тревогу:

> «Lorsque, pendant la nuit, un globe de lumiere
> S'echappa quelquefois de la voute de cieux,
> Et traca dans sa chute un long sillon de feux,
> La troupe suspendit sa marche solitaire». * **

Фанатичные проповедники подливали масла в огонь. Любая падающая звезда служила поводом для проповеди, лейтмотивом которой была величественность близящегося Судного дня.

В прошлом появление комет часто считали предвестием скорой гибели этого мира. Эта вера существует в меньших масштабах и в наши дни, однако теперь кометы считаются не знамениями, а орудиями уничтожения. Не далее как в 1832 году вся материковая Европа, особенно Германия, с величайшей тревогой ожидала возможного уничтожения Земли в результате столкновения с кометой, появление которой тогда предсказывали астрономы. К этой угрозе относились всерьез. В том году

* «Когда ночью шар света соскользнул со свода неба, оставив от падения лишь длинный огня след, толпа прекратила свой одинокий бег.» *Прим. перев.*
** Люсьен Бонапарт, *«Charlemagne: Poeme epique». Прим. авт.*

многие люди воздерживались от какой бы то ни было деловой активности единственно из опасения, что сия ужасная комета разнесет вдребезги нас и нашу планету.

Во времена наиболее массовых эпидемий люди часто верили пророчествам сумасшедших фанатиков, предрекавших близость конца света. В периоды бедствий легковерие всегда достигает кульминации. Во время опустошившей всю Европу эпидемии бубонной чумы 1345 - 1350 гг. подавляющее большинство европейцев считало, что конец света не за горами. Во всех крупнейших городах Германии, Франции и Италии можно было встретить самозванных пророков, предрекавших, что не позднее чем через десять лет зазвучит архангельская труба и в облаках появится Спаситель, дабы призвать население Земли на последнее судилище.

В 1736 г. Лондон пришел в ужас от пророчества знаменитого Уистона о гибели мира 13 октября сего года. В этот день толпы людей отправились в Ислингтон, Хэмпстед и находящиеся между ними поля, чтобы наблюдать оттуда уничтожение Лондона, которое должно было стать «началом конца». В третьем томе *«Альманаха»* Свифта есть сатирический отчет об этом безрассудстве, озаглавленный *«Правдивый и заслуживающий доверия рассказ о том, что произошло в Лондоне в связи со слухом о Судном дне».* Достоверное изложение фактов было бы, бесспорно, интересным, но на сие напыщенное острословие в духе Попа и Гея полагаться нельзя.

В 1761 году лондонцы были взбудоражены двумя подземными толчками и предсказанием третьего, который должен был превратить город в руины. Первое землетрясение имело место 8 февраля и снесло несколько дымоходов неподалеку от Лаймхауса и Поплара; второе произошло 8 марта и ощущалось главным

образом на севере Лондона и к югу от Хэмпстеда и Хайгейта. Вскоре объектом всеобщего внимания стало то обстоятельство, что интервал между землетрясениями составляет ровно месяц; и один недоумок по фамилии Белл, лейб-гвардеец, настолько утвердился в мысли, что еще через месяц произойдет третье, что свихнулся окончательно и бегал по улицам, провозглашая, что 5 апреля Лондон будет полностью разрушен. Большинство людей считало, что для этого больше подходит *первое* число, однако

нашлись тысячи тех, кто принял это предсказание за чистую монету и вместе с семьями покинул место скорого бедствия. По мере приближения злополучного дня возбуждение усиливалось, и несметные полчища легковерных отправлялись во все селения, расположенные на расстоянии двадцати миль от Лондона, где намеревались переждать его гибель. Ислингтон, Хайгейт, Хэмпстед, Харроу и Блэкхит заполнялись охваченными паникой беженцами, платившими домоправительницам сих безопасных пристанищ непомерные суммы за стол и ночлег. Те же из них, кому проживание в каком бы то ни было из этих мест было не по карману, оставались в Лондоне до 1 или 2 апреля, а затем разбивали стоянки в окрестных полях, дабы остаться в живых после страшного подземного толчка, коему было суждено превратить столицу в сплошные развалины. Как и во время похожей паники, имевшей место при Генрихе VIII, страх оказался заразительным, и сотни тех, кто еще неделю назад смеялся над предсказанием, паковали свои вещи, следуя примеру других, и спешили прочь. Местом повышенной безопасности считалась Темза, и все стоявшие в порту корабли заполнялись людьми, которые провели ночь с 4 на 5 апреля на борту, готовые в любую секунду увидеть, как собор св. Павла и башни Вестминстерского аббатства зашатаются и рухнут в облаках пыли. Большинство беженцев на следующий день вернулись домой, убедившись, что пророк оказался лжепророком, но многие сочли более благоразумным доверить Лондону свои драгоценные тела лишь через неделю. Вскоре Беллу не верил уже никто, и даже самые доверчивые считали его обычным безумцем. Он сделал еще несколько предсказаний, но они никого не обманули, и несколько месяцев спустя его поместили в сумасшедший дом.

В 1806 году панический страх перед концом света охватил славных жителей Лидса и его окрестностей. Причиной тому послужило следующее. В одной из близлежащих деревень курица откладывала яйца, на которых было написано: *«Ждите второго пришествия».* Деревня стала местом паломничества любопытных, которые после осмотра сих необычайных яиц утверждались во мнении, что Судный день вот-вот наступит. Словно моряки, застигнутые штормом и готовые в любой момент пойти ко дну, люди внезапно обращали свои помыслы к

Всевышнему, истово молились и тешили себя надеждой на искупление грехов. Но вскоре, поняв, что их одурачили самым примитивным образом, они успокоились, и от их набожности не осталось и следа. Несколько джентльменов, прослышав о феномене, отправились однажды утром в курятник и застали бедную курицу за откладыванием одного из чудо-яиц. Они довольно быстро пришли к выводу, что яйцо было надписано едкими чернилами и безжалостно засунуто обратно в тело птицы. Узнав об этом, недавние богомольцы посмеялись, и жизнь вошла в свое обычное русло.

Когда в 1630 г. Милан охватила эпидемия бубонной чумы, столь впечатляюще описанная Рипамонте в его интересном труде *«De Peste Mediolani»,* жители этого города жадно внимали пророчествам астрологов и прочих самозванцев- Следует отметить, что эпидемия была предсказана за год до того, как она разразилась. Когда в 1628 г. была замечена крупная комета, мнения астрологов относительно нее разделились. Одни настаивали на том, что она является предвестием кровопролитной войны, другие утверждали, что она знаменует великий голод, но большинство, основывая свое суждение на ее тусклом цвете, считало, что она предвещает эпидемию чумы. Когда предсказание сбылось, и в городе свирепствовала чума, их репутация резко возросла.

Всеобщее внимание приковывали и другие пророчества, которые, как утверждали, были сделаны столетиями ранее. Они самым пагубным образом влияли на сознание простолюдинов, поскольку вселяли в них веру в скорую неминуемую смерть. Лишая больных надежды на выздоровление - сего целительнейшего бальзама при любом недуге - они троекратно усиливали разрушительное действие болезни. Одно необычное предсказание чуть не свело несчастных людей с ума. Древнее рифмованное двустишие, передаваемое из поколения в поколение, предвещало, что в 1630 году дьявол заразит весь Милан. Однажды ранним апрельским утром, когда чума еще не приобрела характер эпидемии, прохожие были поражены, увидев, что все двери домов на главных улицах города испачканы странной пористой обмазкой с вкраплениями гнойного содержимого чумных язв. Все миланцы поспешили увидеть необычайное явление собственными глазами, и город охва-

тило величайшее смятение. Были приняты все возможные меры, чтобы найти преступников, но тщетно. Наконец в памяти людей всплыло древнее пророчество, и во всех церквях зазвучали молитвы, коими прихожане призывали Всевышнего помочь им справиться с кознями дьявола. Многие придерживались мнения, что заразу в городе распространяют иностранные эмиссары, но подавляющее большинство миланцев было убеждено, что происходящее является результатом адского сговора и что чуму разносят сверхъестественные силы. Тем временем количество заболевших ею возрастало с угрожающей быстротой, и всеми овладели недоверие и страх. Считалось, что сатана заразил воду в колодцах и водоемах, хлеб на корню, плоды на деревьях и все, с чем человек соприкасается за пределами зданий, включая стены домов, тротуары улиц и даже дверные ручки. Население города было доведено до неуправляемого неистовства. Велось кропотливое выслеживание эмиссаров дьявола, и любому человеку, желавшему избавиться от врага, было достаточно сказать, что он видел, как тот пачкал какую-либо дверь мазью, и несчастного ждала верная смерть от рук разъяренной толпы. Один более чем восьмидесятилетний старик, ежедневно посещавший церковь Сант-Антонио, был однажды замечен за тем, что, поднявшись с колен, вытирал подолом плаща скамью, на которую собирался сесть. Немедленно поднялся крик, что он натирает скамью заразной мазью. Несколько женщин, которых в церкви было очень много, схватили немощного старика и, выкрикивая ужасающие проклятия, выволокли его за волосы наружу. Его означенным способом протащили по грязи до дома муниципального судьи, чтобы он мог быть вздернут на дыбу и принужден выдать сообщников, но старик по дороге скончался. Жертвами массовой ярости стали и многие другие люди. Некий Мора, который по имеющимся сведениям был химиком и цирюльником, был обвинен в сговоре с дьяволом с целью заражения Милана. Его дом окружили и обнаружили в нем некоторое количество химических препаратов. Бедняга утверждал, что они предназначены для профилактики чумы, но врачи, которым они были представлены для изучения, заявили, что это - заразные зелья. Мора был вздернут на дыбу,

где долгое время настаивал на своей невиновности. В конце концов, когда его мужество было сломлено пыткой, он признался, что вступил в сговор с нечистым и иностранными недругами, чтобы заразить целый город, и что он мазал двери заразной мазью и заражал источники воды. Он назвал нескольких человек своими соучастниками, после чего их арестовали и подвергли той же пытке. Все они были признаны виновными и казнены. Дом Моры сравняли с землей и установили на его месте колонну с надписью, призванной служить напоминанием о его преступлениях.

Пока общественное сознание занимали эти необыкновенные события, эпидемия разрасталась. Люди, собиравшиеся в толпы, дабы посмотреть на казни, заражались друг от друга. Однако неистовство их страстей и степень их легковерия не отставали от набиравшей обороты эпидемии, и они верили любым удивительным и вздорным слухам. Один из них занимал их мысли особенно долго. Был замечен сам дьявол. Он снял один из миланских домов, в коем изготовлял свои заразные мази и снабжал ими своих агентов-распространителей. Один человек размышлял над подобными россказнями до тех пор, пока не отождествил причудливый полет своей фантазии с реальностью. Он пришел на рыночную площадь Милана и поведал собравшейся вокруг него толпе следующую историю. Когда однажды поздно вечером он стоял у двери кафедрального собора и вокруг не было ни души, он увидел, как рядом остановился темный фаэтон, запряженный шестеркой молочно-белых лошадей. За фаэтоном следовала многочисленная свита слуг в темных ливреях, ехавших на темных лошадях. В фаэтоне сидел высокий незнакомец величавого вида, его длинные черные волосы развевались на ветру, большие черные глаза горели огнем, а губы кривились в невыразимо презрительной улыбке. Незнакомец взглянул на очевидца своего прибытия столь надменно, что тот задрожал от страха. Незнакомец был гораздо смуглее всех тех людей, которых этот человек когда-либо видел, а окружавший его воздух был жарким и душным. Он тотчас же осознал, что видит перед собой существо из потустороннего мира. Незнакомец, видя его тревогу, любезно, но властно попросил его занять

место рядом с ним. Будучи не в силах отказаться и не вполне отдавая себе отчет в своих действиях, он сел в фаэтон. Во время безумной скачки со скоростью ветра, завершившейся у одного из домов на главной улице Милана, незнакомец не проронил ни слова. На улице было полно людей, но к превеликому удивлению автора данного повествования никто из них, казалось, не замечал необычного экипажа и его многочисленной свиты. Из этого он заключил, что они являются невидимыми. Дом, возле которого они остановились, снаружи походил на лавку, однако внутри напоминал громадный полуразрушенный дворец. Миланец и его таинственный провожатый прошли через несколько больших и тускло освещенных комнат. В одной из них, обрамленной огромными мраморными колоннами, заседал совет призраков, занятых обсуждением прогрессирующей эпидемии чумы. Другие части здания были погружены в кромешную тьму, которую время от времени озаряли всполохи молний, что позволило миланцу разглядеть некоторое количество тараторивших и гремевших костями скелетов, одни из которых бегали взад и вперед, гоняясь друг за другом, а другие играли в чехарду. Позади дворца находился невозделанный участок земли, посреди которого возвышалась черная скала. С нее со страшным шумом стекал стремительный поток зачумленной воды, которая, впитываясь в почву, попадала во все городские родники и делала их непригодными для использования. После того, как миланец увидел все вышеперечисленное, незнакомец привел его в еще одну большую комнату, заполненную золотом и драгоценными камнями, которые он ему предложил при условии, что тот преклонит колени, назовет его своим богом и согласится вымазать двери и стены домов Милана заразной мазью, которую он ему протянул. Теперь миланец знал, что перед ним - сам сатана, и в момент искушения вознес молитву Всевышнему, чтобы тот дал ему силу сопротивляться соблазну. Его молитва была услышана — он отказался от взятки. Незнакомец бросил на него полный ненависти взгляд, после чего тот услышал оглушительный удар грома, увидел яркую вспышку молнии и мгновением позже очутился в полном одиночестве на крыльце кафедрального собора. Он повторял эту странную

историю день за днем и без малейших отклонений, и все население города в конце концов поверило в ее правдивость. Неоднократные попытки найти загадочный дом результатов не дали. Рассказчик указал на несколько домов, похожих, по его словам, на искомый; полиция их обыскала, но не обнаружила в них ни демона чумы, ни зала с призраками, ни зловещей скалы. Но эта история так сильно повлияла на сознание людей, что появилось множество «свидетелей», полусумасшедших от болезни, клявшихся, что они тоже видели дьяволоподобного незнакомца и слышали, как в полночь его фаэтон, запряженный молочно-белыми лошадьми, проносился по улицам города с грохотом, заглушавшим раскаты грома.

Невероятно велико число тех, кто признался в распространении болезни по наущению сатаны. Миланцев словно охватила эпидемия безумия, не менее заразного, нежели чума. Их воображение находилось в таком же расстройстве, как и их тела, и полку добровольно раскаявшихся «эмиссаров дьявола» прибывало день ото дня. Они обычно имели на теле отметины болезни, и некоторые умирали прямо во время признания.

Во время великой бубонной чумы в Лондоне, случившейся в 1665 г., люди столь же жадно внимали предсказаниям мошенников и фанатиков. Дефо пишет, что в то время люди были более падкими до пророчеств, астрологических прогнозов, вещих снов и бабьих сплетен, чем когда-либо прежде или впоследствии. Астрологические календари и содержавшиеся в них предсказания приводили их в смертельный испуг. Как раз за год до эпидемии их сильно встревожила замеченная тогда комета, которая, по их мнению, являлась знамением голода, моровой язвы или пожара. Как только появились первые заболевшие, по улицам города забегали исступленные фанатики, предвещая, что через несколько дней Лондон вымрет.

Еще более необычный пример веры в предсказания имел место в Лондоне в 1524 году. В ту пору город кишел астрологами и прочими провидцами, к которым ежедневно обращались люди всякого звания и достатка, желавшие заглянуть в будущее.

Еще в июне 1523 г. некоторые из них совместно предсказали, что 1 февраля 1524 г. уровень Темзы поднимется настолько, что река затопит весь Лондон и смоет десять тысяч домов.

Это пророчество было без колебаний принято на веру и посеяло панику среди жителей города. За несколько месяцев она усилилась настолько, что многие семьи собрали свои пожитки и отбыли в графства Кент и Эссекс. Чем меньше оставалось времени до наводнения, тем больше было число переселенцев. В январе можно было наблюдать, как толпы мастеровых в сопровождении жен и детей пешком плелись в деревни, расположенные на расстоянии пятнадцати-двадцати миль от Лондона, чтобы переждать в них катастрофу. Люди более высокого социального статуса проделывали тот же путь в фургонах и других перевозочных средствах. К середине января обреченный город покинули как минимум двадцать тысяч человек, не оставивших из своего имущества ничего, кроме голых стен домов, которые должны были пасть под натиском грядущего наводнения. Многие из тех, кто был побогаче, селились на возвышенностях Хайгейта, Хэмпстеда и Блэкхита, а некоторые ставили шатры аж возле Уолтемского аббатства к северу и Кройдона - к югу от Темзы. Болтон, настоятель монастыря св. Варфоломея, был так напуган, что за очень большие деньги построил в Харроу-он-зе-Хилл своего рода крепость, в которую завез двухмесячный запас провизии. 24 января, за неделю до ужасного дня уничтожения Лондона, он удалился туда вместе с монахами, послушниками и всей своей челядью. Погруженные в фургоны, в крепость были доставлены лодки, туда же прибыло множество опытных гребцов. Эта мера предосторожности была принята с тем, чтобы обитатели крепости могли отправиться на поиски нового пристанища в случае затопления Харроу. В крепость хотели попасть многие состоятельные горожане, но благоразумный и предусмотрительный настоятель впустил только своих друзей и тех, кто имел с собой запасы съестного.

И вот наконец пришел «роковой» для Лондона рассвет. Толпы оставшихся в городе любопытных были с утра на ногах, дабы следить за подъемом уровня воды. Было предсказано, что он будет постепенным, а не внезапным, и люди рассчитывали, что у них будет достаточно времени, чтобы спастись бегством после того, как старушка Темза начнет выходить из берегов. Но большинство было слишком напугано,

чтобы этому верить, и сочло за благо заранее удалиться от реки на десять-двадцать миль. Темза, не обращая внимания на толпы глупцов, собравшиеся на ее берегах, несла свои воды столь же плавно, как и прежде. В свой обычный час наступил отлив, затем его сменил прилив до обычного уровня, после чего вновь наступил отлив *, будто двадцать астрологов и не предсказывали обратное. Близился вечер, и их недоумение росло. Все более озадаченными становились и горожане, начавшие понимать, какими дураками они оказались. Наступила ночь, а упрямая река ни в какую не желала выходить из берегов и сносить хоть один дом из десяти тысяч. Люди тем не менее боялись ложиться спать. Многие сотни оставались на ногах до прихода следующего дня, чтобы потоп не застал их врасплох как тать в нощи.

На следующий день лондонцы всерьез обсуждали целесообразность утопления лжепророков в реке. Последние, к счастью для себя, придумали уловку, успокоившую массовую ярость. Они заявили, что в результате арифметической ошибки (весьма незначительной) назначенная ими дата сего ужасного наводнения отстает от истинной на целое столетие, и что правда в конце концов оказалась на стороне звезд, а они, простые смертные, ошибались. Нынешнее поколение горожан могло спать спокойно, ибо Лондону предстояло быть смытым с лица Земли не в 1524, а в 1624 г. Узнав эту благую весть, настоятель Болтон снес свою крепость, и все утомленные беженцы вернулись домой.

В отчете одного из очевидцев великого пожара в Лондоне, хранящемся среди харлейских манускриптов Британского музея и опубликованном в протоколах Королевского общества антикваров, приводится другой пример легковерия лондонцев. Автор, день за днем сопровождавший герцога Йоркского по району, находящемуся между Флит-стрит и Темзой, утверждает, что их попыткам сдержать распространение огня очень мешало людское суеверие. Матушка Шиптон в одном из своих пророчеств сказала, что Лондон сгорит дотла, и теперь лондонцы отказывались предпринимать какие бы то ни было

* Уровень воды в нижнем течении Темзы сильно зависит от приливов и отливов Северного моря. *Прим. перев.*

усилия, чтобы это предотвратить. * Сын знаменитого сэра Кенелма Дигби, также приписывавшего себе дар ясновидения, убеждал их в том, что никакая сила на Земле не может помешать исполнению этого предсказания, потому что в великой книге судьбы написано, что Лондон ждет неминуемое уничтожение. Сотни тех, кто мог бы оказать значительную помощь при тушении пожара и уберечь от огня целые приходы, наблюдали за разбушевавшейся стихией сложа руки, в то время как намного большее число лондонцев с еще меньшим сожалением предавалось разграблению города, спасти который было невозможно. **

В пророчества матушки Шиптон все еще верят во многих сельских районах Англии. Ее чтят в крестьянских домах и помещичьих усадьбах. Она имеет самую высокую репутацию из всех британских пророков среди необразованных и полуобразованных селян. Принято считать, что она родилась в Нейрсборо в царствование Генриха VII и продала душу дьяволу за способность предсказывать будущее. Несмотря на то, что при

* Это пророчество, похоже, полностью приведено в известной книге *«Жизнь матушки Шиптон»:*

«When fate to England shall restore
A king to reign as heretofore,
Great death in London shall be though,
And many houses be laid low». *) *Прим. авт.*

) «Когда волею судеб
В Англии вновь будет править король,
Лондон тем не менее погибнет,
И многие дома превратятся в руины». **)) *Прим. перев*

***))* Упоминаемый автором пожар имел место в 1666 г. (через шесть лет после реставрации монархии в Англии) и привел к почти полному разрушению Лондона. *Прим. перев.*

** В *«Лондон Сэтедэй Джорнэл»* от 12 марта 1842 г. есть следующее сообщение: «В последнее время участились нелепые слухи о том, что 17 марта, в День св. Патрика, Лондон будет разрушен землетрясением. Они основаны на двух нижеследующих древних пророчествах, первое из которых было сделано в 1203, *л* второе, автором которого является доктор Ди, астролог, - в 1598 году:

«In eighteen hundred and forty-two
Four things the sun shall view:
London's rich and famous town
Hungry earth shall swallow down.

Storm and rain in France shall be...
...Till every river runs a sea.
Spain shall be rent in twain,
And famine waste the land again.
So say I, the monk of Dree,
In the twelve hundredth year and three». ***)
Харлейская коллекция (Британский музей).

«The Lord have mercy on you all —
Prepare yourself for dreadful fall
Of house and land and human soul -
The measure of your sins is full.
In the year one, eight and forty-two,
Of the year that is so new;
In the third month of that sixteen,
It may be a day or two between —
Perhaps you'll soon be stiff and cold.
Dear Christian, be not stout and bold -
The mighty, kingly-proud will see
This comes to pass as my name's Dee». ****)
1598. *Манускрипты Британского музея.*

***) «В одна тысяча восемьсот сорок втором году
Солнце узреет четыре события:
Богатый и славный город Лондон
Поглотит голодная земля;
Ураганы и ливни во Франции
Приведут к разливу всех ее рек;
Испания будет разделена надвое,
И голод вновь опустошит эту страну.
Так говорю я, монах из Дри,
В одна тысяча двести третьем году». *Прим. перев*

****) «Помилуй всех вас Господь -
Готовьтесь к ужасному падению
Домов, земель и человеческих душ -
Вам в полной мере воздастся за грехи ваши.
В одна тысяча восемьсот сорок втором году -
Году, что от меня столь отдален,
В третьем месяце шестнадцатого числа,
Возможно днем раньше или позже,
Тела ваши окостенеют и охладеют.
Христиане, не храбритесь и не противьтесь неизбежному -
Наделенные могуществом и гордостью, достойной королей,
Увидят, что мое пророчество — правда, как правда и то,
что меня зовут Ди». *Прим. перев*

Эти пророчества привели в смятение только необразованных лондонцев из низших классов, но в их среде его масштабы были адекватны обрисованным перспективам. Вскоре после этого было установлено, что среди харлейских манускриптов этих текстов нет». *Прим. авт.*

жизни ее считали ведьмой, она избежала участи ведьмы и, дожив до глубокой старости, тихо умерла в своей постели неподалеку от Клифтона в графстве Йоркшир. Утверждают, что на ее могиле, вырытой на тамошнем церковном кладбище, установлен мемориальный камень со следующей эпитафией:

«Here lies she who never lied,
Whose skill often has been tried:
Her prophecies shall still survive,
And ever keep her name alive». *

«Не проходило и дня, - гласит ее биография, дошедшая до нас усилиями многих поколений, - чтобы она не сообщала чего-то удивительного и требующего самого серьезного внимания. Народ стекался к ней отовсюду- настолько велика была ее слава. Самые разные люди стремились узнать будущее: старые и молодые, богатые и бедные, а чаще всего - юные девицы; и все они возвращались домой весьма довольные ее ответами на вопросы». Среди прочих ее посетил аббат Беверлийский, коему она предсказала секуляризацию** монастырей Генрихом VIII, женитьбу последнего на Анне Болейн, сожжение еретиков в Смитфилде и казнь Марии Стюарт, королевы Шотландии. Кроме того, она предсказала вступление на английский престол Иакова I, сына Марии Стюарт, добавив, что вместе с этим королем

«From the cold North
Every evil shall come forth». ***

Во время одного из его последующих визитов она произнесла еще одно пророчество, которое, по мнению ее почитате-

* «Здесь покоится женщина, которая никогда не лгала,
И чей дар часто подвергался испытанию.
Ее пророчества навсегда останутся в памяти людей
И уберегут ее имя от забвения». *Прим. перев*

** Секуляризация (от позднелат. saecularis — мирской, светский) —здесь: обращение государством церковной собственности (главным образом земли) в светскую. *Прим. перев.*

*** «С холодного севера
Придут все возможные бедствия».

лей, еще не исполнилось, но, возможно, исполнится в текущем столетии:

«The time shall come when seas of blood
Shall mingle with a greater flood.
Great noise there shall be heard - great shouts and cries,
And seas shall thunder louder than the skies;
Then shall three lions fight with three and bring
Joy to a people, honour to a king.
That fiery year as soon as o'er,
Peace shall then be as before;
Plenty shall every where be found,
And men with swords shall plough the ground». *

Но самым знаменитым из всех ее пророчеств является то, что относится к Лондону. Тысячи людей до сих пор содрогаются от одной мысли о тех бедствиях, которым суждено поразить их несчастное королевство в случае соединения Лондона и Хайгейта одной непрерывной цепочкой домов. Это соединение, которое в случае продолжения застройки окрестностей прежними темпами обещает быть вскоре доведенным до конца, было предсказано ею незадолго до смерти. Согласно ее словам, оно повлечет за собой революции - свержение могущественных монархов и обильное кровопролитие. При этом даже ангелы, доведенные до отчаяния нашими невзгодами, отвернутся от нас и будут оплакивать злополучную Британию.

Однако при всей своей славе матушка Шиптон занимает лишь второе место в «табели о рангах» британских пророков.

«Придет время, когда моря крови
Сольются воедино.
Тогда поднимется сильный шум — многоголосый крик и плач,
И моря загремят громче небес.
Тогда три льва подерутся с тремя себе подобными и принесут
Радость народу и славу королю.
Как только закончится сей огненный год,
Воцарится прежний мир,
Везде всего будет в достатке,
И прежние воители перекуют мечи на орала». *Прим. перев*

Мерлин, могущественный Мерлин, на голову выше всех остальных - первый и непревзойденный. Старик Дрейтон в своем *«Полиольбионе»* воспевает его следующим образом:

«Of Merlin and his skill what region doth not hear?
The world shall still be full of Merlin every year.
A thousand lingering years his prophecies have run,
And scarcely shall have end till time itself be done». *

Спенсер ** в своей божественной поэме дает яркое описание сего прославленного провидца:

«Who had in magic more insight
Than ever him before, or after, living wight
For he by words could call out of the sky
Both sun and moon, and make them him obey;
The land to sea, and sea to mainland dry,
And darksome night he eke could turn to day -
Huge hosts of men he could, alone, dismay.
And hosts of men and meanest things could frame,
Whenso him list his enemies to fray,
That to this day, for terror of his name,
The fiends do quake, when any him to them does name.
And soothe men say that he was not the sonne
Of mortal sire or other living wighte,
But wondrously begotten and begoune
By false illusion of a guileful sprite
On a faire ladye nun». ***

* «Кто же не слышал о Мерлине и его даре?
Люди всегда будут помнить Мерлина.
Его пророчества пережили тысячу долгих лет
И вряд ли умрут до скончания времен». *Прим. перев*

** Эдмунд Спенсер (ок. 1552 — 99) — английский поэт, автор незаконченной аллегорической поэмы «Королева фей». Ввел в английское стихосложение т. н. спенсерову строфу. *Прим. перев.*

*** «Ни один из когда-либо живших на свете людей
Не превзошел его в магии,...

В этих стихах поэт передал бытовавшие тогда представления о Мерлине, которого принято считать современником Вортигерна. Нет единого мнения относительно того, жил ли этот человек на самом деле или он всего лишь персонификация природных явлений, людских добродетелей и богословских тезисов, рожденная поэтичным воображением легковерных людей. Представляется наиболее вероятным, что такой человек действительно существовал, и что, благодаря познаниям, настолько превосходившим понимание его современников, насколько эрудиция монаха Бэкона была недостижима для современников последнего, изумленная толпа наделяла его сверхъестественными атрибутами, перечисленными Спенсером.

Джеффри Монмутский перевел поэтические оды (пророчества) Мерлина на латинскую прозу. Мерлина чтили и другие летописцы древности. В книге Томаса Хейвуда *«Жизнь Мерлина; его пророчества и предсказания, истолкованные и подтвержденные английскими летописцами»,* изданной в царствование Карла!, есть некоторые из приписываемых ему пророчеств. Все они тем не менее кажутся написанными самим Хейвудом. Они слишком недвусмысленны и точны, чтобы усомниться в том, что они сочинены *ex post facto.* О Ричарде I он пишет:

«The Lion's heart will 'gainst the Saracen rise,
And purchase from him many a glorious prize;
The rose and lily shall at first unite,
But, parting of the prey prove opposite...
But while abroad these great acts shall be done,...

...Ибо он мог словесно вызывать с неба
И солнце, и луну, и подчинять их своей воле;
Мог затоплять сушу морем, а море — осушать,
А также превращать темную ночь в день
И в одиночку обращать в бегство целые армии.
Когда он хотел напугать своих врагов,
Он сам создавал армии и гнуснейших тварей.
Демоны и поныне трясутся от страха перед его именем,
Кто бы им его ни назвал.
Люди, достойные доверия, говорят,
Что он не был сыном человека или иного земного существа,
А был зачат при соитии обманувшегося в своих ожиданиях
Коварного инкуба с прекрасной монахиней». *Прим. перев.*

All things at home shall to disorder run.
Cooped up and caged then shall the Lion be,
But, after sufferance, ransomed and set free». *

Далее простодушный Томас Хейвуд серьезно сообщает нам, что все эти события действительно произошли. Он столь же конкретен в отношении Ричарда III. Он пишет:

«A hunch-backed monster, who with teeth is bom,
The mockery of art and nature's scorn;
Who from the womb preposterously is hurled,
And with feet forward thrust into the world,
Shall, from the lower earth on which he stood,
Wade, every step he mounts, knee-deep in blood.
He shall to th' height of all his hopes aspire,
And, clothed in state, his ugly shape admire;
But, when he thinks himself most safe to stand,
From foreign parts a native whelp shall land». **

Еще одно из этих предсказаний, относящееся к более позднему периоду, гласит, что Генрих VIII отнимет у Папы Римского духовную власть и «перенесет ее домой, в Британию»; что

* «Львиное Сердце поднимется против сарацина
И отвоюет у него много славных трофеев.
Роза и лилия *") вначале объединятся,
Но затем, при дележе добычи, рассорятся.
Однако пока сии масштабные деяния будут вершиться за границей,
В отечестве все дела придут в беспорядок.
Потом Львиное Сердце попадет в плен и будет заключен в тюрьму,
Но, претерпев страдания, будет освобожден *за* выкуп». *Прим. перев*

**) Плантагенет и Капетинг, английский и французский короли. *Прим. перев.*

** «Горбатый урод, который родится с зубами во рту,
Насмешка над Творцом, издевка над природой,
Тот, кто появится из чрева нелепым образом,
Протиснувшись в этот мир ногами вперед,
Будет взбираться наверх по колено в крови.
Он будет стремиться к осуществлению всех своих чаяний
И, разодетый в пух и прах, восторгаться своей уродливой фигурой.
Но когда он сочтет, что его позиции прочны как никогда,
Из-за границы приплывет юнец-англичанин».

он «искоренит в стране католичество» и не пощадит «ни мужчину в своей ярости, ни женщину в своей похоти»; и что во время правления второго после него короля «многих сожгут заживо и посадят на кол». Находчивый Хейвуд приводит в своей книге лишь те пророчества Мерлина, что охватывают период, предшествующий моменту ее написания, без малейшего намека на то, что уготовано Англии в будущем. Он пишет, что помимо процитированных пророчеств, которые точно реализовались, в его время имели хождение и многие другие пророчества Мерлина, трактовка которых неочевидна. Он дает своим читателям вкусить одно-единственное:

«When hempe is ripe and ready to pull,
Then, Englishman, beware thy skull». *

Это пророчество, которое на первый взгляд должно было напомнить ему о виселице, бывшей в то время обычным уделом лжепророков, он истолковал следующим образом: «В слове HEMPE ** пять букв. Если обратить внимание на пять сменивших друг друга монархов, начиная с Генриха VIII, то сие пророчество легко объяснимо: H означает вышеназванного короля Генриха; E - Эдуарда VI, его сына; M - правившую вслед за ним Марию Тюдор; P - будущего Филиппа II Испанского, который, женившись на означенной Марии, какое-то время делил с ней бразды правления Англией, и, наконец, E - королеву Елизавету, *** после смерти которой люди страшились возможной борьбы за корону и массовых волнений.» Поскольку этого не произошло, Хейвуд, который был в известном смысле хитрым жуликом, вышел из затруднительного положения, написав: «Однако это предсказание не исполнилось до конца, потому что мирное вступление на престол короля Иакова сопровождалось высокой смертностью от болезней, причем не только в Лондоне, но и во всем королевстве, от которой нация не вполне оправилась даже через семь лет.»

«Когда петля будет готова затянуться,
Береги, англичанин, шею свою». *Прим. перев.*

* Здесь: петля (староангл. вор жарг.) *Прим. перев.*

** Henry, Edward, Mary, Philip, Elizabeth. *Прим. перев.*

Это похоже на отговорку Питера Понтефрактского, который, предсказав дату завершения правления короля Иоанна, был повешен этим монархом за свои труды. Весьма красочный и увлекательный рассказ об этом лжепророке есть в книге Графтона *«Английские летописи».* * «Тем временем, - пишет он, - священнослужители Англии получили на свою голову лжепророка по имени Питер Уэйкфилд. Этот йоркширец был праздношатающимся болтуном. Сегодня, стремясь обелить сего Питера и очернить короля и его приближенных, разные глупцы утверждают, что ему дважды, в Йорке и Понтефракте, являлся Христос, принявший обличье младенца на руках у священника. Дескать, сын Божий три раза сказал ему: *«Мир, мир, мир»* и научил его многим вещам, кои тот вскоре объявил епископам и под влиянием которых призывал людей избавиться от пороков. Уверовав в его святость, они заявляют, что он созерцал радости рая и горести ада, ибо говорил, что во всем королевстве по-христиански живут максимум три человека.

Этот лжепророк заявил, что, согласно услышанному им божественному откровению, последним днем правления короля Иоанна станет следующий праздник Вознесения, пришедшийся на 1211 год от рождества Христова- тринадцатый год со дня его коронации. Его спросили, явится ли сие результатом убийства или свержения с престола, или же король добровольно откажется от власти. Он ответил, что не знает этого, но выразил уверенность в том, что ни сам король, ни кто-либо из его рода не будет после этого дня управлять страной.

Узнав эту новость, король счел ее вздором и долго смеялся. «Тьфу! - сказал он. - Да он просто идиот и пустомеля». Но когда безрассудный предсказатель избежал таким образом немилости короля, он решил, что ему ничто не угрожает, и, будучи самым что ни на есть бездельником и бродягой, не склонным держать язык за зубами, принялся повторять свое предсказание всем кому ни попадя. Это явилось причиной его скорого ареста как преступника и заточения в тюрьму усилиями сторонников короля, действовавших без его ведома.

* Ричард Графтон, *«Английские летописи»;* Лондон, 1568 г., стр. 106. *Прим. авт.*

Вскоре молва о странном провидце облетела все королевство. Упав на благодатную почву человеческой глупости, она в сочетании с известием о его аресте дала обильные всходы: его имя произносилось все чаще, слух становился все цветистее, поступки людей - все бессмысленнее, а их досужие разговоры и прочие праздные занятия - все продолжительнее. С этого времени, как это часто бывает, поползла бесконечная вереница пересудов, придумывались новые небылицы, басни добавлялись к басням, и ложь громоздилась на ложь. Не проходило и дня без появления новых нелицеприятных историй о короле, ни одна из которых не была правдой. Слухи плодились, богохульства распространялись, враги короля радовались, а священники произносили изменнические проповеди; при этом все домыслы и коварные деяния оправдывались тем, что «так сказал Питер Уэйкфилд», «это предсказано им» и «так все и произойдет», хотя он ничего подобного не говорил. Когда настал злополучный праздник Вознесения, король Иоанн приказал поставить в открытом поле королевский шатер и провел этот день в окружении советников и других титулованных особ. Он выглядел необычайно серьезным и находил утешение в песнях и игре на музыкальных инструментах, большую часть времени в поле зрения своих верных друзей. Когда сей день благополучно завершился, его враги испытали замешательство и поспешили придать пророчеству аллегоричность, говоря: «Он больше не король, ибо правит Папа, а не он.» (В то время король Иоанн был отлучен от церкви.)

После этого советники убедили короля в том, что лжепророк баламутил королевство, развращал умы людей и настраивал против него простой народ, что его речи с помощью прелатов пересекли море и достигли ушей французского короля, дав тому великолепный повод напасть на Англию. К счастью, им он пока еще не воспользовался. Тогда король приказал повесить его вместе с сыном, дабы избежать появления новых лжепророков - их потомков».

Хейвуд, который яростно отстаивал истинность всевозможных пророчеств, представляет Питера Понтефрактского, чью

участь он, по всей вероятности, разделил бы, имей несчастье быть его современником, в гораздо более выгодном свете. Он пишет, что Питер, который был не только провидцем, но и бардом, предсказал различные невзгоды короля Иоанна, которые действительно имели место. Будучи обвиненным в лжепророчестве на основании предсказания свержения короля с престола на четырнадцатом году правления, он смело ответил королю, что его пророчество - сущая правда, так как в силу того, что последний отлучен от церкви Папой и платит ему ежегодную дань, правит Папа, а не он. Хейвуд счел сие объяснение вполне удовлетворительным, а правдивость пророка - доказанной раз и навсегда.

Но вернемся к Мерлину. О нем даже сегодня можно сказать словами, которые Берне адресовал другой известной персоне:

«Great was his power and great his fame;
Far kenned and noted in his name». *

Мерлин известен не только у себя на родине, но и в большинстве европейских стран. В 1498 г. в Париже была издана довольно любопытная книга *«Мерлин: жизнь, пророчества и чудеса»,* написанная, предположительно, Робером де Вороном. В ней сказано, что его отцом был сам дьявол и что говорить он начал сразу после рождения, заверив свою мать, весьма добродетельную молодую женщину, что вопреки прогнозам ее злобных соседей эти роды не приведут к ее смерти. Окружной судья, прослышав о столь удивительном событии, вызвал к себе и •мать, и дитя, которые явились в тот же день. Чтобы подвергнуть мудрость юного пророка наиболее эффективному испытанию, судья спросил его, знает ли он, кто его отец. На это младенец Мерлин внятно и громко ответил: «Да, мой отец - сам дьявол, я наделен его могуществом и знаю все о прошлом, настоящем и будущем». Его милость в изумлении хлопнул в ладоши и принял благоразумное решение более не досаждать ни столь грозному дитяти, ни его матери.

«Велики были власть и слава его,
Чье имя повсюду известность имело».

Древнее предание относит строительство Стонхенджа * на счет сверхъестественных способностей Мерлина. Люди верили, что эти огромные каменные глыбы по его велению перенеслись по воздуху из Ирландии на равнину Солсбери и обрели существующие форму и взаимное расположение, дабы служить вечным напоминанием о трагической участи трехсот вождей бриттов, зверски убитых на этом месте саксами.

В местечке Абергвилли близ Кармартена все еще можно увидеть пещеру пророка и место, где он произносил свои заклина-

ния. Как же замечательно описал их Спенсер в своей *«Королеве фей»!* Повторение этих строк в данной книге не нуждается в объяснении, да и любой другой рассказ о великом пророке Британии был бы без них неполным:

«There the wise Merlin, whilom wont (they say,)
To make his wonne low underneath the ground,
hi a deep delve far from the view of day,
That of no living wight he mote be found,
Whenso he counselled with his sprites encompassed round.

And if thou ever happen that same way
To travel, go to see that dreadful place;
It is a hideous, hollow cave, they say,
Under a rock that lies a little space
From the swift Barry, tumbling down apace
Amongst the woody hills of Dynevoure;
But dare thou not, I charge, in any case,
To enter into that same baleful bower,
For fear the cruel fiendes should thee unwares devour!

But, standing high aloft, low lay thine eare,
And there such ghastly noise of iron chaines
And brazen caudrons thou shall rombling heare,
Which thousand sprites with long-enduring paines...

* Стонхендж - крупнейшая мегалитическая культовая постройка II тысячелетия до и. э. в Англии близ города Солсбери. Земляные валы, огромные каменные плиты и столбы образуют концентрические круги. *Прим. перев.*

Doe tosse, that it will stun thy feeble braines;
And often times great groans and grievous stownds,
When too huge toile and labour them constraines;
And often times loud strokes and ringing sounds
From under that deep rock most horribly rebounds...

The cause, they say, is this. A little while
Before that Merlin died, he did intend
A brazen wall in compass, to compile
About Cayr Merdin, and did it commend
Unto these sprites to bring to perfect end;
During which work the Lady of the Lake,
Whom long he loved, for him in haste did send,
Who thereby forced his workmen to forsake,
Them bound till his return their labour not to slake.

In the mean time, through that false ladle's traine,
He was surprised, and buried under biere,
Ne ever to his work returned again;
Natheless these fiendes may not their work forbeare,
So greatly his commandement they fear,
But there doe toile and travaile day and night,
Until that brazen wall they up doe reare». * **

* *«Королева фей»,* книга *3. Прим. авт.*

** «Говорят, что временами премудрый Мерлин имел обыкновение
Забираться глубоко под землю,
В пещеру, подальше от солнечного света,
Чтобы его не смогла найти ни одна живая душа,
И совещался там с окружавшими его духами.
И если тебе когда-нибудь доведется побывать в тех краях,

Пойди и взгляни на сие страшное место;
Говорят, что это зловещая пещера
У подножья скалы, находящейся неподалеку
От проворного Барри, стремительно низвергающегося
Меж лесистых Дайнвауэрских холмов;
Но ни в коем случае не смей
Входить в это мрачное подземелье,
Ибо жестокие демоны пожирают непрошеных гостей!...

Среди других английских пророков, вера в дар которых еще не полностью изжила себя на фоне текущего прогресса, можно выделить Роберта Никсона, чеширского юродивого, современника матушки Шиптон. Притча гласит, что он родился в бедной семье неподалеку от Вейл-Ройал, на опушке Деламерского леса. Его учили пахать землю, но он был настолько невежествен и глуп, что пользы от него было немного. Все считали его полным идиотом и не обращали внимания на его странные и бессвязные изречения. Считается, что таким образом люди пропустили многие его пророчества мимо ушей. Они, однако, игнорировались не всегда. Один случай привлек к нему внимание и прославил его как первостатейного провидца. Когда однажды он шел за плугом, то вдруг прервал свое занятие и с диким взглядом и странным жестом воскликнул: *«Давай, Дик! Ну же, Гарри! Ах, незадача, Дик! О, здорово, Гарри! Сегодня победил Гарри!»* Другие находившиеся в поле пахари не знали, как реагировать на услышанное, но на следующий день все стало

...Но, стоя наверху, прислушайся к тому, что творится внизу,
И ты услышишь жуткий лязг железных цепей
И громыхание медных котлов:
Это неустанно колобродит тысяча духов,
Дабы привести тебя в смятение;
И часто, когда они заняты подневольным непосильным трудом,
Леденящие душу стоны и страдальческие возгласы,
Громкие удары и звон доносятся из подземелья,
Приводя в неописуемый ужас того, кто их слышит.

Говорят, что причиной тому является следующее.
Незадолго до смерти Мерлин задумал
Окружить Кэйр Мердин медной стеной
И поручил духам воплотить эту идею в жизнь.
Когда работа закипела, Владычица озера,
Его давняя любовь, спешно послала за ним;
И тогда он велел своим работникам
Трудиться до его возвращения не покладая рук.

Когда он находился в пути, то подвергся неожиданному нападению
Свиты сей вероломной госпожи, был убит и похоронен,
Поэтому он никогда больше не вернулся в пещеру.
Тем не менее демоны не могут бросить работу -
Настолько они бояться ослушаться его приказа.
И они трудятся и носятся взад-вперед денно и нощно,
И будут это делать, покуда не закончат стену».*Прим.перев*

ясно. Согласно вести, поспешно принесенной гонцом, в ту самую минуту, когда Никсон выкрикивал свои сентенции, Ричард III был убит в сражении при Босворте, и Генрих VII был провозглашен королем Англии.

Вскоре молва о новом прорицателе достигла ушей короля, который изъявил желание встретиться и поговорить с ним. Был отправлен гонец с наказом доставить его ко двору, но задолго до того, как он достиг графства Чешир, Никсон знал об ожидавших его почестях и страшился их. Действительно, утверждали, что как раз в тот момент, когда король выразил свое желание, Никсон сверхъестественным образом узнал об этом, и что он бегал в великом смятении по городку Овер, выкрикивая как сумасшедший, что Генрих послал за ним, и что ему суждено отправиться ко двору, где его *заставят замолчать,* уморив голодом. Этот крик души вызвал немалое удивление, но на третий день после этого прибыл гонец и забрал его с собой, утвердив добрых чеширцев во мнении, что их пророк - один из величайших за всю историю. По его прибытии ко двору король Генрих казался чрезвычайно встревоженным пропажей дорогого алмаза и спросил Никсона, не знает ли тот, где искать камень. Генрих сам спрятал алмаз для того, чтобы испытать способности прорицателя. Велико же было его удивление, когда Никсон ответил ему словами старинной пословицы: «Найдет тот, кто прячет.» С этого момента король безоговорочно уверовал в то, что тот наделен даром ясновидения, и приказал записывать все его слова.

Все то время, что Никсон провел при дворе, он постоянно боялся умереть голодной смертью и неоднократно говорил королю, что таков будет его удел, если тот не позволит ему покинуть дворец и вернуться на родину. Генрих не отпустил его, но строго приказал всем своим чиновникам и поварам давать ему столько еды, сколько тот захочет. Ему жилось так хорошо, что некоторое время спустя он стал похож на дворянского мажордома и растолстел как олдермен. Однажды, когда король уезжал на охоту, Никсон прибежал к дворцовым воротам и на коленях умолял Генриха не обрекать его своим отъездом на голодную смерть. Король рассмеялся и, подозвав одного сановника, велел ему тщательно заботиться о провид-

це во время его отсутствия, после чего уехал в лес. После его отъезда дворцовые слуги принялись высмеивать и оскорблять Никсона, с которым, по их мнению, обращались лучше, чем он того заслуживал. Никсон пожаловался своему попечителю, и тот, чтобы защитить его от дальнейших нападок, запер его в личных апартаментах короля и регулярно приносил ему четырехразовое питание. Но вышло так, что к этому сановнику прибыл королевский посыльный, потребовавший его неотложного отъезда в Уинчестер по жизненно важному делу. Он так спешил подчиниться приказу короля, что уселся на лошадь позади гонца и ускакал, совсем забыв про бедного Никсона. Когда три дня спустя он вернулся и наконец вспомнил о провидце, то отправился в королевские апартаменты и обнаружил, что тот лежит на полу, умерев от голода согласно собственному предсказанию.

Среди его пророчеств, которые считаются сбывшимися, есть следующие, относящиеся ко временам Карла Эдуарда-Претендента:

«Великий человек придет в Англию,
Но сын короля
Вырвет у него победу.»

«Вороны будут пить кровь многих дворян,
И Север поднимется против Юга.»

«Северному петуху придется спасаться бегством,
И он, ощипанный и униженный,
Едва не проклянет день своего рождения.»

Все они, как утверждают его почитатели, ясны как божий день. Первое означает поражение принца Карла Эдуарда в битве при Каллодене, нанесенное ему герцогом Камберлендским; второе - казнь лордов Дервентуотера, Бальмерино и Ловата; а третье—поспешное отплытие Карла Эдуарда-Претендента от британских берегов. Среди еще не исполнившихся пророчеств есть следующие:

«Between seven, eight and nine,
In England wonders shall be seen;

Between nine said thirteen
All sorrow shall be done». *

«Through our own money and our men,
Shall a dreadful war begin.
Between the sickle and the suck
All England shall have a pluck». **

«Англию оккупируют иноземцы в заснеженных касках, которые принесут в подолах своих одежд чуму, голод и убийство».

«Город Нантуич будет смыт наводнением».

Истолковать первые два пророчества еще не пытался никто, но то или иное событие будет, несомненно, под них подогнано. Третье, относящееся к захвату Англии чужеземцами в покрытых снегом касках, старушки считают очевиднейшим предвестием будущей войны с Россией. Что касается последнего, то в вышеупомянутом городе многие искренне верят, что сие произойдет. Их успокаивает то, что прорицатель не назвал год ужасного бедствия, и они думают, что, возможно, это случится через два столетия.

Народные биографы Никсона завершают свой рассказ о нем следующими словами: «Есть люди, считающие его пророчества вздором, но при сопоставлении их с имевшими место событиями кажется совершенно очевидным, что большинство из них сбылось или сбудется. Исходя из этого, нам в любой ситуации следовало бы не только использовать все наше могущество для борьбы с врагами, но и воздерживаться от распутства и безбо-

«Между седьмым, восьмым и девятым
В Англии произойдут удивительные вещи;
А между девятым и тринадцатым
Ее ждут всевозможные невзгоды». *Прим. перев*

«Из-за наших денег и наших людей
Начнется ужасная война.
Между молотом и наковальней
Вся Англия проявит мужество». *Прим. перев*

жия, неустанно моля Всевышнего о покровительстве и защите». На это, хотя и *non sequitur *, в* заключение любой воскликнет: «Аминь!»

Помимо пророков, в Европе жили составители астрологических календарей: Лилли, Бедный Робин, Партридж и врач Фрэнсис Мур-в Англии, а Матье Ланбер (Laensbergh) -во Франции и в Бельгии. Но сколь бы ни были велики их притязания, они были сама скромность по сравнению с Мерлином, Шиптон и Никсоном, которые сосредоточивали свои помыслы на более масштабных вещах, чем погода, и не ограничивали свои пророчества временными рамками в один год. После таких прорицателей составители астрологических календарей едва ли заслуживают упоминания (не является исключением и знаменитый Партридж, чьи предсказания в 1708 г. возбудили любопытство всей Англии, и чью смерть, несмотря на то, что он был все еще жив, столь славной удовлетворительно засвидетельствовал Айзек Бикерстафф). Несоразмерность была бы чересчур очевидной, поэтому они и их деяния недостойны внимания читателя.

* не соответствующее посылкам, нелогичное (лат.). *Прим. перев.*

Файл взят с сайта - http://www.natahaus.ru/

где есть ещё множество интересных и редких книг,
программ и прочих вещей.
Данный файл представлен исключительно в
ознакомительных целях.
Уважаемый читатель!
Если вы скопируете его,
Вы должны незамедлительно удалить его
 сразу после ознакомления с содержанием.
Копируя и сохраняя его Вы принимаете на себя всю
ответственность, согласно действующему
международному законодательству .
Все авторские права на данный файл
сохраняются за правообладателем.
Любое коммерческое и иное использование
кроме предварительного ознакомления запрещено.
Публикация данного документа не преследует за
собой никакой коммерческой выгоды. Но такие документы
способствуют быстрейшему профессиональному и
духовному росту читателей и являются рекламой
бумажных изданий таких документов.

Все авторские права сохраняются за правообладателем.
Если Вы являетесь автором данного документа и хотите
дополнить его или изменить, уточнить реквизиты автора
или опубликовать другие документы, пожалуйста,
свяжитесь с нами по e-mail - мы будем рады услышать ваши
пожелания.